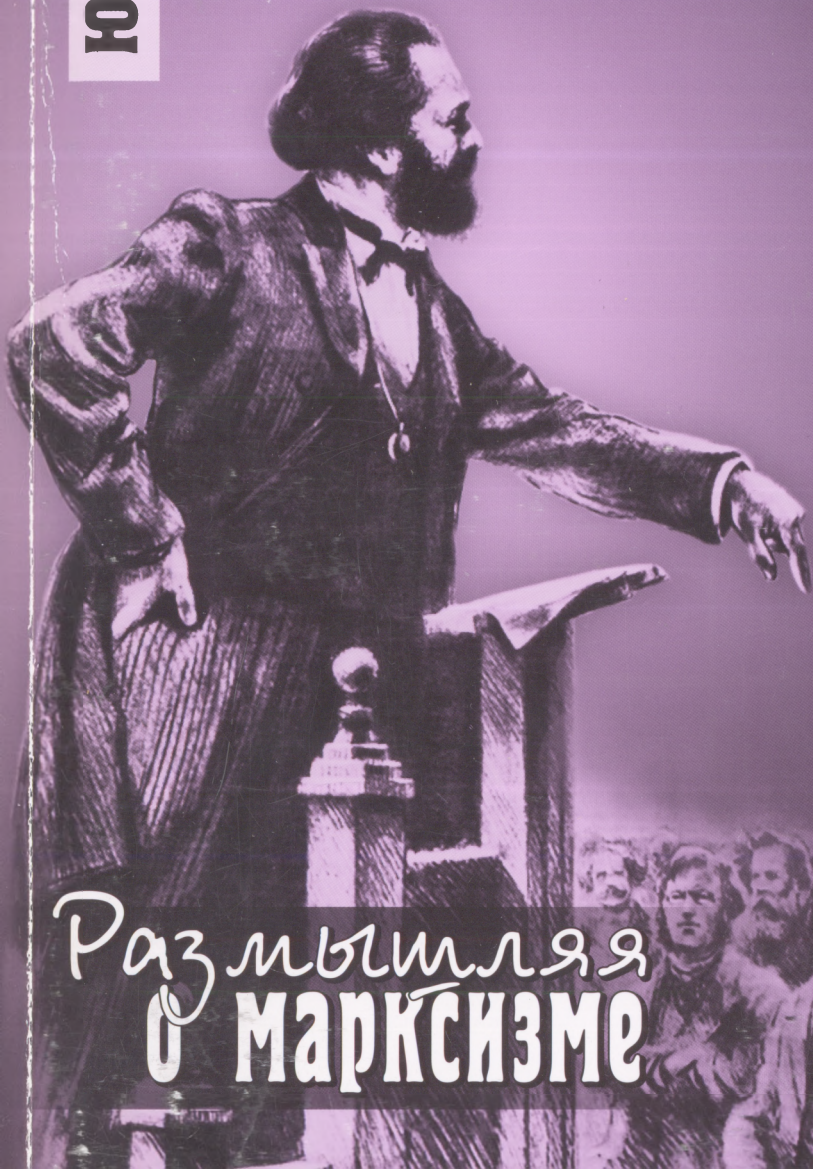

Ю. Борхардт

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Размышляя
о марксизме

URSS

Ю. Борхардт

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Перевод с немецкого

Под редакцией
Г. Б. Гермаидзе

Издание второе

URSS

МОСКВА

Борхардт Юлиан

Накопление капитала: Пер. с нем. / Под ред. Г. Б. Гермаидзе. Изд. 2-е.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 336 с. (Размышляя о марксизме.)

Читателю предлагается книга немецкого историка, экономиста и публициста Юлиана Борхардта (1868–1932), получившего широкую известность после выхода общедоступного издания «Капитала» Карла Маркса, три тома которого Ю. Борхардт свел в сравнительно небольшой объем. Автор исследует глубокие основы марксистского учения о сущности капитала и внутреннюю природу капитализма, убедительно показывая, что именно эта природа является как причиной Первой мировой войны, так и препятствием для восстановления разрушенного войной хозяйства.

Книга рекомендуется историкам, экономистам, обществоведам, политологам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 21. Зак. № ВМ-70.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–03747–1

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2013

13624 ID 169360

9 785397 037471

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45
	URSS

ВВЕДЕНИЕ.

НАША ТЕМА.

Что мировая война была необходимым следствием капиталистического хозяйства, так часто утверждалось социалистами, что это положительно стало общим местом, по крайней мере, для тех, кто считает себя учеником и последователем Карла Маркса. Если это еще нужно доказывать в борьбе с буржуазными мыслителями и писателями (при чем даже они признают экономический характер мировой войны и, следовательно, признают, что война была вызвана экономическими причинами; только одного не желают они признать,—что причины эти коренились в самом существовании капитализма), то среди марксистов это положение можно считать не только общепризнанным, но и почти само собою разумеющимся. Ведь именно социалистами разных стран, и притом как раз на основании анализа экономического развития, мировая война была предсказана за много лет до ее наступления.

Но, критически исследуя многообразные попытки экономически объяснить наступление мировой войны, я неизменно убеждаюсь в том, что все они построены не на одной только внутренней природе капитализма, но прибегают также к помощи причин внешнего порядка. Последний прием я всегда считал неудовлетворительным, так как благодаря ему в объяснение снова привносится нечто случайное. Инстинктивный до известной степени голос подсказывал мне, что задача, встающая здесь перед нами, заключается в том, чтобы на самом ходе экономического развития показать и доказать, что капиталистическое стремление к прибыли (и к прибыли непрерывно возрастающей) само по себе, без содействия каких бы то ни было посторонних причин, необходимо должно было привести к войне и действительно привело к ней.

При этом речь идет здесь не о разрешении исторической проблемы, не об объяснении интересного явления из области прошлого. Нет, здесь дело идет об актуальном вопросе величайшей важности и даже больше того: дело идет о центральной проблеме всей современной политики. Ибо проблема эта сводится к вопросу: достиг ли вообще капитализм конца своего существования или же ему суждено действовать и дальше?

От Маркса нам известно, что всякий способ производства «на известной стадии своего развития» вступает в противоречие с наличными производственными возможностями и даже с дальнейшим существованием человеческого общества. Что же касается специально капиталистического способа производства, то мы знаем слова того же К. Маркса ¹⁾ о том, что «развитие производительных сил общественного труда является исторической задачей и оправданием капитала», но что именно благодаря этому капитал «бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства». Мы знаем тот диалектический процесс, который рано или поздно превращает капитал из средства, способствующего дальнейшему развитию производительных сил, в средство, задерживающее это развитие и препятствующее ему. Нам поэтому заранее известно, что с течением времени должен наступить момент, когда капитал уже не в состоянии будет расширять и увеличивать производство, но превратится в препятствие такому расширению и увеличению.

Был ли достигнут этот момент с наступлением мировой войны? ²⁾ Я думаю, нет нужды подробно разъяснять необычайную, совершенно исключительную важность этого актуальнейшего вопроса современности. Вся наша текущая практическая поли-

---

¹⁾ См. Карл Маркс, Капитал, том III, часть 1-я, глава XV, III, почти в самом конце этой части главы, страница 235 издания «Московского Книгоиздательства», Москва 1907.

²⁾ Ни один рассудительный читатель, надеюсь, не встретит затруднений в выражении «момент». Тот исторический «момент», о котором в тексте идет речь, нет надобности представлять себе сконцентрированным до размеров одного мгновения. Ибо, несмотря на то, что он длился целых 4 военных года, он в историческом смысле есть все же только «момент».

Это замечание о том, что, собственно говоря, должно бы быть чем-то само собою разумеющимся, не является излишним: случались ведь уже не раз самые неожиданные странности. Так, несколько лет тому назад некий муж, именующий себя социалистом, тяжело упрекал К. Маркса за выражение «бьет час капиталистической частной собственности», означаящее будто бы, что крушение капитализма, по Марксу, последует в течение одного часа, или 60 минут!

тика, каждый отдельный шаг, предпринимаемый нами или нашими противниками, зависит от того, считаем ли мы капитализм способным к дальнейшему ведению хозяйства или нет.

Ведь в чем состоит основная проблема всей современной политики? В том, чтобы залечить раны, нанесенные мировой войной, или, как обычно выражаются, «снова восстановить хозяйство». Нет нужды доказывать, что и сегодня и в продолжение еще многих и многих лет все, решительно все до единого, вопросы как большой, так и малой политики вращаются и будут вращаться вокруг этой проблемы. Достаточно заглянуть в газеты, чтобы убедиться в том, что вся буржуазия, и вместе с ней социал-демократия всех стран, возможность восстановления хозяйства ставит в зависимость от восстановления прибыльности (рентабельности) предприятий. Первый шаг к оздоровлению они усматривают в том, что капитал снова, как и до войны, сможет извлекать регулярную прибыль из предприятий. Тогда, полагают они, капиталисты снова станут платить регулярную заработную плату рабочим («золотой заработной платой» называют ее в настоящий момент—в начале 1924 года в Германии), будут расширять из года в год свои предприятия и при этом возобновлять все те отрасли производства, которые постепенно приведут к полному восстановлению капиталистической хозяйственной жизни, как она была до войны.

Но тут-то и заключается та логическая ошибка, которую называют «*circulus vitiosus*» («порочным кругом»): для того чтобы сделать предприятия прибыльными, их сперва надо поставить в условия регулярного производства; но этого можно достигнуть лишь при том условии, если сперва обеспечить их прибыльность. Оставим, однакоже, это обстоятельство пока что в стороне и будем считаться только с тем, что обеспечение прибыльности предприятий рассматривается как общая предпосылка восстановления хозяйства и что, соответственно этому, вся экономическая политика направлена к восстановлению прибыльности предприятий.

Но как быть в том случае, если на основании тщательнейших исследований мы придем к результату, что именно «прибыльность», т.-е. стремление капиталиста к прибыли, как раз и является препятствием для восстановления хозяйства; что именно в этом и заключается причина, почему 5 лет спустя после окончания мировой войны восстановление хозяйства во всех капиталистических государствах все еще не пошло дальше первых своих шагов?

Ведь это же в самом деле факт симптоматического значения, которого просто нельзя не заметить. Мир пережил много ужасных войн. Но никогда еще после войны мир так долго не мог притти к здоровым условиям жизни, как теперь. Мы признаем, что, делая это сравнение, нельзя упускать из виду многочисленных различий между сравниваемыми явлениями; что, в особенности, нельзя не принимать во внимание различия в культурном уровне, так как, несомненно, восстановить примитивную культуру давних времен гораздо легче, чем утонченную культуру современной эпохи. Но даже признавая это различие и оставляя ввиду этого вне рамок сравнения 30-летнюю войну с ее колоссальными опустошениями, мы этим, однакоже, еще ярче оттеняем ту разницу, которая имеет место в данном случае. Вспомним только о войнах за промежуток времени между 1866 и 1914 г.г.: вспомним о войне 1870 года, 1877—1878 г.г., о японо-китайской войне, о войне американо-испанской, о бурской войне, о войне русско-японской. Есть ли среди всех этих войн хоть одна, которая бы не была, 5 лет спустя после ее окончания, если не забыта почти, то, во всяком случае, в экономических своих последствиях почти совершенно преодолена? А что наблюдаем мы теперь? Теперь мы все еще, можно сказать, живем на военном положении. Раны, нанесенные мировой войной, не только не залечены, но они все глубже въедаются в организм народов, все больше разрушают и отравляют нашу жизнь, все еще питая, к сожалению,—и даже, может быть, еще в большей степени, чем в годы войны,—пламя национальной ненависти и шовинистической травли. Может быть, достаточное объяснение всего этого, действительно, дают нам более крупные размеры, большая продолжительность и, следовательно, большая разрушительность мировой войны? Исследуем этот вопрос. Но повторяем еще раз: а что если в результате нашего исследования окажется, что именно эта погоня за прибыльностью предприятий и сводила на-нет, что именно она-то и душила в корне все попытки восстановления хозяйства? Что тогда? Тогда мы должны будем сказать, что вся наша повседневная политика сплошь была неверной, ложной, и что нужно прибегнуть к совсем иного рода мерам: до такой степени неразрывно связан исследуемый нами вопрос с непосредственной задачей нашей деятельности.

Если, таким образом, мы предпринимаем попытку доказать, что внутренняя природа самого капитализма является причиной мировой войны и бесплодия всех попыток послевоенного восстановления хозяйства, или, выражаясь более точно,

если мы хотим исследовать, связаны ли с внутренней природой капитализма как разразившаяся мировая война, так и бесплодность всех капиталистических попыток возрождения хозяйства после войны, то мы прежде всего должны установить, в чем состоит внутренняя природа капитализма.

При этом мы должны будем начать с таких положений, которые всякому марксисту, основательно прошедшему школу марксизма, давно и хорошо известны. Всякий иной метод был бы, однакоже, неприемлем, так как, во-первых, эта книга имеет в виду не только лиц, прошедших марксистскую школу, но и надеется найти читателей именно в тех широких слоях социалистических рабочих, которым предстоит решающая роль в определении политики будущего, и от которых мы не вправе требовать близкого знакомства со всеми деталями марксистской теории. Вторых же,—и это самое главное,—те результаты, к которым мы придем, могут иметь практическую ценность лишь при том условии, если прочность их теоретического обоснования не вызывает никаких сомнений. А для этого необходимо с самого начала избегать всякой неясности и давать каждому понятию самое полное и четкое определение.

В чем же, следовательно, состоит внутренняя природа капитализма? О погоне за прибылью мы уже говорили выше. Но этого недостаточно. Углубимся ненадолго в изучение глубочайших основ марксистского учения о сущности капитала.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

**ОСНОВНОЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА
СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**Расширение производства—неотвратимая необходимость
для капиталистического хозяйства.**

Можно считать общеизвестным тот факт, что каждый капиталистический предприниматель неустанно заботится о расширении сбыта своих товаров. Читаем ли мы годовые отчеты акционерных обществ и гигантских предприятий или беседуем с мелким торговцем или владельцем небольшого промышленного заведения, всегда мы констатируем одно и то же: владельцы предприятий в том лишь случае довольны ходом дел, если сбыт и прибыль текущего года больше, чем в предыдущем. Если же цифры одинаковы,—следовательно, не показывают уменьшения,—то уже раздаются жалобы на застой в делах и плохие времена. Это явление имеет настолько всеобщий характер и до такой степени считается само собою разумеющимся, что никому не представляется странным. А между тем, по существу, мы имеем здесь дело с фактом в высшей степени изумительным. Если гигантское предприятие, вроде заводов Круппа, дало в течение года много миллионов прибыли, или если владелец небольшого торгового заведения или среднего промышленного предприятия получил из дела несколько десятков тысяч марок годовой прибыли, то, собственно говоря, казалось бы, они должны быть радешеньки, если и в следующем году им удастся получить то же самое. И, однакоже, это не так. Как только прекращается рост цифр сбыта и прибыли от одного года к другому, так начинаются жалобы предпринимателей.

Оснований для таких жалоб предприниматели обычно не мо-

гут привести или же отделяются парой неопределенных фраз, скрывая от самих себя отсутствие разумных доводов. Задуматься же над этим вопросом поглубже у них нет времени.

Как бы там ни было, но в основе этих жалоб лежит несомненно верный инстинкт, скрывается понимание, хотя и инстинктивное, но, может быть, именно поэтому бесспорно-правильное понимание того, что составляет основную сущность капиталистического способа производства современного периода и что можно формулировать как безусловную необходимость в непрерывном расширении производства.

С точки зрения общества в целом легко понять, что человечество уже ради простого самосохранения нуждается в постоянном увеличении потребительных благ и, следовательно, в постоянном расширении производства. Ибо потребности общества растут безостановочно не только вследствие роста народонаселения,—если были народы, численность которых уменьшалась, то они должны были очень скоро, в ряде немногих поколений, вымереть и таким образом исчезнуть с исторической арены,—но и вследствие того, что потребности каждого человека в отдельности возрастают в числе и разнообразии. Как бы далеко назад мы ни заглядывали в историю человечества, несомненный исторический факт состоит в том, что каждое из последующих поколений людей обладало более многочисленными и более разнообразными потребностями, чем поколение предыдущее. Можно смело сказать, что именно в этом и заключался прогресс культуры или, по крайней мере, экономический прогресс, составлявший основу всех прочих видов прогресса. Этому соответствует и другой исторический факт, состоящий в том, что экономическая деятельность людей, или, другими словами, их производственная деятельность, никогда в нормальные времена, т.-е. за исключением нарушений, вызванных войной, эпидемией, неурожаем и т. п., не ограничивалась изготовлением прежнего количества потребительных благ, но всегда имела целью увеличение этого количества. Другими словами: во производство (т.-е. повторение производственного процесса после того как процесс этот однажды закончил свой круг, дав определенное количество потребительных благ) никогда (опять-таки понимая это слово в прежнем смысле, т.-е. с ограничением: «в нормальные времена») не было простым повторением производственного процесса в прежнем масштабе, но всегда являлось вместе с тем и расширением производства, т.-е. производством в расширенном масштабе. Но если, та-

ким образом, с точки зрения общества в целом постоянное расширение производства объясняется постоянно растущими потребностями общества или постоянно растущим его спросом, то общественная точка зрения не есть все же точка зрения отдельного капиталиста. Ибо капиталиста интересует не спрос, как таковой, но только платежеспособный спрос. Для капиталиста цель и смысл производства заключаются не в удовлетворении человеческих потребностей, но в получении прибыли. Капитал должен «возрасти», т. е. производство должно дать прибыль владельцу капитала. Этим, правда, уже сказано, что капиталист от воспроизводства, если оно идет в расширенном масштабе, ожидает увеличенной прибыли. Однакоже говоря это, мы показали бы лишь, что капиталист вынужден расширять производство в интересах увеличения своей прибыли. Другими словами, мы этим объяснили бы только, что источником постоянного расширения производства является добровольное стремление капиталиста к увеличению прибыли. Между тем речь идет здесь о чем-то большем. После того, что сказано было выше, становится понятным, почему капиталисты не совсем довольны, если данный год не принес им большей прибыли, чем предыдущий. Но почему же они жалуется на это, как на крупное несчастье? Почему говорят они в таких случаях о депрессии и застое? И почему представляется им совершенно немыслимым, — а среди капиталистов это считается ведь просто абсурдом, — чтобы предприниматель мог вообще не принимать участия во всеобщей погоне за постоянным увеличением прибыли, довольствуясь одинаковой, хотя и, может быть, весьма изрядной прибылью из года в год?

На самом деле добровольность здесь лишь кажущаяся. Свободное соревнование стремящихся к прибыли предпринимателей превращается, в результате игры сил капиталистического способа производства, в непреодолимую необходимость для каждого отдельного капиталиста, в необходимость, подчиняться которой он вынужден под страхом гибели его предприятия.

Конечно, все это становится понятным только при том условии, если не упускать из виду, что всякая стоимость, а следовательно и прибавочная стоимость, доставляющая капиталисту прибыль, создается единственно и исключительно живой человеческой рабочей силой ¹⁾.

---

¹⁾ Вышеприведенные положения не подлежат здесь доказательству: знакомство читателя с ними предполагается нами как основа для понимания дальнейшего из-

Дело в том, что каждое расширение производства увеличивает производительность (доходность) труда ¹⁾. Ибо если представить себе даже простейшую форму расширения производства, то и в этом случае расширение производства состоит в том, что большее количество рабочей силы применяется для обработки большего количества сырья посредством большего количества орудий труда. Но вместе с возрастающим числом работающих друг с другом и друг подле друга людей увеличивается возможность более равномерного распределения труда между ними, что увеличивает его производительность.

Это верно уже для до-капиталистического периода. Ясно, конечно, что увеличение производительности труда означает, что одна и та же масса рабочей силы перерабатывает большее количество сырья и орудий труда (средств производства). Можно, следовательно, формулировать следующее положение как всеобщий закон, действительный для всех времен: с каждым новым расширением производства уменьшается количество рабочей силы, потребное для переработки определенного количества *Сп* (средств производства).

В эпоху капитализма этот всеобщий закон вызывает весьма своеобразные последствия.

Капиталист, открывающий предприятие, должен с самого начала распределить свой капитал на две части: одну, на которую он покупает необходимые *Сп*, и другую, которой он оплачивает необходимую рабочую силу.

Если мы предположим, что *Сп*, т.-е. все потребные для производства строения, машины, сырье, вспомогательные материалы и т. д., представляют собой стоимость в 80 единиц (напр., 80 тысяч или 80 миллионов марок), то эта стоимость создана трудом и не может быть увеличена никаким иным способом, кроме прибавления нового труда. Если производство пущено в ход, т.-е. если, напр., из хлопчатобумажной материи производятся рубахи или из железа—кухонная утварь, то в результате производственного процесса на продукт труда переносится наличная стоимость, величиной в 80, и присоединяется к продукту новая стоимость,

---

ложения. Доказательство их дано целым рядом политико-экономических работ, достигших своего наивысшего развития в классическом труде Карла Маркса, Капитал.

¹⁾ См. Ю л и а н Б о р х а р д т, Введение в научный социализм, гл. VI—«Обобществление труда».

величиной, скажем, в 40. Однако же происхождением своим эти 40 единиц новой стоимости обязаны не ранее существовавшим 80-ти, но созданы единственно и исключительно вновь присоединенным трудом.

Следовательно, в производственном процессе стоимость Sp остается неизменной, постоянной. Поэтому мы (согласно обозначению Маркса) называем стоимость Sp , которую капиталист при покупке этих средств производства должен оплатить вперед, постоянным капиталом, или, сокращено, c .

Рабочие, создавшие своим трудом новую стоимость в 40, получают заработную плату, при чем размер ее меньше 40, так как в противном случае предпринимателю не осталось бы никакой прибыли. Скажем, для удобства счета, что рабочие получают в виде заработной платы 20. Эту сумму капиталист также должен иметь у себя до начала производства и, по капиталистическим понятиям, «авансировать» ее.

Своим трудом рабочие переносят на продукт новую стоимость в 40 вместо той стоимости в 20, которую они потребили. Стало быть, вместо стоимости в 20 мы имеем теперь стоимость в 40. Другими словами, та стоимость, которую капиталист израсходовал на заработную плату рабочим, изменилась в ходе производства. Стоимость эта, следовательно, переменная. Вот почему Маркс называет ее переменным капиталом, или, сокращенно, v .

Для капиталиста, следовательно, дело обстоит таким образом: чтобы начать производство, он должен на 80 купить Sp и на 20 рабочую силу. Итого он должен вложить в дело 100, а по окончании производства он выручит 120; прибыль его, следовательно, составляет 20 на 100 затраченного капитала, или 20 процентов.

Но тут привходит новое обстоятельство: по причинам, о которых мы уже говорили, производительность труда возрастает. Это значит, что то же самое число рабочих перерабатывает больше Sp . Предположим, для удобства вычисления, что заработная плата их остается прежней. Капитал v , или переменный капитал, составляет, следовательно, допрежнему 20; но разница состоит в том, что прежнее число рабочих потребляет теперь (производителем потребляет или, другими словами, обрабатывает) большее количество Sp ; это значит, что теперь капитала c величиной в 80 уже недостаточно, и он должен быть увеличен. Предположим, что он увеличен до 100; в таком случае капиталист вкладывает в дело 100 c плюс 20 $v = 120 C$ (всего капитала).

Однако прибыль его, предполагая, что прочие условия не изменились, остается неизменной. Одинаковое число рабочих производит одинаковую стоимость,—именно, 40.

Таким образом, стоимость готового продукта равна 140. Мы видим, следовательно, что увеличенный капитал в 120 доставил его владельцу прежнюю прибыль величиной всего лишь в 20. Норма прибыли, таким образом, составляет уже не 20 на 100, или 20 процентов, а всего только 20 на 120, или $16\frac{2}{3}$ процента. Норма прибыли, следовательно, уменьшилась.

Ясно само собой, что при еще большем возрастании производительности труда уменьшение нормы прибыли выразится еще более резко. Если число рабочих, производящих большую, чем прежде, массу продукта, уменьшится, то норма, или процент прибыли, будет еще меньше. Так, напр., $100\ c + 10\ v$, при неизменности предполагаемых нами условий, дадут лишь $10\ m$ (прибавочной стоимости), т.-е. норма прибыли будет равняться $10 : 110$, или $9\frac{1}{10}$ проц.

Таким образом, мы получаем закон капиталистического хозяйства, который можно формулировать следующим образом: по мере прогрессирующего возрастания производительности труда норма (или процент) прибыли должна непрерывно падать.

Вышеизложенные рассуждения приводят нас к следующему результату:

Всякое расширение производства—первоначальной причиной которого даже в наиболее отдаленные времена истории представляется нам рост потребностей человеческого общества—увеличивает производительность труда.

Всякое возрастание производительности труда увеличивает количество Sp , обрабатываемых данным количеством рабочей силы.

Для капиталистической эпохи это означает, что употребляемая на покупку Sp постоянная часть вложенного капитала, т.-е. капитал c , возрастает быстрее, чем переменная его часть, или капитал v , употребляемый на заработную плату рабочим.

Но так как m (или прибавочная стоимость) получается только из живой рабочей силы, то уменьшение переменного капитала (v) по сравнению с постоянным капиталом (c) означает также уменьшение m , или прибавочной стоимости, в отношении ко всему капиталу C (состоящему из $c + v$). (Заметим хорошенько: только в отношении к C , что нисколько не мешает тому, что

т само по себе может не изменить своей прежней величины или даже стать еще больше.)

Таким образом, путем рассуждений и расчленения наблюдаемого нами явления на отдельные звенья (т.-е. путем теоретического анализа) мы узнали, что, по мере развития капиталистического производства, общая норма прибыли (каковая и представляет собою отношение прибыли ко всему капиталу) должна неизменно уменьшаться. Если же мы примем во внимание, что капиталистическое производство продолжается уже свыше 400 лет, и что норма прибыли начала падать с первого дня, то становится ясным, что она давно уже должна была бы исчезнуть совершенно или, по меньшей мере, сократиться до ничтожных размеров, если бы не были предприняты соответствующие меры. Таких мер много. Одна из важнейших называется: увеличение капитала. Если, напр., норма прибыли падает с 20 до 10 процентов, то посредством удвоения капитала класс капиталистов может все же оградить себя от действительных потерь. Если расширить производство в таких размерах, что повсюду вместо 100 *C* выступают 200, то размер (или масса) прибыли, несмотря на уменьшение ее нормы, будет попрежнему 20.

Отсюда ясно, почему класс капиталистов, взятый как целое,—помимо всех прочих мер, в особенности усиления эксплуатации рабочих посредством удлинения рабочего дня, увеличения интенсивности труда и т. д.,—безостановочно стремится к расширению производства. Но мы уже видели выше, что каждое дальнейшее расширение производства вновь увеличивает производительность труда и, следовательно, вновь понижает норму прибыли. Мы наблюдаем здесь одно из тех внутренних противоречий капитализма, открытием которых мы обязаны Карлу Марксу.

Рассмотрим теперь, как влияет все это на отдельных капиталистических предпринимателей.

Если всякая стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость, создается единственно и исключительно живым человеческим трудом, то ясно, как день, что общая прибавочная стоимость всего капиталистического класса точно соответствует общему избытку вновь созданной стоимости над заработной платой, уплаченной рабочему классу. Если, стало быть, капиталисты воображают, будто прибыль свою они извлекают из карманов покупателей их товаров и будто размер этой прибыли они могут как угодно повышать путем повышения цены товара, то мы имеем дело здесь с пустой, ложной видимостью. Дело обстоит как раз

наоборот: каждый раз по окончании производства имеется налицо определенное количество прибавочной стоимости, каковое капиталистам и приходится делить между собой. Распределение прибыли производится путем конкуренции, которая, как это легко видеть, должна вести к уравнению прибыли между всеми капиталами, участвующими в производстве. Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на все кажущиеся неравенства и различия, прибыль все же одинакова, в среднем, для всех капиталов, так что каждая сотня марок вложенного в производство капитала приносит ее владельцу приблизительно одинаковую прибыль, независимо от того, куда и как этот капитал был помещен. Если, таким образом, размер прибыли, приходящейся на долю каждого капиталиста в отдельности, зависит, в конце концов, только от величины его капитала, помещенного в производство, то для увеличения его доли прибыли имеется, в конечном счете, только одно средство: увеличение размеров его капитала. Здесь для единичного капиталиста кроется возможность увеличения его прибыли даже в том случае, если общее количество наличной прибыли уменьшается. Выступая при дележке обладателем более крупного капитала, он может за счет других капиталистов отвоевать себе более крупную часть прибыли.

Этот метод, которым издавна, хотя и бессознательно, руководствовались капиталисты в своей деятельности, совершенно однороден с тем, который за последние несколько десятилетий стал сознательно применяться капиталистическими картелями и синдикатами. Союзы последнего рода представляют собою объединения владельцев однородных предприятий с целью повышения цен. Они устанавливают на каждый год вперед количество продуктов, подлежащих производству, и распределяют это количество между входящими в союз предприятиями, соответственно их размерам и производственной способности. В результате каждое предприятие, входящее в союз, старается изо всех сил расширить в течение года свое оборудование, чтобы на ближайший год заявить более высокую цифру участия. Разумеется, каждый желает сокращения производства, но предоставляет делать это другим, сам же стремится из общего количества уменьшенного производства заполучить возможно большую часть на свою долю.

Если так обстоит дело в союзах, созданных с целью ограничения или, по возможности, полного устранения безудержной конкуренции, то на свободном рынке, там, где не существует никаких

ограничений, стремления, охарактеризованные выше, принимают несравненно более крупные размеры.

Статья, появившаяся в январе 1914 года в одном финансовом органе, издающемся в Берлине ¹⁾, проливает полную ясность на явления, о которых идет речь выше. Содержание этой статьи вкратце следующее. Так называемый «здравый человеческий рас-судок» создал себе очень простую теорию кризисов, построив ее на морали. Исключительно глупостью капиталистов объясняется тот факт, что во время хорошей конъюнктуры они все больше расширяют производство, основывая новые фабрики и все больше увеличивая размеры старых. Благодаря этому предложение товаров далеко превышает спрос на них, и, естественно, в один прекрасный день наступает крах. На самом деле, однако, дело обстоит несколько иначе. Ежедневно получаемая прибыль ищет применения в какой-нибудь форме. Само собой разумеется, что выбор падает на наиболее выгодный способ помещения капитала, а таковой состоит в сооружении фабрик новейшей конструкции. «Как общее правило, каждое новое предприятие превосходит старые предприятия той же отрасли производства, располагая новейшими механическими усовершенствованиями и применяя новейшие открытия в данной области». Следовательно, производственная способность новых предприятий выше по сравнению с конкурирующими с ними старыми предприятиями, ввиду чего имеет смысл основывать их даже в том случае, «если рынок окажется насыщенным теми товарами, для производства которых новое предприятие создается. Ибо новое предприятие в состоянии производить эти товары дешевле или лучше и, благодаря этому, овладеть рынком сбыта старых предприятий. Таким образом из года в год основываются новые предприятия. На-ряду со старыми заводами, фабрикующими поршневые машины, появляются новые фабрики паровых турбин, а рядом с этими последними—еще более усовершенствованные заводы для изготовления моторов Дизеля». Понятно, что старым предприятиям не остается ничего другого, как вступить на тот же путь. Они обновляют и совершенствуют свое оборудование соответственно последним требованиям техники. Прогрессирующий рост производства, получающийся таким образом, отнюдь не является результатом человеческой глупости, неблагоразумия или слепой жадности, но представляет собой результат коммерческой пред-

---

1) «Банк», январь 1914, стр. 1—16.

усмотрительности и даже коммерческой необходимости. Что остается делать руководителю такого предприятия, даже если он знает, что рынок переполнен? «Перед ним остается лишь выбор: или побить других, вооружившись оружием прогресса, или же самому быть побитым конкурентами».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В капиталистическом хозяйстве потребление не может идти нога в ногу с расширением производства.

Если из вышесказанного ясно, что каждый отдельный капиталист прямо-таки вынужден беспрестанно увеличивать и расширять свое производство, невзирая на спрос и невзирая на производство своих конкурентов, то отсюда следует, что полученную им прибавочную стоимость капиталист никогда не должен целиком потребить на свои частные нужды. Наоборот, часть прибыли капиталиста всегда должна идти на увеличение его капитала. Наглядно мы можем представить себе это с помощью следующей формулы:

В начале производственного акта весь капитал C данного капиталиста состоял из

$$c + v \text{ (т.-е. } Cn \text{ и заработной платы).}$$

По окончании производства имеется определенное количество товара, стоимость которого превышает стоимость $c + v$ и, следовательно, содержит в себе прибавочную стоимость (m). Весь товар капиталист должен продать, после чего он будет иметь у себя соответственную стоимость в денежной форме. Если бы он пожелал возобновить производство в прежнем масштабе, не расширяя его, то деньги он должен был бы разделить на три части: одну часть, равную старому капиталу c , за которую он получит ровно столько же Cn , сколько и прежде; вторую часть, равную старому капиталу v , чтобы нанять прежнее число рабочих; и, наконец, третью часть m , которую он может израсходовать на свои личные потребности. Но так как ему приходится расширять производство, то он принужден купить больше Cn и нанять больше рабочих, чем прежде ¹⁾. Следовательно, размеры c и v

¹⁾ Ибо рост доходности, или производительности, труда наступает лишь как следствие расширения производства. Но даже если учесть и этот рост, то, может быть, размеры капитала могут остаться прежними; но тем сильнее должен возрасти капитал c .

не могут остаться прежними, но должны быть увеличены, необходимые же для этого денежные суммы капиталист может взять только из m . Стало быть, прибыль свою ему придется делить: часть ее необходима для увеличения размеров $c + v$, и только остаток прибыли капиталист может употребить для личного потребления.

Таким образом, часть прибавочной стоимости превращается в капитал, присоединяется к капиталу, или, выражаясь по-иностранному, аккумуляруется. В капиталистическом хозяйстве расширение производства происходит в форме аккумуляции (или по-русски: накопления).

Мы уже упоминали о том, что, увеличивая свой капитал, отдельный капиталист имеет целью увеличение своей доли в общей прибыли, класс же капиталистов в целом преследует увеличением капитала иную цель: противодействие падению нормы прибыли посредством увеличения массы ее.

Если подвергнуть рассмотрению эти явления один раз с точки зрения единичного капиталиста, другой раз с точки зрения всего капиталистического класса, то перед нами встанет следующее затруднение.

Рассмотрим сначала вопрос с точки зрения единичного капиталиста. Для того чтобы накоплять, он должен иметь возможность делить свою прибавочную стоимость. Это предполагает, что прибавочная стоимость находится у капиталиста в денежной форме. Даже для того только, чтобы отделить вообще прибавочную стоимость от сумм, предназначенных для c и v , необходимо, чтобы вся стоимость продукта превращена была в денежную форму. Фабрикант мебели, напр., владеет по окончании производства определенным количеством готовой мебели. Потребить ее он не может, как не может и дать ее своим рабочим в виде заработной платы. Он должен сперва продать мебель и только потом уже разделить полученные деньги на вышеуказанные три части. Это, однакоже, еще не все. После продажи идет покупка. Если продажа мебели удалась, то для продолжения производства капиталист должен закупить машины, дерево и т. д. точно того же рода и в том же количестве, равно как и рабочих должен он нанять точно того же рода и в том же числе, какие ему требуются. Если, напр., ему требуется ленточная пила, то паровой молот ему ни к чему. Если ему требуются квалифицированные столяры, то сапожникам у него делать нечего. Продолжение производства обусловлено, следовательно, тем, что предприниматель

за свои деньги всегда находит на рынке те предметы и рабочие силы, какие ему нужны. Если же он расширяет производство, то эти предметы и рабочие силы должны быть на рынке даже в большем количестве, чем прежде. Но помимо всего этого на рынке должны быть продовольственные продукты для закупки рабочими, так как в противном случае производство, несмотря на все, продолжаться не может.

Откуда берутся все эти необходимые для него вещи, об этом капиталист не задумывается. Он полагается на милость всеблагой судьбы и с детской уверенностью уповает, что за кровные денежки свои он в нужное время достанет на рынке все эти вещи. Равным образом и класс капиталистов в целом не предпринимает никаких сознательных действий, направленных к тому, чтобы на рынке всегда имелись в нужное время, в нужном количестве и соответствующего качества необходимые орудия производства и продовольственные продукты. Класс капиталистов полагается на свободную игру экономических сил, на свободную конкуренцию, и рассчитывает на то, что недостаток в каком-нибудь товаре повысит цену на него, после чего найдутся уж капиталисты, которые возьмутся за его фабрикацию. В результате равновесие в области хозяйства достигается лишь временно, представляя собой корректив тяжких нарушений производства, в чем и заключается одна из главных причин постоянно повторяющихся—с небольшими промежутками—хозяйственных кризисов ¹⁾.

Если, таким образом, это препятствие хотя и ценой тяжких потрясений и убытков преодолевается самим капиталистическим хозяйством, то остается все-таки неразрешенной другая задача.

Мы видели, что при капитализме предпосылкой расширения производства является накопление, т.-е. часть прибавочной стоимости должна быть присоединена к капиталу. Последнее же, как мы также видели, предполагает, что прибавочная стоимость имеется у капиталиста в денежной форме. Следовательно, первым условием накопления является продажа капиталистом готового товара. Если это не удастся, то невозможны ни накопление, ни воспроизводство, как простое, так и в расширенном масштабе.

Но представим себе, что на первый раз все сошло очень гладко: капитал (мы имеем в виду сейчас весь класс капитали-

---

¹⁾ См. мое общедоступное издание «Капитала» К. Маркса. Приложение: «Сущность марксовой теории кризисов». Кроме того, см. Рудольф Гильфердинг, Финансовый капитал, главы XVI и XVII.

стов) сбывает всю массу готового продукта и, сверх того, обеспечен даже и на будущее время определенным кругом потребителей, скупающих у него такое же количество товара и впредь.

Допущение наше, не соответствующее обычному ходу дела, оказывается, однакоже, недостаточным, так как следующий оборот производства даст нам уже больше готового продукта: производство ведь расширено. Кто же покупает у капиталистов этот избыток продукта? И ведь избыток этот получается не только один раз, но каждый раз, с каждым новым оборотом производства возрастает масса готового продукта. Необходимо, стало быть, под угрозой всеобщей остановки производства, заботиться о постоянном расширении сбыта.

Здесь перед нами трудность, которую нельзя увидеть достаточно ясно, если иметь в виду только отдельного капиталиста. Единичный капиталист может увеличивать свой сбыт за счет других капиталистов, но для класса капиталистов, как целого, это невозможно. Капиталистический класс должен безостановочно расширять круг своих покупателей, делая неустанные попытки сбыть часть своего товара (именно, избыточную его часть по сравнению с прежде изготовлявшимся количеством товара) таким лицам, которые вообще не выступали еще в качестве покупателей капиталистических товаров.

Не будем поддаваться ослеплению ложной видимостью, делая допущение, напр., будто капиталисты сами создают новый спрос посредством увеличения своего личного потребления и затем взаимно скупая друг у друга увеличенную массу товара. Ведь таким способом они не увеличивали бы накопления, но, наоборот, уменьшали бы его. Ибо накапливаться может только та часть прибавочной стоимости, которая не потребляется самими капиталистами. А в росте накопления и заключается ведь все дело. Допустим, следовательно, что капиталисты увеличивают свое потребление вместе с ростом их богатства. Но ведь одновременно с этим еще быстрее должна возрастать та часть избыточного товара, которую сами капиталисты не потребляют. Кто же покупает у них эту часть?

Рабочие также не могут быть этими покупателями даже в том случае, если бы потребление их возрастало. Ведь они покупают лишь на те деньги, которые дал им вперед, или авансировал, сам капиталист в форме заработной платы. Если эта плата возрастает, то остающаяся часть прибавочной стоимости становится тем меньше, чем больше возрастает заработная плата. На-

копление в этом случае останавливается, между тем как от нас требуется объяснение, каким образом развивается беспрепятственное накопление. Последнее вообще возможно лишь при относительно низкой заработной плате, т.-е. если прибавочная стоимость во всяком случае возрастает быстрее, чем заработная плата. Но это предполагает, что избыточный товар покупается не рабочими, но другими лицами.

Не подлежит никакому сомнению, что, кроме капиталистов и рабочих, имеются на свете и другие лица: имеются врачи, чиновники, солдаты, прислуга и т. д. Достаточно, однакоже, небольшого напряжения ума, чтобы понять, что доходы этих лиц не могут представлять собой ничего иного, кроме той платы за услуги, которую они получают либо от капиталистов, либо от рабочих. Если же эта плата получена ими без затраты труда, то она представляет собой прямой вычет из прибавочной стоимости капиталистического класса ¹⁾.

Следовательно, избыточный товар, олицетворяющий в себе прирост к прибавочной стоимости, по необходимости должен быть продан вне пределов капиталистического общества. И сверх того, эти «внешние» продажи должны возрастать из года в год, ибо в противном случае невозможно накопление, невозможно расширение капиталистического производства.

Здесь мы наталкиваемся вторично на одно из тех внутренних противоречий капиталистического хозяйства, открытием которых мы обязаны Карлу Марксу: капитал может и вынужден повышать в безграничной мере производительные силы и, следовательно, размеры производства, но он не в состоянии повысить в такой же мере потребление ²⁾. Все зло, все беды, вся история нашей эпохи объясняются этим противоречием между безграничным расширением производства, представляющим собой принудительный закон для капиталистического класса, и невозможностью в условиях капиталистического хозяйства в такой же мере расширить потребление.

С давних пор капиталисты вынуждены были, как вынуждаются и в настоящее время, искать сбыта для избыточных продуктов

¹⁾ См. Роза Люксембург, *Накопление капитала*, том I, стр. 106, 107, 108, 131 (немецк. изд.).

²⁾ См. Роза Люксембург, *Накопление капитала*, том I, стр. 315. К. Маркс, *Капитал*, том III, часть 1-я, стр. 232—233 (по московск. изданию 1907 года).

вне пределов капиталистического общества. Где могут они найти такой сбыт?

«В действительности,—говорит Р. Люксембург ¹⁾,—не существовало и не существует нигде самодовлеющего капиталистического общества с исключительным господством капиталистического производства». В большинстве случаев, даже в государствах с высоко развитым капитализмом, существуют широкие слои населения, не занимающиеся капиталистическим производством, как, напр., все среднее и мелкое земледелие. Во всяком случае, на земле все еще имеется масса народов и стран, далеко отставших от капиталистического хозяйства. Сюда направляет капитал свои усилия. «Так, напр., хлопчатобумажная индустрия Англии снабжала в течение первых двух третей XIX века (и снабжает отчасти еще и теперь) хлопчатобумажными тканями крестьянство и городское мещанство европейского континента, снабжало, далее, крестьянство Индии, Америки, Африки и т. д. ... В течение первой половины XIX века английская индустрия поставляла материал для железнодорожного строительства в американские и австралийские государства... Германская химическая промышленность поставляет краски в массовом количестве некапиталистическим странам Азии, Африки и т. д.».

Но капитализм нуждается в таких некапиталистических странах и слоях населения не только для сбыта своих продуктов. Они нужны ему также, как источники сырья и продовольствия. Та самая хлопчатая бумага, которая, впитав в себя прибавочную стоимость английского капитала, появлялась в продаже на рынках Индии и Америки, имела своей предпосылкой предварительное появление в Англии сырого хлопка из рабовладельческих плантаций Соединенных Штатов и зернового хлеба с обширных полей крепостной России. «Как сильно зависит капиталистическое накопление от этих некапиталистически производимых *Сп*, свидетельствует нам хлопчатобумажный кризис, разразившийся в Англии вследствие перерыва в производстве хлопчатобумажных плантаций, вызванного американской войной (1860—1864 г.г.), или кризис льноткацкой промышленности в Европе вследствие перерыва в подвозе льна из крепостной России, вызванного крымской войной» ²⁾.

Для того, чтобы накопление шло беспрепятственно, капиталу

1) Роза Люксембург, Накопление капитала, т. I, стр. 318, 322—323.

2) Там же, стр. 328, 329 (немецкое издание).

нужен «весь земной шар, как хранилище драгоценных кладов». Для помещения прибавочной стоимости, превращенной в денежную форму, в средства производства капиталу «все больше и больше необходимо иметь в своем распоряжении весь земной шар», из всех закоулков которого он тщательно извлекает необходимые ему средства производства.

К этому присоединяется еще третий момент: нужда в рабочей силе. Хотя в ходе накопления масса занятых рабочих уменьшается в отношении к массе обрабатываемых ими *Сп* (средств производства), однакоже, абсолютно масса рабочих возрастает. Длительный и безостановочный приток этих новых масс рабочих возможен только из некапиталистических резервуаров. Такие резервуары образуются посредством разложения мелко-крестьянского хозяйства и освобождения его рабочих сил, пролетаризации средних классов города и деревни, массового разложения докапиталистических форм производства и общества в колониальных странах, тем более, что для использования их естественных богатств в форме средств производства пригодны только люди, привычные к тамошнему климату.

Таким образом мы видим, «что капитализм даже в пору своей полной зрелости нуждается во всех отношениях (т.-е. для сбыта своих товаров, получения средств производства и рабочей силы) в одновременном существовании некапиталистических обществ и групп населения... Этим объясняется неудержимое стремление капитала к овладению такими обществами и территориями» ¹⁾.

Но отсюда же следует и нечто другое. Капитал, как мы старались показать выше, все более жадно внедряется в некапиталистические формы общества и хозяйства, подрывает их существование, присоединяет их к себе, сокращает их размеры с каждым днем. Этим, однакоже, он уменьшает те возможности, которые еще остались для его собственного существования. Ибо капитал может накапливать и существовать лишь до тех пор, куда на-ряду с ним существуют на земле такие некапиталистические формы. Как только все они съедены капиталом, так наступает конец и самому капиталу. Но уже задолго до этого момента наступает период тягчайших опасностей для капитала вследствие постоянного сокращения размеров этой, так сказать, «питательной среды» для его накопления.

Предыдущие главы представляют собой краткое изложение

¹⁾ Роза Люксембург, Накопление капитала, т. I, стр. 337.

того учения, которое, в развитие мыслей, изложенных в «Капитале» К. Маркса, дала нам Роза Люксембург в своей книге о «Накоплении капитала» ¹⁾. Против теории Р. Люксембург было много возражений, — сперва непосредственно после появления книги, внутри тогдашней германской социал-демократии. Этими возражениями нам нет нужды заниматься сейчас, так как опровержение их дано самою Розой Люксембург в упоминаемом ниже втором томе ее труда, написанном в тюрьме в годы войны и появившемся в свет лишь после смерти автора.

Но учение это встречает возражения и со стороны многих коммунистов, в частности со стороны одной части русских большевиков. В интересах сохранения связности изложения мы относим разбор этих возражений на конец нашей книги, где им посвящена будет особая глава.

---

¹⁾ Появилась в 1923 году в Берлине, в издании книжного магазина «Форвертс». Кто не располагает достаточным количеством свободного времени для основательного изучения этого крупного и довольно трудного произведения, тот может обратиться к превосходному, чрезвычайно ясному и сжато изложению всего существенного из этого труда, сделанному самим автором. Появилось в 1921 году в виде II тома под тем же названием в издательстве Франке, Лейпциг.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

КАК НОВЕЙШИЙ КАПИТАЛИЗМ ПОРОДИЛ МИРОВУЮ ВОЙНУ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обзор хозяйственного развития до середины XIX века.

Первая и вторая главы, посвященные изложению основного закона капиталистического хозяйства, дают нам, если сделать самое сжатое извлечение из них, нижеследующие положения.

Всякое расширение производства повышает доходность, или производительность, труда. Это значит, что при равном количестве рабочей силы потребляется большее количество сырых материалов и средств труда. Следовательно, при увеличении размеров всего капитала его переменная часть (рабочая сила) возрастает медленнее, нежели постоянная его часть (средства производства). Пропорционально, стало быть, переменная часть по отношению к постоянной уменьшается (даже в том случае, когда она абсолютно возрастает).

Но так как всякая стоимость—а, следовательно, и прибавочная стоимость и, стало быть, прибыль—создается только живым трудом, то при расширенном производстве норма прибыли должна падать. (Норма прибыли есть отношение между прибавочной стоимостью и величиной всего капитала.)

Для того, чтобы вопреки этому пропорциональному уменьшению прибыли увеличить абсолютную массу ее, капиталисты вынуждены постоянно увеличивать размеры применяемого капитала, или, другими словами, непрерывно расширять производство. Это происходит путем аккумуляции, или накопления, капитала посредством ежегодного присоединения части вырученной прибавочной стоимости к капиталу, вложенному в производство.

Если накопления капитала не происходит, то расширение производства невозможно. Тогда наступает абсолютное уменьшение прибыли, и вскоре капитал вообще не в состоянии продолжать производство.

В этом состоит главная суть капиталистического хозяйства, и мы должны хорошенько запомнить ее: лишаясь возможности накапливать, капитал тем самым лишается возможности продолжать производство; исчезает, следовательно, и самая возможность его существования.

Отсюда ясно, какое решающее значение имеют условия накопления капитала.

Каковы же эти условия?

Таких условий прежде всего два.

Во-первых, должна быть налицо прибавочная стоимость, достаточно большая, чтобы не только удовлетворить потребление капиталиста, но и дать некоторый избыток, могущий быть присоединенным к капиталу.

И, во-вторых, прибавочный продукт, овеществляющий прибавочную стоимость, должен быть продан, чтобы на вырученные от продажи деньги можно было купить новые средства производства и нанять новые рабочие силы сверх уже имеющихся.

(Кроме того,—и здесь перед нами выступают дальнейшие условия для накопления капитала,—все эти новые массы средств производства и рабочей силы должны иметься на рынке в продажном виде, что опять-таки говорит о том, что расширение производства в одной отрасли тесно связано с расширением его во многих, в конечном счете во всех отраслях, и связано, следовательно, с всеобщим принуждением к накоплению.)

Оба эти условия противоречат друг другу. (Противоречие это появилось на свет вместе с появлением капиталистического хозяйства; в продолжение нескольких столетий оно, хотя и возрастая постоянно, оставалось тем не менее в скрытом состоянии и лишь с наступлением эры новейшего; крупного, капитализма прорвалось наружу.)

Первое условие, достаточная величина прибавочной стоимости, требует соответственно малого потребления как со стороны капиталистов, так и со стороны рабочих: низкой заработной платы и умеренности капиталистов в расходах на свои личные нужды.

Но именно это как раз и мешает как рабочим, так и капиталистам купить и, следовательно, превратить в деньги ту часть

прибавочной стоимости, которая должна быть присоединена к капиталу.

Капиталу, стало быть, ничего другого не остается, как искать сбыта для этой части прибавочного продукта вне пределов капиталистического мира.

Однако если капиталу и удастся найти такой сбыт, то этим трудность не устраняется надолго. Ибо как раз благодаря нахождению сбыта производство следующего года увеличивается, и, следовательно, нужно снова искать более широких рынков сбыта.

Таким образом, внутри капиталистического мира потребление все больше отстает от производства, и капитал вынужден из года в год отыскивать вне своих пределов все новые области для сбыта.

Но тут возникает новое противоречие. Для некапиталистических стран сбыта, стоящих по сравнению с капиталистическим миром на более низком уровне культуры, невозможно поглотить растущую массу товаров, поставляемых капиталистическим миром. Для увеличения спроса этих стран приходится в значительной мере ввозить к ним вместо товаров капиталы: в них насаждается капиталистический способ производства путем устройства капиталистических плантаций, вовлечения сельского хозяйства и ремесла в капиталистическое производство, поглощения последним всех примитивных форм производства и, наконец, путем устройства фабрик в сельских местностях и в колониях.

Но именно вследствие этого снова суживается круг покупателей капиталистического прибавочного продукта. Те области, которые до этого были покупателями товаров, переходят теперь сами к капиталистическому производству и, следовательно, сами поставляют прибавочный продукт вместо того, чтобы покупать его.

Еще остающиеся на мировом рынке области для сбыта капиталистических продуктов становятся, таким образом, предметом все более ожесточенной борьбы. Эта борьба утрачивает характер простой борьбы конкурирующих капиталов, борющихся друг с другом экономическими средствами, и становится войной в прямом смысле этого слова, войной, несущей смерть и разрушение. Но и война—независимо от того, кто остается в ней победителем,—не может помешать тому, что в конечном счете накопление капитала (и, следовательно, в конце концов, капиталистическое производство вообще) становится невозможным,

Таков ход мыслей при теоретическом рассмотрении вопроса. Посмотрим теперь, соответствует ли он действительному ходу вещей.

Вопросы, стало быть, с которыми нам нужно подойти к истории хозяйственного развития—в пределах периода новейшего капитализма—сводятся к нижеследующему.

1. Верно ли, что производство капиталистических государств из года в год непрерывно возрастает в огромных размерах, все более увеличивающихся?

2. Идет ли потребление нога в ногу с этим ростом производства или отстает от него? И если отстает, то в какой мере?

3. Характеризуется ли эпоха новейшего капитализма тем, что капитал все в большем масштабе ищет сбыта для своих товаров и помещения для новых капиталов в таких странах и в таких слоях населения, которые до того еще не были приобщены к капиталистическому способу производства?

4. Сократилась ли, вследствие влияния явлений, указанных в предыдущем вопросе (3-м), сфера для дальнейших помещений новых капиталов в такой мере, что самая возможность дальнейшего накопления капитала вообще оказалась в опасности? (И как побочный вопрос: была ли мировая война попыткой насильственно создать новую сферу для накопления капитала, что, разумеется, могло в данном случае удалиться капиталу одной или некоторых стран только за счет капитала других стран?)

К этому в дальнейшем должно присоединиться предпринятое в таком же духе исследование хода развития экономической истории после мировой войны.

Из числа формулированных выше вопросов имеются два, относительно которых разногласий не существует. Таковы вопросы 1-й и 3-й. Непрерывный рост капиталистического производства не оспаривается никем; столь же общеизвестен факт широкого распространения колониальной политики и иных видов захватной политики (или так называемой политики расширения сферы влияния) в течение последних двух-трех человеческих поколений. Возражения сосредоточиваются на причинной связи между собой четырех формулированных выше вопросов и, в особенности, на главном и основном пункте всей проблемы: на недостаточном расширении общего потребления по сравнению с расширением общего производства.

Для нас, стало быть, суть дела сводится, главным образом, к тому, чтобы найти ответ на вопросы 2-й и 4-й. Однакоже для

прочного, исключаящего всякие сомнения обоснования этого ответа нам, разумеется, придется подвергнуть тщательной исторической проверке и вопросы 1-й и 3-й, при чем нельзя будет избежать повторения вещей, уже сказанных в другом месте.

Первая трудность, на которую мы наталкиваемся, состоит в том, с какого времени, с какого исторического момента начать изучение экономической истории, чтобы получить ответ на поставленные нами вопросы. Ведь прочных границ между различными эпохами истории не существует. Никогда нельзя сказать, что такой-то определенный день составляет начало новой исторической эпохи; отдельные отрезки исторического процесса всегда сливаются между собой, и всякое разделение этого процесса на отдельные части всегда представляет собой нечто произвольное. По нашему мнению, тенденция потребления отставать от производства является прирожденной капитализму ¹⁾. Она ведет свое начало с того самого дня, как за несколько веков до нашего времени возник капитализм. Однако на первых порах расхождение между производством и потреблением было в течение долгого времени столь незначительным, что не вызывало никаких затруднений и оставалось незамеченным. Шаг за шагом по мере роста капитализма это расхождение возрастало, и только в эпоху новейшего, крупного капитализма оно достигло таких размеров, что породило те последствия, которые подлежат здесь нашему исследованию. Стало быть, нужно установить, к какому времени мы относим начало новейшего капитализма. Разумеется, такое установление тоже является в большей или меньшей мере произвольным. При этом общепринято руководствоваться, в качестве внешнего признака, введением паровой машины, чем, конечно, отнюдь не имеется в виду сказать, будто непосредственно после введения паровой машины в производственный процесс уже наступили те явления, которые характерны для новейшего капитализма. Но и независимо от этой оговорки необходимо иметь в виду, что применение паровой машины в разных странах началось в разное время, так, например, в Англии на полвека раньше, чем в Германии. Ясно во всяком случае,

---

¹⁾ Больше того, можно пойти дальше и сказать: человечество не могло бы вообще существовать, если бы не производило всегда — следовательно, уже в докапиталистические времена — больше того, что оно непосредственно потребляло. Вопрос, стало быть, сводится к тому, чтобы исследовать, какие последствия вызывает внутри капиталистического способа производства такое явление, которое неизбежно сопутствует в с я к о м у способу производства.

что наше исследование, хотя бы и в кратких чертах, должно охватить весь XIX век.

Но искать ответа в экономической истории XIX века представляется делом чрезвычайно затруднительным. Ведь мы в рассуждениях наших хотим опираться исключительно на факты, но экономические факты может, собственно говоря, дать нам только статистика. Статистики же, которая еще и в настоящее время находится в младенческом возрасте ¹⁾, сто лет тому назад, можно сказать, еще не существовало. При таких условиях нам ничего другого не остается, как последовать тому приему, который и в других случаях применяется при исторических исследованиях, а именно руководствоваться отчетами таких современников, на дальновидность, достоверность и здравые суждения которых можно положиться.

Из исследований Карла Маркса мы знаем, какое действие имел в Англии переход к новейшему капитализму. Нам позволено будет поэтому привести здесь из этих исследований нижеследующие места ²⁾:

«В Англии крепостная зависимость фактически исчезла во второй половине XIV века. Подавляющее большинство населения состояло тогда и еще больше в XV веке из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. В крупных помещичьих имениях бурмистр, некогда сам крепостной, был вытеснен свободным фермером. Наемные земледельческие рабочие состояли частью из крестьян, употреблявших свое свободное время на работу у крупных землевладельцев, частью же из самостоятельного, многочисленного класса наемных рабочих в собственном смысле этого слова. Последние были вместе с тем и самостоятельно-хозяйствующими крестьянами, так как наряду с заработной платой получали также участок пахотной земли в 4 или более акров ³⁾ вместе с домиком (коттедж). Кроме того, совместно с настоящими крестьянами они пользовались общинными землями, где пасся их скот, и с которых они добывали себе дрова, торф и т. п. средства отопления.

¹⁾ Это — факт, о котором образованный читатель в средней Европе XX века слишком охотно забывает. Правда, слишком ограниченно число тех, кто близко знаком с теми цифрами, которые дает нам статистика, и, следовательно, знает, как незначительна еще, к сожалению, охватываемая статистикой часть материала, подлежащего изучению.

²⁾ См. К. Маркс, Капитал—в общедоступном издании Юлиана Борхардта, глава XIV. Русское издание вышло в издательстве «Московский Рабочий», Москва 1922 г.

³⁾ Акр — около одной трети десятины.

«Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим числом подчиненных феодалу поселян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, но числом их подданных, а это последнее зависело от числа самостоятельно-хозяйствующих крестьян. Хотя вся земля Англии после Норманского завоевания (1066 г.) была разделена на огромные баронства, из которых одно нередко состояло из 900 прежних англо-саксонских лордств, тем не менее Англия почти сплошь была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами, среди которых лишь там и сям встречались крупные господские поместья. Такие условия в связи с процветанием городов, характерным для XV века, допускали богатство народа, но исключали капиталистическое богатство.

«Пролог переворота, создавшего основу для капиталистического способа производства, относится к последней трети XV и к первой трети XVI века. Масса свободных, как птицы, пролетариев была выброшена на рынок труда благодаря роспуску феодальных дружин, которые «повсюду бесполезно наполняли дома и дворы». Хотя королевская власть, будучи сама продуктом буржуазного развития, в своем стремлении к неограниченной власти ускоряла насильственный роспуск этих дружин, однако же она отнюдь не была его единственной причиной,—сами крупные феодалы в своей упорной борьбе против королевской власти и парламента создали несравненно более многочисленный пролетариат насильственным изгнанием крестьян с тех земель, на которые крестьяне имели такие же права, как и сами феодалы, и захватом их общественных земель. В Англии непосредственный толчок этому дали расцвет фландрской шерстяной промышленности и стоявшее в связи с ним повышение цен на шерсть. Старое феодальное дворянство пожрали крупные феодальные войны, новое же дворянство было дитя своего века, и для него деньги были самой могущественной силой. Таким образом, превращение пахотных земель в пастбища стало его лозунгом.

«Гаррисон (в своей книге «Описание Англии») описывает, как насильственное изгнание мелких крестьян разоряет страну. Жилища крестьян и хижины рабочих либо насильственно разрушены, либо предоставлены естественному разрушению. «Если мы сравним,—говорит Гаррисон,—прежние описи дворянских имений, то мы найдем, что бесчисленное множество домов и мелких крестьянских хозяйств исчезло, что страна прокармливает го-

раздо меньше людей, что многие города пришли в упадок, хотя некоторые новые стали процветать... Я мог бы немало порассказать об уничтоженных ради пастбищ для овец городах и селах, от которых остались только господские дома». Жалобы таких старых хроник всегда преувеличены, но они точно рисуют впечатление, произведенное на современников революцией в производственных отношениях.

«Законодательство испугалось этого переворота. В своей «Истории Генриха VII» Бэкон говорит: «Около этого времени (1489 г.) увеличилось число жалоб на превращение пахотных земель в пастбища, требующие лишь присмотра немногих пастухов; аренды срочные, пожизненные и погодные (которыми жила большая часть yeomen'ов, т.е. свободных земледельцев) были превращены в господские имения. Это привело к упадку народа и, следовательно, к упадку городов, церквей, к уменьшению десятины... В стремлении уврачевать это зло король и парламент проявили мудрость, достойную изумления... Они приняли меры против этой узурпации общинных земель, ведущей к опустошению, и против следующего по пятам за нею развития пастбищного хозяйства, также ведущего к опустошению». Актом Генриха VII, изданным в 1489 году, воспрещалось разрушение всех крестьянских домов, к которым принадлежало не менее 20 акров земли. Генрихом VIII закон этот был возобновлен. Там, между прочим, говорится, что «многие фермы и большие стада, особенно овец, скопляются в немногих руках, вследствие чего земельные ренты сильно возросли, хлебопашество пришло в упадок, церкви и дома разрушаются, огромные массы людей лишились возможности содержать себя и свои семейства». Закон поэтому предписывает восстановление пришедших в упадок дворов, определяет отношение между пашней и пастбищем и т. д. Законодательный акт 1533 года жалуется на то, что некоторые владельцы имеют до 24.000 овец, и ограничивает допустимое число двумя тысячами.

(В своей «Утопии», появившейся в 1516 г., английский канцлер Томас Мор говорит об «удивительной стране, где овцы пожирают людей».)

«Но и жалобы народа и законодательство, которое, начиная с царствования Генриха VII, в продолжение 150 лет направлено было против экспроприации мелких фермеров и крестьян, были одинаково бесплодны.

«Реформация и последовавшее за нею колоссальное расширение церковных имуществ дало новый ужасный толчок насиль-

ственной экспроприации народных масс в XVI столетии. Католическая церковь во время реформации была феодальной владелицей значительной части английской земли. Уничтожение монастырей и т. д. превратило их жителей в пролетариев. Церковные имения были по большей части раздарены хищным королевским любимцам или проданы за бесценок спекулянтам-фермерам и горожанам, которые изгоняли массами старых наследственных держателей-крестьян и соединяли их хозяйства в крупные участки. Гарантированное законом право обедневших крестьян на известную долю церковной десятины было молчаливо уничтожено.

«Еще в течение последних десятилетий XVII века независимое крестьянство—Yeomanry—было многочисленное класса фермеров. Оно составляло главную силу Кромвеля и представляло, даже по признанию Маколея, выгодную противоположность спившимся дворянчикам и их прислужникам, сельским священникам, которые должны были подводить под венец барских «любовниц». Тогда еще и сельские наемные рабочие были совладельцами общинных земель. Около 1750 года уже не существует, а в последние десятилетия XVIII века исчез всякий след общинного землевладения земледельцев.

«По восстановлении Стюартов землевладельцы провели в законодательном порядке то расхищение, которое повсюду на континенте совершилось без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальные поземельные отношения, т. е. сбросили с себя всякие государственные повинности, «вознаградив» государство налогами с крестьян и со всей остальной массы народа, они присвоили себе современное право частной собственности на имения, на которые они имели только феодальное право. и, наконец, издали законы о водворении, которые оказали на английских земледельцев такое же влияние, как указ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство.

«Достоправная революция» («Glorious Revolution») привела к власти вместе с Вильгельмом III Оранским (1688 г.) землевладельческих и капиталистических получателей прибавочной стоимости. Они освятили новую эру колоссальным расхищением государственных имуществ, которые до тех пор расхищались в довольно скромных размерах. Земли эти раздаривались или продавались за бесценок или даже присоединялись к частным имениям посредством простого захвата. Все это происходило без малейшего соблюдения каких-либо законных форм. Присвоение

таким мошенническим способом государственных имуществ и расхищение церковных имуществ, поскольку эти последние не были снова утрачены во время республиканской революции, образуют основу современных княжеских владений английской олигархии. Буржуазные капиталисты содействовали этой операции, между прочим, для того, чтобы превратить землю в простой предмет торговли, расширить размеры крупного сельскохозяйственного производства, увеличить приток из деревень свободных пролетариев и т. д. К тому же новая поземельная аристократия была естественной союзницей новой банократии, этой только что вылупившейся из яйца крупной финансовой клики, и крупных мануфактуристов, опиравшихся тогда на покровительственные пошлины.

«В то время как место независимых *yeomen's* заняли мелкие погодные съемщики, приниженная и зависимая от произвола лэндлорда толпа, систематический грабег общинных земель вместе с расхищением государственных имуществ содействовал увеличению хозяйств, превращая их в те крупные аренды, которые в XVIII столетии назывались «капитальными фермами», превращая вместе с тем сельское население в пролетариат, «освобождаемый» таким образом для нужд промышленности.

«В XIX веке исчезло уже и самое воспоминание о связи между земледельцем и общинной земельной собственностью. Не говоря уже о позднейшем времени, получило ли сельское население когда-нибудь хотя бы грош вознаграждения за те 3.511.770 акров ¹⁾ общинной земли, которые были похищены у него между 1801 и 1831 г.г. и в силу парламентских актов подарены лэндлордами лэндлордам?»

«Наконец, последним крупным процессом экспроприации земли у крестьян является так называемое «*Clearing of Estates*» (очищение имений,—на самом же деле, изгнание из них людей). Это «очищение» увенчало собой все до сих пор рассмотренные нами английские методы экспроприации. Но что такое представляет собой «*Clearing of Estates*» в собственном смысле этого слова, об этом мы можем узнать только в обетованной стране современного романа, в горной Шотландии.

«Кельты горной Шотландии жили кланами, из которых каждый был собственником занятой им земли. Представитель клана, его глава, или «большой человек», был лишь номинальным собствен-

¹⁾ Около 1.170.590 десятин.

ником этой земли, совершенно так же, как английская королева является номинальной собственницей всей национальной земли. После того как английскому правительству удалось усмирить внутренние войны этих «больших людей» и их постоянные вторжения в ниже-шотландские равнины, предводители кланов вовсе не оставили своего занятия—разбойничьего ремесла; они изменили лишь его форму. Собственной властью превратили они свое номинальное право собственности в право частной собственности, но так как они встретили сопротивление со стороны членов кланов, то они решили открыто изгнать их силою. В XVIII веке изгнанным гаэлам ¹⁾ была воспрещена эмиграция, чтобы силою направить их в Глазго и другие фабричные города.

«Как пример» метода, господствующего в XIX веке, мы приведем здесь «очищения», произведенные герцогиней Сутерланд в ее владениях. Эта особа, тотчас же после своего вступления в управление, решила предпринять радикальное лечение и превратить все графство, население которого уже прежними подобными мероприятиями сокращено было до 15.000 человек, в пастбище для овец. За время с 1814 по 1820 год все эти 15 тысяч жителей, около 3 тысяч семейств, были систематически изгнаны и искоренены. Все их деревни были разрушены и сожжены, все их поля превращены в пастбища. Для экзекуции были посланы британские солдаты, и дело дошло до столкновения с местными жителями. Одна старушка, отказавшаяся покинуть свою избушку, погибла в пламени. Таким образом эта мадам присвоила себе 794.000 акров земли ²⁾, которые с незапамятных времен принадлежали клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6.000 акров, по 2 акра на семейство ³⁾. Эти 6.000 акров представляли пустырь и не приносили владельцам никакого дохода. Герцогиня в своем сострадании пошла так далеко, что сдала землю, в среднем, по 2 с половиной шиллинга ⁴⁾ за акр членам клана, которые в продолжение многих веков проливали свою кровь за ее род. Всю похищенную у клана землю она разделила на 29 крупных овечьих ферм, в каждой из которых поселила только по одному семейству, по большей части, английских батраков. В 1825 году 15 тысяч гаэлов были уже замещены 131.000 овец.

¹⁾ Гаэлы—обитатели северной горной Шотландии; язык гаэлов принадлежит к кельтской семье индо-европейских языков.

²⁾ Около 400 тысяч десятин.

³⁾ Приблизительно, 2.200 десятин, или около трех четвертей десятины на семью.

⁴⁾ Около 1 руб. 50 коп. золотом за десятину.

«Часть жителей, выброшенная на берег моря, пыталась прокормиться рыболовством. Однако бравым гаэлам предстояло еще сильнее поплатиться за их горно-романтическое преклонение перед большими людьми клана. «Большим людям» запах рыбы ударил в нос: они почуяли здесь нечто прибыльное и сдали морской берег в аренду крупным рыботорговцам Лондона. Гаэлы были изгнаны вторично.

«Наконец, часть овечьих пастбищ превращается в охотничьи парки. Как известно, в Англии нет настоящих лесов. Дичь в парках вельмож, это—конституционный домашний скот, жирный, как члены лондонского городского совета. Шотландия является поэтому последним убежищем «благородной страсти».

«В горной Шотландии,—говорит Сомерс в 1848 году,—площадь лесов была очень расширена... Превращение их земель в пастбища... выгнало гаэлов на бесплодную землю. Теперь красная дичь начинает вытеснять овец и низвергает гаэлов в еще более сокрушительную нищету... Леса для дичи (охотничьи парки) ¹⁾ и люди не могут существовать рядом. Одни должны уступить свое место другим. Если охотничьи пространства в ближайшее двадцатипятилетие будут так же увеличиваться в количестве и в размерах, как в предыдущее, то не останется ни одного гаэла на его родной земле. Это движение среди землевладельцев горной Шотландии отчасти обязано своим существованием моде, аристократическому тщеславию, страсти к охоте и т. д., но, с другой стороны, торговля дичью ведется исключительно ввиду ее прибыльности, так как известно, что горный участок, предназначенный для охоты, во многих случаях гораздо прибыльнее пастбища для овец... Цена, предлагаемая любителем, ищущим участка для охоты, ограничивается только размерами его кошелька... Страдания, на которые была обречена горная Шотландия, не менее жестоки, чем те, на которые политика норманских королей обрекла Англию. Красной дичи предоставлялся все больший и больший простор, между тем как людей гоняли на все более и более тесном пространстве... У народа отнимали одну вольность за другой... И притеснение растет еще с каждым днем. «Очищения» и изгнание народа проводятся землевладельцами с твердостью принципа, как сельскохозяйственная необходимость, совсем подобно тому,

---

¹⁾ В «лесах для дичи» в Шотландии нет ни одного дерева. Просто изгоняют овец с голых гор и пригоняют на их место оленей, и это называется «леса для дичи». Здесь не производится, стало быть, даже лесонасаждений. Примечание К. Маркса.

как в лесах Америки и Австралии вырывают деревья и кусты,— вся эта операция спокойно идет своим деловым порядком».

«Расхищение церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных имуществ, грабеж общинных земель, совершенное с беспощадным терроризмом превращение феодальной собственности и собственности клана в современную частную собственность,—таковы идиллические методы первоначального накопления. Они завоевали поле для капиталистического земледелия, подчинили землю капиталу и создали для городской промышленности необходимый приток вольных, как птицы, пролетариев.

«Этот пролетариат, лишенный средств существования, никоим образом не мог быть поглощаем развивающейся мануфактурной промышленностью с такой же быстротой, с какой он создавался указанными процессами. С другой стороны, эти люди, внезапно выброшенные из своей обычной жизненной колеи, не могли сразу освоиться с дисциплиной новых порядков. Они целыми массами превращались в нищих, в разбойников, в бродяг. Отсюда в конце XV и в продолжение всего XVI века во всей Западной Европе—кровавое законодательство против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса с самого начала подверглись каре за то, что их превратили в бродяг и пауперов. Законодательство считало их «добровольными» преступниками и предполагало, что от их доброй воли зависит продолжать работать при несуществующих уже более прежних условиях жизни.

«В это время, когда появилось на свет капиталистическое производство, нарождающаяся буржуазия пользовалась государственной властью для «регулирования» заработной платы, для удлинения рабочего дня и для того, чтобы удерживать самого рабочего в нормальной степени зависимости. Это—существенный момент так называемого первоначального накопления.

«Класс наемных рабочих, образовавшийся во второй половине XIV столетия, составлял тогда и в последующем столетии лишь очень незначительную часть народа. Сильною поддержкой его хозяйственного положения являлось самостоятельное крестьянское хозяйство в сельских округах и цеховая организация в городах. В селах и городах хозяева и рабочие стояли близко друг к другу в социальном отношении. Переменный элемент значительно преобладал над постоянным. Поэтому спрос на наемный труд быстро увеличивался с каждым накоплением капитала, между тем как предложение наемного труда только медленно следовало за ним.

«Рассмотрев насильственное создание свободных, как птицы, пролетариев, мы можем спросить: откуда же первоначально взялись капиталисты? Ведь экспроприация сельского населения создает непосредственно только крупных землевладельцев. Что же касается генезиса фермера, то мы можем этот генезис, так сказать осязать руками, так как он представляет медленный процесс, продолжающийся целые столетия.

«В Англии фермер сначала появляется в форме фогта или бурмистра имения, который сам еще крепостной. Во второй половине XIV столетия его заменяет фермер, которого лэндлорд снабжает семенами, скотом и сельскохозяйственными орудиями. Его положение немногим отличается от положения крестьянина. Он эксплуатирует только больше труда. Вскоре он становится половником. Он доставляет одну часть капитала, необходимого для земледелия, лэндлорд—другую. Валовой продукт они делят между собой в пропорции, определенной в контракте. Эта форма быстро исчезает в Англии и уступает место настоящему фермеру, который, прилагая наемный труд, пускает в ход свой собственный капитал и часть прибавочного продукта натурой или деньгами уплачивает лэндлорду, как поземельную ренту.

«Пока, в продолжение XV столетия, независимые крестьяне и наемные сельскохозяйственные рабочие, ведущие также свое собственное хозяйство, обогащаются своим собственным трудом, положение фермеров и размеры их производства остаются довольно посредственными. Переворот в земледелии, начавшийся в последней трети XV столетия и продолжавшийся все XVI столетие (за исключением, однако, последних десятилетий), так же быстро повел к их обогащению, как к обеднению сельского населения. Захват общинных выгонов и т. д. дает им возможность увеличить количество скота почти без всяких расходов, а скот доставляет им более обильное удобрение для обработки земли.

«В XVI столетии к этому присоединяется еще один важный момент. Арендные контракты были в то время долгосрочные, часто на 99 лет. Постоянное падение ценности благородных металлов, а стало быть, и денег принесло фермерам золотые плоды. Прежде всего, помимо всех прежде рассмотренных обстоятельств оно понизило заработную плату. Постоянное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, одним словом, на все сельскохозяйственные продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всякого действия с его стороны, между тем как выговоренная в договоре поземельная рента уплачивалась в прежнем, соответство-

навшем иной ценности денег, размере. Таким образом он обогащался в одно и то же время и за счет своих наемных рабочих и за счет своего лэндлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в конце XVI столетия Англия обладала классом «капиталистов-фермеров», довольно богатых для условий того времени.

«Происходившие толчками и постоянно возобновлявшиеся экспроприация и изгнание сельского населения доставляли, как мы видели, городской промышленности все новые и новые массы пролетариев, стоявших совершенно вне цехового строя. Уменьшению независимого сельского населения, ведущего самостоятельное хозяйство, соответствовало не только увеличение промышленного пролетариата. Несмотря на уменьшение числа земледельцев, земля приносила продуктов столько же, сколько и прежде, или больше, так как революция в отношениях поземельной собственности сопровождалась улучшением способов культуры, развитием кооперации, концентрацией средств производства и т. д., и так как не только сельские рабочие принуждены были более интенсивно трудиться, но и, кроме того, то пространство, которое они обрабатывали для себя, все таяло и таяло. Вместе с «освобождением» сельского населения освобождаются, следовательно, и его прежние средства пропитания. Выброшенный на улицу крестьянин должен теперь приобретать их стоимость у своего нового господина, промышленного капиталиста, в форме заработной платы. То же самое происходит и с местным земледельческим сырьем промышленности.

«Предположим, например, что некоторая часть вестфальских крестьян, которые во времена Фридриха II (1740—1786 г.г.) все пряли лен, была насильственно экспроприрована и изгнана с земли, другая же оставшаяся часть превращена в наемных рабочих крупных фермеров. В то же самое время возникают крупные льнопрядильные и льноткацкие фабрики, где «освобожденные» работают уже в качестве наемных рабочих. Лен и теперь имеет такой же вид, как и прежде. Ни одно волоконец в нем не изменилось, но в него вселилась новая социальная душа. Он образует теперь часть постоянного капитала владельца мануфактуры. Лен, прежде распределявшийся между бесчисленным множеством мелких производителей, которые сами его возделывали и в небольших количествах пряли со своими семьями, теперь сконцентрирован в руках одного капиталиста, дающего его другим прясть и ткать для себя. Добавочный труд, потраченный на пряденье

льна, реализовался прежде в добавочных доходах многочисленных крестьянских семейств или же, во времена Фридриха II, в налогах. Теперь он реализуется в прибыли немногих капиталистов. Веретена и ткацкие станки, прежде разбросанные по всей стране, теперь сосредоточены в немногих больших рабочих казармах, так же, как и рабочие, так же, как и сырой материал. И из средств независимого существования прядильщиков и ткачей веретена, ткацкие станки и сырой материал отныне превращаются в средства господства над ними и высасывания из них неоплаченного труда. Крупные мануфактуры, равно как и крупные фермы, своим видом не говорят, что они образовались из соединения многих мелких мастерских и вследствие экспроприации многих мелких независимых производителей.

«Экспроприация и изгнание одной части сельского населения освобождают вместе с рабочими не только их средства существования и их рабочий материал, для промышленного капитала,—они создают внутренний рынок.

«Прежде крестьянское хозяйство обрабатывало сырой материал и производило съестные припасы, которые оно, по большей части, потом само потребляло. Эти съестные припасы и сырой материал стали теперь товарами: крупный фермер продает их, находя сбыт для них на мануфактурах. Пряжа, холст, грубые шерстяные материи—вещи, сырье для которых имелось налицо в каждом крестьянском семействе, прявшем и ткавшем их для своего собственного потребления—превратились теперь в мануфактурные товары, для которых именно сельские округа и служат рынками сбыта. Так, рука об руку с экспроприацией крестьян, имевших прежде самостоятельное хозяйство, с их отделением от средств производства идет уничтожение сельской подсобной промышленности. И только с уничтожением сельского домашнего производства внутренний рынок страны может принять те размеры и приобрести ту прочность, какие необходимы для капиталистического способа производства.

«Однако собственно мануфактурный период не несет еще с собой радикального переворота. Только крупная промышленность создает, в виде машин, прочное основание для капиталистического земледелия, радикально экспроприирует громадное большинство сельского населения и довершает отделение земледелия от сельских домашних промыслов—пряденья и ткачества, вырывая последние с корнем. Поэтому, только она завоевывает для промышленного капитала весь внутренний рынок.

«Процесс возникновения промышленного капиталиста не отличался той постепенностью, которая характерна для развития фермера. Без сомнения, отдельные мелкие цеховые мастера и даже наемные рабочие превращались в мелких капиталистов и посредством постоянно расширяемой эксплуатации наемного труда и соответствующего накопления становились настоящими капиталистами. Однако же черепашный ход этого способа совсем не соответствовал торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV столетия.

«Средние века передали по наследству новой истории две различных формы капитала: ростовщический и торговый. Феодалный строй в сельских округах и цеховая организация в городах мешали превращению денежного капитала, образовавшегося посредством ростовщичества и торговли в промышленный капитал. (Еще в 1794 году мелкие суконщики Лидса послали депутацию в парламент, прося издать закон, запрещающий купцам делаться фабрикантами.) Эти преграды рушились с распушением феодалных дружин, с экспроприацией и изгнанием части сельского населения. Новые мануфактуры возникли, главным образом, в морских экспортных гаванях или в таких местах внутри страны, которые были вне сферы господства старого городского строя с его цеховой организацией. Отсюда в Англии—ожесточенная борьба между старыми привилегированными городами и этими новыми рассадниками промышленности.

«Открытие золотых и серебряных рудников в Америке, истребление, порабощение и погребение заживо туземного населения в этих рудниках, первые шаги по пути завоевания и ограбления Ост-Индии, превращение Африки в место выгодной охоты за черпкожицами,— все эти явления характеризуют капиталистическую эру на заре ее развития. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления. За ними идет торговая война европейских народов, театром которой является весь земной шар. Она открывается отпадением Нидерландов от Испании (1581 г.), принимает исполинские размеры в антиякобинской войне Англии (около 1800 г.) и продолжается еще до наших дней в войнах из-за опиума с Китаем (1842 г.) и т. д.

«Различные моменты первоначального накопления следуют один за другим в более или менее правильном хронологическом порядке; местом действия их являются Испания, Португалия, Голландия, Франция, Англия. В Англии в конце XVII столетия они все сочетаются в цельную систему, отдельными звеньями которой

являются колониальная система, система государственных долгов, современная система обложения и протекционистская система (или система покровительственных пошлин). Все эти методы отчасти основываются на самом грубом насилии, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, этой концентрированной и организованной силой общества, для того, чтобы ускорить превращение феодального способа производства в капиталистический и сократить переходные ступени. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, чреватого новым. Оно само является экономической силой.

«Вот что говорит о христианской колониальной системе В. Хаунт, человек, сделавший христианство своей специальностью (книга его «Колонизация и христианство» вышла в Лондоне в 1838 году): «Варварство и гнусные жестокости, совершенные так называемыми христианскими расами во всех странах света и по отношению ко всем народам, которые они могли покорить, не имеют ничего равного себе ни в какую эпоху всемирной истории, ни у одной расы, даже самой дикой и необразованной, безжалостной и бессовестной». История голландского колониального хозяйства—а Голландия была образцовой капиталистической нацией в XVII столетии—«развертывает бесподобную картину измены, подкупов, убийств из-за угла и подлости»¹⁾. Для того, чтобы завладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. Он впустил их в город в 1641 году. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его исподтишка, чтобы «воздержаться» от уплаты 21.875 фунтов стерлингов за измену. Всюду, где бы они ни появлялись, за ними следовали опустошение и уменьшение населения. В Баньюанги, провинции на Яве, в 1750 году считалось 80 тысяч жителей, а в 1811 году—только 8 тысяч.

«Английская Ост-Индская Компания приобрела, как известно, кроме политического господства в Ост-Индии, исключительную монополию чайной торговли и вообще торговли с Китаем, а также монопольное право на перевозку товаров в Европу и из Европы. Но каботаж у берегов Индии и судоходство между островами внутри Индии стали монополией высших чиновников компании. Монополия соли, опиума, бетеля и других товаров была неисчерпаемым источником богатства. Чиновники сами устанавливали цены

---

¹⁾ Томас Стенфорд Роффль (бывший вице-губернатор Явы), Ява и прилегающие к ней области. Лондон, 1817.

и немилосердно обирали несчастных индусов. В этой частной торговле принимал участие и генерал-губернатор, а любимцы его получали контракты на таких условиях, благодаря которым они лучше алхимиков делали золото из ничего. Громадные состояния, как грибы, выростали в один день, первоначальное накопление совершалось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебное преследование Уоррена Хастингса (генерал-губернатор Ост-Индии, процесс его продолжался с 1788 по 1795 год) полно таких примеров. Приведем здесь один случай. Некий Сюлливан получает контракт на поставку опиума в момент своего отъезда по поручению правительства в часть Индии, расположенную вдали от места производства опиума. Сюлливан продает свой контракт за 40.000 фунтов стерлингов некоему Бинну, Бинн в тот же день продает его за 60.000 фунт. ст., а последний покупатель и исполнитель контракта заявляет, что, несмотря на это, он еще получил огромную прибыль. Из списка, представленного парламенту, оказывается, что за время с 1757 по 1766 г. компания заставила индийцев подарить ей и ее чиновникам 6 миллионов фунтов стерлингов. Между 1769 и 1770 г.г. англичане создали голод, скупив весь рис и соглашаясь продавать его только по баснословной цене.

«Колониальная система с чисто тепличной силой содействовала росту торговли и мореплавания. «Монопольные общества» (выражение Лютера) были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали нарождавшимся мануфактурам рынок сбыта и усиленное, благодаря монополии рынка, накопление. Сокровища, захваченные вне Европы прямым грабежом, порабощением и разбоем, возвращались на родину похитителей и превращались здесь в капитал. Голландия, которая первая вполне развила колониальную систему, находилась уже в 1648 году на вершине своего торгового величия. Она «получила почти исключительное обладание ост-индийской торговлей и сообщением между юго-западом и северо-востоком Европы. Своими рыбными ловлями, своим флотом, своими мануфактурами она превосходила все другие страны. Капиталы республики были, может быть, больше, чем капиталы всей остальной Европы вместе взятые». Но Гюлих, автор этих строк, забывает прибавить, что голландские народные массы в 1648 году были уже самыми истощенными, благодаря чрезмерному труду, самыми нищими и наиболее грубо угнетаемыми из всех без исключения европейских наций.

«В настоящее время (1865 г.) промышленное первенство ведет

за собой торговое. Но в мануфактурный период в собственном смысле этого слова, наоборот, торговое первенство вело к промышленному преобладанию. Отсюда преобладающая роль колониальной системы в эту эпоху. Она была тем «чуждым богом», который уселся на алтарь рядом со старыми богами Европы и в один прекрасный день одним ударом выбросил их всех за борт. Она объявила получение прибыли конечной и единственной целью человечества.

«Система государственного кредита, т.-е. государственных долгов, зачатки которой мы открываем еще в средние века в Генуе и Венеции, в мануфактурный период захватила всю Европу. Колониальная система с ее морской торговлей и ее торговыми войнами, точно теплица, ускоряла развитие государственных долгов. Прежде всего система государственного кредита развилась в Голландии. Государственный долг, т.-е. отчуждение государства—все равно, деспотического, конституционного или республиканского—накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, действительно переходящая в общую собственность современных народов,—это их государственный долг.

«Государственные долги являются одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Как бы по мановению волшебного жезла, они наделяют непроизводительные деньги производительной силой и превращают их, таким образом, в капитал, не подвергая его при этом ни риску, ни заботам, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с отдачей их в рост. Государственные кредиторы, в сущности, ничего не дают, так как отданные ими в заем деньги превращаются в легко переносимые государственные долговые свидетельства, функционирующие в руках кредиторов совершенно так же, как если бы это были наличные деньги.

«Но, помимо создаваемого, таким образом, класса праздных рантье и импровизированного богатства финансистов, играющих роль посредников между правительством и нацией, помимо откупщиков государственных доходов, купцов, фабрикантов бумаги, которым каждый заем оказывает услугу капитала, свалившегося с неба,—государственные долги создали акционерные общества, торговлю всевозможными ценными бумагами, ажиотаж,—словом, биржевую игру и современную банкократию.

«Украшенные национальными титулами крупные банки со дня своего рождения представляли собой только общества частных

спекулянтов, приходящие на помощь правительствам и, благодаря полученным привилегиям, оказывающиеся в состоянии ссужать их деньгами.

«Поэтому самым верным мерилom накопления государственных долгов служит постепенное повышение акций этих банков, широкое развитие которых началось с учреждения английского банка (1694 г.). Английский банк начал с того, что давал правительству деньги по 8%; в то же самое время он был уполномочен парламентом чеканить деньги из того же капитала, пуская его снова в обращение в форме банковых билетов (банкнот). Этими банковыми билетами он мог учитывать векселя (т.-е. покупать их до истечения срока), давать ссуды под товары и покупать благородные металлы. Вскоре затем эти кредитные деньги, им самим сфабрикованные, стали деньгами, которыми английский банк ссужал государство и за счет государства платил проценты по его долгам. Но не довольствуясь тем, что он одной рукой давал с тем, чтобы другой рукой получать гораздо больше, банк, даже получая деньги, тем не менее оставался вечным кредитором нации до последней данной им копейки. Мало-по-малу он неизбежно превратился в резервуар металлических сокровищ страны и в центр притяжения всего ее торгового кредита. В то время когда в Англии перестали сжигать ведьм, там стали вешать тех, кто подделывал банковые билеты. Какое впечатление производило на современников это внезапное появление шайки банкocrats, финансистов, рантье, маклеров, биржевых барышников, видно из сочинений того времени.

«С государственными долгами возникла международная кредитная система, под которой часто скрывается один из источников первоначального накопления у того или другого народа. Так, низости венецианской системы грабежа составляют такое скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой Венеция во время своего упадка ссужала значительные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII столетия мануфактуры Голландии отошли на задний план, и она перестала быть господствующей торговой и промышленной страной. Одной из главных торговых операций ее с 1701 по 1776 г. становится отдача огромнейших капиталов в заем, в особенности, ее могущественному конкуренту Англии. Такой же характер носит в настоящее время (1867 г.) отношение между Англией и Соединенными Штатами.

«Так как государственные долги опираются на государствен-

ные доходы, из которых должны быть покрыты проценты, ежегодные и другие платежи, то современная система обложения исторически является необходимым дополнением системы государственных займов. Займы дают возможность правительству покрывать чрезвычайные расходы, без того чтобы плательщики налогов чувствовали это сейчас же, но впоследствии и займы все-таки требуют повышения налогов. С другой стороны, увеличение налогов, происходящее вследствие накопления последовательных долгов, принуждает правительство при новых чрезвычайных расходах постоянно заключать новые займы. Современный фискальный режим, осью вращения которого являются налоги на предметы первой необходимости (т.-е. их удорожание), носит, таким образом, в себе самом зародыш своего автоматического прогрессивного возрастания. Чрезмерное обложение представляет не случайное явление, но, наоборот, принцип. В Голландии, где эта система была прежде всего введена, великий патриот де-Витт восхвалял ее, как наилучшее средство сделать рабочего покорным, скромным, трудолюбивым и... задавленным трудом. Но здесь нас занимает не столько разрушительное влияние, которое оказывает эта система на положение наемного рабочего, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников, одним словом, всех составных частей мелкого среднего класса. Об этом не существует двух мнений даже среди буржуазных экономистов. Экспроприрующее действие податной системы усиливается еще системой покровительственных пошлин,—последняя составляет одну из существенных составных частей первой.

«Система покровительственных пошлин была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприровать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и существования, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному. Европейские государства брали с бою патент на это изобретение, но, раз став на службу капиталистов, они грабили не только свой собственный народ, косвенно посредством охранительных пошлин и прямо посредством вывозных премий и т. д.,—в зависимых соседних странах, кроме того, насильственно искоренялась всякая промышленность, так, например, ирландская шерстяная мануфактура была уничтожена Англией. На европейском континенте процесс этот, по примеру Кольбера, был значительно упрощен. Первоначальный капитал промышленников брался здесь частью прямо из государственной казны.

«Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, таможенное покровительство, торговые войны и т. д.—все эти отпрыски мануфактурного периода в собственном смысле слова колоссально разрастаются в младенческий период крупной промышленности».

Такова картина, изображенная Марксом. Если, углубившись в нее, мы отчасти отошли назад от XIX века, то это, с одной стороны, сделано было нами потому, что такое отступление необходимо для понимания возникновения новейшего капитализма. С другой же стороны, соответствующие явления в других государствах на европейском континенте наступили лишь много позднее и относятся в экономической истории XIX века. При этом достойно изумления то поразительное сходство с английским образцом, какое обнаружило позднее то же развитие, например, в Пруссии.

Если мы не хотим застрять всецело в области предварительной истории, но приступить к нашей теме в собственном смысле этого слова, которая состоит ведь в обнаружении последствий новейшего капитализма, то мы, разумеется, не можем с такой же подробностью останавливаться на всех капиталистических странах, с какою Маркс исследовал Англию, и, стало быть, должны поставить себе определенные границы. Поэтому в данном обзоре мы пока остановим преимущественное внимание наше, наряду с Англией, еще только на одной стране, на Г е р м а н и и, в течение XIX века превратившейся во второе в мире по занимаемому месту коммерческое государство. Или лучше,—так как Германия сама состоит из пары дюжин отдельных государств, каждое из которых имеет свое правительство, свое законодательство, свое особое экономическое развитие,—мы ограничимся рассмотрением крупнейшего из них, Пруссии.

Известно, что в Пруссии как раз в начале XIX века начались важные экономические реформы, сперва в области аграрного законодательства. Если мы зададимся вопросом о причинах, вызвавших появление новых законов, то по интересующему нас вопросу мы часто в трудах историков встречаем такое выражение: прежнее положение вещей стало де «невозможным». Но что это значит? Почему оно стало «невозможным»? Ведь до отмены оно было возможным. Если мы в поисках ответа продолжим наши исследования далее, то непременно во всех случаях без исключения окажется следующее: вышеприведенная фраза историков по существу является выражением того факта, что при налич-

ном способе производства—прежде всего в земледелии—производится слишком мало продуктов, так что прокормление населения не может быть обеспечено в достаточной мере. Вот несколько примеров.

В 1914 году появилась весьма поучительная книга Эриха Иордана о «Возникновении консервативной партии и поземельных отношениях в Пруссии в 1848 году». В ней дается следующая характеристика положения в начале XIX века:

«В 1800 году в Пруссии господствовала еще трехпольная система, а это означало плохое питание скота и пашни. Все еще царила феодальная система организации труда, т.е. неоплачиваемый, принудительный, а потому и в высшей степени нерадивый труд подневольных людей. И, наконец, господствовало на большей части помещичьих земель и почти на всех крестьянских землях такое распределение пашни, которое делало почти невозможным какой бы то ни было экономический прогресс». Затем следует описание «крайне-экстенсивного хозяйства». «Пашня засеивалась один год озимым хлебом, другой год—яровым, а на третий год оставлялась под пар. На полях, оставленных под пар, все лето пасся скот как в целях собственного прокормления, так и для унавождения полей. Это было выгодно, если хозяйство обладало, кроме того, хорошими лугами, доставлявшими сено на зиму и пастбища на осенний период после снятия отавы. Хуже, однакоже, дело обстояло там, где условия сложились иначе, а таково было положение в большинстве хозяйств: здесь паровые поля могли быть засеваемы лишь очень поздно, именно лишь по снятии озимого урожая и по выгоне скота на подножный корм. При таких условиях, когда скот и летом плохо питался, положение его зимою ухудшалось еще больше. Так как разведение кормовых растений распространялось очень медленно, то главной пищей для скота зимой служила солома. К весне скот приходил в такое состояние, что не в силах был самостоятельно выходить на пастбище, и его приходилось вытаскивать за хвост, так что хвост стал для него нарицательным именем. Яркое описание этого явления дает нам один из наиболее уважаемых сельских хозяев начала XIX века. Нужно видеть, как выгоняется этот скот весной на пастбище, чтобы представить себе зрелище, вызывающее негодование и жалость. Покрытые нечистотами, точно панцырем, с резко выделяющимися ребрами и костями, плетутся эти несчастные жертвы человеческой глупости, нередко застре-

вая в грязи, из которой их приходится вытаскивать. Это кормление соломой дает к тому же плохое удобрение и в малом количестве, недостаточном даже для скудного удобрения полей, находящихся под паром. Ввиду этого помещику приходилось делить свою землю на две части: унавоженную и неунавоженную. Для последней части, отличавшейся плохим качеством почвы, не хватало навоза, и ею поэтому пользовались только как выгоном для скота, лишь изредка, раз в три года или еще реже, сея на ней рожь.

«Столь же плоха, как и система хозяйства, была работа. Крепостной крестьянин, даром обрабатывавший пашню своего помещика, не прилагал никаких стараний. Николай (писатель того времени) изображает нам крестьянина, злорадствующего при виде надвигающейся грозы. Он и не думает поспешить с работой, чтобы спасти от надвигающегося дождя возможно больше из господской жатвы. Для барщины крестьяне посылают на господский двор самый захудалый скот с самой плохой упряжкой. Крестьянский плуг не дает необходимой глубокой вспашки, а деревянная борона недостаточно глубоко забирает почву; небольшая и некрепкая крестьянская телега не может вместить порядочного воза удобрения, а захудалый упряжной скот не в силах доставить его на место. То и дело что-нибудь ломается, и на починку или доставку другого уходит весь день. Хуже всего, однако же, то, что при такой обработке земля не дает того, что должна и могла бы давать... При возке много времени и сил уходило на длинный путь, нередко в несколько миль. К новшествам крепостной крестьянин обнаруживал отвращение или недовольство; он опасался их, всегда предполагая, что они несут ему в будущем новые тягости. Мы видим, что наступил момент, когда никакое принуждение не могло сделать экономически полезным такое неестественное отношение, как барщинный труд. Барщинный работник был непригоден для такого производства, которое требовало доброкачественного труда.

«На-ряду с трехпольным хозяйством и барщинным трудом было еще третье обстоятельство, которое преграждало путь всякому экономическому прогрессу: распределение полей, чересполосица. Повсюду деревенская пашня была разделена лесом, водной поверхностью, пустырями на отдельные части. В каждой из этих частей каждый владелец крестьянского участка (гуфы) имел свою долю. Его участок, следовательно, распадался на очень много небольших частей. С другой стороны, крестьянин

не мог обрабатывать своей земли так, как считал наилучшим. Право каждого из односельчан на пастбище, право каждого на дорогу к своей пашне, вынуждало к однообразию и единству действий. Решением общины устанавливались начало посева, порядок плодосмена, начало жатвы. До тех пор, пока все разрозненные полосы отдельных владельцев не были выделены из общинных земель к одному месту, не представлялось почти никакой возможности для крестьянских владельцев улучшить свое хозяйство».

Не подлежит, стало быть, сомнению, что сельское хозяйство в Пруссии при тогдашней его организации давало мало продуктов, и что этого количества было слишком мало для потребностей того времени. С промышленностью дело обстояло не лучше. В производстве сплошь царил еще ремесленный способ ¹⁾. Даже те незначительные зачатки индустрии в собственном смысле слова, которые уже имелись налицо, все еще не выходили из рамок ремесленных предприятий. Были только мелкие предприятия, фабрик более крупных размеров еще не было и в помине. Заботы капиталистического предпринимателя, если таковой был, сводились преимущественно к продаже товара, изготовление же товара и на фабрике шло по тому же способу, что и у ремесленника на дому. Впрочем, такие предприятия несколько большего размера имелись только в текстильной промышленности (прядение и ткачество), в горном деле и железядобывающей промышленности. Во всех прочих отраслях исключительное господство еще принадлежало ремеслу в его средневековой форме.

Таково было положение производства в начале XIX века, с самых первых шагов своих стоявшего перед неустранимой задачей увеличения производства. Этой задаче посвящены были все помыслы людей, занимавшихся вопросами народного хозяйства; этой же задачей порождены были и те труды их, которые прославили имена своих авторов в экономической науке.

Вовне отсталость мелко-крестьянского, как и ремесленного, способа производства явственно проявилась в том, что отдельному хозяйствующему предпринимателю со всех сторон ставились ограничения для его деятельности. Выше мы видели уже, как связан был отдельный крестьянский производитель в деревне с методом хозяйствования своих однообщественников благодаря

¹⁾ Ср. В. Зомбарт, Народное хозяйство Германии в XIX веке. 5 изд. 1921 г. (стр. 53—60 нем. издания).

одной только чересполосице. В Англии, правда, к началу XIX века такого положения уже не существовало, хотя в сфере ремесла оставались еще в силе все те установленные в средние века правила, имевшие целью воспрепятствовать отдельному ремесленнику получение более высокого дохода, чем тот, который получали его сотоварищи по цеху. В этом обстоятельстве усматривали причину недостаточности производства, в связи с чем и возникла та литература, которая превозносила свободную конкуренцию, как целебное средство против всех экономических зол. Сигнал был дан знаменитым шотландцем Адамом Смитом (в его сочинении «Богатство народов, исследование о сущности и причинах народного благосостояния», появившемся в 1776 году). В кратких чертах учение его (поскольку оно относится к интересующей нас теме) сводится к нижеследующему.

Каждый человек естественно стремится улучшить свое положение. Нужно предоставить каждому свободно действовать по его усмотрению, и каждый сумеет позаботиться о своей собственной пользе, каждый будет действовать так, как того требуют его собственные интересы. А так как общество состоит из отдельных лиц, то улучшение положения этих последних, долженствующее явиться в результате свободной самостоятельности каждого, повлечет за собой постоянное повышение благосостояния всего общества в целом. Поэтому первым правилом мудрой экономической политики должно быть—предоставление каждому свободно применять к делу принадлежащие ему личные экономические силы, благодаря чему появится свободное соревнование, свободная конкуренция. Таким путем мы приводим в действие ту именно силу, которая не только является стимулом хозяйственной жизни, постоянно поддерживающим ее в ходу, но и регулирует ее. Последнее же, с точки зрения того, что имел в виду Адам Смит и его последователи, представляется особенно важным. По Смицу, конкуренция уравнивала прибыль или, по меньшей мере, те преимущества, которые несла с собою прибыль, благодаря чему регулировалось распределение капиталов не только между различными отраслями производства, но и между различными областями страны. Таким же точно образом, путем уравнивания заработных плат, влияет свободная конкуренция и на распределение рабочих сил соответственно имеющейся в них потребности ¹⁾.

¹⁾ Мысли эти изложены у Смита не в последовательной связи, но разбросаны в различных частях его труда. Эти мысли составляют основной тон, основную

Процесс этот происходит следующим, приблизительно, образом. Если какая-нибудь отрасль промышленности производит меньше продуктов, чем требуется для потребления, то вследствие сильного спроса на эти продукты поднимается цена на них, а следовательно, и прибыль. Очень скоро при свободной конкуренции начнется приток капиталов в эту отрасль, благодаря чему производство ее возрастет. Но именно вследствие этого возрастает предложение этих товаров, цена на них падает и, таким образом, конкуренция заботится о том, чтобы в данной отрасли было достаточно товаров по соответственно дешевым ценам. Соответственным образом дело происходит и в обратном случае: если данная отрасль производит слишком много товаров, то цена на них падает, часть капиталистов оставляет эту отрасль, пока в результате такого отлива капиталов производство ее не сократится до размеров необходимого. Так заботится свободная конкуренция о том, чтобы производство необходимого товара не было в течение длительного периода времени ни избыточным, ни слишком недостаточным.

Так представлял себе ход этого процесса Адам Смит, и учение его до такой степени вошло в плоть и кровь двух-трех последующих поколений, и стремление применить его к практической жизни было так велико, что первую половину XIX века с полным правом можно назвать эпохой свободной конкуренции. Разумеется, действительная связь между этими явлениями была обратной: не потому, что Адам Смит и его последователи выставляли эту теорию, действовали по ней капиталисты и хозяйственные руководители того времени, но потому, что этого требовали их экономические потребности; теория же А. Смита и писателей его школы давала этой капиталистической практике, покоящейся на экономической основе, теоретическое обоснование и оправдание, которые потому лишь встретили столь живой и всеобщий отклик, что превосходно соответствовали практике своего времени.

В этом, стало быть, и заключалась та программа действий, которая пользовалась всеобщим признанием в первой половине прошлого столетия: старались, если к тому представлялась хоть

идею, проникающую весь его труд. Было поэтому невозможно изложить их посредством коротких цитат из самого Смита. Приведенное выше связанное изложение их взято из мало известной, но очень дельной книги бельгийского социалиста— П. Dents. История экономических и социалистических теорий,— появившейся в Брюсселе приблизительно в 1895 году.

какая-нибудь возможность, проводить в жизнь беспрепятственное действие свободной конкуренции.

Но то, что при этом получалось, существенным образом отличалось от того, что рисовал себе Адам Смит.

В годы 1836—1838 появился в Париже труд женевского экономиста Симона де-Сисмонди под заглавием «Этюды о социальных науках». Автор, верность наблюдений которого не вызывает сомнений, изображает нам в этом труде практику свободной конкуренции. Мы читаем там следующее:

«Каждый человек, преследуя свои собственные цели, упускает из виду интересы общества и не в состоянии отмеривать своих действий таким образом, чтобы они соответствовали потребности всех. Произошло разделение труда, так что отдельное лицо знает толк лишь в производстве одного единственного товара и преследует свою цель, не зная в точности, какое количество этого товара необходимо для общества. Предприниматель лично охотнее всего производит бы данный товар в неограниченном количестве: раз представляется возможность производить товар не в запас, но получить за него деньги или векселя, то предприниматель помышляет лишь об обогащении, и желаниям его нет границ...».

«Одни владеют землей, другие капиталом, третьи ничем, кроме силы своих рук, но всем им общее желание прибыли, все более возрастающей прибыли, все более возрастающей доли в располагаемых ими факторах производства. Так, землевладелец делает все, что в его силах, чтобы земля его была возможно лучше использована, давала наибольшие урожаи, короче говоря, старается добыть свои доходы с наименьшими издержками и с помощью дешевых продажных цен получить превосходство над конкурентами. Капиталист не менее усердно старается найти выгодное помещение для своего капитала, ввести производство нового товара, который вследствие своей полезности, новизны или дешевизны мог бы найти сбыт даже в том случае, если товары других промышленников не находят покупателей. Ибо ни к чему промышленнику его капитал, если он никакого труда не приводит в движение. И, наконец, рабочий. Рабочий только тем и питается, сколько сможет заработать. Он поэтому старается ни одного дня не быть без работы и предлагает себя каждому, кто хочет дать ему работу. Он старается зарекомендовать себя тем, что, благодаря своей силе или ловкости, в состоянии в более короткое время выработать больше, чем другой,

или же тем, что работает большее количество часов или дешевле, чем другой. Эти три класса, стало быть, в равной мере стараются производить все больше и все дешевле, производить тем в большей мере, чем хуже оплачиваются их старания, дабы количеством возместить потерю в цене. Это стремление свое они осуществляют, не руководствуясь покупательной силой потребителя. Напротив, эта последняя представляется им неизменной, и они борются между собой из-за лучшего места. Каждый старается побить конкурента посредством постоянного ускорения оборотов дела» 1).

Итак, что же подметил Сисмонди в практике свободной конкуренции? По мере того, как спадали оковы цехового ремесла и мелкого земледелия, по мере того, как расширялась сфера свободной конкуренции, каждый старался производить столько, сколько мог, нисколько не заботясь о том, сколько производят другие предприниматели и сколько вообще нужно для потребления. Производство, следовательно, в значительной мере возросло, чем и была достигнута ближайшая цель развязывания сил свободной конкуренции. Но о регулировании производства, которого равным образом ожидал Адам Смит от свободной конкуренции, и которое в системе его составляет столь важный фактор, нет ни слова. Как раз напротив: производство быстро разрослось за пределы покупательной силы потребления, и наступило постоянное перепроизводство. И с тем же точно правом, с каким первую половину XIX века называют эпохой свободной конкуренции, ее можно, ввиду этого, назвать также эпохой промышленных кризисов. Чрезвычайно наглядно рисует Родбертус в появившемся в 1850 году письме его о «Социальном значении государственного хозяйства» параллелизм между увеличением производства и появлением промышленных кризисов.

В письме этом говорится, например, следующее:

«В то время как на континенте свирепствовали опустошительные войны, последовавшие за французской революцией, Англия у себя дома достигла самого могучего расцвета. Все те изумительные изобретения Уатта, Аркрайта, Кромптона и Картрайта, которые вскоре после того были так необычайно улучшены меха-

1) Цитировано у К. Диль и П. Момберт, Избранные статьи для изучения политической экономии. Том VII: «Промышленные кризисы», Карлсруэ 1913, стр. 102—105 нем. изд.

ническим гением английского народа, в это время стали все больше и больше обнаруживать свою волшебную силу. Производство угля и железа, оловянные и медные рудники, прядильные и ткацкие заведения—это шахты английского богатства. Лишь за этот промежуток времени оно было создано в таких размерах, которые все более и более вызывают изумление. В последние десятилетия прошлого (т.е. XVIII) века английскому железнному производству угрожала опасность совсем прекратиться за недостатком дерева. Но благодаря раздувальным мехам новых машин стало возможным применять кокс. Изобретения Уатта и Больтона дали возможность поднимать из недр земли такие тяжести, для которых было бы недостаточно половины населения Англии. Благодаря этому на целые тысячелетия было обеспечено процветание горной промышленности. На такой период времени определяют запас угля и железа в недрах английской почвы...

«Во времена Уатта машины, потребляя шеффель каменного угля, могли поднять 7.700 кварт воды из глубины в 350 футов, а ко времени первого кризиса (1818—1819 г.г.) цифра эта возросла в десять раз, т.е. из той же глубины, с затратой того же количества каменного угля, машины могли поднять теперь 77.000 кварт. Во времена Аркрайта (1780 г.) во всей Англии в хлопчатобумажной фабрикации машины приводили в движение всего лишь 50.000 веретен, а в 1817 году 21.000 лошадиных сил приводила в движение шесть с половиной миллионов веретен. Рост производства соответствовал производительности...

«Это громадное увеличение производительности и производства повысилось еще в ближайшие годы после общего мира (1815 г.), когда на короткое время для английских судов был свободен доступ ко всем рынкам мира. Хотя паровой ткацкий станок был изобретен в 1784 году, но до 1815 года он едва применялся. А в 1818 году один только Манчестер имел 2.000 таких станков. С 1790 до 1814 года ввоз хлопка повысился с 31 миллиона фунтов до 73 миллионов фунтов. С 1814 до 1818 года ввоз повысился до 173 миллионов фунтов. Еще в 1812 году ценность всего английского ввоза равнялась 25 милл. фунтов стерлингов, а в 1818 году ценность эта была уже не меньше 36 миллионов. Вывоз за тот же период времени повысился с 38 миллионов до 51 миллиона...».

Но тут впервые ярко обнаружилась недостаточность потребления. Родбертус продолжает;

«И вот сразу каналы сбыта оказались заполненными, и богатство сменилось недостатком и нищетой. В 1819 году вывоз Англии упал с 51 милл. фунтов стерл., составлявших сумму вывоза предыдущего года, до 33 миллионов, ввоз за то же время упал с 36 миллионов до 29 миллионов. В результате этого за один только 1819 год и в одной только Англии число банкротств было не меньше 3.552. ...Могучая система зубчатых колес Уатта и Аркрайта, казалось, готова была замереть со всей своей силой, а вместе с ней и громадное количество рабочих, которые для машинной системы являются только простыми зубчатыми колесами. В Бирмингеме, Манчестере, Глазго потребление мяса и других необходимых жизненных предметов упало на целую треть. Таким образом, рабочему классу приходилось потреблять на одну треть меньше предметов питания. Адрес ноттингемских чулочников изображает страдания этого класса столь же просто, как и трогательно. «При ежедневной работе от 14 до 16 часов,—читаем мы в этом адресе,—мы все же зарабатываем для себя, жены и ребенка всего лишь от 4 до 7 шиллингов в неделю ¹⁾. Раньше на столе английского работника в избытке имелась питательная пища, а теперь мы питаемся водой, хлебом, картофелем и солью, и все же мы можем заверить, что нередко после напряженнейшей дневной работы мы и дети наши должны идти спать голодными. Мы призываем небо во свидетели, что вот уже 18 месяцев мы не знаем, что значит не испытывать мучений голода».

Непосредственно после окончания кризиса началось увеличение производства в еще более огромных размерах:

«Катастрофа 1818—1819 г.г. миновала. Краткое ограничение производства дало время потреблению проглотить громаднейшие запасы, и деятельность и энергия Англии снова привели в движение все производительные средства. Новые фабрики во всех промыслах, умножившаяся и возросшая машинная сила повысили эти средства в такой мере, что даже 1818 год юстался далеко позади. Один только Манчестер с своими окрестностями имел в 1824 году в хлопчатобумажном производстве такую же машинную силу, какая в 1817 году имелась во всей Великобритании. Только здесь число паровых ткацких станков увеличилось с 2.000 до 20.000. В горном деле рост числа паровых машин сопровождался еще улучшениями. Производство железа с 1816

---

¹⁾ 1 английский шиллинг равен приблизительно одной германской золотой марке.

до 1824 года повысилось с 38.000 тонн до 600.000 тонн. Изобретение Фультона 1807 года (паровое судно), питающее целые части света, получило с начала двадцатых годов, наряду со старыми силами, значение новой силы. Поэтому уже в 1821 году исчезли последние следы бедствия 1818—1819 г.г. Наступил общий расцвет торговли... Началась неслыханная промышленная деятельность. В видах увеличения и расширения прежних фабрик возникло 245 новых обществ с номинальным капиталом свыше 159 миллионов фунтов ст. Внесенный капитал равнялся 17 с половиной миллионам. Почти весь этот капитал был вложен в южно-американские предприятия, и этим был создан новый сильный спрос на английские товары... Ввоз и вывоз значительно повышались вплоть до 1825 года. Средний вывоз собственных произведений Англии в оба года, 1824 и 1825, равнялся 47 миллионам фунтов ст., тогда как вывоз в годы, предшествовавшие первому кризису, равнялся только 32 с половиной миллионам. Вывоз одних только хлопчатобумажных товаров, уже в 1820 г. равнявшийся сумме в 20 милл. фунт. ст., в 1825 году превысил сумму в 26 миллионов. Этот рост богатства оказал свое благодетельное влияние на все отрасли национального дохода. Прибыли содействовали все более и более быстрому накоплению капиталов. Заработная плата снова поднялась до той высоты, на какой она стояла в лучшие времена старой Англии. Земельная рента снова пошла в гору благодаря возросшему потреблению разных съестных припасов рабочим классом... И страны мира ответили на этот повышенный спрос своими богатствами. Средний ввоз в Англию равнялся:

	1822, 1823 и 1824 годы.	1825 год.
Шерсть	20 милл. фунт. ст.	40 милл. фунт. ст.
Хлопок	161 » » »	229 » » »
Шелк	2,5 » » »	3 » » »
Лен	600 тысяч » »	1 » » »

«И сразу все эти богатства снова исчезли. Капиталы, ссуженные за границу или вложенные там в предприятия, казались, исчерпали все свои силы. Настало безветрие в спросе, и судно твердо засело на том утесе, о который оно разбилось в 1819 г. Спустя семь месяцев после указанного выше повышения цен, цены упали следующим образом:

Хлопок	с 18 пенсов	до 7 пенсов
Кофе	» 88 шилл.	» 50 шиллингов
Селитра	» 36 »	» 23 »

Перец	с 9,5 пенс.	до 5 пенсов
Мускатные орехи	» 23 шилл.	» 4,5 шилл.
Табак	» 6,5 пенс.	» 3,25 пенс.

«В таком же отношении были потеряны и капиталы. С погребей капиталов разлетелось вдребезги и гордое здание кредита. За три месяца — декабрь, январь, февраль—1825/1826 г. в Англии лопнуло 80 поземельных банков. В конце 1825 года Лондонский банк имел на 32 миллиона обязательств, а наличность в кассе равнялась всего только одному миллиону... Система зубчатых колес Англии снова приостановилась, и среди никогда невиданного избытка товаров капиталисты теряли свое состояние, а рабочие снова были низвергнуты в ту нищету, от которой они избавились всего несколько лет тому назад...

«Как быстро пришел удар 1825/1826 г., так же быстро снова исчезли его последствия, по крайней мере, для предпринимателей. Только положение рабочих оставалось печальным дольше, нежели это было между первым и вторым кризисами. Уже в 1827 году спрос на английские товары снова оживился и производство пришло в движение. В 1833 году процветание промыслов снова восстановилось, и вплоть до 1836 года оно снова беспримерно шло в гору. Указанный процент понизился, и заработная плата повысилась, в некоторых местностях на 27⁰/₁₀₀. А цены на хлеб наполовину стояли ниже, нежели за последние 70 лет. Кредит снова стал так же доступен, как раньше. Государственные доходы—самый верный показатель цветущего обращения при налоговой системе Великобритании—увеличились... Действительно, громадные производительные силы Англии, которые еще увеличились, и производительность которых еще повысилась, снова могли беспрепятственно притти в движение. Портер вычисляет, что даже производительность сельского хозяйства так повысилась, что в начале тридцатых годов четыре семейства производили столько же жизненных средств, сколько в 1811 году могли произвести только пять семейств... Число хлопчатобумажных фабрик к концу 1835 года возросло до 1.262, число рабочих на них—до 221.000. В четырех графствах: Честер, Дерби, Ланкастер и Йорк одна только эта фабрикация приводилась в движение при помощи 473 водяных и 992 паровых машин. Последние — мощностью около 140 лошадиных сил. Один сведущий свидетель заявлял перед парламентской комиссией, что на 169 известных ему хлопчатобумажных фабриках в новейшее время сделаны улучшения, которые представляют собою добавочную

силу в 7.500 лошадей. В то время как в 1826 году во всей этой отрасли промышленности было всего лишь 40.000 паровых ткацких станков, в 1835 году их было уже 110.000. В шерстяной мануфактуре раньше их едва применяли, а теперь в этом промысле их было уже 5.000. Железные дороги и локомотивы представляют собой перевозочные машины, которые обладают более могучей силой, нежели любая производственная машина. Эти новые средства повышения производительности явились на свет божий в громадном количестве в 1834, 1835 и 1836 годах. Если, кроме того, принять во внимание то влияние, какое на производство угля и железа оказало железнодорожное строительство, рост хлопчатобумажной, шерстяной и льняной мануфактуры, которые все приводились в движение главным образом паровыми машинами; если, дальше, распространение этих последних производств поставить в связь с увеличением машин, которые нужны были для извлечения из недр земли столь сильно возросших тяжестей, то все же можно получить только приблизительное понятие о тех миллионах безжизненных, но неутомимых работников, которые в образе железа и пара создали богатство английского общества и которые могли бы также создать богатство одушевленных работников Англии.

«...Потребление хлопка с 1827 до 1836 года возросло с 700.000 тюков до 1.200.000 тюков. Добыча угля в 1835 году равнялась 18.300.000 тонн, считая по 20 центнеров в тонне. Однако нужно помнить, что производительные силы, создаваемые применением угля, должны возрасти еще в большем отношении, нежели самое производство угля, так как благодаря улучшению машин то же самое количество угля дает в 3, 4, 10 раз большее действие...

«Все большая и большая часть этого так сильно возросшего производства шла на рынки Северной Америки. С этих пор обе страны разделяли одинаковую торговую участь. Вывоз английских фабрикатов в Соединенные Штаты с 1830 по 1836 год возрос с 6 миллионов до 12,5 миллиона фунт. ст., с менее чем $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ с лишком всего вывоза. В первый же год (1830) вывоз этот на одну треть превысил вывоз в ту страну, которая по своему торговому значению для Англии занимала второе место, т.-е. в Германию, а в последний год (1836) превышение это стало трехкратным. Промышленная и торговая деятельность Соединенных Штатов, которые теперь так тесно были связаны с Англией, достигла за это время еще более колоссальных размеров.

Со свойственной им энергией американцы набросились на возделывание земель, на проведение железных дорог и каналов. Разведение хлопчатобумажных плантаций стало производиться в крупнейших размерах. Земли и рабов можно было получить в кредит. В 1836 году было проектировано сто новых железных дорог и столько же каналов с основным капиталом в 300 миллионов долларов. Одна только спекуляция строительными местами превратилась в целую отрасль торговли, занимавшую миллионы... С 1830 до 1836 года вывоз Соединенных Штатов повысился с 59 миллионов до 101 миллиона долларов, а ввоз с 54 до 153 миллионов долларов. Половина этой торговли совершалась между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Англией и ее колониями—с другой.

«И неожиданно в третий раз, словно карточный домик, рушилось это великолепное здание богатства и избытка, которое, казалось, было основано на неисчерпаемых ресурсах двух полушарий.

«Собственно торговый кризис протекал по обычной старой цепи причины и следствия: падение товарных цен, которые были еще так прибыльны, банкротства во всех отраслях обращения, приостановка производства, нищета рабочих... Каналы сбыта не могли уже проводить масс товаров, и с первых месяцев 1837 года во всех странах наступило общее падение цен. За этим изменением в ценах во всех странах мира начались бесчисленные приостановки платежей и банкротства. И, в конце концов, все эти крушения всей своей тяжестью снова пали на рабочие классы.

«В ноябре 1836 года в Англии уже половина ткачей шелковых материй сидела без куска хлеба, другая половина была занята четыре дня в неделю. В то же время были приостановлены железнодорожные работы. Чтобы избежать нужды, рабочие некоторых отраслей промышленности в январе 1837 года попытались было добиться более высоких цен полной приостановкой работ. Так обрекли себя на бездеятельность прядильщики в Престоне, горшечники—в Стаффордшире, углекопы—в Ньюпорте. С апреля (1837) производство оказалось в еще более трудном положении, увольнение рабочих стало производиться в еще больших размерах, увеличилась и их нищета. Те фабрики, которые вообще еще продолжали работать, работали только половинное время. В Манчестере в июне 50.000 рабочих не имели ни куска хлеба, в Бирмингеме—8.000. В последнем городе один

только фабрикант, который приостановил все свои работы, обыкновенно выплачивал еженедельно 2.000 фунтов ст. заработной платы. Но страдать приходилось не одному только рабочему классу Англии: нищета рабочего класса царила повсюду, куда только доходило давление рынка. В наших немецких Рудных горах заработная плата упала вдвое. Даже в Америке, этой стране высокой заработной платы, стали возникать рабочие беспорядки.

«Теперь я могу быть короче. Снова перед нами тот же характер, то же течение, только цифры становятся крупнее. Нужно еще лишь... сделать одно печальное замечание, что зло, начиная с третьего кризиса, принимает несомненно хронический характер.

«Только один единственный год был дан на этот раз обращению для отдышки,—1838 год. Предыдущий год был годом опустошения для мировой торговли, 1839 год принес новый, четвертый, кризис.

«Страдания рабочих, как и предпринимателей, стали хроническими! После первых двух кризисов обращение всегда в течение немногих лет успевало замести все следы, которые могли напомнить о его поражении. Оно снова расцветало во всех отношениях и в более сильной степени. Правда, после кризиса 1839—1840 г.г. производство и торговля точно также стали возрастать из года в год. Но теперь уже никогда вполне не исчезали те симптомы, какие раньше ограничивались небольшим промежутком кризиса. Теперь стало правилом, что крупным производственным предприятиям приходилось ограничивать свою деятельность, чтобы дать время наличным продуктам утечь. Не проходило почти ни одной недели, когда бы в крупных фабричных городах Англии не случалось банкротств. Положение рабочих соответствовало несчастью предпринимателей...».

После того в 1847 году наступил новый весьма тяжкий кризис. Это был последний кризис перед 1850 годом, когда написана была цитированная выше работа Родбертуса. После нескольких лет покоя снова разразился в 1857 году мировой кризис, превзошедший по своей интенсивности все предшествовавшие ему.

Мы видим, стало быть, в каких чудовищных размерах обнаруживает себя несоответствие между производством и потреблением уже в начальном периоде современного крупного капитализма. Производство гигантскими шагами опережало потребление, и если, спустя годы после ужаснейшего краха, удава-

лось кое-как снова восстановить равновесие, то период благополучия всегда продолжался лишь короткое время, приводя производство к новому, еще большему расцвету и очень скоро обнаруживая еще большее несоответствие, чем прежде, между размерами возросшего производства и покупательной силой потребления. Этот снова и снова повторяющийся процесс чрезвычайно характерен для хозяйственной жизни первой половины XIX столетия. Он так резко бросался в глаза, что не мог остаться незамеченным, и основной заботой современников был вопрос о том, как предотвратить дальнейшие кризисы, т. е., другими словами, как устранить в дальнейшем несоответствие между производством и потреблением. Интересно отметить при этом, как глубоко проникнуто было духом капитализма все мышление современников. Любой здравомыслящий человек, не затронутый влиянием капиталистического мышления, на вопрос, как устранить несоответствие между производством и потреблением, обрисованное выше, несомненно ответил бы: посредством увеличения потребления. Предоставить каждому человеку возможно больше жизненных благ, и огромные массы товаров найдут потребителей и, следовательно, никакие кризисы не будут возможны. И, однакоже, это простое и, в сущности, само собою разумеющееся решение вопроса ни одним из мыслителей-экономистов того времени не было предложено. Оно не было предложено даже Сисмонди, хотя он и проник довольно глубоко в истинную связь явлений. Прочитаем, например, следующее место из его книги, уже цитированной нами выше.

«Мы идем к полному отделению всех видов собственности от всех видов труда, к упразднению всяких патриархальных отношений между рабочим и предпринимателем и к лишению рабочего какого бы то ни было участия в прибылях предпринимателя. Эта социальная организация так нова (1838), что не осуществлена еще даже наполовину; только наиболее промышленные, наиболее богатые и передовые страны обладают тем общественным строем, первые опыты с которым мы производим у себя, общественным строем, в котором как земледельческий, так и промышленный труд выполняется рабочими, могущими быть уволенными каждую неделю. Таково развитие, к которому мы идем, и в нем, а не в открытиях науки заключается опасность. Наши взоры с такой силой устремлены на эту организацию общества, на эту всеобщую конкуренцию, вырождающуюся во враждебные действия между владеющим и трудящимся классами, что мы уже

не в состоянии представить себе никакой иной формы существования, даже такой, остатки которой еще повсюду окружают нас».

Положительно удивления достойно, до чего близко подходит здесь Сисмонди к полному раскрытию подлинной связи явления, которую мы в настоящее время, благодаря гению Карла Маркса, видим без всякого труда. Мы знаем теперь: для того, чтобы в соответственной мере поднять потребление масс, капитал должен был бы в такой же мере повысить заработную плату. Но это означало бы, что всю притекающую к нему прибавочную стоимость капитал уступил бы рабочим и тем лишил бы себя самого возможности существования. Естественно, что для капитала такое решение вопроса абсолютно невозможно, и все писатели, как и практические деятели, того времени слишком глубоко погрязали в капиталистическом мышлении, чтобы не отшатнуться инстинктивно от такого предложения, даже не высказанного в ясных словах. Это относится и к Сисмонди. Маркс говорит о нем следующее:

«Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство противоречит самому себе; что формы его, его производственные отношения, с одной стороны, толкают к безудержному развитию производительности и богатства, и что, с другой стороны, производственные отношения эти сами обусловлены; что его противоречия потребительной стоимости и меновой стоимости, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда, и т. д. принимают тем большие размеры, чем больше развивается производительная сила. Он чувствует основное противоречие: с одной стороны, безудержная производительная сила и умножение богатства, которое притом же состоит из товаров и (следовательно) должно быть превращено в деньги; с другой стороны, как основа его, ограничение (потребления) масс производителей необходимыми средствами существования. Поэтому кризисы у него не являются случайностью, как у Рикардо, но представляют собою бурные проявления существа имманентных противоречий (капиталистического производства) на более высокой ступени развития и в определенные промежутки времени. Он то и дело колеблется: сковать ли в интересах государства производительные силы, дабы приспособить их к производственным отношениям, или же обуздать производственные отношения, дабы приспособить их к производительным силам?»¹⁾

1) К. M a r k s, Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 55.

Сисмонди, стало быть, был достаточно дальновиден, чтобы отклонить общераспространенное в его время предложение, состоявшее в преднамеренном уменьшении производства. Он, по меньшей мере, колебался, так как видел достаточно ясно, что это предложение неосуществимо и что, кроме того, утопия эта и не привела бы к намечанной цели—восстановлению равновесия между производством и потреблением, ибо доход, а следовательно, и потребление широких трудящихся масс опять-таки должны были бы, благодаря ей, сократиться в соответствующей мере. Однакоже раскрыть полностью связь исследуемых явлений и, таким образом, найти действительное разрешение вопроса, ему не удалось. В конце концов, ему ничего другого не оставалось, как покорно смириться. Он пишет:

«Я не питаю достаточно веры в свои силы, чтобы сказать, какой путь является правильным. Необходимы величайшие усилия ума, на какие только способен человек, чтобы понять существующий строй нашего общества. Где же тот человек, разум которого достаточно могуч, чтобы представить себе строй общества, еще не существующий, чтобы провидеть будущее, если уже познание настоящего представляет такие трудности? Разумеется, когда-нибудь, когда все просвещенные умы объединятся, может быть, ...объединенной силе разума всех удастся достигнуть цели, достижение которой было невозможно для единичного ума».

Это благородное смирение, эта скромность, свидетельствующая о том, как хорошо известны были Сисмонди пределы его знаний (что, как известно, доказывает, по мнению Сократа, необыкновенно широкие познания), резко выделяют нашего автора из круга мыслителей его времени, и можно с полным правом сказать, что Сисмонди был одним из плодотворнейших предшественников Карла Маркса и постольку в большой мере способствовал той общей работе духа, которая, в конце концов, достигла своей цели.

Вообще же, как отмечено было выше, в те времена не знали иных мер, кроме ограничения производства, при чем практическое значение эта мера получила лишь в первой половине XIX века. Как пример того, до какой степени умы того времени находились во власти капиталистического мышления, инстинктивно тяготая к нему, мы приведем мнение и предложение англичанина Мальтуса по интересующему нас предмету, относящиеся к 1821 году. Тогда был только что пережит первый круп-

ный кризис, но тем не менее Мальтусу, в сущности, уже очень хорошо известны были причины, вызвавшие этот кризис. Смысл его рассуждений (выраженных, правда, другими словами) сводится к следующему: для того количества товаров, какое производится, вовсе и не может найтись покупателей, так как масса населения состоит из тех же рабочих, которые заняты у капиталистов. Если бы эти рабочие в состоянии были купить все те товары, которые они производят, то не могло бы быть никакой прибыли для капиталистов. У Мальтуса (в «Принципах политической экономии») это выражено так:

«Ни у кого, конечно, нет желания промышленять производством благ в крупных количествах только ради того, чтобы занятые в его производстве рабочие скупили эти товары за ту же сумму денег, которая была выплачена им в виде заработной платы. Эти блага должны иметь более высокую цену, чтобы предприниматель решился занимать их производством много людей...

«Ни один сельский хозяин не даст себе труда надзирать за работой десяти дополнительных рабочих из-за того лишь, чтобы выручить на рынке за весь продукт дополнительную цену такой же точно величины, какую он сам уплатил дополнительным рабочим...

«Потребление и спрос рабочих, занятых производительным трудом, никогда, сами по себе, не могут служить единственным мотивом накопления и применения капитала...

«Так как сильный рост потребления рабочих классов должен значительно повысить издержки производства, то такой рост, прежде чем сельское хозяйство, промышленность и торговля не достигли крупного расцвета, будет влиять понижающим образом на прибыль и вследствие этого ослаблять или даже вовсе парализовать стремление к накоплению капитала».

Прямо поразительна та ясность, с какою Мальтус уже после первого крупного кризиса XIX века видел, что капиталистический способ производства—а, следовательно, по его мнению, и «расцвет сельского хозяйства, промышленности и торговли»—тесно связан с низкой заработной платой, т.-е. с малым, слишком малым потреблением подавляющей массы населения, и что эта связь порождает кризисы. Но как же быть? От «расцвета сельского хозяйства, промышленности и торговли» нельзя ведь отказаться; нельзя, следовательно, увеличить потребление трудящихся масс; но вместе с тем желательно избежать и кри-

зисов,—что же делать? Тут Мальтус приходит в голову хитрый план:

«Так как,—говорит он,—ни потребление предпринимателей и рабочих, ни, как свидетельствует опыт, потребление землевладельцев не дают достаточного стимула для увеличения капиталов, то, кроме этих видов потребления, необходимо еще потребление... «непроизводящих потребителей»...».

Кого имеет в виду Мальтус этим странным выражением,—класс потребителей, которые только покупают, потребителей, которые сами ничего не производят, непроизводительных потребителей, короче говоря, класс людей, социальная задача которых состоит в том, чтобы покупать и потреблять все те товары, которых капиталистам некуда сбыть? Но откуда возьмутся у этих непроизводительных потребителей необходимые для этого деньги? Эти деньги должно дать им государство. При помощи налогов оно должно содержать многочисленный штат чиновников, не забывая в том числе и церковнослужителей (Мальтус сам был священником), оно должно создавать и содержать большие армии; путем высокой государственной задолженности оно должно предоставить своим кредиторам большие денежные суммы в виде процентов. И если, тем не менее, всего этого окажется все же недостаточно, то государство время от времени, посредством дорого стоящих войн, должно поглощать избыточные товары капиталистов, скупая их за счет казны.

Из предыдущего изложения, в особенности из ясных рассуждений Розы Люксембург, мы знаем, что Мальтус здесь, в решающем пункте, допустил ошибку. Даже тот класс бездельников,—а таковой, по крайней мере отчасти, действительно имеется,—на который рассчитывает Мальтус, не может устранить зла в самом корне, так как доходы этого класса представляют собою либо часть дохода капиталистов, либо часть дохода рабочих. Речь идет ведь о сбыте тех товарных масс, которые остаются непроданными за удовлетворением всех перечисленных выше видов потребления. Но идеи Мальтуса интересуют нас здесь постольку, поскольку они свидетельствуют о том, какую тяжестью проблема эта давила на капиталистическое хозяйство уже в первой трети прошлого века.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обзор хозяйственного развития во второй половине XIX века.

А. Снижение цен в результате свободной конкуренции. Повышение риска для капитала, особенно в тяжелой промышленности. Возникновение рынков и картелей.

Как согласовать производство с потреблением? Так гласил тот великий и страшный вопрос, который современники второй половины прошлого века получили в наследство от первой его половины. Этот вопрос не допускал никаких отлагательств; он давил своею тяжестью на купца и фабриканта каждый день, при каждой деловой операции, и давление это было тем чувствительнее, что сосредоточивалось оно в самом больном месте: на ценах.

Конечно, нельзя было не заметить, что все труднее и труднее становится сбыт товарных масс, растущих с каждым годом. Производство возрастало с головокружительной быстротой. В Англии, напр., было произведено:

	угля	чугуна
в 1839 году	31 миллион тонн	17 тысяч тонн
» 1866 »	100 » »	4.000 » »
» 1887 »	165 » »	7.700 » »
» 1897 »	205 » »	8.900 » »
» 1900 »	229 » »	9.100 » »

Не представляется возможным, да и было бы слишком утомительно для читателя, давать здесь сводку соответствующих цифр для всех стран мира. Для иллюстрации мы ограничимся лишь некоторыми примерами, характеризующими быстрый рост производства во второй половине прошлого столетия.

Производство в одной только Пруссии составляло:

	каменного угля	каменной соли	чугуна
в 1876 г.	34,5 миллиона тонн	80,6 тысячи тонн	1,3 миллиона тонн
» 1890 »	64,4 » »	250 » »	3,3 » »
» 1900 »	102 » »	354,6 » »	5,7 » »

В некоторых из прочих важнейших стран мира производство составляло:

Каменный уголь (в миллионах тонн)			
	Германия	Франция	Соединенные Штаты
в 1887 году .	60,3	20,8	118,5
» 1892 » .	71,4	25,7	162,7
» 1897 » .	91	30,3	181,6
» 1900 » .	109,3	32,7	244,7
Чугун			
в 1887 » .	4	1,6	6,5
» 1892 » .	4,9	2,1	9,3
» 1897 » .	6,9	2,5	9,8
» 1900 » .	8,5	2,7	14

Хлопчатобумажных материй было произведено в Германской империи:

В среднем за пятилетие 1880—1885 г.г.	146.000 тонн
» » » » 1900—1904 г.г.	316.000 »

Для шерстяных тканей соответствующие цифры составляют 57.000 и 85.000 тонн.

В огромных размерах возросло также сельскохозяйственное производство. В Германской империи сбор сельскохозяйственных продуктов составлял:

	В среднем за годы:			
	1878—1880 тонн	с гект. дв. центн.	1898—1900 тонн	с гект. дв. центн.
пшеницы	2.400.000	13,5	3.800.000	19,6
ржи	5.800.000	10,6	8.800.000	16,3
картофеля	20.700.000	71,1	38.600.000	135,1

Скотоводство в Германии возросло в следующих размерах. Было:

	лошадей	рогатого скота	свиней
в 1860 году	3.200.000	15.000.000	6.500.000
» 1883 »	3.500.000	15.800.000	9.200.000
» 1900 »	4.200.000	19.000.000	16.800.000

Соответственно этому ходу общего развития производства возрастала и международная торговля. Общая сумма внешней торговли (ввоз плюс вывоз) составляла в миллионах золотых марок:

	Англия	Франция	Германия	Соединенн. Штаты	Голландия	Бельгия	13 важней- ших стран вместе с Ю.-Амери- кой и бри- тав. коло- ниями
в 1830 году . .	1.760	740	660	500	320	280	6.440
» 1870 » . .	9.180	4.540	4.240	3.420	1.420	1.280	37.420
» 1900 » . .	16.640	7.130	10.380	8.570	6.130	3.350	79.300

Эти огромные массы товаров и безудержная конкуренция, вызываемая их продажей, принуждали продавцов все больше понижать цены. Этим, правда, достигалась одна из целей, которые имел в виду Адам Смит, но цель эта совершенно не соответствовала вкусу продавцов. Начались жалобы на несостоятельность «внутреннего рынка». Продавцы видели, что широкая масса населения не имела возможности купить товары, ею же самой произведенные. Истинная причина этого явления, изложенная нами выше, осталась скрытой от них. Взгляд их был прикован к поверхности явления и потому остановился на иностранной конкуренции. Возникло представление о том, что внутренний рынок всякой страны принадлежит в первую очередь отечественным производителям, и в этом заключается одна из причин, почему большинство индустриальных стран ввело у себя покровительственные пошлины. (Так, напр., Америка ввела их уже в 1862 году и сильно повысила ставки в 1890 году, Германия—в 1879, Франция—в 1881 г.) Но это средство, которое рассматривалось как целебное, было способно только ухудшить зло. Ибо, поскольку пошлины действительно защищали отечественных промышленников от иностранной конкуренции, они действовали как побудительное средство еще больше и еще быстрее увеличивать производство. При этом, конечно, пошлины действовали повышающим образом на цены и, следовательно, противодействовали той самой цели, непосредственно к которой они были направлены, т.-е. противодействовали расширению сбыта. Здесь со всею силой проявилось одно из внутренних противоречий капитализма. То, что требовалось продавцам и к чему они стремились, были высокие цены при широком сбыте,—во всяком случае, сбыте, достаточно широком для превращения произведенного товара в деньги. Так как при помощи всех описанных выше средств этого достигнуто не было, то должна была, в конце концов, возникнуть идея, ставшая характерной для всей второй половины XIX века: сокращение производства! Очень мет-

ко пишет об этом фрейбургский профессор Лифман в своей книге «Картели и тресты»¹⁾:

«Это усиление конкуренции представляет собою всеобщее явление в современном народном хозяйстве и одну из главных причин возникновения картелей. Оно есть следствие колоссального прогресса техники, все более удешевляющего издержки производства и дающего преимущество перед конкурентами тем из предпринимателей, которые применяют новейшие методы в производстве. Усиление конкуренции является, далее, следствием непрерывного расширения сферы обращения и транспортных средств, благодаря чему расширяется область сбыта каждого отдельного предпринимателя, и интересы его вступают в противоречие все с большим кругом предпринимателей-конкурентов. И, наконец, оно является следствием чрезвычайного обилия капиталов в передовых странах, облегчения, благодаря этому, создания новых предприятий и растущего, в связи с этим, духа предприимчивости у капиталистов.

«Усилившаяся, таким образом, конкурентная борьба имела самые вредные последствия для всех капиталистов. С одной стороны, все больше увеличивались размеры капиталов, которыми предприниматели рисковали, с другой, — все больше уменьшалась их прибыль. Так продолжалось до тех пор, покуда, в конце концов, прибыль перестала удовлетворять капиталистов, будучи в их глазах недостаточным вознаграждением за возросший капитальный риск. Как только в данной отрасли промышленности такой взгляд получил всеобщее распространение, получила признание мысль, что общими соглашениями можно помочь беде, была создана основа для появления картелей».

Здесь берет начало тот процесс развития, который не только характерен — как уже отмечено было выше — для всей второй половины прошлого столетия, но оказывает важное влияние свое и на современную нам действительность вплоть до сегодняшнего дня. Мы поэтому еще раз со всею тщательностью проследим этот процесс, как он протекает в решающей отрасли производства, в горнозаводской промышленности. Превосходное изображение этого процесса мы находим в сочинении профессора Карла фон-Тышка «Социализирование хозяйственной

¹⁾ Впервые появилась в 1905 году. В прежних изданиях это книга очень хороша. После войны Лифман сделал из нее толстый труд. К сожалению, выиграв в объеме, книга потеряла в качестве. Я цитирую по 2-му изданию 1910 г. (стр. 20 нем. изд.).

жизни». На стр. 57--60 (издание Густава Фишера, Иена, 1919) мы читаем:

«Для получения из чугуна стали или ковкого железа в первой трети XIX века применяли метод повторной плавки чугуна на древесном топливе. В дальнейшем этот метод был улучшен введением пудлингования, но и в этом последнем было еще много крупных недостатков, устранить которые удалось лишь благодаря открытию Бессемера. То же количество чугуна, для обработки которого пудлингованием требовалось 24 часа, можно было теперь посредством бессемеровского способа превратить в ковкое железо или сталь в течение 20 минут. Само собою разумеется, что это чрезвычайно крупное усовершенствование технических методов проявилось в огромном увеличении производительности. Производство чугуна возросло с 479.000 тонн в 1860 году до 15.000.000 тонн, приблизительно, в 1910 году, производство железа с 528.000 тонн в 1877 году—до 15.500.000 тонн в 1910 г. ¹⁾»

«Это усовершенствование техники и в связи с ним рост производительности труда оказали глубокое влияние на хозяйственную жизнь. Во-первых, крупная фабрикация железа требовала все более крупных помещений капитала в железодельную промышленность, чтобы сделать возможным применение усовершенствованных технических методов и, следовательно, сделать предприятие вообще прибыльным. С другой же стороны, каждое новое вложение капитала обещало непропорционально большое увеличение дохода. Таким образом, прогресс техники в горном деле и железодельной промышленности уже сам по себе вызывал необычайный рост вложений и концентрации капитала. Но одновременно с этим возрастал и риск. Уменьшению или даже полному прекращению доходности предприятия нельзя было противодействовать частичным извлечением капитала из дела, чтобы соответственным приспособлением предприятия сделать его более доходным. По самой природе дела здесь это было невозможно: капитал, однажды вложенный в предприятие, был нераздельно и безусловно связан с судьбой последнего. Если предприятие утрачивало доходность, гибель капитала была неминуема, при величине же вложенных капиталов достаточно было более крупного уменьшения доходности предприятия, чтобы повлечь за собой катастрофу. Для отдельного предпринимателя это означало колоссальное увеличение риска в кон-

---

¹⁾ Эти цифры относятся только к Германии.

курентной борьбе с другими предприятиями; вступая в такую борьбу, он должен был ставить на карту не только свое собственное существование, но и судьбу многочисленных своих кредиторов. Так создавали сами собою экономические условия в горнозаводской промышленности благоприятную почву для сговора и соглашений отдельных предпринимателей между собой с целью устранения взаимной конкуренции. К этому присоединялось еще то обстоятельство, что предпринимателям в горном деле и крупной железоделательной индустрии нечего было опасаться внешней конкуренции, путем образования новых предприятий извне, так как мобилизацию таких огромных капиталов, какие необходимы для создания доменной печи, нельзя провести ни так легко, ни, главное, так тихо, чтобы об этом не узнали другие капиталисты.

«Таким образом, здесь, в этой области хозяйственной жизни, впервые конкуренция превратилась в свою противоположность—в общее соглашение о сбыте, о ценах, производстве и т. п. Из соглашений, носивших вначале характер свободный, временный, скорее случайный, с течением времени образовались все более прочные и длительные объединения: картели, синдикаты, тресты, и в настоящее время горнозаводская индустрия настолько прочно объединена, что конкуренция в ней почти совершенно устранена. Вместе с этим устранена была—конечно, не формально, но зато фактически—и экономическая свобода. Формально, правда, она существовала, но ни один предприниматель в горном деле и в крупной железоделательной промышленности был уже не в состоянии воспользоваться ею, ибо не был свободен в своих решениях: и в отношении сбыта, и в отношении установления цен, и даже в отношении размеров и рода производства он был связан обязательными договорами частно-правового характера, неисполнение которых каралось картелем высокими штрафами. Синдикаты угля, чугуна и стали предписывали каждому заводу количество подлежащего выработке на нем продукта. Стальной синдикат шел еще дальше и предписывал не только количество, но и род подлежащих выработке продуктов, равно как и пропорцию, в какой должны были изготовляться данным предприятием так называемые продукты Б (полуфабрикаты), которые давали наивысшую прибыль, к продуктам А (сырые материалы).

«Для самих заводов следствием картелирования была еще большая концентрация на них капитала и производства. На место так

называемых чистых заводов, вырабатывавших только один сорт продукта (уголь, чугун или сталь, полуфабрикаты), появился тип так называемых смешанных предприятий, образованных путем соответственного объединения горных заводов, угольных копей и сталелитейных заводов. Предприятия такого типа, имея в своих руках весь производственный процесс, приобретали благодаря этому колоссальную экономическую мощь».

Мы видим здесь с наглядной ясностью, как свободная конкуренция—хозяйственный идеал первых десятилетий XIX века—привела к упразднению себя самой. Нет сомнения, свободная конкуренция вызвала гигантский рост производства, но именно этот рост и необходимые для него крупные капиталы привели к тому, что связанный с свободной конкуренцией и падающими ценами риск—а ведь этот последний как раз и был на тогдашней ступени производства наиболее действительным средством для возбуждения предпринимательского духа—настолько возрос, что стал просто невыносим для предпринимателей ¹⁾, стремившихся ввиду

---

¹⁾ Для иллюстрации этого приведем несколько цифр из работы Х. Г. Геймана, Смешанные предприятия в крупной железодельной промышленности. Изд. Котта, Берлин 1904, стр. 4—6 нем. изд.:

«Каменный уголь, как и железная руда, добывается в горной промышленности. Но в настоящее время добыча при дневном свете, как и добыча в штольнях, игравшая еще в начале XIX века столь выдающуюся роль, почти совершенно не применяется больше в Германии, так как все поверхностные пласты давным-давно уже выработаны»...

«По мере дальнейшего углубления шахт все больше возрастали трудности горного дела. Все более длительное время требовалось на устройство шахт и приведение их в пригодное для разработки состояние; чем глубже под землей работал шахтер, тем труднее становилось дышать, тем жарче становился воздух, тем труднее была работа; чем дальше удалялись внутренние ходы от шахты, тем больше становилось расстояние, которое приходилось преодолевать шахтерам при смене, а добыче—при поднятии на поверхность земли. Таким образом... углекопное дело в Западной Европе стало бы совершенно невозможным, если бы непрерывное улучшение техники и растущее применение машин в горном деле не понижали бы снова и снова издержек производства и не давали бы возможности разрабатывать все более и более глубокие пласты...».

Для этого, однакоже, требовались очень крупные капиталы:

«Чтоб понизить издержки производства, увеличивали, таким образом, предварительные затраты на устройство сооружений... Уже в 1855 году считалось, что требуется около 4—5 лет предварительных работ, прежде чем можно пустить в ход крупный рудник. В настоящее время (1904 г.) горное дело требует вложения гораздо более крупных сумм. Пловучие пески и сильные подземные потоки (подземные воды) могут на годы задержать опускание шахты, потребовать особых, очень дорого стоящих методов бурения и даже поставить под вопрос успех всего

этого устранить конкуренцию путем взаимного соглашения. Приглядимся теперь несколько поближе к отдельным частностям этого процесса, имевшего решающее значение для всей экономической истории XIX века и продолжающего действовать еще и поныне,—процесса, без ознакомления с которым нельзя понять экономических условий современной нам эпохи.

Ясно, конечно, что соглашения и сговоры торговцев и фабрикантов с целью повышения цен отнюдь не являются изобретением XIX века. Такие соглашения бывали всегда. Мы встречаемся с ними уже в древности и в средние века. О XIV веке, напр., имеются такого рода сведения ¹⁾. Купцы, отправлявшиеся из Германии в Италию—скажем, в Венецию—и закупавшие там заграничные товары—тонкие материи восточных стран, бархат, шелк, пряности и т. д.—условливались о продажных ценах с находившимися там представителями всех прочих купеческих фирм Гер-

---

дела. Так, например, находившаяся в работе шахта Гуго предприятия «Доброй Надежды» 6 августа 1898 года была разрушена подземными водами. Эта шахта поглотила уже 1.036.000 марок, из которых 570.000 погибло безвозвратно. На руднике Штеркраде один метр шахты в полосе пловучих песков обошелся (на глубине в 96,5 метра) в 10.887 марок. На руднике «Германский Император II» при опускании шахты в полосе пловучих песков (на глубине в 112 метров) удавалось продвигаться вперед всего лишь на 1,84 метра в месяц. Этому соответствовали и общая сумма издержек и продолжительность срока, в течение которого сооружение могло быть закончено. На предприятии «Макс» определяли продолжительность срока в 5—7 лет и расходы в 7—10 миллионов марок. Устройство рудника Верне со всеми приспособлениями обошлось приблизительно в 10 миллионов марок. Расходы по устройству и оборудованию двойной шахты Вальтроп с проектируемой выработкой в 1 миллион тонн, включая и поверхностные работы, но не включая сюда рудоносных земель, германская казна определяет в 9 миллионов марок; Гундт для такого же оборудования с проектируемой выработкой в 500.000 тонн определяет расходы от $5\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ миллионов марок».

Впрочем, закрепление столь крупных капиталов опять-таки является основанием для увеличения производства. Гейман продолжает:

«Для того, чтобы амортизация этих колоссальных капиталов и уплата процентов по ним не удорожали чрезмерно производства, приходилось соответственно увеличивать добычу отдельных шахт. В настоящее время в качестве минимума считается 120.000 тонн в год на каждую шахту, или, ввиду того, что по многим соображениям, в частности по соображениям безопасности, стали вводить двойные шахты, по 240.000 тонн на двойную шахту. Таковы, по крайней мере, до 1903 г. были требования, предъявлявшиеся угольным синдикатом к вновь сооружаемым шахтам, при чем эти цифры участия в добыче не удовлетворяли ни запросов шахт, ни их работоспособности».

¹⁾ См. Ю. Борхардт, Экономическая история Германии, т. II (1924), стр. 317 нем. изд.

мании и по возвращении на родину продавали эти товары по ценам, не ниже условленных. Благодаря таким соглашениям товары эти безмерно удорожались, а купцы сильно богатели. Впрочем, иностранные товары этого рода не являлись тогда предметом первой необходимости. Однакоже иностранными товарами дело не ограничилось: соглашения о ценах стали распространяться и на товары отечественного производства и превратились в подлинное бедствие для покупателей. Мартин Лютер (который жил с 1483 по 1543 год) следующими словами рисует нам поведение купцов:

«Если в исключительном обладании некоторых купцов имеется какой-нибудь товар, новых поступлений которого в ближайшем будущем не предвидится, то они в совершенно несправедливой мере повышают цену на него или даже скупают с этой целью все однородные товары или же сговариваются между собой о повышении цены, а у тех купцов, которые не принимают участия в этом соглашении, скупают их товары через посторонних лиц. Если же и это не приводит к цели, то они вдруг начинают продавать свои товары так дешево, что более мелкие купцы разоряются, а они все же остаются господами положения».

Так обстояло дело не только в Германии, но и во всех странах с развитой торговлей. В Лейдене (Голландия) существовало торговое товарищество из 6—8 членов, возникшее по всей вероятности в 60-х годах XV века и задавшее целью монополизировать торговлю лейденским полотном. Оно скупало все произведения лейденских ткачей и затем произвольно поднимало цены на полотно на всех голландских рынках, продавая в то же время свои товары в восточных городах так дешево, что ганзейская посредническая торговля не в состоянии была конкурировать с ним даже у себя на родине. Правда, общество это около 1474 года было, по жалобе ганзейских городов, распущено и дальнейшая деятельность его воспрещена. Но уже гораздо раньше, в 1447 году, подобного же рода жалоба в Брюгге была отклонена на том основании, что такие же случаи имеют место среди представителей всех национальностей, ведущих торговые дела в Брюгге, в том числе и среди ганзейцев ¹⁾.

Следовательно, когда в середине XIX века капиталисты очу-

---

¹⁾ Г. фон-Белов, Проблемы экономической истории (Тюбинген, Мор, 1820, стр. 317). Брюгге тогда был, пожалуй, крупнейшим пунктом международной торговли.

тились перед фактом, что под влиянием свободной конкуренции цены на их товары стали падать, а капитальный риск становился, по их мнению, слишком большим, им достаточно было обратиться к примеру, преподанному им предками 400 лет тому назад. Они так и поступили, используя этот пример в его старой, простейшей форме. Приводимая у Лифмана ¹⁾ примитивная форма барышничества (так наз. корнер) состоит в «скупке по возможности всех имеющихся на рынке товаров с целью монополизации». Если ради этой цели объединялись многие, то такое объединение называли рингом. В ринге, следовательно, мы имеем первую, еще очень свободную, форму объединения предпринимателей с целью совместного ведения дела. Цель такого объединения состояла (по Лифману) в том, чтобы «посредством скупки всех имеющихся на рынке товаров создать недостаток в них и вызвать этим повышение цен и затем по повышенной цене продать скупленные товары, получив таким образом барыш». Перед нами, как видим, вполне первобытный прием средневековья, весьма далекий от того, чтобы бороться со злом в самом его корне. Купец, человек практики, чувствовал только, что существующие цены слишком низки для него, и пытался искусственно повысить их. Он еще не понимал, что дело идет об установлении равновесия между производством и потреблением, и что вопрос может быть разрешен либо повышением потребления, либо сокращением производства. Но тем не менее уже в этой примитивной форме образования ринга заключается первый росток того, что ныне выступает перед нами в форме гигантских синдикатов, концернов и трестов.

Ясно, однакоже, что такой ринг мог быть только временным образованием и никогда не мог иметь длительного существования. Ведь к самим участникам своим он предъявлял чрезвычайно высокие требования. Ибо скупка всех наличных товаров была возможна лишь в том случае, если ринг предлагал за них больше, чем все другие покупатели. Ринг, следовательно, с самого начала принужден был сам платить очень высокие цены за свои товары. Но так как к этим ценам присоединялась еще и прибыль ринга, то потребитель должен был покупать эти товары по цене совершенно необычайной, что, конечно, сильно суживало сферу сбыта. Следовательно, опасность сесть на мель с дорогого закупленными товарами была очень велика, ввиду чего

¹⁾ «Картели и тресты», изд. 2-е, 1910, стр. 15.

отдельным участникам объединения приходило на мысль, не лучше ли снова испробовать свободную конкуренцию, в надежде посредством пониженных цен найти достаточно покупателей, хотя бы за счет своих прежних товарищей по рингу. «На первых порах каждый предприниматель еще надеялся путем понижения цен обеспечить себе занятие и сбыт и пытался по принципу «малая прибыль—большой оборот» найти противовес пониженным ценам в максимальном увеличении производства. Но так как каждый из предпринимателей рассуждал так, то перепроизводство становилось все больше, цены падали все ниже, слабейшие предприятия разорялись, и таким образом дело продолжалось до тех пор, пока оставшиеся предприниматели не пришли, в конце концов, к мысли положить этому предел посредством соответствующих соглашений» ¹⁾.

Первые соглашения этого рода еще не отличались существенно от прежних примитивных методов и ограничивались соглашением о ценах. (Мы видели, что это делалось уже в средние века.) Нужно, впрочем, отметить здесь, что не существует никаких общепризнанных определений для таких названий, как ринг, картель, синдикат, трест, концерн и т. д. Поэтому, в интересах выработки ясных понятий, будем держаться того, что характерной чертой «ринга» является искусственное повышение цен посредством скупки товаров и удержания их на складах. Точно так же и в отношении других видов объединения капитала мы будем стараться указывать определенные их признаки. Согласно этому, мы под словом «картель» будем разуметь такого рода соглашение капиталистов, которое преимущественно стремится воспрепятствовать дальнейшему понижению цен, с чем обыкновенно связана и тенденция к их повышению, однако же не такими неуклюжими методами, как скупка и удержание товаров.

Для противодействия понижению цен у капиталистов имеется немало различных способов. Простейший из них, как уже было сказано, состоит в соглашении не продавать ниже определенной цены, это—картель цен. Но соглашение может иметь своим предметом и условия продажи (кондиции). Или же наличную сферу сбыта распределяют между отдельными предприятиями соответственно их географическому положению (географический картель). Все эти способы имеют в виду одну и ту же

---

¹⁾ Л и ф м а н. «Картели и тресты», стр. 21 (нем. изд.).

цель: устранить конкуренцию между участниками картеля и противопоставить спросу единое, организованное предложение, которому нет нужды следовать за понижением цен.

Этот вид картельного движения (следовательно, объединения капитала), как общее явление, возникает не ранее 60-х годов прошлого столетия, хотя и в Америке и в Германии отдельные картели такого рода попадаются гораздо раньше,—уже в 30-е годы. Но и такие картели не могли существовать долгое время¹⁾, так как для участников их практически всегда было делом простого расчета, что выгоднее для них: соблюдать ли картельный договор или же, уплатив условный штраф, продавать дешевле картельных цен (или же, в соответственных случаях, нарушать другие обязательства по отношению к картелю). Едва ли—в редких случаях, пожалуй,—затруднялся предприниматель нарушить договор, если он из этого извлекал большую прибыль. Ведь совесть его была совершенно спокойна, раз он уплатил причитающийся штраф, который обычно составлял крайне незначительную часть прибыли, вырученной из нарушения договора. Во всяком случае этот вид картелей оказался на длительный период времени непригодным средством для поддержания высоких цен.

После этого стали думать, как бы покрепче связать участников картеля и сделать более независимым от их воли образование цен, и решили опереться на «законы» хозяйства. Разве цена не определяется спросом и предложением? Следовательно, нужно путем сокращения предложения автоматически поддерживать цены на высоком уровне, не опасаясь, что злая воля или неустойчивость отдельного предпринимателя может иметь при этом какое-нибудь влияние. В этом именно пункте думали найти точку опоры.

Хотя утопичность этих надежд ясна только для тех, кто знает общую связь экономических явлений, ибо соотношение между спросом и предложением не является фактором, действительно определяющим уровень цен²⁾, тем не менее мысль эта внесла существенное изменение в картельное движение. Хотели уменьшить предложение товаров. Но как? Конечно, путем сокращения производства, обязав каждого участника кар-

1) Это, однакоже, вовсе не значит, что такие попытки не возобновляются снова и снова еще и в настоящее время. Ведь даже обыкновенные ринги, при случае, появляются вновь и вновь по сегодняшний день.

2) Ср. Юлиан Борхардт, Основные экономические понятия в учении Карла Маркса, главы III и IV.

теля не производить больше указанного ему количества товаров. Такого рода производственный картель—как мы будем называть эту форму—с самого начала представляет собой нечто существенно иное, чем все формы картелей, о которых шла речь до сих пор. Ибо здесь мы имеем дело с совершенно иным, гораздо более глубоким вмешательством в хозяйственную свободу отдельного предпринимателя. Только с этого времени и можно говорить о действительном отказе от господствовавшей до того свободы промыслов, конкуренции и хозяйственной деятельности.

Прежде всего ясно, что производственный картель может быть основан только на более продолжительный срок. Соглашения о ценах, об условиях продажи, об областях сбыта можно, в случае нужды, заключать даже в единичных случаях (как это имеет место еще и в настоящее время в так называемых «эмиссионкартелях» ремесленников). Во всяком случае, при соглашениях такого рода ничто не мешает ограничить срок их действия одним, двумя или тремя месяцами, чтобы по истечении этого срока снова решать вопрос о дальнейшем образе действий. Если же предприятию предписывается количество подлежащего выработке продукта, то такое предписание должно иметь силу, по меньшей мере, в течение всего производственного периода, каковой в большинстве отраслей промышленности продолжается год и больше. Но даже в тех случаях, когда производственный период менее продолжителен, предписание такого рода требует соответственной установки всего предприятия, что на короткий срок является невозможным. В действительности производственные картели только вначале, в виде опыта, организовывались на срок меньше года ¹⁾. Это, однакоже, еще не все. По сравнению с простым соглашением о ценах производственный картель требует совершенно иных установлений коллективного характера. Предписание о том, сколько должно производить отдельное предприятие, входящее в картель (распределение квоты, определение цифры участия в производстве),

---

¹⁾ В самое последнее время, после мировой войны, снова вошло в обычай возобновлять существующие картельные договоры на возможно более короткие сроки, иногда всего лишь на пару месяцев. Это вызывается особыми причинами, о которых в дальнейшем мы будем говорить более подробно. Ясно, однакоже, уже и сейчас, что одно дело—создание нового производственного картеля и другое дело—продление действия картеля уже существующего, к которому предприятия, в него входящие, уже приспособились.

не может основываться на данных, устанавливаемых произвольно или же исчисляемых механически. Оно должно сообразоваться с пропорциональными размерами каждого предприятия в отдельности, с его работоспособностью, с той сферой сбыта, которую оно обслуживало до вхождения в картель, и т. д. Все это требует тщательного исчисления, предполагающего не только большую осведомленность в деле, но и максимальное беспристрастие. Но и этим вопрос еще не исчерпан. По распределении годовой квоты необходимо озаботиться также постоянным надзором и контролем за действительным выполнением участниками картеля его предписаний. По окончании же производственного года наступают всякого рода изменения: многие из участников сократили или вовсе прекратили производство, другие выступили из картеля, третьи выросли в силу. Таким образом вся работа по исчислению, выполненная с таким трудом, должна быть переделана заново, и квота перераспределена вновь. Короче говоря, производственный картель нуждается в постоянном органе, который выполняет все текущие работы по обслуживанию задач, вытекающих из более тесного объединения предприятий, и которому предоставлено право вмешательства в управление каждым отдельным предприятием картеля.

Тем не менее действительность показала, что и производственный картель на длительный период времени нежизнеспособен. Картелю постоянно угрожала большая опасность со стороны «посторонних» предприятий, т. е. конкурентов, не входивших в картель, не связанных его предписаниями, но использовавших его успехи, продавая лишь немного дешевле картельных цен, чего, однакоже, было достаточно для отвлечения покупателей у картеля. Эта конкуренция «посторонних» предприятий была достаточным основанием для членов картеля, чтобы, с своей стороны, обходить предписания картеля как в отношении количества производства, так и в отношении цен. Старая игра повторялась снова, и решающее значение снова принадлежало арифметическому расчету: что доходнее, — соблюдение ли картельного договора или его нарушение; контроль же был крайне труден, зачастую совершенно невозможен. Таким образом и производственные картели никогда не имели длительного существования, и вставала задача найти еще более прочную форму объединения, которая исключала бы эти недостатки.

Такую форму нашли в том, что мы будем называть синдикатами. Что представляет собой эта форма объединения, мы

лучше всего уясним себе на истории происхождения и деятельности какого-нибудь из крупных синдикатов. В качестве примера возьмем Рейнско-Вестфальский угольный синдикат.

Б. Предистория Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Его деятельность до 1900 года.

Угольное дело является одной из важнейших составных частей горнозаводской индустрии; в нем, стало быть, должны наиболее ярко проявиться описанные выше тенденции к устранению конкуренции и объединению предприятий. И действительно, уже в 1858 году основан был в Эссене «Союз защиты интересов горного дела в горнозаводском районе Дортмунда», цели которого на первых порах не выходили за пределы целей, устанавливаемых картелями, регулирующими условия продажи (кондиционные картели). В 60-х годах возникла мысль об ограничении производства, но на первых порах осуществления не получила. В 70-х годах положение стало угрожающим; годовые отчеты союза жалуются на уменьшение сбыта и понижение цен из месяца в месяц. Ввиду этого союз прилагал большие усилия в смысле способствования вывозу угля. Внутри союза образовалось в 1877 году «Вестфальское объединение для вывоза угля», которое поставило своей особой задачей заокеанский сбыт и к которому тотчас же примкнуло 23 предприятия. Еще до истечения первого года своей деятельности объединение это приняло следующее важное решение: в будущем все заокеанские сделки должны были заключаться только через посредство главного представительства (следовательно, через союзное бюро), и все предприятия, входящие в объединение, обязывались, поскольку речь шла о заокеанском экспорте, упразднить до окончания 1878 года все частные агентуры свои, сохраняя в отношении незаокеанских сделок свое прежнее право (заключать их не через посредство союза). При этом новый договор сразу же был заключен на трехлетний срок. Этим решением развитию союза дано было такое направление, которое, как мы сейчас увидим, превращало его в синдикат.

Около этого же времени впервые в пределах вестфальского угольного района нашла осуществление мысль об ограничении производства. 22 декабря 1877 года состоялось общее собрание членов вышеназванного союза, на котором председатель доктор Гаммахер сказал следующее:

«Не подлежит сомнению факт, что в Рейнско-Вестфальском горном районе в предприятия нашего союза вложена весьма солидная часть национального достояния, которую, не впадая в преувеличения, можно оценить в сумму от одного до полутора миллиардов марок... У нас имеется свыше 150 самостоятельных горных предприятий с различными относящимися к ним владениями. Лица, управляющие этими предприятиями, мало связаны между собой. Исполняя свой долг по охране вверенных ему интересов, каждое правление, каждый директор следует своим собственным путем. Благодаря этому, получается беспрецедентное понижение цен. При существующих в нашем районе отношениях собственности конкуренция, конечно, неизбежна, но конкуренция — меч обоюдоострый и является в руках несведущих лиц оружием опасным. Заряд, пущенный рукой человека, несведущего в разумном обращении с оружием, попадает в самого стрелка. Разум должен прийти на помощь конкуренции, если мы не хотим, чтобы конкуренция имела разрушительное влияние. Применительно к нашему теперешнему положению это означает: необходим взаимный контакт, чтобы общими силами достигнуть повышения угольных цен. В нашем союзе представлены все элементы, могущие при добром на то желании достичь соглашения. Позвольте мне привести вам еще несколько цифр, чтобы уяснить все значение этого вопроса. Размеры капитала, доходность которого составляет задачу горнопромышленности нашего каменноугольного района, определяется цифрой в 1—1,5 миллиарда марок, и не будет преувеличением, если я скажу, что такой капитал должен регулярно приносить ежегодную ренту в 80 миллионов марок, чтобы отвечать справедливым запросам капиталистов 1). При этом я считаю 50—60 миллионов на ренту в собственном смысле слова, остальное же на амортизацию и т. д. Но как обстоит дело в настоящее время? Передо мной лежит петиция нашего правления от 4 августа с. г. по поводу налога на горнопромышленников. В ней сказано: «Согласно статистическим данным, опубликованным в «Глюкауф», из 154 союзных каменноуголь-

---

1) С какой освежающей душу ясностью выступает здесь наружу первобытное неподдельное, почти, сказал бы я, наивное капиталистическое мышление. Задача углепромышленности состоит не в том, чтобы, скажем, снабжать углем людей или доставлять топливо мерзнувшим, и не в том также, чтобы давать средства к жизни занятым в ней рабочим и служащим,—нет, задача ее в том, чтобы сделать доходным вложенный в нее капитал! Другими словами, давать акционерам ежегодную ренту без всякой затраты труда с их стороны. В таком виде рисуется мир капиталисту.

ных предприятий, действовавших в истекшем (1876) году в нашем районе, 45 предприятий имели доход в 4.100.000 марок, между тем как остальные дали убыток в 12.800.000 марок; из 32 горных акционерных обществ 9 обществ дали 2.700.000 марок дивиденда, остальные работают с убытком.

«Воистину не может быть более яркого доказательства того, что наша горнопромышленность работает в убыток. Встает вопрос, как выйти из этого положения... Мы должны при этом руководствоваться как нашими собственными разумно понятыми интересами, так и интересами тех, кто целиком или частью вверил нам свое состояние. Мы должны иметь в виду, что интересы государства и интересы буржуазного общества тесно связаны с успешным развитием значительнейшей части всей горнопромышленности нашей... Каждый из нас должен сознавать, что временным сокращением производства он не только для всей каменноугольной промышленности и других предприятий, но и для своего собственного предприятия открывает прочные перспективы постепенного повышения угольных цен и длительной доходности вложенного капитала».

Я потому так подробно передал эту речь, что она с поразительной ясностью показывает, как уже тогда, около полувека тому назад, интересы крупного капитала начинали вступать в противоречие с интересами производства. Это и значит, что крупный капитал, именно вследствие все более гигантского роста своих размеров, начинал постепенно утрачивать способность к дальнейшему руководству производством и, в особенности, к дальнейшему его расширению. Правда, мы скоро увидим, что непосредственная задача капитала,—уменьшение производства, не только не была осуществлена, но, наоборот, превратилась в свою противоположность. Это, однакоже, ничего не изменяет в том факте, что, говоря словами Гаммахера, который с своей точки зрения несомненно прав, «преуспеяние нашей горнопромышленности» (т.-е. преуспеяние вложенного в нее капитала), «интересы государства и буржуазного общества» требовали сокращения производства. Между тем ведь такое сокращение производства должно было не только навлечь неопишуемые бедствия на многочисленный слой углепромышленных рабочих и, посредственно, на всех тех мелких торговцев и ремесленников, которые до этого обслуживали потребности рабочих, но и прямо шло вразрез с основной целью всякого производства,—с обогащением человечества все новыми потребительными благами.

Речь Гаммахера достигла цели: в единогласно принятой резолюции общее собрание высказалось в том смысле, что «соответственное сокращение добычи каменноугольных копей нашего района является необходимым средством быстро покончить с вредным влиянием перепроизводства», и уполномочило правление предпринять соответствующие меры. И действительно, отчет союза за 1877 год сообщает, что большинство копей решилось на равномерное общее сокращение добычи. В январе 1878 года сошлись на том, чтобы с 1 февраля—на срок пока в 3 месяца—сократить добычу на 10 процентов по сравнению с добычей последней четверти 1877 года.

Таким образом, горнопромышленный союз Дортмундского района фактически превратился в производственный картель. Однако существование его не было продолжительным. По истечении 3 месяцев не удалось достичь соглашения о продлении договора ввиду того якобы, что размер сокращения считался недостаточным, и были предложения о сокращении добычи по меньшей мере на 20 процентов. На такое сокращение предприятия, однакоже, не решились пойти.

После этого в течение 15 лет снова и снова предпринимаются попытки достичь более прочного объединения рейнско-вестфальских каменноугольных предприятий. Пробовали действовать попеременно то путем соглашений о ценах, то путем ограничения производства, но ни то, ни другое средство не приводило к цели отчасти потому, что каждый член союза слишком поглощен был непосредственно своими собственными выгодами и потому не хотел связывать себе рук на более продолжительное время, отчасти же и потому,—при чем эта причина является особенно важной для понимания последующего развития,—что ограничение производства приводило к результатам прямо противоположным тем, каких ожидали! Так, например, удалось достигнуть соглашения о сокращении добычи угля с 1 января 1880 года. Уменьшение добычи должно было составлять 5% сбыта 1879 года и, следовательно, являлось весьма умеренным, чем, несомненно, объясняется необыкновенно большой процент участников: не менее 94% всей добычи района вошло в соглашение. Однако в том же годовом отчете союза горнопромышленников (за 1879 год), в котором опубликовано сообщение об этом соглашении, имеется замечание о том, что, по всей вероятности, добыча 1880 года, несмотря на соглашение, все же будет не меньше, а больше добычи 1879 года. В пользу такого предположения имеются два

основания: во-первых, за это время закончены новые сооружения для глубоких разработок; во-вторых, более старые предприятия примкнули к соглашению лишь под тем условием, что им самим предоставлен выбор годовой цифры добычи за последние 4 года, по которой им будет исчисляться 5-процентное сокращение. Здесь впервые прорываются наружу те затруднения, которые в дальнейшем причинили синдикату так много хлопот.

То, что в 1880 году существовало лишь в виде опасения, превратилось в 1887 году в реальную действительность. С помощью легкого нажима удалось провести соглашение об ограничении производства на целый год, с 1 апреля 1887 по 31 марта 1888 года. Размер сокращения был, правда, невелик; произведен был искусный расчет, в котором говорилось о 10-процентном сокращении, при чем имелись в виду 10⁰/₀ «наивысшей годовой добычи предприятия за последние 3 года». В действительности эти 10⁰/₀ составляли всего лишь 2 процента добычи 1886 года. Но как-никак это сокращение все же должно было давать в результате уменьшение производства. А что наступило в действительности? В отчете за 1887 год мы читаем:

«Как явствует из приведенных выше статистических данных, производство в 1887 г. и в первой четверти текущего (1888) года не только не уменьшилось, но, напротив, имело место значительное увеличение его», размер которого в 1887 году составлял не менее 5 процентов производства 1886 года, а в первую четверть 1888 года составлял даже 10 процентов добычи за тот же период времени в 1887 году. В дальнейшем мы подробно остановимся на причинах этого на первый взгляд странного явления.

Около этого времени и, по всей вероятности, в связи с результатами этих опытов впервые возникает план достичь объединения совершенно иным путем. 2 июня 1887 года д-р Гаммахер предложил правлению союза горнопромышленников проект создания новой организации, цель которой сводилась к общей продаже всего количества угля, добытого на предприятиях членов союза. С этой целью предполагалось создание особого торгового товарищества, задача которого состояла в принятии у всех членов союза всего количества предназначенного к продаже угля, с исключительным правом продажи его покупателям. Такая организация есть та именно форма объединения, которую мы будем называть «синдикатом».

Из этого проекта, однакоже, синдиката еще не получилось.

Перед нами не появление на свет этой формы объединения капитала, но, если позволено будет так выразиться, только акт зарождения ее. Прошло полных 6 лет, прежде чем мысль, высказанная в проекте Гаммахера, получила реальное воплощение в действительности. Но ввиду важности предмета мы позволим себе привести существенные места из речи, произнесенной Гаммахером в обоснование его проекта. Он говорит, между прочим:

«Наши неоднократные попытки привести к хозяйственному оздоровлению нижнерейнско-вестфальскую каменноугольную промышленность оказались бесплодными. Заключенные соглашения о количестве добычи временами являлись для нас оплотом в борьбе с разрушительными влияниями перепроизводства. Благоприятное влияние их временно сказывалось также и на продажных операциях, благодаря сокращению предложения со стороны лиц, которым поручена была продажа продукта, и противодействию их стараниям покупателей понизить цены... Тем не менее, существенных признаков улучшения в каменноугольном деле еще не заметно. Отдельные копи вынуждаются естественными условиями расширять производство за пределы вполне понятной нормы, а предложение продукта со стороны представителей более 150 предприятий, взаимное недоверие продавцов, как и справедливое стремление их обеспечить в определенной мере сбыт товара на более продолжительный период времени вперед, не дают возможности достичь оздоровления рынка...».

И здесь, следовательно, перед нами обнаруживается факт, что как раз объединение и толкает отдельные предприятия к увеличению производства. Почему вынуждает,—об этом Гаммахер не говорит,—нам ясно; он предпочитает уклониться от ответа, прибегнув к красному словцу «естественные условия». О действительных причинах этого явления нам еще придется говорить в дальнейшем. Далее, приведенное место из речи Гаммахера снова убеждает нас в том, как далека была действовавшая тогда свободная форма объединения от того, чтобы действительно пробудить солидарность среди владельцев и руководителей отдельных копей. Каждый из них видел в другом прежде всего конкурента, при чем имел вполне достаточные основания к этому. Ибо каждый из них знал ведь, с какой легкостью он сам был готов—и должен был быть готов к этому—отказаться от соглашений и даже нарушить их, если того требовали интересы сбыта его собственного предприятия. Поэтому каждый предполагал то же самое и в отношении всех остальных. В соответствии

с этим каждый старался обеспечить себе необходимую свободу действий на случай быстрой или даже внезапной отмены всех соглашений и договоров.

Именно в этот пункт Гаммахер имел в виду внести изменения. По мысли его и других авторов его плана, нужно было найти такую форму организации, которая настолько прочно связала бы отдельного предпринимателя по рукам и ногам, что он или вовсе не мог бы высвободиться из ее тенет или же мог бы достигнуть этого только ценою тяжких жертв. Такая форма организации действительно была найдена в синдикате. Вне круга горнопромышленников создавалось акционерное общество, которое обязывалось покупать у владельцев копей, входящих в синдикат, всю их добычу по установленной синдикатом цене и, с своей стороны, продавать ее потребителям. Если синдикат выручал более высокую цену, то в прибылях участвовали и владельцы копей.

«Ясно как день,—продолжая свою речь, говорил Гаммахер,— что синдикат, созданный на таких основаниях, может предложить копиям большие выгоды, раз все производство целого горнозаводского района или хотя бы только большей части его сосредоточивается в одних руках. Можно с математической определенностью рассчитывать, что цены тотчас же поднимутся на 3—5 пфенигов на центнере... Каждый пфениг повышения составляет при производстве в 500 миллионов центнеров барыш в 5 миллионов марок. Но если даже считать, что синдикат будет располагать только $\frac{4}{5}$ всей добычи, так как копи, связанные с железодельными заводами и т. д., в счет итти не могут, то и в этом случае все же очевидно, какое целительное и быстрое влияние на образование цен будет иметь деятельность синдиката».

Несмотря на все красноречие, с каким тут Гаммахер, как говорится, мажет медом по губам углепромышленников или, другими словами, доказывает им выгоды такого синдиката, он все же на первых порах добился только того, что была назначена комиссия для рассмотрения его предложения. Последующие годы снова подтвердили блестящим образом, что капиталист всегда руководствуется только своим непосредственным интересом или, выражаясь на капиталистическом жаргоне, своим «здоровым эгоизмом». Когда комиссия закончила свои работы и представила общему собранию проект синдиката (еще в декабре 1887 года), конъюнктура на угольном рынке изменилась в сторону повышения цен, и теперь ни один владелец копей и не по-

мышлял о том, чтобы в какой бы то ни было форме связывать себя. «При улучшавшемся из месяца в месяц положении дел можно было отказаться от дальнейших усилий в этом направлении», говорится в годовом отчете союза горнопромышленников за 1888 год. На том дело и оставалось, пока снова не наступило в 1890 году обратное движение цен, вызвавшее ряд мелких объединений владельцев копей в целях общей продажи угля. Но к этому времени процесс концентрации стал принимать уже ту форму, которую мы назовем «концерном». Отчет за 1890 год насчитывает целый ряд крупных углепромышленных предприятий, увеличивших свои владения непосредственной скупкой угольных копей других владельцев, при чем среди этих предприятий были и такие, которые еще и в настоящее время занимают в горнозаводской промышленности Германии первое место, как, например, Гельзенкирхен, Гарпен, Гиберния, Крупп и т. д. Пользуясь данным случаем, нам следует тут же хорошенько запомнить, в чем, собственно говоря, заключаются, с капиталистической точки зрения, преимущества концерна? «Если в вышеуказанных случаях,—говорится в отчете,—не всегда имело место слияние предприятий, то все же скупленные предприятия утратили свою самостоятельность и, следовательно, свое независимое положение на рынке в качестве продавцов». В дальнейшем мы увидим, что прямо противоположной точки зрения держатся те капиталисты, которые в этом процессе поглощения играют страдательную роль: они восхваляют как крупное преимущество картеля в противоположность тресту то обстоятельство, что картель сохраняет в неприкосновенности самостоятельность отдельных предприятий.

В 1891 году цены на уголь упали еще ниже, и только под давлением этого обстоятельства большинство копей Рурского бассейна, представлявшее 85 процентов всей добычи района, решилось в январе 1892 года создать довольно тесное объединение для продажи продукта. Создание этого объединения не привело, однакоже, ни к чему, при чем специальные причины этой неудачи опять-таки представляют особенный интерес и чрезвычайно облегчают понимание вслед затем наступившего процесса развития. Согласно обстоятельному изложению, даваемому отчетом за 1892 год, сначала хотели установить различные цены не только в соответствии с различием сортов угля, но и в соответствии с различием качеств в пределах одного и того же сорта. Это оказалось невыполнимым по причинам вполне понятным. Ибо

кто же мог с абсолютной точностью определить, насколько один и тот же сорт угля в одном предприятии «лучше», чем в другом, и, следовательно, насколько дороже должен он стоить! Таким образом, не оставалось ничего другого, как назначить, невзирая на различие качества, одинаковую цену за уголь одинакового качества. Дело, однакоже, происходило в период падающей конъюнктуры. Естественно, что при равенстве цен рынок поглощал только уголь лучшего качества, уголь же худшего качества оставался на складах, в результате чего предприятия, оказавшиеся в невыгодном положении, стали продавать свой уголь по той цене, какую могли выручить, нисколько не заботясь о предписаниях организации. Для контроля же у последней не имелось соответствующих органов. К этому присоединяется второй момент, с которым мы встречались уже выше: общая организация предписывала своим членам сокращение производства и притом довольно значительное — 12,5, 15 и 20 процентов. Но не говоря уже об отсутствии органов контроля, владельцы копей находили выход в расширении оборудования своих предприятий, на основании чего и требовали повышения доли участия в производстве. Благодаря этому получилось, что, несмотря на формальное уменьшение производства на 20%, они тем не менее производили в действительности больше, чем прежде.

Естественным следствием такого положения вещей было медленное распадение общей организации и переход отдельных копей к самостоятельной продаже. «В результате получилась,—говорит отчет за 1892 год,—взаимная конкуренция и весьма необдуманное, безрассудное понижение цен».

При таких обстоятельствах назначена была новая комиссия для создания более прочной организации, и лишь этой комиссии удалось—она работала под председательством генерального директора К и р д о р ф а—провести тот проект, который, будучи подписан и нотариально закреплен 16 февраля 1893 года, представляет собой метрическое свидетельство Рейнско-Вестфальского угольного синдиката.

Образование синдиката в форме самостоятельного акционерного общества явилось необходимым следствием изложенной выше истории его возникновения. Центр тяжести новой организации и ее сущность выражены в договоре, который заключен был синдикатом—акционерным обществом с владельцами копей, и § 1 которого устанавливал:

«Нижеподписавшиеся владельцы копей продают весь свой про-

дукт угля, кокса и брикета ¹⁾ Рейнско-Вестфальскому угольному синдикату, который зато принимает на себя обязательство по сбыту и дальнейшей продаже всех этих продуктов согласно установленным правилам».

Давая срок для ликвидации текущих дел, договор вступал в силу с 1 марта 1893 года, при чем на первых порах срок его действия был установлен в 5 лет. Однако уже в 1895 году был заключен новый договор сроком на 10 лет, — с 1 января 1896 по 31 декабря 1905 года, каковой срок в свою очередь был снова продлен — уже в 1903 году — еще на 10 лет (следовательно, до 1915 года). Сейчас мы займемся, однакоже, только договорами 1893 и 1895 годов.

Сущность таких синдикатских договоров и отличие их от всех прежних картельных договоров Гильфердинг очень хорошо охарактеризовал в своем «Финансовом капитале» следующими словами ²⁾:

«Вернейшая гарантия против обхода постановлений (об ограничении производства и т. д.) имеется лишь в том случае, если продажа продукта производится не самими членами картеля, но его центральным бюро по продаже. Однако обеспеченность контроля не является единственным результатом этой меры. Непосредственные сношения отдельных предприятий с их покупателями отныне упраздняются на все время действия договора; этим упраздняется коммерческая самостоятельность отдельных предприятий. Картель отныне связывает своих членов уже не просто договором, параграфы которого легко могут быть нарушаемы во всякое время, но созданием общего экономического аппарата. При таких условиях выход из картеля сопряжен с предварительным установлением новых связей с покупателями, с восстановлением старых путей сбыта, с попытками, которые могут оказаться и неудачными и которые во всяком случае требуют жертв. Благодаря этому, обеспечивается картелью и большая прочность и большая продолжительность существования. Картель, из чисто договорного образования превращенный путем отмены коммерческой самостоятельности входящих в него предприятий в единое коммерческое целое, называют синдикатом».

¹⁾ Кокс и брикет были включены лишь в 1903 году; до этого времени продажа обоих этих продуктов принадлежала особым организациям.

²⁾ Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, Вена 1910, изд. Бранд и Ко, стр. 251. Изд. 7. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2011.

Мы обращаемся теперь к рассмотрению деятельности и успехов Рейнско-Вестфальского угольного синдиката (пока—только до конца прошлого столетия).

Единственная цель, которую преследовали основатели угольного синдиката, состояла—и это необходимо подчеркивать все снова и снова—в повышении цены на уголь ¹⁾. Если присмотреться с этой стороны к результатам развития 90-х годов, то нет никакого сомнения в том, что деятельность синдиката увенчалась желанным успехом. За эти годы все сорта угля, добываемого в рурских копях, значительно вздорожали.

Для иллюстрации приведу здесь несколько примеров. Одна тонна угля стоила (в марках):

---

¹⁾ Иначе представлялось дело королевско-прусскому правительству. Если послушать его, то цель синдиката состояла не в чем ином, как в регулировании производства в общих интересах. 20 мая 1911 года в палате депутатов в Берлине прусский министр торговли Зюдгов сказал: «Рейнско-Вестфальский угольный синдикат был создан в свое время, чтобы положить конец злу, наступившему в 70-х и 80-х годах. Благодаря неурегулированности конкуренции чрезмерно высокие цены периодов высокой конъюнктуры сменялись необычайно низкими ценами в периоды депрессии. Резкие колебания угольных цен сильно подрывали в периоды понижения цен экономическое положение угольной промышленности, отражаясь неблагоприятно и на заработной плате горнорабочих; при высоких же угольных ценах они нарушали спокойное развитие индустрии, зависимой от углепромышленности. После образования угольного синдиката цены на горнопромышленные продукты стали, в общем, более равномерными. Правда, цены эти, под влиянием возросшей себестоимости, в большинстве случаев возросли по сравнению с прежними ценами. Равным образом, было немало жалоб—особенно, в периоды недостатка в угле—на недостаточное обслуживание угольных нужд внутреннего потребителя, точно так же, как в периоды понижения хозяйственной конъюнктуры раздавались жалобы на то, что угольные цены не в достаточной мере приспособлялись к платежеспособности потребителей. Во всяком случае высота цен не была препятствием для мощного расцвета индустрии, являющейся потребителем угля. Хозяйственное развитие самих копей возросло, и сильно увеличилась заработная плата горнорабочих».

Так говорил министр в официальном сообщении от имени всего правительства прусского государства. В данный момент нас, однакоже, интересуют лишь субъективные намерения основателей синдиката, а для этого достаточно познакомиться с цитированными в тексте речами господина Гаммахера, чтобы убедиться в том, что единственный интерес их заключался в повышении цен. Регулирование производства в смысле сокращения его должно было служить средством для этого; постольку можно, если угодно, говорить, что они имели в виду также и «регулирование производства». Однако об использовании этого «регулирования» в смысле понижения цен в периоды хорошей конъюнктуры они, вне всякого сомнения, совершенно не думали при основании синдиката.

	Газово-пла- менный уголь	Пламенный уголь	Жирный орешек III	Средн. цена на все сорта рур- ского угля
1893 г.	8	5,50	8	6,40
1894 »	8,50	6,50	8,50	6,36
1895 »	8,50	6,50	9	6,65
1896 »	8,75	6,50	9,30	6,77
1897 »	9,25	7	9,80	7,03
1898 »	9,25	7	10	7,32
1899 »	9,75	7,50	10,50	7,66
1900 »	10,75	8,50	11,75	8,53

При этом нужно иметь в виду, что влияние синдиката на цены могло начаться только с 1895 года, так как до этого года еще действовала часть прежних контрактов по поставке угля. Верно то, что повышение цен уже не носит характера внезапных скачков, но развивается со спокойным постоянством, не прерываясь обратным движением. В этом смысле можно, если угодно, говорить и о «регулировании экономической жизни». Не может быть никаких сомнений в том, что это систематическое и непрерывное вздорожание рурского угля является результатом влияния синдиката. В годы, непосредственно предшествовавшие 1893 году, цены на уголь стояли значительно выше. Средняя цена на все сорта рурского угля составляла:

В 1890 году	7,94	марки за тонну.
» 1891 »	8,34	» » »
» 1892 »	7,35	» » »

А так как действие свободной конкуренции мы, как уже сказано, должны считать в силе до 1894 года ¹⁾, то ясно, что в период времени с 1892 по 1894 год цены под влиянием конкуренции понизились, и начавшееся с этого времени повышение их является следствием деятельности синдиката. Можно также установить с приблизительной точностью, насколько повышены были синдикатом цены на уголь. Если взять для сравнения английский уголь—в Англии синдиката не было,—то обнаружится удивительный факт, что до 1894 года германский уголь был дешевле английского (за одним единственным исключением 1891 года, когда английский уголь стоил на 35 пфенигов на тонну дороже рур-

¹⁾ В отчете угольного синдиката за 1895 год ясно говорится: «В то время как в 1894 году оставалось еще значительное число старых договоров, заключенных владельцами копей до начала действий синдиката, благодаря чему деятельность последнего не могла развернуться в полной мере, к началу отчетного года (1895) огромное большинство этих договоров уже утратило свою силу».

ского угля). При чем разница в большинстве случаев была не незначительна, колеблясь от 40 до 95 пфенигов на тонне, что составляет применительно к соответствующим немецким ценам от 10 до 18 процентов. Начиная с 1895 года, т.-е. с момента, когда стала обнаруживаться деятельность синдиката, соотношение это получило обратное выражение, как показывают следующие цифры. Цена тонны (в марках):

	Рурский уголь	Английский уголь
1895 г.	6,65	6,04
1896 »	6,77	5,95
1897 »	7,03	6,04
1898 »	7,32	6,46

(С 1899 года в Англии начинает сказываться влияние бурской войны, погнавшее в гору также цены на уголь. Этот год, стало быть, непригоден для сравнения.) В среднем, за 4 года немецкий рурский уголь был на 81 пфениг на тонну дороже английского угля. Поэтому мы не рискуем впасть в преувеличение, если скажем, что, не будь синдиката, рейнско-вестфальские копи должны были бы продавать свой уголь дешевле на 75 пфенигов, в среднем, на тонне. Расчет этот очень умеренный, так как не только полная разница преуменьшена, но и не принято во внимание, что в большинстве случаев дешевизна немецкого угля по сравнению с английским была еще более значительна. Но если остановиться на 75 пфенигах, то для копей синдиката, производивших тогда около 40 миллионов тонн, круглым счетом, в год, это составляет увеличение прибыли на 30 миллионов марок приблизительно в год! Поистине должно признаться, что господин Гаммахер (смотри выше цитированную его речь от 2 июня 1887 года) не преувеличивал в своих обещаниях. Правда, не следует забывать, что как раз первые годы деятельности синдиката, 1894—1899, были годами очень высокой конъюнктуры, так что цены на уголь во всяком случае повысились бы, — однакоже вне всякого сомнения, не в такой сильной степени, если бы синдиката не существовало. Во всяком случае установлено с достоверностью, что при начале обратного движения, во время кризиса 1900 года, цены на уголь ощущались во всех прочих областях хозяйства, как особенно высокие, так что в июне и в декабре 1900 года рейхстагу пришлось основательным образом дебатировать вопрос: «Что намерены предпринять союзные правительства для действительной борьбы с существующей дороговизной угля, лежащейся тя-

желым бременем на широкие слои народа, и для предотвращения этого зла в будущем?».

Но как обстояло дело в это же время с ограничением производства?

Скажем, забегая вперед, что в этом отношении наступило прямо обратное тому, что ожидалось; за время деятельности синдиката добыча угля не только не уменьшилась, но значительно увеличилась! Фактическая добыча угольных копей, объединенных в синдикат, составляла (в округленных цифрах):

1893 г.	33.500.000	тонн
1894 »	35.000.000	»
1895 »	35.300.000	»
1896 »	38.900.000	»
1897 »	42.200.000	»
1898 »	44.900.000	»
1899 »	48.000.000	»
1900 »	52.100.000	»

Правда, за все эти годы состав членов синдиката не оставался неизменным; однакоже изменения состава были незначительны. Тем не менее, мы можем эти ошибки, хотя и незначительные, устранить, если возьмем все производство рурского района, т.-е. производство как синдикатских, так и внесиндикатских копей. Это производство составляло:

В 1893 г.	38.700.000	тонн
» 1894 »	40.700.000	»
» 1895 »	41.300.000	»
» 1896 »	45.000.000	»
» 1897 »	48.500.000	»
» 1898 »	51.300.000	»
» 1899 »	55.100.000	»
» 1900 »	60.100.000	»

Следовательно, сильное увеличение добычи угля в эти годы не подлежит сомнению. Чем было вызвано оно? Может быть, ввиду блестящей конъюнктуры синдикат отказался от ограничения производства? Об этом не может быть и речи. Регулярно в каждом отчете мы находим данные о тех предписаниях об ограничении производства, которые делались синдикатом, при чем размер ограничения нередко был довольно значителен,—так, напр., летом 1896 года 10—11%, в начале 1897 года 5—10%. Предписания эти вызвали даже оживленные протесты против синдиката со стороны прочих кругов хозяйственной жизни, так как в них

именно усматривали причину высоких цен на уголь. Синдикат же в своем отчете за 1899 год защищает против этих жалоб, указывая на то, что, вопреки предписаниям его, общая добыча угля возросла. Каким образом могло получиться такое возращение?

Оно объясняется «борьбой за квоту» (цифру участия в производстве). Если проследить за теми переговорами, которые ведутся—не только в угольном синдикате, но во всех производственных картелях—при возобновлении картельных договоров, то неизменно сталкиваешься с «борьбой за квоту», с поразительной регулярностью вновь и вновь встречающейся во всех переговорах. Мы знаем, что ограничение производства устанавливается таким образом, что сперва определяется общее годовое количество производства для данной индустрии, а затем это количество распределяется между отдельными предприятиями. Каждому предпринимателю хочется получить из общего количества возможно большую часть на свою долю. Каждый безусловно убежден в необходимости ограничения производства, но... пусть это делают другие. Для себя каждый из них желал бы охотнее всего, чтобы его доля в производстве вообще не уменьшалась. Нередки случаи, когда из-за этого спора о квоте невозможно было возобновление картеля или синдиката, так как никто из участников не соглашался уступить в такой мере, в какой это было необходимо.

Не следует, однакоже, думать, будто простое упрямство или неразумие толкают капиталистов на борьбу за постоянное увеличение своей квоты, побуждая их при соответствующих обстоятельствах скорее допустить распад всего объединения, чем отказаться от более высокой доли участия в производстве. У них имеются веские основания для этого и даже, если хорошенько подумать, они вынуждены так действовать.

Само собою разумеется, что ограничения производства возможно достигнуть лишь тем, что каждая отдельная фабрика производит меньше, чем то позволяют ее машины и оборудование. Часть предприятия должна, следовательно, остановиться. Но эти машины и оборудование стоили больших денег, в них вложен крупный капитал. Покуда они в бездействии, капитал этот не оборачивается и не приносит прибыли. Следовательно, той прибыли, которую приносит капитал отдельному предпринимателю, благодаря повышению цены продукта, противостоит на другой стороне убыток. Чем меньше квота данного предприятия, тем

больше та часть его, которая не функционирует вовсе или функционирует в недостаточной мере, и тем больше, стало быть, убыток его владельца.

Убыток же этот влияет отнюдь неодинаково на предприятия различных размеров. Более крупные предприятия переносят его легче, чем предприятия мелкие. Одинаковое—и абсолютно и даже в процентном отношении—ограничение производства, переносимое крупной фабрикой легко, может, при соответствующих обстоятельствах, оказаться гибельным для предприятия мелкого. Следовательно, для участвующих в картеле предприятий является вопросом жизни получение максимальной доли участия (квоты, цифры участия) в общем ограниченном количестве производства.

Что могут они предпринять для этого? Для каждого отдельного предприятия, завода или фабрики квота устанавливается пропорционально его величине и работоспособности. Это представляется единственно «справедливым» масштабом. Да иного масштаба и не приняли бы более крупные заводы, так как в противном случае им пришлось бы—на радость своим конкурентам—примириться с более крупными убытками, чем по «справедливой раскладке» на них приходится. Этим указан способ для каждого отдельного предпринимателя увеличить свою квоту: он должен неустанно увеличивать свое предприятие и расширять его оборудование. Предприниматели всегда делали это, но при господстве картелей вынуждены делать это в еще больших размерах.

«В годы благоприятной конъюнктуры картели предоставляют своим членам свободу действий в отношении расширения предприятий. Предприниматели пользуются этой свободой и, нередко, в чрезмерной степени, надеясь при этом, что картель и в неблагоприятные годы сумеет доставить им работу. Больше того: нередко случаи, когда предприниматель уже в плохие годы расширяет свое предприятие, чтобы затем при улучшении дел иметь возможность потребовать от картеля повышения доли участия. Благодаря этому картели зачастую переживают величайшие затруднения в сбыте сильно увеличившегося производства. В противовес повышенным цифрам участия, предоставленным участникам, расширившим свои предприятия, приходится прибегать к крупным сокращениям фактического производства, и многие картели, как, напр., картель для цемента, чулуна, спирта, оказались вынужденными распустить себя, вследствие слишком сильного расширения предприятий их членами».

Так говорит Лифман ¹⁾. В этих случаях, следовательно, сокращение производства является мнимым. Сперва повышается цифра участия, а затем задним числом сокращают производство. Меньший процент при более высокой квоте отдельных участников картеля может, таким образом, означать больший размер фактического производства, чем прежде.

С непогрешимой правильностью повторяется это явление и в ежегодных отчетах угольного синдиката с первого момента его возникновения. Уже отчет за 1894 год жалуется, что «непрекращающийся рост этих требований (повышения цифры участия) может стать серьезной опасностью для успешного развития синдиката», что, однакоже, не помешало повышению из года в год цифры участия. Но так как первые годы деятельности синдиката, как уже упомянуто было, совпали с периодом высокой конъюнктуры, то это повышение цифры участия послужило для синдиката оправданием против предъявленного к нему обвинения в искусственном создании угольного голода и дороговизны. «Эта сводка (о количестве фактической добычи угля),—говорится в отчете за 1899 год,—с несомненностью опровергает неоднократно высказывавшееся за последнее время мнение, будто синдикат искусственно сокращал добычу угля на своих косях. В действительности имеет место как раз обратное. На всех косях, принадлежащих к нашему объединению, уже задолго подготовлены были расширения обораживания, расширения, благодаря которым только и может быть обеспечена нынешняя высокая работоспособность их. Аргументация сторонников противоположных взглядов покоится на том обстоятельстве, что в периодических отчетах нашего объединения говорится о сокращениях производства. При этом, однакоже, упускают из виду, что эти цифры ограничения производства имеют значение исключительно как необходимый способ взаимных расчетов между членами союза. Каждый член нашего объединения должен уже в силу собственного своего интереса стремиться к максимуму своей работоспособности».

Таким образом мы в конце концов устанавливаем факт весьма значительного повышения цен на уголь во время деятельности синдиката, при чем в то же время не только не наблюдалось сокращения производства, но, напротив, добыча угля в столь же значительной мере увеличилась.

---

¹⁾ Л и ф м а н, Картели и тресты, 1910 (стр. 51—52 нем. изд.).

В. Рост железоделательной промышленности в Германии.

Само собою разумеется, немисливо проследить с одинаковою обстоятельностью развитие производства во всех его отдельных отраслях. Тем не менее является желательным дополнить вышеописанную картину хотя бы кратким указанием на ход развития в некоторых из важнейших областей производства.

На-ряду с углем внимание наше привлекает прежде всего железо. Как известно, железоделательная индустрия сравнительно недавнего происхождения. Конечно, искусство обработки железа известно было и практиковалось еще в глубокой древности: ведь и деятельность кузнеца принадлежит к числу древнейших ремесел человечества. Но только с появлением паровой машины и с открытием и применением в производственном процессе больших масс каменного угля обработка железа могла стать предметом крупной промышленности, что случилось не ранее XIX века. Тем не менее небезынтересно отметить, что и в этом промысле современная тенденция к картелированию находит свой прообраз в давно минувших веках. В Маркском графстве в XIII веке существовала очень оживленная железоделательная индустрия, получавшая чугун сперва из Швеции, а затем, по воспрещении вывоза оттуда чугуна, из соседних немецких районов. В этой индустрии все было строго регламентировано. «Оземундским кузнецам («оземунд»—шведское название сырого материала), которые все без исключения были в то же время земледельцами, разрешалось работать только 8 месяцев в году, и производство их не должно было превышать определенного максимума, дабы предотвратить рост цен на сырые материалы, перепроизводство продукта и возникновение по соседству проволочных фабрик. Вывоз оземунда был воспрещен; оземундские кузнецы и проволочные тянульщики обязаны были дать клятву в том, что не уйдут за пределы страны... В фабрикации кос существовал род конвенции о ценах. Точно так же и в проволочном производстве, являвшемся главным покупателем оземундского железа, существовала полицейско-цеховая организация. Только Люденшейд, Альтона и Изерлон имели право изготовлять проволоку и распределили между собой сорта различной толщины; готовая проволока в обмен на складочные расписки, которые можно было продавать, сдавалась на общий склад, куда приходилось обращаться купцам, торговавшим проволокой. Каждые три месяца контора склада производила расчет и выплачивала фабрикантам дивиденд. Эта организация

обладает чрезвычайным сходством с самой современной и наиболее совершенной формой картеля, с самоокупающим синдикатом. Сходство это выступает еще яснее, когда мы читаем о том, что внешняя, вновь появлявшаяся конкуренция неоднократно приводилась к молчанию посредством систематического понижения цен. Совершенно подобным же образом организована была и перерабатывающая проволоку фабрикация игол» 1).

И здесь, следовательно, можно было вспомнить о более старых формах объединения, когда в первой половине XIX века производство стало возрастать в угрожающих для капиталистов размерах. Как сильно возрастало производство, видно из следующих цифр. В Дортмундском горнозаводском районе было произведено в общей сложности железных фабрикатов:

в 1837 г.	11.900 т
» 1843 »	24.300 »
» 1850 »	43.800 »

Для этого было потреблено чугуна:

в 1837 г.	16.600 т
» 1843 »	34.100 »
» 1850 »	61.400 »

Чугуна производилось тогда в самом районе чрезвычайно мало. Хотя количество его из года в год и возрастало, тем не менее даже к 1850 году количество это достигло только немногим более одной двадцатой части потребления, а именно:

в 1837 г.	360 т
» 1843 »	1.290 »
» 1850 »	3.500 »

Остальное количество частью привозилось из других местностей Германии и в очень большой части своей ввозилось из Бельгии и Англии. Но затем, в годы 1850—1852, были открыты богатые пласты железняка в каменноугольном районе между пластами каменного угля, благодаря чему в Рурской области и возникли крупные доменные печи, так как новое открытие очень удешевило производство железа. Если до этого самый дешевый материал, доставлявшийся из Бельгии, обходился, включая фрахт и пошлину, около 28 талеров за тонну, то теперь можно было изготавливать

1) Х. Г. Гейман, Смешанные предприятия в крупной железодельной промышленности Германии. Штуттгарт, Котта, 1904 (стр. 135 — 136 нем. изд.).

его по цене в 16 талеров (приблизительно). К этому присоединялись прочие преимущества, связанные с пространственной близостью между сырьем и фабрикацией его.

Этот период и является, собственно говоря, временем появления на свет так называемых смешанных предприятий, о которых мы еще будем говорить в дальнейшем. Ибо ясно было, что при такой близости угля и железа крупные фирмы очень скоро придут к мысли о самостоятельном добывании того и другого, дабы иметь в своих руках столь необходимое для их фабрикации сырье. Так, крупные прокатные заводы начали тогда приобретать собственные копи и доменные печи, добывая в то же время и крупные количества железняка. Согласно статистической таблице, составленной Гейманом ¹⁾, уже в 1861 году на 5 таких смешанных предприятий приходились нижеследующие доли общего производства Рурской области:

	Добыча угля	Действующие доменные печи	Продукция до- менных печей	Обработка сы- рого железа
5 смешанных пред- приятий	2.100.000 <i>m</i>	16	121.200 <i>m</i>	79.100 <i>m</i>
Общее производ- ство Рурской об- ласти	24.800.000 »	26	146.400 »	181.800 »
Доля 5 смешанных предприятий . .	8,4%	61,5%	82,8%	43,5%

Обратный процесс, приведший к картелированию предприятий, наступил, однакоже, в железоделательной индустрии только в 70-х годах. Непосредственный повод к этому был дан великим крахом 1873 года. До этого краха все обстоятельства, как, напр., постоянное строительство новых железных дорог, растущая потребность в машинах для различнейших производственных целей, военные потребности 1870—1871 г.г., рост населения и вместе с этим жилищного строительства и т. д., непрерывно создавали сильный спрос на железные фабрикатy. Еще в 1872 году железоделательная индустрия едва успевала удовлетворять огромный спрос на железнодорожный материал. Потом вдруг наступил крах, и сбыт внезапно прекратился. Этим положено было начало объединительным стремлениям предпринимателей. В 1873 году ряд доменных печей объединил свои статистические органы, ежемесячно осведомлявшие своих членов об общей сумме производства,

¹⁾ См. Гейман, Смешанные предприятия..., стр. 141.

сбыта, собственного потребления и запасов на предприятиях союза ¹⁾. Как видим, здесь перед нами еще очень робкая форма объединения. В 1879 году последовала новая попытка, объединившая 14 предприятий в целях ограничения производства. Но и эта попытка предпринята была еще ошупью. Ограничение производства, как таковое, не было вменено членам объединения в обязанность, но те предприятия, которые ограничивали у себя производство, получали за это вознаграждение. Картель этот существовал лишь немного месяцев. Летом 1879 года объединились некоторые доменные печи из Рейнско-Вестфальской области, Нассау и Гарца с целью установления минимума цен. В 1880 году образовался картель большинства доменных печей Германии в целях ограничения производства. Вслед за этим последовал еще ряд попыток, имевших частичный успех, но всегда лишь кратковременную продолжительность. Только к декабрю 1886 года удалось образовать прочный картель доменных печей Рейнско-Вестфальской области, который в ноябре 1888 года организовал общую продажу пудлинового железа, и с этого времени картелю удавалось поддерживать высокие цены на железо. В течение последующих 10 лет объединение это становилось все теснее, в 1893 году организована была общая продажа и для чугунного литья, пока, в конце концов, не образовался в 1897 году чугунный синдикат в Дюссельдорфе.

Около этого же времени, в период тех же 20 лет, с 1877 по 1897 г., идет прогрессивное картелирование и других ветвей железодельной индустрии. В рельсовом производстве объединение существовало непрерывно с 1877 года, в производстве балок конвенция была возобновлена в прочной форме в середине 90-х годов, для железных полуфабрикатов в 1895 году образовался картель, так что к концу века была картелирована почти вся железодельная индустрия Рурской области и частью даже за ее пределами.

На вопрос о том, как же повлияло картелирование на количество производства, ответ дает нам составленная Гейманом нижеследующая таблица ²⁾. Согласно ей, в тогдашней Германии, включая и Люксембург, было произведено:

---

¹⁾ А. Гилльрингхауз, Чугунные синдикаты Германии. Лейпциг, Дункер и Гумблот, 1912 (стр. 13 нем. изд.).

²⁾ Гейман. Смешанные предприятия..., стр. 299.

	Железной руды	Железа- сырца	Чугунного литья	Литого железа
1848 г.	694.000 т	1.460.000 т	31.000 т	9.000 т
1880 »	7.239.000 »	2.730.000 »	515.000 »	661.000 »
1900 »	18.960.000 »	8.520.000 »	1.810.000 »	6.362.000 »

Из этой таблицы можно также установить с полной ясностью,—и в этом состоит особенная ценность ее,—на чем покоилось это огромное увеличение производства: оно покоилось на концентрации управления предприятием. Другими словами, оно покоилось не просто на картелировании, как таковом, которое ведь представляет собой только соглашение, более или менее прочное, различных самостоятельных предприятий, имеющее в виду ту или иную определенную цель, но на соединении многих предприятий более мелких размеров в одно крупное и на увеличении, благодаря этому, производительности труда, выражающемся в росте продукции на каждого отдельного рабочего. Здесь перед нами процесс, который еще и в настоящее время, в 1924 году, не закончил своего развития, но, наоборот, достиг гигантского развития как раз после мировой войны, о чем более подробно мы еще будем говорить в дальнейшем. Мы поэтому ограничимся приведением цифр, исчисленных Гейманом, к которым в дальнейшем нам еще придется вернуться. Согласно этим исчислениям, приведенное выше увеличенное количество продукта производилось все более уменьшавшимся числом предприятий при все более уменьшавшемся пропорционально количеству рабочих.

Составляло:

	Годы	Производ-	Число пред-	В $\frac{0}{100}$ %	Число ра-	В $\frac{0}{100}$ %	Выработка	В $\frac{0}{100}$ %
		ство в $\frac{0}{100}$ % к 1848 г. %						
Железная руда	1848	100	1.974	100	15.600	100	44,4	100
	1880	1.043	839	43	35.800	229	202,1	455
	1900	2.728	575	29	43.800	281	432,1	972
Чугун	1848	100	203	100	21.500	100	65,6	100
	1880	194	140	69	21.100	98	129,2	197
	1900	605	108	53	34.700	162	245,2	374
Железо в болванках	1848	100	109	100	5.100	100	6,1	100
	1880	1.642	1.034	949	35.700	698	14,4	235
	1900	5.781	1.253	1.150	95.500	1.869	19	309
Железное литье	1848	100	2	100	1.300	100	6,8	100
	1880	7.320	53	2.650	20.100	1.510	32,8	485
	1900	70.495	189	9.450	124.700	9.355	51,1	754

Г. Уголь и железо в Великобритании.

В Англии горнозаводская промышленность в XIX веке развивалась иначе, чем в Германии. С 1786 года здесь существовало объединение углепромышленников северных областей. За исключением юга, в Англии имеются почти во всех частях страны значительные залежи угля, которые находятся в разработке и дают крупные количества угольной добычи. При таких условиях объединение, разумеется, затруднительно. Но до тех пор, пока еще не было железных дорог, каждая угольная копь могла обслуживать углем только ближайший к ней район или же несколько более отдаленные местности. Фрахт на большие расстояния был слишком дорог, за исключением водного транспорта. В отношении же водного транспорта наиболее благоприятное положение занимал Лондон, расположенный на Темзе, по которой крупные морские суда могли причаливать в самый город. Ввиду этого Лондон в те времена снабжался углем почти исключительно морским путем. В 30-х годах XIX века привоз угля в Лондон выразился в следующих цифрах:

	1832 г.	1833 г.	1834 г.	1835 г.
Привоз (в тоннах):				
морем	2.100.000 т	2.000.000 т	2.100.000 т	2.300.000 т
из внутр. районов	10.700 »	4.400 »	1.800 »	1.000 »

При таких условиях владельцам копей Нью-Кэстльского района—в северной Англии, недалеко от шотландской границы—удалось почти целиком захватить лондонский рынок. По Тайну и далее морем они могли доставлять свой уголь в Лондон, продавая его там дешевле, чем копи, расположенные ближе, но имевшие в своем распоряжении только сухопутный транспорт. Ввозимый в Лондон уголь поставлялся почти исключительно нью-кэстльским картелем. Доля его в лондонском угольном привозе составляла:

	1832 г.	1833 г.	1834 г.	1835 г.
Общий привоз морем	2.100.000 т	2.000.000 т	2.100.000 т	2.300.000 т
В том числе доставлено картелем	1.954.000 »	1.900.000 »	2.000.000 »	2.100.000 »

Картель, возобновлявшийся каждый год, предписывал каждой копии ее долю участия в сбыте и устанавливал цены. «Установление цен происходило следующим образом: сперва объявляли цену угольные копи, доставлявшие наилучший уголь, а за ними следовали остальные. Однакоже до установления цены в окон-

чательной форме имели место многочисленные изменения. Если, напр., угольная копь, производившая уголь среднего качества, объявляла слишком низкую цену, то от этого терпели ущерб и копи более высокого качества. Но все эти изменения происходили до официального установления и опубликования цен»¹⁾.

Хотя, таким образом, формы и функции этого картеля были, по сравнению с нынешними капиталистическими объединениями, много свободнее, тем не менее это, повидимому, нисколько не мешало им весьма основательно гнать цены вверх. Во всяком случае, к такому заключению нельзя не прийти на основании заметки, опубликованной в июле 1844 года в лондонском журнале «Пёнч». Один из тогдашних копевладельцев, маркиз Лондондерри, запретил «своим» рабочим участвовать в профессиональных союзах. Вслед за этим в журнале «Пёнч» появилось остроумное письмо, которое... могли бы послать рабочие своему маркизу. Содержание письма следующее:

«Маркиз! Мы получили ваше письмо, предлагающее нам выйти из состава профессионального союза и вернуться к работе. На это предложение мы отвечаем: о, маркиз, выйдите вы из состава вашего союза, дабы уголь стал дешевле, и работы для горнорабочих стало больше. Вы обвиняете нас, зачем мы вступили в союз; точно в таком же деянии обвиняем мы вас. Мы объединяемся с нашими товарищами во взаимный союз, дабы обеспечить себе стоимость нашего пота. Вы принадлежите к угольному синдикату, к союзу предпринимателей, объединившихся с целью повышения угольных цен, ограничения предложения угля на рынке и достижения таким путем постоянной цены определенного размера. Каким же образом у вас выходит, что богачи могут объединяться в союз, а люди труда нет? Вы заклинаете нас оглянуться на то разорение, которое мы своим поведением причиняем нашим женам, нашим детям, нашему графству, нашей стране. В ответ мы призываем вас оглянуться на те бедствия, несчастья и страдания, которые каждую зиму союз копевладельцев причиняет лондонским беднякам, для которых тепло стало недостижимой роскошью ввиду высоких цен на уголь, упорно поддерживаемых углепромышленниками».

Нью-Кэстльский союз копевладельцев мог сохранять монопо-

¹⁾ Т. Фогельштейн, *Формы организации железодобывающей и текстильной индустрии в Англии и Америке*. Лейпциг, Дункер и Гумблот, 1910 (стр. 59 нем. изд.).

лию на лондонском рынке лишь до появления железных дорог, удешевивших фрахт на Лондон, и для более отдаленных копей. В 1844 году союз был распущен, и с тех пор в Англии больше не было союзов картельного или даже синдикатского характера. Имеется, конечно, и в Англии и в столь же богатой углем Шотландии целый ряд организаций в различных округах, поставивших себе целью регулирование цен в интересах владельцев копей. Но всем им недостает и строго проведенного объединения и монопольного владения рынком, какие необходимы для картельной организации в собственном смысле этого слова. Правда, и в Англии попытки создать такой картель не прекращались вплоть до конца прошлого столетия, однако же желанного успеха не имели.

Рост производства каменного угля в Великобритании во второй половине прошлого века выразился в следующих цифрах:

в 1846 г.	38	миллионов	<i>m</i>
» 1860 »	80	»	»
» 1880 »	147	»	»
» 1887 »	165	»	»
» 1892 »	185	»	»
» 1897 »	205	»	»
» 1900 »	229	»	»

То же самое относится и к английской железодельной индустрии. Правда, попытки достичь объединения промышленников повторно предпринимались в течение десятилетий. Время от времени удавалось также создавать более или менее крупные объединения, предпринимавшие даже—порою весьма энергичные—меры для ограничения производства. Неоднократно, напр., имели место случаи прекращения деятельности, по предписанию союза, целого ряда доменных печей, при чем остальным предписано было сократить производство. Интересно отметить также, что рельсовые фабrikаты уже в 1884 году подлежали ведению международного картеля, включавшего наряду с английскими заводами рельсопрокатные заводы бельгийские и немецкие и распределявшего между участниками все сделки по экспорту. (Попытка, которая в более крупном масштабе повторилась в 1904 году со включением Франции, а в 1905 году даже со включением Австрии, Испании и Соединенных Штатов Америки.) Но все эти организации существовали недолго и существенного влияния не имели, так что сведущим людям состояние английской железодельной индустрии около 1900 года пред-

ставляется прямо-таки отсталым. Так, напр., Фогельштейн ¹⁾ в 1910 году высказывается об этом следующим образом:

«Организация английской железодельательной индустрии испытала за последние 100—150 лет самые различные перемены. Никто не станет утверждать, будто ею найдена последняя форма, идеально соответствующая современным требованиям... В техническом отношении, на-ряду с превосходнейшими заводами, имеется немало таких предприятий, которые как в смысле общего устройства, так и в отношении машинного оборудования не соответствуют тому, что в настоящее время считается минимумом. Использование газов, напр., является еще в сильной степени несовершенным. Отдельное существование коксовых печей от железодельательных заводов, доменных печей от прокатных заводов вызывает бесполезную трату сил, которую при обостренной конкуренции предприятие едва ли может выдержать долгое время».

Фогельштейн, однакоже, полагает, что с началом нового столетия в этом отношении наступила, повидимому, перемена.

О росте производства приведем нижеследующие данные.

Чугуна произведено было в Великобритании

в 1827 г.	700.000 т
» 1860 »	3.800.000 »
» 1870 »	6.100.000 »
» 1880 »	7.700.000 »
» 1890 »	8.000.000 »
» 1900 »	9.100.000 »

Литого железа произведено было:

в 1870 г.	287.000 т
» 1890 »	3.600.000 »
» 1901 »	5.100.000 »

Тот факт, что в высоко индустриальной Англии картели так мало развиты, в то самое время как они достигли столь высокого развития в Германии, Америке и других странах, конечно, обращал на себя внимание и сильно занимал экономистов. При объяснении его обыкновенно довольствовались «психологическим» моментом: в Англии-де, на родине учения о свободной конкуренции, капиталистические предприниматели являются (или были в конце прошлого столетия) столь убежденными сторонниками этого учения, что отклоняли от себя всякую мысль об образова-

¹⁾ См. цит. соч., стр. 102 (нем. изд.).

нии союза. Это столь же глубокомысленно, как и то, что пишет один очень известный (и, надо сказать, пользующийся вполне заслуженной известностью) историк: еврей,—говорит он,—потому не воссоздали в продолжение 2.000 лет нового государства, что в их характере отсутствуют государство-образовательные наклонности. Сначала из факта отсутствия картелей и трестов в Англии делают вывод об «индивидуалистическом» складе характера и «индивидуалистических» наклонностях англичан, а потом эти предполагаемые наклонности объявляют основанием, почему в Англии нет картелей и трестов! Эта болтовня тем более поверхностна, что она опровергается фактами. Мы ведь уже видели, что ньюкэстльский угольный картель существовал в продолжение полных 70 лет, развивая очень энергичную деятельность. Точно так же и бесконечные попытки объединения, повторно предпринимавшиеся вплоть до конца 90-х годов, показывают, что английские капиталисты—вопреки своей специфически английской «психике»—абсолютно в той же мере, как и капиталисты других стран, готовы на все, что сулит максимальную прибыль. Причина недолговечности их объединительных попыток, наблюдавшейся вплоть до конца прошлого века, объясняется не волей английских капиталистов, но особыми обстоятельствами, требующими более глубокого исследования.

В этом отношении рассуждения д-ра Германа Леви представляются мне проливающими большую ясность на вопрос, и я в дальнейшем привожу из его книги следующие выдержки ¹⁾.

Из предметов сырья, производимых в Англии, нет ни одного, которого не имели бы другие страны. Англия, следовательно, не имеет естественной монополии ни на один предмет сырья. Но у нее зато нет также и никаких серьезных оснований опасаться на внутреннем рынке иностранной конкуренции. Это относится прежде всего к углю. «Английскому угольному тресту в 80-х и 90-х годах, даже при значительном повышении им цен на уголь, не было оснований опасаться иностранной конкуренции... Даже в 1900 году, в котором цены на английский уголь, особенно благодаря влиянию бурской войны, достигли необыкновенной высоты, в Англии не чувствовалось конкуренции германского или американского угля, хотя ни в Германии, ни в Америке цены на уголь даже приблизительно не возросли в такой

---

¹⁾ Герман Леви, Монополии, картели и тресты на основании данных развития в Великобритании. Йена. Г. Фишер, 1909, стр. 169 и след.

мере, как в Великобритании. Усиленная конкуренция этих стран выразилась тогда лишь в том, что они успешно соперничали с английским углем при экспорте в области не-английские... Сама же Англия даже в период угольного голода осталась незатронутой опасностью угольного ввоза.

Когда же затем цены на уголь в 1901 году сильно упали, стало «очевидно, что английский угольный картель мог бы удержать падение цен». Возникал и план создания такого картеля, но план этот не был осуществлен, как полагает Леви, по той же причине, которая за 60 лет до этого подорвала существование нью-кэстль-ского угольного картеля. Эта причина заключалась в большой разбросанности и многообразии предприятий, которые при тогдашнем состоянии путей сообщения все без исключения конкурировали друг с другом. «В 1906 году английское производство угля, общим количеством около 251 миллиона тонн, распределялось следующим образом:

Шотландия	около 39 миллионов т		
Нью-Кэстль и Дюркгэм	» 54	»	»
Йоркшир и Линкольншир	» 35	»	»
Средние графства	» 33	»	»
Уэльс	» 32	»	»
Ланкашир	» 11	»	»
Стаффордшир и южные графства	по 15	»	»

Производство угля, следовательно, распределяется по всем частям страны. Сплошной пространственной концентрации производства в одном месте, как, напр., в Рейнско-Вестфальской и в Силезской областях в Германии или в Восточно-Пенсильванском антрацитном районе Северной Америки или же в районе бурого угля в той же Америке, в Великобритании не имеется.

Следовательно, причиной, препятствующей объединению углепромышленников в каком-нибудь округе, является угольная конкуренция других округов. Это неоднократно доказано было на опыте. Так, напр., в Уэльсе, который представляет еще наиболее благоприятную почву для объединительных тенденций, так как является единственным местом добывания английского антрацита, с начала 70-х годов появляются все новые и новые проекты картелирования, которые снова и снова терпят неудачу, так как соответственное повышение цен вызывает успешную конкуренцию угля северной Англии. Угольный картель или трест в Англии только в том случае имел бы виды на успех, если бы он охватил все угольные округа страны. Но этому опять-таки препятствуют

другие затруднения. План такого всеобщего картеля был опубликован в 1893 году; оказалось, однакоже, невозможным считаться в достаточной мере с особыми условиями сбыта и производства каждого округа в отдельности. По имеющимся сведениям, число угольных копей в Англии составляло тогда 3.400. Леви считает это число сильно преувеличенным и сокращает его до 1.500. Но и такого количества вполне достаточно. Нужно только представить себе эту задачу привести к согласию 1.500 копевладельцев, чтобы понять ее трудности, если такие же попытки в отношении 150 копей Рейнско-Вестфальской области потребовали для своего осуществления пятнадцать лет!

Следовательно, предпосылкой для картелирования здесь, повидимому, является сокращение числа копей путем трестирования, слияния или скупки. Но и при этом условии еще далеко до объединения. В 1896 году уэлский копевладелец Томас поднял вопрос об объединении тех предприятий, которые в Южном Уэльсе добывали уголь для паровых котлов. Вследствие боязни конкуренции из этого ничего не вышло, несмотря на то, что, по данным Томаса, тогда уже в руках 20 процентов фирм сосредоточено было 80 процентов производства (50 фирмам принадлежало 95 процентов производства). Тогда Томас принялся за скупку и в 1908 году—после 12 лет!—имел у себя трест с ежегодной добычей в 4 миллиона тонн, став, таким образом, крупнейшим углепромышленником в Англии. Но какое значение это имеет, если один только Южный Уэлс добывал в 1907 году 50 миллионов тонн, а вся страна 267 миллионов!

Так обстоит дело с углем. Что касается железодобывающей промышленности Англии, то, по мнению Леви, картелирование предприятий при добыче железной руды было невозможно уже потому, что в самой стране было слишком мало руды. Так, напр., в 1907 году было потреблено около 23,4 миллиона тонн руды, в том числе 7,6 миллиона тонн было доставлено из-за границы. Но заграничная руда, в особенности испанская, гораздо богаче железом, чем английская, так что по меньшей мере половина всего изготовленного в Англии железа выплавлена из заграничной руды. Сильное повышение цен—что и составляет ведь цель картеля—вызвало бы немедленно повышение ввоза руды. Ибо морской фрахт дешев, а в самой Англии расстояния слишком невелики, чтобы транспортные расходы могли иметь значение. Стало быть, предпосылкой картелирования в данном случае могло бы быть закрытие границы для иностранной конкуренции путем введе-

ния охранительных пошлин. Англия, однакоже, осталась при свободе торговли ¹⁾).

По той же причине и в производстве сырого железа цены находятся в сильной зависимости от заграничных цен, так что создание картеля лишалось своей цели. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что Англия вывозит много железа и уже поэтому не может сильнее повышать своих цен, чем другие страны. «Цены в английском производстве сырого железа так сильно и непосредственно зависят от конъюнктуры за границей, что особая политика цен английских предпринимателей в плохие годы не имела бы никакого влияния, а в годы хорошие была бы излишней. Остается, следовательно, место, самое большее, для свободных соглашений о ценах да и то лишь в самых исключительных случаях». То же самое относится и к полуфабрикатам железоделательной и стальной промышленности.

Все это, впрочем, относится в полной мере лишь к тому положению, какое существовало до конца XIX века. С тех пор произошло немало перемен.

Д. В Соединенных Штатах Северной Америки.

В Соединенных Штатах Северной Америки могучий расцвет индустрии вообще относится лишь ко второй половине прошлого века. Ко времени политического отделения Соединенных Штатов ²⁾ от Англии (около 1780 г.) и далеко вглубь XIX века Америка в хозяйственном отношении жила не намного лучше, чем Европа средних веков. Нижеследующие выдержки об этом я заимствую из книги уже упоминавшегося мною Фогельштейна ³⁾.

«Ко времени объявления независимости (1776 г.) американские колонии в промышленном отношении отставали от Европы на 500 лет. На юге находились крупные и мелкие помещичьи имения, свои промышленные потребности покрывавшие домашним трудом рабов и каждый год отправлявшие на «родину», т.-е. в Англию, табак, кожи и прочие продукты натурального хозяйства, в обмен на которые «родина» снабжала их предметами роскоши... Георг

¹⁾ В этом могли бы, пожалуй, усмотреть проявление упоминавшейся нами выше английской «психики». Но исследование здесь этого вопроса завело бы нас слишком далеко.

²⁾ Для краткости мы в дальнейшем вместо «Соединенных Штатов Северной Америки» будем писать сокращенно—С. Ш.

³⁾ См. Фогельштейн, цит. соч., стр. 152 и след.

Вашингтон значительную часть одежды, потребной в его домохозяйстве, изготовлял в своем имении Mount Vernon, где имелось также и сапожное производство. Шерстяные же материи для своего личного потребления он, подобно прочим джентльменам, получал из Англии до тех пор, пока новообразовавшиеся американские мануфактуры не приобрели его моральной поддержки... Не многим лучше обстояло дело и в штатах Новой Англии, Нью-Йорке и Пенсильвании. Томас Хазар, один из крупнейших землевладельцев на Род-Айленде, имел 4.000 овец и всю одежду для 70 человек его домашнего хозяйства от начала до конца изготовлял на своем дворе...

«... Уже в XVII столетии шерстяные материи продавались из колонии в колонию, но невозможно представить себе, до чего ничтожны были размеры этой торговли. Ведь весь годовой расход фермера в эпоху революции оценивался в 10 долларов.

«При этом типично было то, что весь производственный процесс протекал внутри одного и того же хозяйства, завершая там же и конечные стадии, за исключением валяния и, пожалуй, кардировки. На помощь домашним работникам нередко приглашался профессиональный ткач, который спряденную ими пряжу ткал или, по крайней мере, помогал соткать на домашнем ткацком станке. Были, однакоже, единичные ткачи, работавшие за плату в собственном доме. Многие семьи продавали излишнюю пряжу своим соседям. Простые сукновальни можно было найти повсюду, и принадлежали они либо частным лицам, либо являлись общественной собственностью... Даже в крупных городах, как Бостон, самопрялка и ткацкий станок представляли собою обычные предметы домашней обстановки»...

Разумеется, наряду с этим существовали и единичные промышленные предприятия, но число их было невелико. Только в кораблестроении американцы тогда уже отличались особой искусностью и пользовались даже до известной степени мировой известностью. К этому присоединились затем, в начале XIX века, небольшие доменные печи и железорезные заводы, железный молот и прокатные заводы, в качестве особых индустрий, а также фабрикация игол. Кроме того, в Люнне (Массачузетс) с середины XVIII века имелось цветущее производство обуви, которое уже в 1795 году продало на внешний рынок около 300.000 пар обуви.

Давая общую сводку состояния промышленного производства С. Ш. около 1800 года, Фогельштейн пишет:

«Изделия отличались весьма невысоким качеством... Поэтому

состоятельные группы населения, крупные землевладельцы и купцы, чувствовавшие себя частью английского общества, выписывали для себя товары, а также лучшие машины и орудия из Англии. Наоборот, крупные собственники производили в собственном доме предметы обычного потребления, а мелкие собственники таким же способом удовлетворяли почти всю свою потребность в предметах промышленности. На рынок попадали только излишки домашнего производства. Промышленная деятельность была лишь побочным занятием... Пространственно концентрированное ремесло с регулярным дальним сбытом существовало только в Люнне. Значительная часть городских и деревенских ремесленников работала преимущественно на заказ. Но и остальная часть едва ли когда-либо выходила за пределы обслуживания местного рынка и ближайших окрестностей. Предприятий более крупных размеров не существовало вовсе, не говоря уже о фабриках или мануфактурах» (стр. 160—161).

Наиболее мощный толчок развитию американской индустрии дало, повидимому, железнодорожное строительство. Ибо в Америке железные дороги были нужнее, чем в Европе: население быстро возрастало — в 1790 году американское население едва насчитывало около 4 миллионов человек, а в 1820—уже 10 миллионов,—чему содействовала, главным образом, усиленная иммиграция. Иммигрантов же привлекало свободное распоряжение землей; но эта земля расстилалась на огромном пространстве, не имевшем дорог. Нет, стало быть, ничего удивительного в том, что в С. Ш. раньше чем в большинстве стран Европы—уже в 1828 году, почти одновременно с Великобританией—началось железнодорожное строительство, скоро принявшее, ввиду огромности расстояний, соответственные размеры. Благодаря этому появился массовый спрос на рельсы и прочие железные материалы, и скоро в этой отрасли американцы достигли такого искусства, что уже в 40-х годах начали ввозить американские локомотивы в Англию и Германию. Около этого же времени американская швейная машина создала себе мировую известность, как и вообще изобретено было в Америке и пущено в оборот множество машин, никогда не получавших применения в Европе вследствие возможности заменить их дешевле оплачиваемыми рабочими. «Мы видим здесь,—цитирует Фогельштейн из книги, появившейся в 1866 г. ¹⁾,—как в Америке конструируются

¹⁾ См. Фогельштейн, цит. соч., стр. 180.

машины для чистки яблок, для взбивания яиц, для чистки ножей» и т. д. и т. д.

В 1860 году численность населения достигла 31,5 миллиона человек, при чем территория расселения распространилась до берегов Тихого океана. При этом страна в экономическом отношении все еще представляла собой колонию, каковой в значительной мере она является еще и теперь, т.-е. она все еще может предоставить достаточно земли для поселения всякому, кого почему-либо не удовлетворяет его положение в данном городе или деревне. Этим обусловлена сравнительно высокая заработная плата, так как наиболее дельный рабочий всегда может переселиться, легко находя пропитание, даже если он не становится самостоятельным фермером, в сельском хозяйстве, как и в индустрии вновь заселенных областей. В результате этого в С. Ш. широкие массы больше потребляют, чем в Европе (что и поныне еще соответствует действительности), и, таким образом, представляют богатый рынок сбыта для промышленности и сельского хозяйства.

Только в конце 30-х годов стали постепенно переходить к отоплению каменным углем в больших размерах, что находилось в связи с упоминавшейся выше массовой потребностью в железнодорожных материалах. До того времени железодельная индустрия была настолько незначительна, что легко можно было обойтись древесным топливом, добывавшимся в беспредельных лесах. Но после этого времени начался гигантский расцвет промышленности. Общее производство чугуна в Соединенных Штатах составляло:

в 1830 г.	165.000 т
» 1840 »	287.000 »
» 1850 »	563.000 »
» 1860 »	821.000 »
» 1870 »	1.665.000 »
» 1882 »	4.623.000 »
» 1890 »	9.203.000 »
» 1900 »	13.789.000 »

Производство стали в сколько-нибудь значительных размерах вообще возникает впервые в Соединенных Штатах лишь во второй половине XIX века, но с тех пор увеличивается быстрым темпом. Было произведено стали:

в 1860 г.	12.000 т
» 1870 »	69.000 »
» 1882 »	1.737.000 »
» 1890 »	4.277.000 »
» 1900 »	10.188.000 »

Е. Мировое производство в XIX веке.

Наша попытка изобразить рост производства в течение XIX века настолько разрослась, что не вмещается уже в те пределы, какие могут быть предоставлены ей по объему настоящей книги. И тем не менее, несмотря на такие размеры, изображение наше должно быть признано чрезвычайно неполным. Необходимо было бы дать, по меньшей мере, систематическое изложение развития производства угля, железа, текстильных продуктов и сельского хозяйства в 6 странах мирового рынка: в Соединенных Штатах, Великобритании, Германии, Франции, Бельгии и Голландии. Но так как это ввиду данных условий невозможно, то мы обрываем изложение и ограничимся лишь тем, что приведем вкратце еще несколько цифр, иллюстрирующих рост мирового производства между 1800 и 1900 г.г.

Добыча каменного угля (в тысячах тонн).

	Великобритания	Германия	Франция	Бельгия	С. Штаты	На всей земле
1840 г. . . .	34.600	—	3.000	3.900	3.140	—
1850 » . . .	45.300	4.400 ¹⁾	4.400	5.800	5.800	—
1860 » . . .	85.400	15.600	8.300	9.600	15.200	—
1870 » . . .	110.800	26.400	13.300	13.700	36.000	185.100 ²⁾
1880 » . . .	147.000	47.000	19.400	—	—	286.200 ³⁾
1887 » . . .	164.700	60.300	20.800	18.400	118.500	{ 393.700 ⁴⁾ 404.300 ⁵⁾
1892 » . . .	184.700	71.400	25.700	19.600	162.700	495.300
1900 » . . .	228.800	109.300	32.700	23.500	244.700	696.100

Производство чугуна (в тысячах тонн).

1830 г. . . .	682	130	266	96	167	1.800
1850 » . . .	2.300	410	416	144	574	4.800
1860 » . . .	3.900	650 ⁶⁾	900	320	834	7.300
1870 » . . .	6.100	1.350	1.200	565	1.692	12.300
1880 » . . .	7.900	2.700	1.700	610	3.900	18.300
1887 » . . .	7.700	4.000	1.600	760	6.500	22.600
1892 » . . .	6.800	4.900	2.100	750	9.300	27.000
1900 » . . .	9.100	8.500	2.700	1.000	14.000	40.500

1) 1848 г.

2) 1866 г.

3) 1876 г.

4) 1882 г.

5) 1887 г.

6) 1862 г.

Протяженность действующей на земном шаре железнодорожной сети.

1830 г.	330 км	1860 г.	107.000 км	1890 г.	617.000 км
1840 »	8.600 »	1870 »	222.000 »	1896 »	715.000 »
1850 »	38.000 »	1880 »	367.000 »	1906 »	934.000 »

Рост железнодорожной сети в важнейших странах.
(Действующих километров.)

	1850 г.	1870 г.	1894 г.
Великобритания	10.600	25.000	33.700
Франция	3.000	15.700	40.200
Германия	5.800	18.900	44.800
Россия	500	11.400	37.200
Бельгия	900	2.900	4.500
Соединенные Штаты	14.500	85.900	289.700

Рост торгового флота (грузоподъемность в тысячах тонн).

	1842 г.	1894 г.
Англия	2.860	26.870
Соединенные Штаты	2.770	11.250
Франция	660	2.360
Германия	580	4.220
Во всех странах мира	10.480	58.610

И наконец, чтобы дать читателю представление о росте сельскохозяйственного производства в XIX веке, я привожу здесь нижеследующую цитату ¹⁾:

«С начала этого века сельское хозяйство... культурных стран Европы во всех отраслях своих достигло мощного расцвета, и сельскохозяйственное производство увеличилось во много раз как в экстенсивном отношении, так и в смысле интенсификации. В то время как при прежней системе обработки земли 30% возделываемой почвы из года в год оставались под паром, при современных методах полеводства паровые земли составляют лишь небольшую долю (в Германии, в общем, около 7 процентов). Посредством мелиорации (обводнение почвы, осушение болот, меры к предотвращению песчаных наносов) количество неудобных земель было сильно сокращено. В Германии в 1878 году только 6,75% всей поверхности земли не находилось в пользовании либо под хлебопашеством, луговодством и пастбищным хозяйством,

¹⁾ Из книги д-ра К. ф. - Шерцер, Хозяйственная жизнь народов. Руководство в вопросах производства и потребления. Лейпциг, изд. Дюрра, 1885, стр. 9 (нем. изд.).

либо под лесоводством или виноградниками, при чем большая часть этого количества отходит под дворы и здания, под сады и площади, улицы и дороги, находится под озерами и прудами, реками и каналами, так что действительно неиспользуемая в сельском хозяйстве площадь удобных земель гораздо меньше в значительной степени. В Австрии (без Венгрии) количество земель, не используемых в лесном или сельском хозяйстве, составляло 7—8 процентов, во Франции — около 10%.

Средняя урожайность пшеницы с гектара определялась в конце XVIII века во Франции в 7—8 гл (гектолитров), и еще в 1815 году она составляла всего лишь 8,5 гл; в середине 70-х годов XIX века она составляла свыше 13 гл, а в 1882 году даже 17,7 гл.

С одного гектара собирали в гектолитрах:

в 1815 г.	ржи 7,65	овса 14,58	ячменя 12,12
» 1835 »	» 12,50	» 17,41	» 13,99
» 1875—1882 г.г. (среднее) .	» 15,52	» 23,30	» 17,47

В Соединенных Штатах площадь возделанных фермерских земель составляла:

в 1850 г.	113 миллионов акров
» 1860 »	163 » »
» 1870 »	189 » »
» 1880 »	285 » »

Засеяны были:

	кукурузой (маисом)	пшеницей	рожью
в 1866 г.	34,3	15,4	1,5 миллионов акров.
» 1876 »	49	27,6	1,5 » »
» 1883 »	68,3	36,4	2,2 » »

В Германии рост сельскохозяйственного производства выражается следующими цифрами. Было собрано (двойных центнеров = 100 килогр.):

Среднее за годы	Ржи		Пшеницы		Картофеля	
	Всего	С гектара	Всего	С гектара	Всего	С гектара
1881—1883	5.800.000	9,9	2.300.000	12,5	22.800.000	81
1894—1896	7.000.000	11,7	2.900.000	15,1	30.000.000	98,3

В заключение нужно еще упомянуть, что сбор хлопка в Соединенных Штатах (являющихся наиболее крупными поставщи-

ками хлопка) ¹⁾ в течение XIX века выразился в нижеследующих цифрах:

в 1801 г.	186.000 кип
» 1810 »	330.000 »
» 1820 »	680.000 »
» 1830 »	977.000 »
» 1840 »	2.182.000 »
» 1850 »	2.172.000 »
» 1860 »	4.824.000 »
» 1870 »	3.155.000 »
» 1880 »	5.757.000 »
» 1890 »	7.314.000 »
» 1898 »	11.181.000 »

Ж. Смешанные предприятия.

Когда в 50-х годах прошлого столетия в центре вестфальского и нижнерейнского угольного района были открыты богатые залежи железняка ²⁾, то доменные печи для обработки железной руды естественно стали основываться в непосредственном соседстве рудных местонахождений. Эти предприятия объединяли уголь, руду и доменное производство. Такого рода «смешанное» производство—так называли такие объединяющие пескoлькo ступеней производства предприятия—представляло различные преимущества в тот период, когда описанные выше попытки к картелированию погнали вверх цены на разное промышленное сырье. Смешанное предприятие, которое имело, например, собственные угольные копи, так наз. «Hüttenzeche», и не нуждалось в покупке угля, находилось вне всякой зависимости от картельных цен на уголь. Оно могло даже доставить картелю много неприятностей. Когда в 1880 г. в Рурском округе было решено упомянутое выше незначительное ограничение угольной добычи, то угольные копи при смешанных предприятиях (Hüttenzechen) оказались лишь весьма мало заинтересованными в этом решении и присоединились к нему лишь в отношении к продажной части добываемого ими угля; что касается той части угля, которая предназначалась для их собственного производства, то тут они не соглашались ни на какие ограничения. В 1881 году они пошли

¹⁾ В 1912/1913 г. на всем земном шаре собрано было 5.850.000 т хлопка. Из этого количества на долю Соединенных Штатов приходится 3.100.000 т. Вес 1 кипы северо-американского хлопка—200 килограмм.

²⁾ В е с к, Geschichte des Eisens, IV, стр. 835. Н е у м а н н, Gemischte Werke, стр. 139.

еще дальше и потребовали, чтобы в случае, если добываемый для их собственных нужд уголь не сможет быть целиком потреблен в производстве, они имели право продавать этот излишек, невзирая на какие-либо ограничения в добыче угля, установленные для других копей. Тем самым были парализованы направленные на ограничение конкуренции усилия картелей, и это было одной из причин, почему в течение стольких лет задерживалось образование Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Когда же, наконец, в 1893 году он возник и начал постепенно повышать цены на уголь, то для все большего числа железоделательных заводов оказывалось выгодным присоединить к себе собственные угольные копи, чтобы избежать непрерывного повышения угольных цен. Синдикат был вынужден считаться с ними. В противном случае угольные копи при смешанных предприятиях могли бы путем предложения более низких продажных цен взорвать синдикат. Чтобы втянуть смешанные предприятия в синдикат, приходилось освобождать собственное их потребление угля от обычных ограничений. Вследствие этого они становились в более выгодное положение, чем «чистые» угольные копи. Ограничение добычи угля, напр., не было для копей при смешанных предприятиях столь же обременительным, как для «чистых» копей; они могли в этом случае расширить свое собственное потребление, тем более что это последнее понятие всегда носило несколько эластический характер. Этот дурной пример не мог, понятно, остаться без влияния на добрые нравы «чистых» копей: они начали, с своей стороны, прилагать усилия, чтобы приобрести или создать новые доменные печи, чтобы приобщиться к тем же выгодам; таким образом, уголь и железо начали с двух сторон срастаться друг с другом. Этот процесс приобрел громадное значение, которое вряд ли можно было предвидеть вначале. Дело в том, что он не ограничился, понятно, объединением угольных копей с плавильным заводом, а распространился постепенно на все новые отрасли обработки железа, для которых это присоединение новых стадий производства представляло также соответственные выгоды. В короткий срок, приблизительно от середины 80-х годов до конца прошлого столетия, смешанные предприятия получили в горной промышленности преобладающее значение. Последствием образования картеля (дело идет здесь о чугунном синдикате, к которому также относятся все вышеприведенные соображения) явилось, что крупные потребители чугуна—сталелитейные заводы, не имевшие до того собственных доменных печей,

сделались теперь независимыми: «Rheinische Stahlwerke» уже в 1887/1888 г., Hösch—с 1895 г. Оба предприятия с тех пор приобрели также угольные копи и рудные залежи и превратились в громадные заводы. С 1895 года горно-промышленное общество «Deutscher Kaiser» объединило свои угольные копи и мартеновские печи посредством домн и томассовых заводов. Таким образом возникло становящееся все более тесным объединение доменных печей и сталелитейных заводов ¹⁾.

Это объединение различных стадий производства в смешанных предприятиях существенно отличается от простого картелирования или слияния («Fusion») однородных предприятий. Такого рода объединение различных стадий производства обычно называют «комбинатом» (в Англии «integration»), или же «вертикальной концентрацией», в противоположность «горизонтальной концентрации» картелей. Это объединение имеет большое значение, так как оно в громадной степени повысило производительность заводов и, тем самым, все производство в целом. Круг, таким образом, смыкается: картели основывались, в сущности говоря, с ярко выраженной целью уменьшения производства ²⁾; когда же им удалось, правда, не путем уменьшения производства, а путем устранения конкуренции, взаимного подсиживания (путем понижения цен), повысить цены, они дали толчок к основанию и развитию смешанных предприятий и, тем самым, к такому увеличению производства, которое оставило в тени все до сих пор известное в этой области. Гейман дает в цитированных выше местах своей книги (стр. 153—155) целый ряд примеров такого развития и описывает, как, напр., положение «чистых» железопрокатных заводов с 1899 г. становится критическим ввиду того, что они или совершенно не получают необходимого для них сырья или получают его по высоким ценам, в то время как при сбыте своих изделий они наталкиваются на конкуренцию своих собственных поставщиков сырья. В конце столетия это развитие зашло так далеко, что в германской железодельательной промышленности все крупное производство перешло в руки смешанных предприятий. Гейман приводит, между прочим, следующие факты: «В Верхней Силезии самые крупные производители угля (пруссский фиск, Гише, Коттовиц, Лаура и т. д.) все без исключения входят в комбинаты... В производстве чугуна

¹⁾ Гейман, «Gemischte Werke», стр. 153.

²⁾ Там же, стр. 231 и сл.

«чистая» доменная печь никогда не производит больше, чем 500 тонн в день...». Большие сталелитейные заводы в большинстве случаев производят более 1.000 тонн (чугуна) в день, некоторые из них до 1.200—1.500 тонн. Из отдельных домен самые мелкие и старые принадлежат к числу «чистых» предприятий, самые крупные и новые входят в «смешанные» предприятия. Смешанные предприятия производят до 400.000 тонн томассовой стали ежегодно, чистые предприятия не более 100.000 тонн. Массовое производство рельс и стальных брусов приходится на долю смешанных предприятий и т. д. Мы имеем тут, понятно, дело не со случайностью, — тут играет роль значительный рост производительности, который достигается планомерной, дополняющей друг друга работой на различных стадиях производства, из которых каждая приноровлена, по возможности, к потребностям последующей стадии производства.

Дальнейшее развитие смешанных предприятий происходило следующим образом: картели не могли существовать без смешанных предприятий — они вынуждены были путем различных уступок заставить смешанные предприятия присоединяться. Конечно, другие члены картеля стремились обеспечить себе также выгоды таких уступок, т. е. они тоже превращались в смешанные предприятия, но то, что имело место в среде картелей одной какой-либо стадии производства, распространялось и на картели всякой другой стадии производства. Если крупное смешанное производство объединяло в себе, напр., добычу угля, доменные печи, сталепрокатный завод, то его участие было равномерно ценно или, вернее, необходимо как для чугунного синдиката, для синдиката по выработке железных полуфабрикатов и т. д., так и для угольного синдиката. Так постепенно создалось положение, при котором всякое крупное смешанное предприятие принадлежит ко всем значительным картелям, другими словами: во всех многочисленных и различных картелях, синдикатах и союзах горной промышленности в конце XIX в. решающее влияние имели одни и те же немногие крупные фирмы. «Смешанные предприятия принадлежат часто к составу не менее чем дюжины картелей, «Феникс» (на р. Лаар) даже не менее чем к 24 картелям» ¹⁾. «В настоящее время, — писал Гейман в 1904 г. ²⁾, — из всей германской железоделательной промышленности на поле битвы

---

1) Гейман, «Gemischte Werke», стр. 249.

2) Там же, стр. 261.

конкуренции остались всего 2—3 дюжины крупных предприятий». И эти оставшиеся предприятия стремились совершенно последовательно к планомерному охвату всей германской горной индустрии путем приобретения существующих, еще не исчерпанных угольных и рудных местонахождений, путем покупки, с целью последующей ликвидации, мелких, малопродуктивных предприятий, путем планомерного регулирования производства во всех сталелитейных предприятиях и т. д. Одним словом, Гейман уже 20 лет тому назад (стр. 278) пришел к следующему заключению: «Для горной индустрии учение Карла Маркса о концентрации точно доказано... Горная индустрия Германии созрела для экспроприации».

24 крупных смешанных предприятия во всей Германии—Гейман приводит их наглядно в таблице (стр. 286 вышеупомянутой работы): 5 на Мозеле, 4 на Сааре, 10 на Руре, 3 в Средней Германии и 2 в Силезии—в 1920 г. охватывали такой процент всего германского производства: 13% каменного угля, 75% чугуна, 50% стали. Эти предприятия были заняты 15 различными видами производства, каждое по крайней мере тремя, некоторые даже до 8, от рельс и брусков до труб и проволоки; они участвовали, следовательно, в картелях, объединяющих эти различные виды производства, и имели там решающее влияние. На примере «Gute Hoffnungshütte» в Рурской области, которое является типичным смешанным предприятием по выработке стали, Гейман (стр. 320) показывает развитие производства такого предприятия в 1872—1902 г.г. Предприятие это производило:

	В 1872 г.	В 1902 г.
Угля	240.000 т	1.600.000 т
Чугуна	101.000 »	420.000 »
Сталепрокатных продуктов	54.000 »	327.000 »
Машин и т. д.	10.000 »	53.000 »

Глава пятая.

Потребление в XIX веке.

На переломе между XIX и XX в.в. среди германской социал-демократии разгорелся оживленный спор по вопросу о том, улучшилось или ухудшилось положение рабочего класса за время господства крупного капитализма, продолжавшегося тогда уже 30—50 лет. Тогдашние радикалы (между ними, напр., Каутский) сперва полагали, что, согласно теории Карла Маркса, должно

было бы наступить ухудшение положения пролетариата. «Ухудшение», понятно, является широким понятием, под которое можно подвести весьма многое. Что касается размеров потребления, то перед лицом экономических фактов нельзя, само собой, отрицать того, что потребление увеличилось: рабочие, несомненно, около 1900 года потребляли больше, чем в 1850 г. или в 1860 г., и не только в совокупности, как класс, но и на душу. Когда это начало становиться все более неопровержимо ясным, тогда появилась идея так называемого «относительного» обнищания: хотя доля пролетариата в потреблении и возрастает, но доля буржуазии растет еще быстрее, так что «относительно» жизненный уровень пролетариата понижается. Ревизионисты же, наоборот, считали свою задачу выполненной, когда им удавалось доказать фактический рост пролетарского потребления.

«Если доля масс в потреблении в количественном отношении возросла настолько, что каждый может хорошо и досыта есть, в состоянии прилично жить и одеваться; каждый застрахован от несчастного случая, от безработицы, на случай болезни и т. д.; его семья обеспечена в случае его смерти; ему доступны все средства к образованию, любая духовная пища,—тогда пусть доля богачей будет так велика, что они могут наедаться и допиваться до смерти; пускай они в состоянии позволить себе любую роскошь,—никогда они не смогут понизить уровень жизни масс до «относительной» нищеты. Массы тогда, может быть, вместе с мудрым Соломоном скорее будут молить о том, чтобы быть избавленными от такого избытка»¹⁾.

Мы не должны приписывать написавшему эту тираду ревизионисту логическую ошибку такого рода, как будто бы он утверждал, что рабочий класс—он говорил тогда, прежде всего, о германском и английском пролетариате—в то время, около 1900 г., достиг уже того, что каждый мог хорошо и досыта есть и т. д. Он, конечно, тоже знал, что это было не так. Ход его мыслей был скорее следующий: если, как доказывают факты, общее положение пролетариата при господстве крупного капитализма шаг за шагом улучшалось, если в настоящее время даже самый бедный и изхудше поставленный рабочий руками и ногами отмахнулся бы от того, чтобы променять свое положение на положение среднего рабочего 50 лет тому назад,—тогда можно считать впол-

---

¹⁾ R. E. M a y, Die wirtschaft in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft, Akad. Verlag für soc. Wissensch. Berlin 1901, стр. 37.

не основательной надежду на то, что весь пролетариат достигнет, в конечном итоге, того благословенного состояния, на которое он указывает, путем постепенного постоянного улучшения своего положения. В этом смысл ревизионистского лозунга: «не революция, а эволюция». Я здесь не должен доказывать, что логическим выводом из этой мысли является соображение: тогда нам вообще не нужно никакого социализма, так как капитализм заботится о том, чтобы, в конце концов, каждый мог хорошо и сытно есть и т. д. Мы имеем здесь дело с тем ходом мыслей, который с тех пор распространился в рядах социал-демократии всех стран, начиная с 1914 года одержал свои известные победы и действительно подвинул социал-демократию на борьбу с социализмом ¹⁾.

В настоящее время мы знаем—благодаря, главным образом, превосходной книге Розы Люксембург, которая ярко освещает центральный пункт марксова учения, именно: несоответствие между производством и потреблением в капиталистическом хозяйстве,—мы знаем, что весь тогдашний спор был неправилен, так как обе стороны спорили о пункте, вовсе не являющемся центром всей проблемы. Суть дела вовсе не в том, возросло ли потребление рабочего класса,—это само собой разумеется. Дело также не в том, возросло ли это потребление в большей или меньшей степени, чем потребление буржуазии. Ревизионисты пытались даже тогда доказать, что доля рабочего класса в потребительных благах возросла в более ускоренном темпе, чем доля буржуазии; они даже придавали этому доказательству большое значение. Это доказательство представляется мне до некоторой степени сомнительным. Но даже в случае его правильности оно могло бы лишь доказать, что и потребление буржуазии далеко отстает от производства, а это лишь усилило бы тот аргумент, который только и имеет значение. Ибо весь вопрос в том и состоит, был ли рост общего потребления буржуазии и пролетариата вместе достаточно силен, чтобы поглотить колоссально возросшие массы продуктов производства.

Мы видим, следовательно, что оба направления в то время, 25 лет тому назад, были на неправильном пути. Радикалы были на неправильном пути, поскольку они считали своей задачей до-

---

¹⁾ При этом во главе этого движения стоят в настоящее время зачастую люди, которые тогда в теоретической области были самыми энергичными противниками ревизионизма, как, напр., Каутский, Гильфердинг, Ленч (II).

казать, что потребление рабочего класса уменьшилось,—это была совершенно невыполнимая задача. И когда они убедились в этой невозможности, они считали себя обязанными конструировать ту теорию «относительного» обнищания, которая также неизбежно заводила в тупик. Этот тупик для многих из них упирался целиком в практический ревизионизм—«ревизионизм дела». Но ревизионисты были не в меньшей степени на неправильном пути. Ибо поскольку они доказывали рост потребления рабочего класса, они ломились в открытую дверь. Поскольку же они пытались даже установить «относительное» обнищание буржуазии, постольку они в громадной степени усиливали именно ту позицию, которую они желали сокрушить. Речь идет о том положении, что при господстве крупного капитализма все потребление в целом все более и более отстает от производства. Если это правильно, тогда из этого вытекают все те вредные последствия, которые описаны в первом отделе этой книги на основании соображений Розы Люксембург. К этому вопросу, следовательно, сводится вся проблема. Найти на него ответ, конечно, отнюдь не легко. Мы уже видели, какими проблемами полна даже статистика производства XIX столетия. Что касается статистики потребления, то тут дело обстоит еще гораздо хуже. К счастью, в связи с происходившим 25—30 лет тому назад спором, о котором мы только что упоминали, было до некоторой степени собрано все то немногое, что могла дать статистика потребления в прошлом столетии. В противном случае попытка эта была бы почти безнадёжна.

Прежде всего приходится поставить вопрос о степени роста. Как производство, так и потребление несомненно возросли. Но был ли этот рост равномерным? Или одно из этих явлений нарастало в большей степени, чем другое? И в каком соотношении? Тут нам нужно, следовательно, сперва иметь абсолютные цифры роста и перевести затем эти цифры на язык относительных величин. Но достаточны ли для этого хотя бы наши цифры о производстве? Весь мир знает и весь мир согласен в том, что производство возросло за XIX век в колоссальной степени. Но в какой именно степени? При обозрении всех тех многочисленных рядов цифр, которые мы дали в предыдущей главе, нельзя все же отрицать, что они все носят более или менее случайный характер. Первая половина XIX столетия во всяком случае отпадает, так как данные за этот период слишком отрывочны. Это и не имеет большого значения, так как к р у п н ы й капитализм

развился с полной силой лишь с середины XIX столетия. Но если мы даже ограничимся периодом времени с 1850 года,—где найдем мы пригодный масштаб в этой путанице цифр, которые, выясняя в достаточной степени некоторые отдельные пункты, не могут никогда дать нам возможность обозреть все развитие в совокупности. А именно в этом последнем вся суть дела.

Единственным опорным пунктом представляется мне тут мировое производство каменного угля и чугуна. Уголь и железо — это такие сырьевые продукты, которые потребляются во всех отраслях производства. Поэтому от статистики их производства можно делать заключения и относительно роста производства в других отраслях. Но мы, конечно, не должны упускать из виду, что и этот метод является лишь некоторым подспорьем. Ибо мы имеем сперва лишь данные о производстве угля и железа. Тем самым отнюдь еще ничего не сказано о том, что произведенные количества угля и железа были целиком потреблены, а ведь лишь их безостаточное потребление доказало бы нам, что и производство в других отраслях возросло в той же степени. Но мы тут все же имеем некоторое подспорье, которое не просто взято с ветру, а имеет прочные основания.

Как же обстоит тут дело?

В 1866 году на всем земном шаре произведено было в круглых цифрах 185 милл. тонн каменного угля. Как мы в дальнейшем увидим, данные о потреблении, которыми мы располагаем, начинаются приблизительно с 1860 года. Для того, чтобы по возможности уменьшить ошибку, проистекающую из ограничения нашего подсчета одним углем и железом, мы округлим цифру угольного производства в 1860 году (точной цифры для этого года мы не имеем) до 200 милл. тонн. Тогда рост производства до 1900 года окажется, может быть, меньше, но во всяком случае не больше, чем в действительности. В 1900 году было добыто около 700 милл. тонн каменного угля, т.-е. как раз в $3\frac{1}{2}$ раза больше. Степень роста угольного производства составляет таким образом 350%.

Чугуна было произведено на всем земном шаре:

в 1860 г.	7.300.000 т.
» 1900 »	40.500.000 »

Это составляло бы увеличение в $5\frac{1}{2}$ раз. Но мы будем и тут осторожны и предположим, что в 1860 году статистика не была

еще достаточно развита для того, чтобы охватить все данные. Возможно, что в то время чугуна было произведено больше, чем это указывает статистика,—скажем, 10 милл. тонн; тогда в 1900 г. производство чугуна увеличилось в 4 раза. На этом основании мы можем сказать, что все производство на всем земном шаре в течение 40 лет, от 1860 до 1900 года, возросло на 350—400% (или на 250—300%). Эти цифры, вероятно, не совсем точны, но они во всяком случае не слишком высоки.

Так как наши цифры потребления относятся, главным образом, к Германии и Англии, то мы сопоставим здесь еще данные о производстве обеих этих стран.

Было произведено:

в Великобритании:		
	Каменный уголь	Чугун
1860 г.	85.400.000 т	3.900.000 т
1900 »	228.800.000 »	9.100.000 »
прирост на	155%	125%
(в круглых цифрах)	255%	225%
в Германии:		
	Каменный уголь	Чугун
1860 г.	15.600.000 т	700.000 т
1900 »	109.300.000 »	8.500.000 »
прирост на	450%	1.100%
(в круглых цифрах)	550%	1.200%

Перейдем теперь к статистике потребления.

В этой области мы находим в вышеуказанной книге Мая ряд данных, которые заимствованы им, в свою очередь, из работ специалистов-статистиков. Как уже указано, Май имеет тенденцию изображать рост потребления в возможно более ярких красках. Это, понятно, не освобождает нас от обязанности проверять его цифры и методы вычисления, но это обеспечивает нас, во всяком случае, против преувеличений в нашем смысле. Нам нечего бояться того, что возможные, проистекающие из тенденции Мая ошибки могут повлиять в том направлении, что потребление окажется менее значительным, чем в действительности.

Май сначала дает нам данные о росте потребления 14 распространенных товаров в период 1860—1896 г.г.

К сожалению, у него прямо не указано, относятся ли эти цифры только к Англии или же ко всем цивилизованным стра-

нам. То, что количество товаров дано в английских мерах (бушелях, галлонах, английских фунтах), само по себе еще ничего нам не говорит. Дело в том, что Май черпает свои данные из работ одного английского статистика, который мог, конечно, перечислить все количества на английские меры. Так как здесь возможны сомнения, то мы поступим так, как мы вообще поступаем в сомнительных случаях, т.-е. из двух возможных предположений мы выберем то, которое противоречит нашей тенденции. Мы придерживаемся того мнения, что потребление отстает от производства. Отсюда возможна опасность, что мы будем склоняться к преувеличению разницы между производством и потреблением и, может быть, бессознательно предполагать всегда значительный прирост производства и незначительный прирост потребления. Мы поэтому должны, по возможности, бороться с этой тенденцией, для того, чтобы избежать или уменьшить ошибки этого рода. Мы видели выше, что рост всего мирового производства был значительно больше, чем рост английского производства (в период 1860—1900 г.г. мировое производство возросло на 350—400%, английское же—всего на 225—255%). Отставание потребления от производства будет, следовательно, казаться больше, если мы будем сравнивать его с мировым производством, оно будет казаться меньше, если мы будем сравнивать его лишь с одним английским производством. Именно по этой причине мы будем предполагать, что данные таблицы Мая относятся только к Англии. Это предположение, впрочем, и вообще представляется нам более достоверным.

Согласно этой таблице потребление пяти важнейших товаров массового потребления в Англии возросло следующим образом:

Потребление на душу населения составляло:

	Хлеба и муки	Мяса	Сахара	Хлопка	Шерсти
1860 г.	4,6 буш. ¹⁾	(1868) 100,5 англ. ф. ¹⁾	34,1	39,6	8,7
1896 »	5,6 »	130,4 »	85,2	39,8	13,4

Само собой разумеется, нельзя ограничиться этими немногими товарами и положиться исключительно на данные всего по двум отдельным годам, так как эти данные могли явиться в результате ряда случайностей. Английский статистик Ууд (Wood), у которого заимствованы эти таблицы, считал поэтому нужным произвести дальнейшие вычисления. Он установил для всех 14 товаров

¹⁾ 1 бушель = 28,12 кг; 1 англ. фунт = 453,6 г.

своей таблицы индексы, а главное, он вычислил средние величины и, наконец, так называемую «взвешенную среднюю», последнюю величину,—даже пятью различными методами. Это означает следующее: указанные 14 товаров не имеют для человеческого питания одинакового значения. Одни имеют большее значение, другие—меньшее. Рис, солод, какао значительно менее важны для питания, чем мясо и хлеб; кофе, изюм, чай имеют еще меньшее значение, а табак, вино и вообще спиртные напитки стоят на четвертом месте. Ууд расположил все 14 товаров соответственно их действительному значению для человеческого потребления и сделал это, как мы уже говорили, пятью различными способами; затем он вычислил среднюю величину, а также средние величины за периоды в несколько лет. Важнейший из этих пяти методов состоит в том, что 14 товаров располагаются по количеству действительного их потребления определенным классом лондонского населения, именно классом людей с регулярным заработком, стоящих вне городской бедноты. Но при вычислениях всеми пятью способами не получается значительных различий. При вычислениях по указанному выше способу получается следующий результат:

Потребление составляло в среднем:

	Индексы
за годы 1860—1864	83
» » 1890—1894	115
» » 1895—1896	116,7

Это вычисление не распространяется, однако, на 1900 год. Но если мы даже несколько раздвинем цифры индекса в обе стороны и примем для 1860 года индекс только за 80, а для 1900 г., напротив, увеличим его до 120, то и тогда рост потребления составит всего 50%, в то время как рост производства (в Англии) равняется 125—155%.

Понятно, все эти цифры не являются математически точными. Мы ни на одну минуту не должны забывать их недостатков: данные о производстве относятся только к каменному углю и к чугуну; потребление ограничивается всего 14 товарами, выбор которых, однако, даже не зависел от статистика—в этом случае тут мог быть применен какой-нибудь регулирующий принцип,—а определялся просто тем, для каких товаров имелись достаточные статистические данные. Мы не имеем никакого права переоценивать значение данных, полученных таким образом. И, несмотря на это, разница настолько велика, что можно без всяких сомнений установить более сильный рост производства, чем потребления.

Для Германии Май приходит к аналогичным результатам. Но так как тут его данные о потреблении начинаются лишь с 1879 года, нам прежде всего приходится установить цифры производства для соответственного периода. В Германии производилось:

Среднее за годы:	Каменный уголь	Прирост с 1880 г. на	Чугун	Прирост с 1880 г. на
1881—1885	54.500.000 т	—	3.400.000 т	—
1896—1900	96.800.000 »	77,6%	7.400.000 »	117,7%
1900	109.300.000 »	100 »	8.500.000 »	150 »

Потребление же возросло следующим образом:

Потребление на душу германского населения.			
	1881—1882 г.г.	1896—1897 г.г.	Прирост
Хлеб	181 кг	201,9 кг	на 12%
Картофель	339,9 »	439,1 »	» 30 »
Шерсть	1,9 »	3,3 »	» 74 »
Хлопок	3,3 »	5,4 »	» 60 »
Сахар	8,1 »	12,3 »	» 52 »
Мясо	34,6 »	41,2 »	» 19 »
Всего	568,8 кг	703,2 кг	на 23,6%

Таблица Мая относительно германского потребления охватывает в совокупности 20 товаров, из которых мы выбрали наиболее важные для массового потребления. Между приведенными Маем в таблице товарами имеются некоторые, потребление которых возросло в более сильной степени, а именно:

Нефть	8,54 кг	17,5 кг	на 101%
Джут	0,66 »	1,48 »	» 124 »
Какао	0,06 »	0,27 »	» 350 »

Из всех этих товаров один лишь керосин имеет некоторое значение для широких масс.

Если мы вычислим потребление всех 20 товаров, приведенных в таблице, то мы получим следующие данные:

1882 г.	1897 г.	Прирост
801,4 кг	1.031,5 кг	на 29%

Если же мы подсчитаем вместе производство каменного угля и чугуна за тот же период, то получится следующее:

Среднее за			
1881—1885 г.г.	57.900.000 т		
1896—1900 »	104.200.000 »	Прирост на	80 %
1900 »	117.800.000 »	»	» 103,5 »

Рост потребления продуктов массового обихода на 29% за 15 лет, с 1882 по 1897 год, представляется Маю как нечто весьма значительное. Он постоянно возвращается к этому, утверждая, что тем самым опровергнута идея об «обнищании» и даже об относительном обнищании германского рабочего класса. Напротив, экономическое положение последнего весьма значительно улучшилось. Предположим, что это так,—что же из этого следует? Что за тот же короткий период в 15 лет производство угля и чугуна возросло на 80%, это является не каким-либо предположением, а точно установленной путем статистических вычислений цифрой. При этом дело тут идет не о каком-либо преходящем явлении: производство этих обоих основных видов сырья возросло и в дальнейшем, как показывают цифры за 1900 год. Следовательно, возрастающие из года в год количества угля и железа должны были быть каким-то образом потреблены, а это могло лишь произойти путем соответственного увеличения остальных отраслей производства, для которых необходимы оба эти вида сырья ¹⁾. Впрочем, мы не имеем права попросту предположить, что рост всего остального производства составляет также 80%. Точных данных об этом мы не имеем. Но опять-таки расстояние между 80 и 29 так велико, что мы во всяком случае можем с уверенностью утверждать, что все производство в совокупности возросло если не на 80%, то во всяком случае значительно более, чем на 29%. А возрастание на 29% должно ведь для потребления составлять уже очень крупную цифру.

К сожалению, нам приходится довольствоваться этими весьма недостаточными цифрами. Эти подсчеты являются единственной попыткой систематического сопоставления действительного потребления, по крайней мере, для нескольких стран. Только для иллюстрации мы приводим еще следующие данные ²⁾:

Во Франции потребление пшеницы, которая является там самым употребительным сортом хлеба, составляло:

в среднем за 1840—1849 г.г.	. . . . .	79,3	млрд	зл
» » » 1850—1859 »	. . . . .	88,8	»	»
» » » 1860—1869 »	. . . . .	101,7	»	»

¹⁾ Указание на то, что уголь в качестве домашнего топлива является также и объектом непосредственного потребления, не имеет никакого значения, ибо если мы будем рассматривать лишь один чугун,—без угля,—рост производства окажется еще больше.

²⁾ Заимствовано из Kurt Apelt, Die Konsumtion der wichtigsten Kulturländer in den letzten Jahrzehnten, Berlin 1899, Puttkammer & Mühlbrecht.

в среднем за 1870—1879 г.г.	104	млн. гл
» » » 1880—1889 »	120	» »
» » » 1890—1894 »	124	» »

Прирост с 70-х до 90-х годов составляет 20%—цифра, аналогичная общему приросту германского потребления.

Потребление мяса показывало в течение всего столетия во Франции следующее развитие:

1812 г.	503,5	млн. кг	
1829 »	684,6	» »	
1839 »	670,8	» »	
1852 »	833,6	» »	
1862 »	942,4	» »	
1882 »	1.240	» »	} Только мясо, произведенное в самой стране.
1892 »	1.357	» »	

Это составляет за десять лет, с 1882 по 1892 г., всего 9,4% прироста, что за пятнадцать лет (до 1897 г.), принимая одинаковый темп роста, составило бы едва 15% прироста. Возможно, однакоже, что за этот период было потреблено большее количество импортированного из-за границы мяса.

В Соединенных Штатах главными хлебными сортами являются пшеница и маис. Их было потреблено:

В среднем за	Пшеница	Маис.	Всего
1868—1870 г.г.	197 млн. буш.	832 млн. буш.	1.029 млн. буш.
1871—1875 »	205 » »	954 » »	1.159 » »
1876—1880 »	253 » »	1.297 » »	1.550 » »
1881—1885 »	324 » »	1.520 » »	1.844 » »
1886—1890 »	322 » »	1.775 » »	2.097 » »
1891—1895 »	311 » »	1.552 » »	1.863 » »
1896 »	341 » »	1.050 » »	1.391 » »

За десятилетие 1881/85—1891/95 г.г. вообще не наблюдается никакого прироста, зато за период 1868—1895 г.г. (1896 г. мы оставляем без рассмотрения) прирост составляет 834 кг, т.-е. около 81%. Это вполне понятно, так как ведь за эти десятилетия население Соединенных Штатов возрастало в весьма усиленном темпе (1860 г.—около 31 миллиона, в 1900 г.—около 76 млн.).

В заключение еще несколько цифр относительно хлопка. Мировое производство хлопка исчислялось:

в среднем за 1885—1889 г.г.	1891—1899 г.г.	Прирост
2.560.000 т	3.263.000 т	на 27,3%

Потребление же хлопка в Великобритании, всей остальной Европе, Соединенных Штатах и Британской Индии:

1888—1889 г.г.	1898—1899 г.г.	Прирост
9.870.000 кип ¹⁾	11.650.000 кип	на 13,5%

Поскольку вообще таким образом можно подвести, несмотря на весьма недостаточные данные, известные итоги, мы повсеместно наблюдаем более сильный рост производства по сравнению с потреблением.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Производство и потребление в XX веке до начала мировой войны.

А. Рост производства в Германии.

а. Уголь.

С самого начала XX столетия наблюдается быстрый рост и развитие картелей и синдикатов и вследствие этого—в силу указанных причин—соответственный рост производительной способности и самого производства, хотя, одновременно с этим, замечается сознательное стремление к постоянному ограничению производства в целях удержания цен на высоком уровне. В дальнейшем мы проследим и это развитие на нескольких примерах из жизни важнейших стран.

Что касается прежде всего Германии, тот тут Рейнско-Вестфальский угольный синдикат именно благодаря своим успехам запутался, вскоре после своего возникновения, в тех внутренних затруднениях, о которых мы уже говорили. Чем более синдикату удавалось повышать цены, тем больше был соблазн для его членов расширять свои предприятия, и тем сильнее было то давление, которое могли оказывать смешанные предприятия, так наз. «Hüttenzechen». «Только одни принадлежащие к синдикату горные предприятия открыли в течение 1900 и 1901 г.г. 30 новых самостоятельных шахт», читаем мы в годовом отчете синдиката за 1901 год. Но то же самое делали так называемые «outsider'ы», т.-е. не принадлежащие к синдикату копи. Вообще обе эти проблемы мало-по-малу сливаются в одну. Ибо целый ряд крупных смешанных предприятий именно потому и остался вне синдиката, что они не хотели отказаться от тех выгод, которые они получали, частично потребляя свой собственный уголь.

¹⁾ 1 кипа = 500 англ. фунтам.

В отношении этого самопотребления они не желали подчиняться синдикатским правилам и подвергать его контингентированию, а входящие в синдикаты смешанные предприятия также не желали этого ¹⁾. Таким образом, синдикату грозил срыв его политики цен извне и взрыв самого синдиката изнутри в том случае, если бы он не сделал уступок в этом отношении. Не оставалось ничего другого, как пересмотреть синдикатский договор в этом смысле, что и произошло в 1903 году. Был заключен новый договор, который должен был иметь силу до конца 1915 года, и согласно которому самопотребление членов синдиката освобождалось от контингентирования. Тем самым было, правда, достигнуто присоединение почти всех предприятий Рурской области. Но вскоре смешанные предприятия получили более значительный простор для своего развития. Хотя их абсолютная продукция в то время была еще значительно ниже, чем «чистых» угольных копей, именно на их долю выпала львиная часть всего увеличения производства. Сейчас же после заключения нового договора принадлежащие к синдикату угольные копи пережили такое развитие производства:

	1903 г.	1904 г.	Увеличение	В %/о
		(в тысячах тонн)		
Новые «чистые» угольные копи	3.340	3.809	469	14
Смешанные предприятия	12.360	13.640	1.280	10,4
Старые «чистые» копи	49.080	49.800	720	1,5

Увеличение сбыта приходилось таким образом в наиболее значительной своей части на долю новых членов, между которыми «чистые» копи играли сравнительно незначительную роль. Для борьбы с этой тенденцией синдикат неоднократно начинал переговоры с смешанными предприятиями, чтобы как-нибудь ограничить их самопотребление, освобожденное от синдикатских ограничений. Но ему удалось это лишь с 1909 года. Между тем для «чистых» копей не оставалось ничего другого, как во все более крупных размерах стремиться к присоединению к какому-нибудь смешанному предприятию. А мы знаем, насколько это содействует росту производства. Было произведено каменного угля (в тысячах тонн):

---

1) Первоначально, при основании синдиката, в него не входили смешанные предприятия. Но в дальнейшем чугунные заводы приобрели ряд входящих в синдикат копей, так что теперь в числе членов синдиката имеются также и смешанные предприятия.

	На синди- катских ко- пях	Рост произ- водства с 1900 г.	На всех ко- пях Рурской области	Рост произ- водства с 1900 г.	По всей Германии	Рост произ- водства с 1900 г.
1900 г.	52.100	—	60.100	—	109.300	—
1906 »	76.600	—	72.300	—	137.100	—
1912 »	93.800	80 %	102.800	71%	177.100	64 %
1913 »	101.700	95,2 »	—	—	190.100	75,2 »

Но эти цифры не дают еще правильного представления относительно влияния синдикатской организации. Если рост производства на синдикатских копиях проявляется сильнее, чем у предприятий, стоящих вне синдикатов, то это происходит потому, что как раз в течение этого периода, т.е. в 1903 году, многие из прежних «аутсейдеров», и между ними очень крупные предприятия, присоединились к синдикату. Если принять это во внимание, тогда увеличение производства у «аутсейдеров» окажется еще сильнее, чем внутри синдиката. Это явление наблюдается как до, так и после реорганизации 1903 г. Относительная доля участия в общем производстве Рурского бассейна распределялась между синдикатом и внесиндикатскими предприятиями:

	1893 г.	1903 г.
Синдикат	86,7%	82,3%
Внесиндикатские предприятия . . .	13,3 »	17,7 »

Затем последовало присоединение почти всех крупных копей к синдикату, вследствие чего естественно доля синдиката первоначально возросла до грандиозных размеров, именно до 98,2% в 1904 году. Но вскоре после этого производство внесиндикатских предприятий («аутсейдеров») начало возрастать в более сильной степени. Производство развивалось с этого времени в таком соотношении:

	1904 г.	1908 г.	1911 г.
Синдикат	98,2%	96,3%	92,6%
Внесиндикатские предприятия . . .	1,8 »	3,7 »	7,4 »

Таким образом внесиндикатские предприятия в действительности имели от синдиката еще большие выгоды, чем сами члены синдиката. Правда, это было возможно только потому, что внесиндикатские предприятия были малочисленны. Они знали, конечно, установленные синдикатом цены и держали свои цены на несколько более низком уровне. С этим синдикат мог бороться только таким образом, что он еще более понижал свои цены,

иногда даже ниже себестоимости, для того, чтобы задушить конкуренцию. Но этим способом борьбы синдикат мог причинить своим членам значительно больший ущерб, чем они терпели от конкуренции «аутсейдеров», пока эта конкуренция носила столь ограниченный характер. Если бы она когда-либо приняла действительно крупные размеры, тогда синдикату пришлось бы прибегнуть к «боевым» ценам, и он должен был иметь возможность во всякое время это сделать. Тайна успеха «аутсейдеров» заключалась, следовательно, как раз в том, что они в совокупности представляли всегда довольно незначительную величину.

Само собою разумеется, что усилившаяся тенденция присоединять угольные копи к чугунным заводам и наоборот содействовала и ускоряла в течение этого периода образование концернов внутри синдиката. Быстрота концентрации производства этим путем внутри синдиката иллюстрируется следующими цифрами:

	Число членов	Общее участие в производстве	Среднее участие в производстве на 1 члена
1898 г.	96	33.500.000 т	336.600 т
1904 »	84	53.800.000 »	641.900 »
1914 »	62	88.600.000 »	1.429.000 »

Число членов синдиката все уменьшается, но производство каждого члена в отдельности непрерывно возрастает, что и является следствием слияния предприятий внутри синдиката или же проглатывания маленьких предприятий более крупными. К началу войны в синдикате господствовало несколько крупных предприятий-трестов. Средняя цифра участия в производстве в 1.429.000 тонн достигалась лишь 21 предприятием из 62. Две трети предприятий, следовательно, оставались ниже среднего уровня. Зато мы имеем 12 предприятий, производство которых значительно выше среднего уровня. Самое незначительное из них, Gute Hoffnungshütte, участвовало в общем производстве на 2,1 милл. тонн, самое крупное—Gelsenkirchener Bergwerks, A.-G.—на 10 милл. тонн. Из общей цифры производства в 88,6 миллиона тонн эти 12 предприятий располагали не менее чем 47,6 милл. тонн. Но и между этими крупнейшими предприятиями существовала большая разница. Добрая половина из этих 47,6 милл. тонн (другими словами, более четверти общего производства всего синдиката) приходилась всего на три предприятия: Гельзенкирхен, Гарпен (Harpen),

Гиберния (Hibernia). Производство этих трех предприятий достигало 23,6 милл. тонн, в то время как 33 остальных предприятия имели производство всего в 15,3 милл. тонн ¹⁾).

б. Железо и сталь.

В германской железоделательной промышленности первые попытки к картелированию, как мы уже видели выше, относятся к 70-м годам прошлого столетия, а возникновение смешанных предприятий наблюдается еще раньше. В начале XX столетия существовали Рейнско-Вестфальский чугунный синдикат в Дюссельдорфе, Союз для продажи зигерландского чугуна и Лотаринго-Люксембургская контора для продажи чугуна и кроме того Верхне-Силезский чугунный синдикат. Лишь в 1910—1911 г.г. было достигнуто более тесное объединение этих различных синдикатов в один Чугунный синдикат (Roheisenverband) в Эссене, при чем срок синдикатского договора был установлен до конца 1915 года, т.е. на такой же срок, как и договор об угольном синдикате; этот Чугунный синдикат объединил все чугунное производство Германии,— другими словами, он обладал фактической монополией в этой области. (С самого начала в него входили предприятия в Рейнланд-Вестфалии, в Верхней Силезии и на морском берегу. В 1911 году к нему присоединились предприятия в Зигерланде и Лотарингии-Люксембурге.) Этот синдикат, носящий на первый взгляд такой всеобъемлющий и монополистический характер, на практике, однако, не имел такого большого значения, так как большинство участников составляло смешанные предприятия, которые сами занимались дальнейшей обработкой вырабатываемого ими чугуна. Самопотребление же стояло вне влияния синдиката.

Центр тяжести в крупной железоделательной промышленности переходит скорее к производству стали. Первого января 1901 года был основан в Дюссельдорфе полуфабрикатный синдикат, к которому принадлежали 19 крупных сталепрокатных заводов не только в Рейнланде-Вестфалии, но и в Заарланде и Лотарингии-Люксембурге. Это были все смешанные предприятия, часть которых одновременно принадлежала к угольному синдикату. Многие из них имели собственный уголь и собственный чугун и сами

---

¹⁾ *Konzerne der Metallindustrie, Stuttgart, 1923, Schlicke & Co, стр. 11—12.* Все цифры нами округлены.

перерабатывали свои продукты, так что они во все возрастающей степени начинали конкурировать с «чистыми» сталепрокатными заводами, которые являлись покупателями их полуфабрикатов. Положение «чистых» предприятий было вследствие этого чрезвычайно затруднительно. В периоды хорошей конъюнктуры они не получали достаточно сырья, так как смешанные предприятия предпочитали сами обрабатывать свои полуфабрикаты; во время же плохой конъюнктуры смешанные предприятия поставляли готовые товары по более низким ценам. Смешанные предприятия могли поставлять более дешевые товары, потому что они и производили значительно дешевле. Гейман (Heumann) определил в 1904 году разницу между себестоимостью одной тонны стали при производстве в смешанном и чистом предприятии в 13,5 марки, что составляет разницу в 15 марок на тонну готового продукта. Совершенно ясно, что при таких условиях «чистые» предприятия не могли конкурировать, а отсюда прямым следствием было то, что «чистые» предприятия все более стремились к тому, чтобы присоединиться к какому-нибудь смешанному предприятию, что, в свою очередь, вело к громадному росту производства крупных предприятий. Это видно, между прочим, и на сильном росте экспорта. В период от 1895 до 1900 года экспорт железных фабрикатов возрос с 23.000 до 60.000 тонн ежегодно. Затем в 1901 году он возрос до 200.000, а в 1902 году достиг свыше 625.000 тонн.

В феврале 1904 года полуфабрикатный синдикат объединился с тремя другими синдикатами железодельательной промышленности в Германский Стальной синдикат (Deutscher Stahlwerksverband) в Дюссельдорфе. Первоначально к нему принадлежало 27 предприятий, число которых вскоре достигло 31. Синдикат этот распространялся на всю Германию: Рейнланд-Вестфалию, Лотарингию-Люксембург, Заарланд, Верхнюю Силезию; кроме того, в него входили некоторые разбросанные предприятия. Не менее 11 из этих 31 предприятия состояли в то же время членами Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Кроме того, 1 января 1905 г. 10 верхне-силезских заводов объединились в Верхне-Силезский стальной синдикат, из числа членов которого 4 принадлежали одновременно к Дюссельдорфскому стальному синдикату, в то время как 5 других также присоединились к нему в следующем году. Из 31 предприятия, которые в 1905 году принадлежали к стальному синдикату, 17 обладали собственным угольным производством, 25 имели собственные железорудные копи и 27 изготовляли собственный чугун.

Хорошее изображение тех путей, по которым синдикаты приходят к трестированию и тем самым к безграничному росту производства, а также, в дальнейшем, к расширению сбыта на мировых рынках, дает появившаяся в 1912 году книга Зингера ¹⁾. Мы заимствуем из этой книги следующие соображения:

«До сих пор еще не существует приемлемого для всех рецепта, как распределить между участниками картеля или синдиката естественное возрастание спроса на продукты производства. И так как все участники подвергают себя ограничениям лишь на срок картельного договора, то картели, и в особенности краткосрочные картели, вызывают, в прямую противоположность с их программой смягчения и устранения взаимной конкуренции, значительное обострение последней, которое сказывается в так называемой «борьбе за квоту», в то время как высокий уровень цен, поддерживаемый картелями, подготавливает в будущем конкуренцию внекартельных предприятий...

«Поэтому участники картеля, естественно, стараются не связывать себя в отношении всего своего производства. Они приветствуют синдицирование производства в качестве гарантии определенной прибыли; но они одновременно желают обеспечить себе возможность дальнейшего расширения и поэтому весьма неохотно отказываются от полной свободы действий, от возможности полностью использовать свою производительность и ее возможное увеличение вне всякой зависимости от синдиката. В отношении этой несиндицированной части своего производства синдикатские предприятия значительно более остро выдвигают принцип конкуренции, конечно, за счет третьих лиц и совершенно не заботятся о том, что производство благодаря этому возрастает вне всякого отношения к спросу. Таким образом, хотя задачей синдиката является как будто приспособление производства к спросу, на самом деле весьма часто если не их открытой и явно выраженной целью, то во всяком случае весьма существенным следствием выполнения их программы является стремление направить вызванное самими синдикатами перепроизводство по такому пути, который представляет наименьшие опасности для членов синдиката. Таким путем является прежде всего путь экспорта...

«В угольном синдикате привилегия смешанных предприятий

---

¹⁾ I. Singer, Das Land der Monopole, Amerika oder Deutschland? Berlin, Siemenroth, 1913, стр. 168 и след.

в отношении самопотребления толкала их к тому, чтобы не продавать произведенного угля, а потреблять его в собственном производстве стали. Аналогичные последствия имело и право на самопотребление в Чугунном и полуфабрикатном синдикатах. Доменные печи старались сами перерабатывать свой чугун, а полуфабрикатные заводы стремились к тому, чтобы подвергать дальнейшей обработке все большую часть своего производства железных полуфабрикатов, поднимаясь все выше и выше в область тонкого производства...»

Правда, стальной синдикат старался, по возможности, бороться с этим переходящим всякие границы ростом производства, но это ему не удавалось. Один из параграфов синдикатского договора запрещал постройку новых заводов с целью увеличения своей квоты. Но «предприятия не обращали никакого внимания в отношении расширения своего производства ни на синдикатские правила, ни на размеры рыночного спроса, а строили, так сказать, в буквальном смысле слова «про запас». Они большей частью строили новые заводы еще до всякого расширения спроса. Еще меньше было влияние синдиката по отношению к степени расширения отдельных предприятий...».

Под влиянием этих тенденций производство железодельной промышленности в Германии возросло в течение первого десятилетия XX столетия следующим образом:

	Производство чугуна	Переработка сырья на		Производство стали
		сталелитейных заводов	сварочных и плавильных заводов	
1897 г.	6.900	1.700	8.300	—
1900 »	8.500	2.100	9.700	6.600
1906 »	12.300	2.800	14.500	—
1913 »	19.300	3.700	21.200	19.000

В 1910 году в 28 предприятиях, входивших тогда в стальной синдикат, было занято 410.000 рабочих. Вложенный в эти предприятия капитал точно так же возрос в громадной степени. В 22 синдикатских предприятиях (остальные предприятия не дали о себе соответственных сведений) акционерный капитал с 31 декабря 1903 года по 31 декабря 1913 года возрос с 550 до 1.070 миллионов марок (в круглых цифрах). Сюда же нужно отнести и выпущенные облигации, весьма значительные «списывания»

и другие способы увеличения капитала. Рост капитала в отдельных предприятиях носил, однако, различный характер. К числу самых крупных фирм (из вышеуказанных 22) относились Крупп и Гельзенкирхен, которые в 1912 году имели по 180 миллионов марок акционерного капитала. При этом капитал Круппа возрос в течение 10 лет всего со 160 до 180 миллионов, в то время как за тот же период капитал Гельзенкирхена возрос с 60 до 180 миллионов марок. По величине капитала за этими предприятиями следует Deutsch-Luxemburg со 130 миллионами марок (в 1903 году всего 24 милл. марок), затем Феникс со 106 милл. марок (в 1903 г. всего 30 милл. марок). В менее крупных предприятиях наблюдается отчасти столь же громадный, отчасти же лишь незначительный рост акционерного капитала. Так, например, саксонский сталелитейный завод в Дёлене (Döhlen) показывает возрастание акционерного капитала всего с 3 до $3\frac{3}{4}$ милл. марок, в то время как в предприятии Ципен (Zurpen) акционерный капитал возрос с 3,8 до 13 милл. марок.

в. Кали.

В качестве третьего примера того, каким образом мероприятия, направленные к уменьшению производства, фактически приводят к его быстрому расширению, можно указать еще на германскую калийную промышленность.

Производство кали представляет собою очень молодую промышленность. До 1860 года промышленность еще не умела использовать калийные соли. Они рассматривались просто как отбросы производства при добыче каменной соли. Лишь впоследствии удалось подвергнуть их обработке, и вскоре производство их начало быстро возрастать. В 1861 году было добыто всего 33.000 двойных центнеров, в 1870—2,9 милл. и в 1880—почти 7 милл. двойных центнеров. До уступки Эльзаса Франции в 1919 году Германия имела естественную монополию в калийном производстве, так как в других странах не было найдено кали в достаточно значительном количестве, чтобы сделать выгодной его добычу. В самой Германии наиболее крупные залежи кали находятся в Пруссии. Несмотря на то, что в 70-х годах прошлого столетия, помимо принадлежащих государству калийных копей, в Германии существовало всего четыре калийных предприятия, между этими последними возникла ожесточенная конкуренция, которая прекратилась лишь в 1888 году на более

или менее продолжительный срок путем основания синдиката. Вплоть до 1904 года каждый раз удавалось продолжить синдикатский договор на определенное количество лет. С этого же времени в калийной промышленности начали создаваться своеобразные отношения. Дело в том, что с 1900 года был основан ряд новых калийных заводов. В то время как в 1900 году число их возросло всего до 10, в 1905 году калийный синдикат, продолженный до 1909 года, имел уже 31 члена, в 1908 году—даже 53 члена. И кроме того существовало не менее 326 компаний, занятых бурением в поисках за новыми калийными залежами. Чем более успешна была синдикатская политика, поддерживавшая цены на высоком уровне, тем больше основывалось новых компаний, тем больше открывалось новых шахт. Вследствие этого в калийной промышленности производство обогнало потребление значительно скорее, чем это имело место в других аналогичных случаях. 7 миллионов двойных центнеров ежегодного производства в 1880 году превратились в 1900 году уже в 30,4 милл. двойных центнеров, а затем производство в 1909 году возросло до 69 милл. двойных центнеров. Но такое количество не могло вообще быть продано. Средний сбыт каждого отдельного предприятия все более сокращался. Он сократился, пересчитывая на чистый кали, с 202.000 двойных центнеров на одно предприятие в 1900 г. до 118.000 двойных центнеров в 1908 году. Отсюда получилось чрезвычайно тяжелое положение калийной промышленности, которое было совершенно нестерпимо для крупных хорошо организованных предприятий. Синдикат должен был поддерживать цены на таком высоком уровне только для того, чтобы дать возможность получать прибыль новым, совершенно без всякого основания заложенным шахтам, стоимость проложения которых совершенно не соответствовала результатам производства. Хорошо организованные предприятия могли бы продавать значительно дешевле и тем самым найти для своих товаров удовлетворительный и выгодный сбыт. Поэтому эти предприятия воспротивились в 1909 году новому продолжению синдикатского договора, и когда в полночь 30 июня новый договор все еще не был подписан, они еще в ту же ночь продали большие количества кали в Америку за половину тогдашней цены.

Теперь в это дело вмешивается имперское правительство. В качестве мотива для своего вмешательства правительство (в законопроекте в декабре 1909 года) указывает на следующее:

уничтожение синдиката вызвало бы всеобщую ожесточенную борьбу конкурентов между собою, которая привела бы к «громкому ущербу для важных интересов всего общества». Калийные соли в больших количествах «выбрасывались бы за бесценок за границу», и тем самым «национальное имущество потеряло бы весьма крупные суммы». Добыча концентрировалась бы, главным образом, на лучших солях, которые, при сравнительно незначительном количестве, были бы быстро истощены, в то время как добыча более низких сортов не представляла бы, при более низких ценах, никакой выгоды. Иностранное земледелие благодаря получению дешевых германских калийных солей усилилось бы за счет немецкого сельского хозяйства. В случае прекращения производства на непроизводительных или менее производительных шахтах вложенный в эти предприятия капитал подвергся бы обесценению, многочисленные состояния были бы уничтожены, рабочие рассчитаны, коммунальному хозяйству был бы нанесен значительный ущерб благодаря сокращению поступления налогов, а домовладельцы и торговцы пострадали бы от потери многочисленных покупателей в лице рассчитанных рабочих. Заграничный капитал не пропустил бы, понятно, такого случая, чтобы приобрести за дешевую цену многочисленные калийные предприятия. Как мы видим, эти соображения не носят особенно глубокого характера. Но, в конце концов, они лишь отражают тот безнадежный круговорот, в котором движется капиталистическая хозяйственная система. В самом начале своих соображений тогдашнее германское правительство совершенно определенно указывает, что основная причина всего зла коренится в непрерывном основании новых предприятий без всякого отношения к потреблению. Если это действительно имело место, то необходимо было бы помешать основанию новых предприятий и закрыть уже существующие, поскольку они являются излишними. Другого способа устранения кризиса не могло быть. Если же это было бы сделано, то, правда, обнаружили бы все те тяжелые последствия, на которые правительство совершенно правильно указывало. Дело именно в том, что при капиталистической системе хозяйства можно одно зло изгонять лишь другим. Таким образом, правительство не могло сделать ничего иного, как устранить одно из обоих зол, тем самым неизбежно увеличив другое. Правительство решилось помешать уничтожению синдиката путем создания принудительного синдиката (закон 1910 года). Было, однако, также возможно

объединить принудительным образом лишь уже существующие предприятия, воспретив одновременно основание, а также закладку новых шахт. Но такой выход противоречил господствующим в капиталистическом государстве частным интересам. Правительство попросту не решалось на «такое сильное вмешательство в существующие правовые отношения», и—что опять-таки весьма характерно для капиталистической хозяйственной системы—оно опасалось в этом случае значительных требований о возмещении убытков со стороны капиталистов, которые вложили свои деньги в новые шахты, и т. д.; а эти претензии правительство, повидимому, считало совершенно обоснованными.

При таких условиях, естественно, получился тот результат, которого можно было ожидать. То, что каждым рассматривалось как действительная болезнь калийной промышленности, безумное умножение предприятий и рост производства при одновременном поддержании цен на высоком уровне,—все это после проведения нового закона еще более ухудшилось. Существовавшие в 1908 году 53 предприятия превратились в 1910 году уже в 72, а в 1913 году даже в 125, при чем производство достигло в 1913 году 116 милл. двойных центнеров. Нижеследующая таблица дает картину общего роста производства.

Г о д ы	Число предприятий	Производство
1861	1	23.000 дв. ц.
1880	4	6.700.000 » »
1890	8	12.800.000 » »
1900	15	34.400.000 » »
1905	35	48.800.000 » »
1910	72	81.600.000 » »
1913	125	116.100.000 » »

Мы уже видели, в какой мере картели и синдикаты содействуют росту производства; и лишь теперь мы можем получить правильное представление о том, что означает гигантское развитие германских картелей в первое десятилетие XX века. Согласно данным одного официального исследования, в 1905 году в Германии существовало уже 385 индустриальных картелей, из которых приходилось

на угольную промышленность	19 картелей.
» железодельтельную промышленность	62 »
» прочую металлообрабатывающую промышленность	11 »
» химическую	46 »

на текстильную промышленность	31	картел.
» стекольную »	10	»
» кирпичную »	132	»
» пищевую »	17	»
» керамическую »	27	»

Эта статистика однако отнюдь не может рассматриваться как дающая полные и исчерпывающие данные.

Б. Развитие мирового производства в 1900—1913 г.г.

Было бы чрезвычайно интересно проследить, так же, как это сделано было нами раньше по отношению к Германии и для других стран, те основные движущие силы и те формы, в которых совершался рост производства в течение последнего десятилетия перед войной. Но во избежание опасности того, чтобы не перешагнуть за пределы объема этой работы, мы займемся сперва результатами этого развития и вернемся к изображению самого процесса развития впоследствии, если это будет возможно. Прежде всего мы попытаемся дать картину роста производства на всем земном шаре в период от 1900 по 1913 г.

Само собою разумеется, для этого периода в нашем распоряжении имеется гораздо более значительный и более достоверный статистический материал, чем для более ранних периодов. Мы можем поэтому расширить в настоящее время круг исследуемых товаров, что в свою очередь даст нам возможность составить себе более точное суждение обо всем процессе. До сих пор мы ограничивались почти исключительно цифрами производства угля и чугуна, отныне же мы займемся также исследованием и текстильной промышленности, т.е. шерсти и хлопка, а также важнейших продуктов сельского хозяйства.

а. Каменный уголь.

Можно утверждать, что относительно производства этого минерала имеются совершенно безукоризненные цифры. Если включить в эту статистику все те страны, которые в начале столетия производили, по крайней мере, 1 миллион тонн ежегодно, то можно по отношению 14 государств во всех частях света совершенно точно установить сравнительные годовые данные. Мы можем также не ограничиваться данными за отдельные годы, которые все же всегда в большей или меньшей степени находятся

под влиянием случайных обстоятельств, но мы можем каждый раз как в начале, так и в конце определенного периода брать среднее за три года. Этот метод дает нам возможность устранить ошибки настолько, насколько это вообще возможно при вычислениях. Следуя этому методу, мы получаем следующие результаты.

В среднем от 1898—1900 г.г. до 1911—1913 г.г. общее производство каменного угля в 14 странах возросло с 653 до 1.113 миллионов тонн ежегодно. Это составляет прирост в 70,5%. Эта цифра находит свое дальнейшее подтверждение в том, что она почти совершенно совпадает с соответственным приростом производства в главнейших странах. Этими странами являются: Соединенные Штаты, Великобритания, Германия, Франция и Бельгия. Эти пять стран произвели, в среднем, за годы:

1898—1900	1911—1913	прирост
601 милл. т	997 милл. т	66,7%

При этом надо иметь в виду, что результат несколько затемняется тем, что как раз две наименее значительные области производства—Бельгия и Франция—не обнаружили почти никакого прироста. Опуская обе эти страны и давая цифры только для трех крупнейших областей—Соединенных Штатов, Великобритании и Германии,—которые в действительности и налагают своим производством отпечаток на весь мир, можно констатировать прирост за указанный период с 546 до 934 милл. тонн ежегодно, т.-е. на 71%, что как раз соответствует приросту мирового производства. При этом надо сказать, что эти страны дают около 84% всего мирового производства.

В странах с меньшим производством каменного угля прирост за указанный период был, впрочем, еще больше, до 200 и даже более процентов. Но вследствие незначительности этих цифр они не оказывают никакого влияния на мировое производство.

Ниже мы даем наглядную таблицу роста производства для каждой из 14 стран.

	Производство каменного угля (в милл. тонн)		
	Средние данные за годы:		
	1898—1900	1911—1913	прирост
Соединенные Штаты . .	225	481	—
Великобритания	219	278	—
Германия	102	175	—

	Средние данные за годы:		прирост
	1898—1900	1911—1913	
Группа I	546	934	71%
Франция	32	40	
Бельгия	23	23	
Группа II	55	63	14,6%
Россия	14	32	
Австро-Венгрия	12	17	
Группа III	26	49	88,5%
Япония	7	20	
Брит. Индия	5,2	15	
Нов.-Южн. Уэлс	5	10	
Канада	4	12	
Испания	2,5	4	
Трансвааль	1,3	4	
Новая Зеландия	1	2	
Группа IV	26	67	157,7%
Всего	653	1.113	70,5%

б. Чугун.

Для производства чугуна у нас также имеются за этот период вполне достоверные и обширные статистические данные. Тут мы приводим данные лишь для семи стран, общее производство которых за указанный период возросло с 38 до 69 милл. тонн, т.-е. на 81,1%. В нижеследующей таблице мы приводим более подробные данные.

Производство чугуна (в милл. тонн)			
	Средние данные за годы:		прирост
	1898—1900	1911—1913	
Соединенные Штаты	13,3	28,6	
Великобритания и Ирландия	9,1	9,7	
Германия и Люксембург	8	17,8	
Группа I	30,4	56,1	84,5%
Франция	2,6	4,9	
Россия	2,6	3,5	
Австро-Венгрия	1,5	2,3	
Бельгия	1	2,2	
Группа II	7,7	12,9	67,5%
Всего	38,1	69	81,1%

Переходя к текстильной промышленности, надо заметить, что тут наши исчисления становятся значительно менее точными. В особенности в начале исследуемого периода нам приходится прибегать к приблизительным оценкам.

в. Хлопок.

Относительно количества сырого хлопка, собранного на всем земном шаре в 1900 году, имеются две оценки. Одна из этих оценок, которая дается в «Deutsches Handelsarchiv» 1899 г., берет за основу средние данные за 1890—1897 г.г. и определяет средний ежегодный урожай за этот период в 3.085.000 тонн. Другая оценка в «Berichten über Handel und Industrie» исчисляет на основании средних данных за 1891—1899 г.г. средний ежегодный урожай в 3.261.000 тонн. Следуя нашему всегдашнему принципу в сомнительных случаях всегда предпочитать те цифры, которые являются наименее благоприятными для нашей схемы, мы оцениваем ежегодное производство сырого хлопка около 1900 г. в 3,3 милл. тонн. Ибо чем больше исходная цифра, тем менее значительным представляется дальнейшее ее возрастание.

Относительно конца этого периода у нас имеются более точные данные. Мы имеем тут уже значительно более основательные статистические сведения относительно 32 стран с общим урожаем в 5,8 милл. тонн. Впрочем, надо заметить, что эта цифра далеко не столь достоверна, как статистические данные относительно производства каменного угля и чугуна. Это не средняя за несколько лет, а лишь результат одного какого-либо года, к тому же не совпадающего для всех стран. Это годы от 1911 до 1914. Несмотря на это, мы все же решаемся включить это число в наше вычисление, так как громадное большинство указанных 32 стран производит очень незначительное количество хлопка, которое не может иметь никакого влияния на общую цифру мирового урожая. В качестве главных производящих областей сырого хлопка можно отметить только четыре страны: Соединенные Штаты, Ост-Индию (Британскую и Голландскую), Китай и Египет. Эти четыре страны вместе дают около 90—92% мирового урожая. При таком соотношении само собою разумеется, что какие-нибудь цифры относительно производства в Перу или Аргентине, или даже Персии или Бразилии с их производством в несколько десятков тысяч кип не играют никакой роли.

Ежегодный урожай хлопка в этих четырех странах составлял:

	(в миллионах кг)		
	1900 г.	1913 г.	прирост на
Соед. Штаты	2.038	3.100	52,1%
Ост-Индия	497	774	55,7%
Китай	259	950	265,3%
Египет	239	330	37,5%
Всего	3.033	5.154	69,9%

При наличии этих все же довольно точных данных, мы можем принять, что весь мировой урожай возрос за указанное время с 3,3 до 5,8 милл. тонн, т.-е. на 75,8%.

г. Шерсть.

В значительно более неблагоприятном положении находится статистика производства шерсти. Тут мы для начала указанного периода имеем лишь несколько оценок, которые вряд ли подлежат проверке. В одном труде, опубликованном в 1911 году¹⁾, приводятся следующие данные для мирового сбора шерсти.

1884 г.	900.000	т
1903 »	1.210.000	»
1911 »	1.300.000	»

Если предположить одинаковый годичный прирост за все время с 1884 по 1903 год, то для 1900 года мы можем принять мировое производство в 1.150.000 тонн. Главными странами производства шерсти являются:

Австралия с Новой [Зеландией	дает	около 24%	всего мирового производства
Европа без России	»	» 19,5%	»
Россия	»	» 13%	»
Аргентина	»	» 13%	»
Соединенные-Штаты	»	» 10%	»
Все пять областей вместе дают около 79,5%			»

Вся Азия дает около 10%, Уругвай и Южная Африка—едва по 3% мирового производства. Впрочем, для всех этих стран мы имеем для 1912 и 1913 годов более точные данные, но относительно этих данных приходится делать те же самые оговорки, которые мы раньше сделали относительно данных о хлопке, а именно: здесь речь идет о цифрах за отдельные годы, при чем эти годы не для всех стран совпадают. Кроме того, шерсть еще в большей степени, чем хлопок, часто перерабатывается первым производителем для собственного домашнего потребления и в этом случае совершенно не поддается статистическому учету. Таким образом здесь цифры имеют совершенно другой удельный вес, чем при оценке урожая хлопка.

Если сложить все данные за 1912 и 1913 годы, то получится

¹⁾ E. Friedrich, Geographie des Welthandels und Weltverkehrs. Iena, G. Fischer, 1911.

мировое производство в 1,4 милл. тонн. Это составляет по сравнению с 1900 годом прирост всего на 21,7%. Эта цифра, понятно, не может по вышеуказанным причинам быть совершенно точной. Все же мы можем заключить, что производство шерсти возросло не так сильно как производство хлопка, что в свою очередь позволяет нам сделать вывод, что потребление шерсти возросло менее сильно, а следовательно, уменьшилось по сравнению с потреблением хлопка.

Сопоставим те результаты, к которым мы пришли до сих пор относительно периода от начала XX столетия вплоть до начала всемирной войны. Мы получим тогда следующие цифры:

Прирост мирового производства	каменн. угля .	на	70,5%
»	»	»	чугуна . . . . » 81,1%
»	»	»	хлопка . . . . » 75,8%
»	»	»	шерсти . . . . » 21,7%

Мы могли бы просто извлечь из всех этих цифр арифметическую среднюю, и тогда получилось бы уже общее увеличение производства на 62,3%, но эта средняя несомненно слишком мала, если мы примем во внимание те оговорки, которые мы сделали по отношению к производству хлопка и в особенности шерсти. Достаточно нам опустить данные для шерсти, статистика производства которой является в высшей степени ненадежной, как мы получим уже среднюю в 72,5%, и мы можем совершенно спокойно определить общий прирост мирового производства в 70%.

Перейдем теперь к земледелию, при чем мы ограничимся данными о важнейших продуктах, именно — пшенице, ржи, картофеле и скоте.

Само собою разумеется, что данные сельскохозяйственной статистики сами по себе значительно менее надежны, чем данные промышленной статистики. Ведь данные сельскохозяйственной статистики в конечном счете покоятся на оценках! Как, напр., производился сбор сведений по германской сельскохозяйственной статистике? Для того, чтобы установить размеры посевной площади в каждом низшем административном округе, местными учреждениями прежде всего устанавливалось, имелся ли в данном округе официальный кадастр всей площади, когда этот кадастр был произведен, и были ли внесены в него происшедшие с того времени изменения. Само собою разумеется, что кадастр всегда являлся более или менее устарелым и мог лишь служить опорным

пунктом для того, чтобы установить теперешнее, т.-е. в момент переписи, распределение посевной площади по различным знакам. Но это так называемое определение «производилось в общем путем суммарной оценки посевных площадей комиссией, состоящей из местных экспертов» ¹⁾). Понятно, что такие оценки, зависящие от степени добросовестности производящих их лиц, всегда более или менее уклоняются от истины, и что в особенности мы не имеем никакой гарантии в том, что они производились в различных округах согласно одним и тем же принципам. Напротив, все говорит против такого предположения.

Этим путем, однако, были пока установлены одни только посевные площади. Затем надо было перейти к определению размеров урожая. Это определение до мировой войны происходило следующим образом. По всей Германии имелись доверенные эксперты, т.-е. сельские хозяева, дающие периодические отчеты центральному статистическому ведомству. Ежегодно в ноябре они устанавливали, сколько двойных центнеров было, в среднем, получено с одного гектара. Тут речь, понятно, не могла идти о действительном «определении» в собственном смысле этого слова. В лучшем случае эти дававшие отчеты сельские хозяева знали действительный сбор в своем собственном имении и делили этот сбор на число гектаров. Соответствовало ли полученное таким образом число урожаю других поместий, этого, понятно, они никак не могли знать. Таким образом уже эта средняя цифра должна была сильно уклоняться от действительности, и притом, понятно, в различных округах это уклонение носило различный характер, так как и исследуемые поместья и сами корреспонденты несомненно сильно различались друг от друга. Эти довольно ненадежные средние цифры сбора с одного гектара, неточность которых мы уже имели возможность установить, и полученный таким образом результат рассматриваются как общая цифра урожая.

Такой метод допустим, поскольку в нашем распоряжении не имеется ничего лучшего. Если у нас есть уверенность в том, что источники ошибок из года в год остаются теми же самыми, то этими результатами можно также пользоваться для определения роста или уменьшения производства, хотя уже в возможной смене корреспондентов кроется новый источник всевозможных неточностей. Но мы никак не можем считать, что таким образом мы

---

¹⁾ «Vierteljahreshefte der Statistik des Deutschen Reichs» 1919, IV Heft, S 207.

познаем действительный размер урожая, в особенности если принять во внимание, что в последнее время статистическое ведомство постоянно жалуется еще и на то, что сельские хозяева даютумышленно неверные сведения. Правда, тут играют роль с начала так называемого военного хозяйства причины особого порядка; но спрашивается, не имели ли эти причины место и раньше?

Если сельскохозяйственная статистика в Германии так мало достоверна, то что мы можем ожидать, напр., от статистики старой России? или же от статистики Аргентины и Австралии, где землевладельцы зачастую сами не знают точного объема своих владений и урожаев? Но именно эти страны, которые почти совсем не поддаются статистическому исследованию, имеют наибольшее значение для мирового сельскохозяйственного производства, в то время как в промышленном производстве они не играют почти никакой роли.

К этому присоединяется еще одно обстоятельство. Результат годового производства каменного угля и чугуна точно записывается. Каждое отдельное предприятие делает это уже в своих собственных интересах. Сельскохозяйственная же площадь устанавливается в Германии, напр., лишь однажды в течение десяти лет. Так, она устанавливалась в 1893, 1903 и 1913 годах. Точно так же и в других странах сельскохозяйственная перепись производится лишь от времени до времени. Поэтому статистические сведения о сельскохозяйственном производстве различных стран отнюдь не имеют одного и того же значения. В одной стране речь идет о средней за три года; в другой стране определяется урожай какого-нибудь определенного года, в третьей стране у нас имеются сведения об урожае какого-нибудь другого года. Поэтому в нижеследующих таблицах мы все время говорим о времени «около» 1900 и 1913 годов, не упоминая какого-либо определенного года. Впрочем, если бы мы желали пользоваться только совершенно точными данными, то мы должны были бы совершенно отказаться от употребления такой статистики. И все же эти цифры могут дать нам приблизительную картину развития. При этом не следует, однакоже, забывать, что мы имеем дело именно с такой приблизительно картиной.

д. Пшеница.

Тут мы имеем результаты, в общем, относительно производства в 20 странах. Опуская производство тех стран, в которых

оно не достигло в 1913 году одного миллиона тонн, мы получаем следующую таблицу, показывающую нам развитие производства в остальных 14 странах:

Мировой урожай пшеницы			
(в миллионах тонн)			
	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	прирост
Соединенные Штаты	9,4	19,2	
Россия (Европ. и Сев. Кавказ)	10,1	17,3	
Британская Индия	6,1	9,4	
Франция	5	8,9	
Аргентина	2	6,4	
Канада	2,3	5,9	
Италия	2,1	5,2	
Венгрия	3,9	4,9	
Германия	3,6	4,4	
Испания	3,7	3,7	
Австралия	1,3	2,5	
Румыния	1,0	2,3	
Австрия	0,7	1,7	
Великобритания	0,9	1,6	
Всего	52,1	93,4	79,3%

е. Рожь.

Относительно производства ржи мы имеем сведения из 13 стран; значение, однако, для мирового производства имеют лишь следующие пять стран:

Мировой урожай ржи			
(в миллионах тонн)			
	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	прирост
Россия (Европ. и Сев. Кавказ)	19,8	22,2	
Германия	8,4	11,6	
Австрия	1,2	2,8	
Венгрия	1,1	1,3	
Франция	0,9	1,2	
Всего	31,4	39,1	24,5%

ж. Картофель.

Из 15 стран, о которых имеются сведения, имеют для нас значение лишь следующие 7 стран:

Мировой урожай картофеля

(в миллионах тонн).

	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	прирост
Германия	36,3	46,2	
Россия (Европ. и Сев. Кавказ)	24,0	34,3	
Франция	12,2	13,7	
Австрия	11,9	11,9	
Соединенные Штаты .	3,5	9,5	
Венгрия	4,9	5,7	
Великобритания . . .	3,3	4,6	
Всего	96,1	125,9	31%

3. Скот.

Здесь мы должны сделать еще особую оговорку. Для потребления имеют непосредственное значение рогатый скот, свиньи и овцы. Число штук скота само по себе имеет лишь малое значение. Сколько отдельное животное дает мяса, это зависит от того, каков его объем, жирно ли это животное или оно худо,—другими словами, от его убойного веса, но как раз этих цифр из колониальных стран мы почти не имеем. Можно даже предположить, что в России, Аргентине, Уругвае, Австралии и т. д. даже и число штук скота не является вполне достоверным. Владельцы колоссальных стад вряд ли когда-нибудь занимались их подсчетом, в лучшем случае они определяли количество принадлежащего им скота по сведениям, даваемым пастухами. Но именно эти страны, как видно из нижеследующей таблицы, имеют решающее значение в производстве скота. Кроме того, переписи скота могут естественно производиться лишь однажды в год, в какой-нибудь определенный день, и поэтому эти цифры говорят, в сущности, очень мало о производстве скота в течение всего остального года. Наконец, в нашей таблице недостает таких важных стран, как Болгария, которая в 1900 году имела почти 9 миллионов овец, Италия (в 1908 г.—11 миллионов овец), Голландия, Румыния, Испания, Венгрия с ее колоссальными стадами овец, рогатого скота и свиней. Этот пробел объясняется тем, что относительно этих стран как раз для периода 1900—1913 г.г. нельзя было получить никаких сведений. Таким образом общая неточность сельскохозяйственной статистики в данном случае, при определении численности скота, еще более увеличивается.

	Рогатый скот		Свиньи		Овцы	
	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.
	Брит. Индия . . .	87,2	111,7	—	—	17,9
Соед. Штаты . . .	61,4	56,5	48,7	61,2	62,0	51,5
Россия (Европ.).	35,9	37,2	12,6	12,5	52,2	42,7 ¹⁾
Германия	18,9	20,2	16,8	21,9	9,7	5,8
Франция	14,7	14,7	6,8	6,9	19,7	16,5
Великобритания и Ирландия . . .	11,5	10,6	—	—	30,8	20,7
Австралия	10,1	13,1	—	—	92,1	107,4
Австрия (без Венгрии)	9,5	9,2	4,7	6,4	—	—
Уругвай	6,8	8,2	—	—	18,6	26,3
Южная Африка	1,1	5,8	—	—	12,6	30,7
Алжир	—	—	—	—	6,7	8,5
Всего	257,1	287,2	89,6	108,9	322,3	332,9
Прирост	11,7%		21,1%		3,5%	

Таким образом, если вообще можно доверять этим цифрам, количество скота увеличилось лишь на 12,1%.

и. Итоги.

Мы получаем, таким образом, следующее возрастание сельскохозяйственного производства за время приблизительно от 1900 до 1913 г.:

Производство пшеницы	на 79,3%
» ржи	» 24,5%
» картофеля	» 31,0%
» скота	» 12,1%

В общем, мы могли бы принять средний прирост всего сельскохозяйственного производства в 36,7%. Но нам приходится по вышеуказанным причинам опустить прирост скота вследствие чрезмерной неточности цифр, и вследствие этого общий прирост выражается в 44,9%.

Каким образом мы связываем эти последние цифры с вышеполученными данными относительно роста промышленного производства? Там общий итог сводился к 70%, здесь—к 45%; это, в среднем, дало бы прирост в 57,5%. Но мы могли бы также привести и отдельные цифры.

¹⁾ В России овцы и козы подсчитаны вместе.

Рост мирового производства в течение последних 14 лет до войны (1900—1913 г.г.):

Производство каменного угля . . .	на 70,5%
» чугуна	» 81,1%
» хлопка	» 75,8%
» шерсти	» 21,7%
» пшеницы	» 79,3%
» ржи	» 24,5%
» картофеля	» 31,0%
» скота	» 12,1%

Таким образом получается средний прирост производства в 49,5%. Если опустить шерсть и скот, относительно которых цифры, как мы выяснили, представляются особенно неточными, цифра эта возрастает до 60,4%. Нас поэтому ни в коем случае нельзя будет обвинить в преувеличении, если мы примем прирост всего мирового производства в течение указанного короткого периода в 50% по крайней мере.

Для иллюстрации приведем еще несколько отдельных примеров возрастания производства, которые во всяком случае доказывают, что наша оценка ни в каком случае не может считаться слишком высокой. Эти цифры я заимствую из уже цитированной нами прекрасной книги Нахимсона ¹⁾.

Применение электрических моторов в промышленности Соединенных Штатов составляло:

Прирост сравн. с 1899 г.

1889 г. . .	15.600	лош. сил	—
1899 » . .	492.000	»	»
1909 » . .	4.800.000	»	» ок. 900%
1914 » . .	8.800.000	»	» 1.700%

«Дальнейшим доказательством значительного распространения электротехнической промышленности является увеличение потребления меди, которая большею частью потребляется этой промышленностью». Мировое потребление меди составляло:

в 1903 г.	587.000	т
» 1913 »	1.063.000	» (Прирост на 81%)

¹⁾ Dr. M. Nachimson, Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege. Berlin, E. Laub'sche Verlagsbuchhandlung, 1922, Bd. I, S. 163 ff.

Производство электростали в течение всего пяти лет возросло следующим образом:

1908 г.	12.800	<i>m</i>
1912 »	64.000	» т.-с. на 400%

Мировая железнодорожная сеть возрасла следующим образом:

	1890 г.	1900 г.	1913 г.	Прирост сравн. с 1900 г. на
	(в километрах)			
Европа	223.900	283.900	346.200	22,0%
Америка	331.400	402.200	570.100	41,5%
Азия	33.700	60.300	108.100	79,0%
Африка	9.400	20.100	44.300	120,0%
Австралия	18.900	24.000	35.400	47,5%
Всего	617.300	790.100	1.104.200	ок. 40%

Относительно производства других металлов дает данные следующая таблица, заимствованная Нахимсоном из обзора Франкфуртского общества металлических заводов. В среднем, производство металлов составляло (в тысячах метр. тонн):

	1891—1900 г.г.	1901—1910 г.г.	1911—1913 г.г.	Прирост сравн. с 1891 по 1900 г.г. на
Свинец	705	987	1.177	67%
Медь	383	697	980	158%
Цинк	422	665	958	127%
Олово	72	103	125	74%
Алюминий	3	17	59	1.870%
Всего	1.585	2.469	3.299	108%

В. Потребление за тот же период.

К сожалению, нет никакой возможности выяснить размер потребления хотя бы приблизительно с той же точностью, с которой это было сделано нами по отношению к производству, так как относительно потребления мы не имеем статистических данных. Хотя статистические бюро различных стран публикуют ежегодно оценки потребления, но, как показывает уже само название, мы имеем тут дело не с непосредственной статистикой потребления, но лишь с оценками, опирающимися на производственную статистику. Если, напр., в Статистическом Ежегоднике Германской империи мы находим таблицу под названием «Потребление важнейших хлебов и картофеля», то мы могли бы на

первый взгляд, пожалуй, подумать, что мы имеем тут именно то, что нам нужно. Но как только мы подвергнем эту таблицу более внимательному рассмотрению, сейчас же окажется, что перед нами не статистика потребления, а лишь статистика производства. Тут просто была взята статистика сбора урожая—а мы уже видели в предыдущей главе, как недостоверна эта статистика уже сама по себе—из этой цифры было вычтено то количество, которое по некоторым предположениям необходимо для нового посева (оценка нового посева производится при этом опять-таки на основании чрезвычайно неточных и недостоверных данных ¹⁾), затем был прибавлен ввоз, вычтен вывоз, и полученная таким образом цифра обозначается как количество, «предоставленное для потребления». При оценке потребления угля и железа нужно было лишь к цифре производства прибавить цифру ввоза и вычесть цифру вывоза для того, чтобы получить соответствующий результат. Но все эти цифры, очевидно, далеки от того, что нам нужно. Не говоря уже о том, насколько неточны и недостоверны все эти методы вычисления оценки, мы нуждаемся вовсе не в том, чтобы знать, какие количества могут быть потреблены, а в том, чтобы знать, сколько действительно было потреблено, а как раз относительно этого все эти вычисления не дают никаких данных.

Кроме этого, мы можем еще прибегнуть к вычислениям домашних бюджетов. Они сами по себе могут быть вполне достоверны, хотя при более детальном рассмотрении и обработке здесь точно так же представляются всевозможные трудности. Так, например, часто потребление обозначается в деньгах, а не в весовых количествах. Мы узнаем, напр., таким образом, сколько марок данная семья затрачивала ежегодно на хлеб, но мы не знаем, сколько фунтов хлеба было съедено. Все же из этих цифр можно было бы сделать кое-какие выводы, но и эти данные слишком недостаточны и случайны. Очень часто они дают сведения только относительно одной или нескольких семей; иногда они затрагивают несколько дюжин или даже несколько сот семейств. Но все же все эти данные чрезвычайно скудны. Самым крупным исследованием этого рода является американское обследование 1904 года, которое распространилось на 25.440 семейств. Это обследование было, конечно, весьма полезно и дало весьма много

---

¹⁾ См. об этом, напр., «Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs». 1915, II, S. 216 ff.

сведений, но для наших целей оно далеко недостаточно. В Соединенных Штатах уже в 1900 году было 29,3 миллиона самостоятельно зарабатывающих, в то время как все население составляло уже 76,3 миллиона. Из этого числа в лучшем случае вышеуказанное бюджетное обследованиехватило максимум 100.000 самостоятельно зарабатывающих и максимум 150.000 вообще жителей Соед. Штатов. Мы совершили бы грубейшую ошибку, если бы из данных о потреблении этих нескольких сот тысяч жителей сделали заключение относительно потребления остальных 76 миллионов. Поэтому мы сможем пользоваться бюджетными вычислениями разве для иллюстрации наших выводов, но, вообще говоря, они не могут быть нами использованы.

Мы попытаемся поэтому подойти к нашей цели иным путем.

Самым простым методом было бы измерение роста потребления путем вычисления прироста народонаселения: чем больше людей, тем больше потребление. Если мы сложим цифры населения шести мировых торговых держав, принимая во внимание годы народных переписей ¹⁾ и предполагая равномерный ежегодный прирост, то общее население во всех этих шести государствах составляло:

в 1900 г. около 224 миллионов жителей
» 1913 » » 257 » »

Таким образом прирост населения составлял 33 миллиона или почти 15%. Но потребление должно было несомненно возрасти в более значительной пропорции, так как, по крайней мере, одна часть населения за этот период повысила свое душевое потребление. Можем ли мы установить степень этого роста потребления в значительной части населения?

Относительно пролетариата мы имеем некоторые данные. Можно предположить, что рабочий класс каждой крупно-капиталистической страны целиком потреблял весь свой доход. Поскольку это не имело места, поскольку, следовательно, делались сбережения, постольку потребление было меньше, чем мы его принимаем при предположении безостаточного потребления всего дохода. Ошибка, которую мы при этом делаем, опять-таки противоречила бы нашей общей тенденции, так как более быстрый рост производства по сравнению с потреблением казался бы менее

¹⁾ К сожалению, годы народных переписей различны для разных стран: в Голландии—1899 и 1909 г.г., в Германии, Бельгии и Соед. Штатах—1900 и 1910 г.г., во Франции и Великобританиии—1901 и 1911 г.г.

значительным, чем он был на самом деле. Но рабочий класс охватывает такую громадную массу населения, что таким образом мы бы охватили значительнейшую часть потребления указанных стран. Во всяком случае мы попытаемся использовать этот метод.

Для этого нам необходимо знать следующее: во-первых, численность рабочего класса каждой страны и рост этой численности с 1900 по 1913 г.; во-вторых, высоту реальной заработной платы, которая вовсе не может быть отождествлена с денежным выражением этой заработной платы, а также и изменение этой реальной заработной платы за тот же период.

Ответ на эти вопросы, однако, отнюдь не так легок, как это могло казаться, так как соответственная статистика находится все еще в зачаточном состоянии. Численность рабочих в каждом крупно-капиталистическом государстве и размер их реальной заработной платы это, очевидно, основные предварительные вопросы всякой социальной и экономической политики. Можно было бы подумать, что для определения этих цифр достаточно заглянуть в статистические ежегодники. Но, к сожалению, дело обстоит вовсе не так просто,—наоборот, приходится потратить много времени и старания для того, чтобы установить кое-какие данные, и даже тогда мы находим далеко не все цифры, в которых мы нуждаемся, так что и тут нам приходится большею частью прибегать к оценкам.

Попытаемся сначала определить численность рабочего класса, при чем само собою разумеется, что для наших целей мы присчитываем к пролетариату также и служащих и низших чиновников.

Для Германии мы имеем тут довольно точные цифры, из которых мы и будем исходить.

В Германии в 1895 году имелось 51,8 миллиона жителей, а в 1907 г.—около 61,7 милл. Из них самостоятельно зарабатывающих в 1895 г. было 22,1 милл., т.-е. 42,7%, а в 1907 г.—28,1 милл., или 45,5%. Мы можем поэтому считать, что в течение 12—13 лет число самостоятельно зарабатывающих возросло еще быстрее, чем численность самого населения.

Из числа самостоятельно зарабатывающих к рабочему классу, в выше принятом широком смысле слова, принадлежали:

в 1895 г.	13,4 милл. = 60%	самостоятельно зарабатывающих
» 1907 »	19,1 » = 68%	» » »

При этом принято во внимание лишь сельское и лесное хозяйство, промышленность и горное дело, торговля и транспорт,

так как лишь для этих отраслей имеются достаточные данные. Кроме того, имелись еще рабочие и служащие свободных профессий, в армии, на государственной службе и т. д., так что в действительности численность рабочего класса была еще выше. Даже при этом ограничении рабочий класс составлял в 1895 г. 60%, а в 1907 г.—68% самостоятельно зарабатывающего населения. Согласно доле, приходящейся на самостоятельно зарабатывающих из всего народонаселения, на каждого самостоятельно зарабатывающего приходилось, в среднем, членов семейства в 1895 г.—1,3, а в 1907 г.—1,2. Присчитывая этих членов семейств, пролетариат лишь в трех главных отраслях труда составлял:

в 1895 г.	30,8	из 51,8	миллиона	= 59,5%	всего населения
» 1907 »	42	» 61,7	»	= 68%	»

Таким образом гут мы имеем дело с столь значительной частью населения, что, за неимением непосредственной статистики потребления, мы можем от потребления пролетариата делать непосредственные заключения относительно потребления всего населения.

Нам остается, однако, еще вычислить цифры для 1900 и 1913 годов, в течение которых не было народной переписи.

Принимая во внимание регулярный прирост, народонаселение Германии исчисляется:

в 1900 г.	в 56	миллионов	жителей
» 1913 »	» 67	»	»

Численность самостоятельно зарабатывающих в пределах всего народонаселения возросла, как мы уже указывали, в течение 12 лет, с 1895 по 1907 г., на 2,8%. За неимением иных данных, нам приходится принять равномерный прирост в течение каждого года. За год это составит 0,23%. Таким образом в 1900 г. мы имеем возрастание на 1,15% по сравнению с 1895 г., а для 1913 г.—возрастание на 1,61% по сравнению с 1907 г. Следовательно, в 1900 г. мы получим 43,9%, а в 1913 г.—47,1% по отношению ко всему населению. Мы насчитываем, таким образом, самостоятельно зарабатывающих:

в 1900 г.	24,6	миллиона
» 1913 »	31,6	»

Мы должны еще принять во внимание, что за время от 1895 г. по 1907 г. процентное отношение рабочих ко всему самостоятельно зарабатывающему населению возросло в столь сильной степени (с 60 до 68%), что мы ни в каком случае не можем обойти этого

явления ¹⁾. Это составляет средний ежегодный прирост в $\frac{2}{3}\%$, и, принимая во внимание значительно усиливающийся процесс индустриализации за этот период, мы должны предположить, что это процентное отношение в течение дальнейших лет еще более увеличилось. Во всяком случае нам приходится принять во внимание вышеуказанные $\frac{2}{3}\%$. Тогда мы приходим к следующим цифрам.

Из числа самостоятельно зарабатывающих к рабочему классу в Германии принадлежали:

в 1900 году	15,6 миллиона	самостоятельно зарабатывающих (63,3% всего количества самостоятельно зараб- ывающих)
» 1913 »	22,9 »	самостоятельно зарабатывающих (72,6% всего количества самостоятельно зараб- ывающих)

Согласно процентному отношению всего самостоятельно зарабатывающего населения ко всему населению вообще (в 1900 г.—24,6 из 56 милл., в 1913 г.—31,6 из 67 милл.), каждый самостоятельно зарабатывающий должен был, в среднем, прокормить в 1900 г. 2,3, в 1913 г.—2,1 лиц. Опыт показывает, что из этой средней цифры на рабочих приходится больше, а на имущие классы—меньше. Но мы все же примем эту среднюю цифру. Тогда численность всего пролетариата в Германии составит:

в 1900 г.	35,9 милл.	= 64,1% всего населения
» 1913 »	48,1 »	= 71,8% » »

Для ясности сопоставим теперь общие итоги наших вычислений в отдельной таблице.

	Германия	
	1900 г.	1913 г.
Все население	56 милл.	67 милл.
Из этого числа самостоятельно зарабатывающих	24,6 »	31,6 »
Из числа самостоятельно зарабатывающих принадлежат к рабочему классу	15,6 »	22,9 »
Кроме того, члены семейств (1,3%) . .	20,3 » (1,1%)	25,2 »
<hr/> Вся численность пролетариата .	35,9 милл.	48,1 милл.

1) Это означает, понятно, уменьшение потребления, так как если бы те лица, которые опустились в пролетариат, остались в составе имущих классов, они бы потребляли значительно больше. В нашей оценке, ввиду того, что мы принимаем во внимание лишь потребление одного рабочего класса, это учитывается как возрастание потребления. Таким образом отставание потребления от производства кажется опять-таки меньше, чем в действительности.

Это составляет увеличение пролетариата на 12,2 миллиона, или 34%, в течение 13 лет. Это, конечно, чрезвычайно крупный прирост. У нас нет никаких оснований полагать, что в действительности прирост этот был сильнее.

К сожалению, мы не можем противопоставить этим более или менее точным цифрам относительно Германии равноценных данных относительно других крупных стран. Хотя относительно целого ряда государств у нас имеются данные о числе служащих и рабочих, но как раз относительно наиболее важных стран, Великобритании и Соединенных Штатов, такие данные отсутствуют. Для Франции у нас имеются цифры лишь до 1906 года. Прирост пролетариата там чрезвычайно незначителен. С 1901 до 1906 года число пролетариев возросло там всего с 19,7 до 20,7 миллиона, или приблизительно на 5%. Если мы примем, в среднем, возрастание на 1% ежегодно, то для периода с 1900 по 1913 год мы получим всего прирост на 13%. В Голландии численность рабочего класса за 1899—1909 годы возросла с 1,1 до 1,3 миллиона; это составляет за десятилетний период приблизительно 18%, а для 13 лет это, в общем, даст прирост на 23,4%.

Вопрос заключается в том, можем ли мы заменить недостающие данные, по крайней мере, для прочих мировых торговых стран, т.-е. для Соединенных Штатов, Великобритании и Бельгии, сколько-нибудь основательной оценкой. Мы прибегнем в дальнейшем к следующему методу.

Как известно, пролетаризация данного народа идет рука об руку с его индустриализацией. Чем больше распространяется крупная капиталистическая промышленность, тем сильнее возрастает также и численность рабочего класса. В течение рассматриваемого периода капитализм, хотя и вторгся достаточно глубоко в сельское хозяйство, но главным полем его применения все еще оставалась промышленность. Это в особенности относится к крупному капиталу. Этот период вообще как раз отличается тем, что сельское хозяйство как бы отступает на задний план по сравнению с торговлей и промышленностью. Экономическая структура данного народа обычно определяется соотношением, в котором самостоятельно зарабатывающая часть населения распределяется по трем основным отраслям хозяйства: сельскому хозяйству, промышленности и торговле.

Мы предполагаем поэтому, что мы не делаем слишком большой ошибки, если предположим, что в странах приблизительно одинаковой хозяйственной структуры числен-

ность рабочего класса будет относительно также одинакова. Мы в дальнейшем увидим, какие из этого можно извлечь выводы.

Хозяйственная структура мировых торговых государств.

На 100 самостоятельно зарабатывающих приходится на:

	Сельское хозяйство	Промышленность и горное дело	Торговлю и транспорт	Промышленность и торговлю вместе
Германия 1907	35,2	40,0	12,4	52,4
Франция 1906	42,7	31,8	12,5	44,3
Бельгия 1910	23,0	46,9	17,6	64,5
Голландия 1909	28,4	35,0	19,7	54,7
Англия 1911	7,8	49,6	24,8	74,4
Соединенные Штаты . 1910	33,2	33,2	22,9	56,1

С первого взгляда бросается в глаза, что Франция по своей хозяйственной структуре занимает особое положение среди остальных стран. Приблизительно на одном уровне стоят Германия, Голландия и Америка. Бельгия отличается значительно большей степенью индустриализации, а Англия в этом смысле стоит еще выше.

Правда, одновременно обнаруживается, что стоящая на одинаковой ступени хозяйственного развития Голландия показывает значительно меньший прирост пролетариата, чем Германия. Но при этом мы опять-таки применяем тот наш общий принцип, что в сомнительных случаях мы предпочитаем те данные, которые противоречат нашей основной тенденции. Эта последняя может заставить нас преувеличивать прирост производства по сравнению с потреблением. Чем больше прирост пролетариата и, следовательно, его потребление, тем менее разница между этим потреблением и растущим производством. Поэтому мы имеем право принять прирост пролетариата в Германии, Голландии и Америке в течение указанного 13-летнего периода в 34%. Тем самым мы отнюдь не хотим утверждать, что прирост был в действительности так велик. По всей вероятности, он был несколько менее значителен. Ведь Америка в то время была еще в значительной степени аграрной страной. Но этим предположением мы как бы предохраняем себя от всякого преувеличения в смысле нашей тенденции.

Для Франции мы можем принять прирост всего на 13%. Для Бельгии и Англии нам приходится принять прирост больший, чем для Германии. На какую величину? Как показывает таблица, Бельгия приблизительно на 12% стоит выше Германии в смысле

индустриализации, Англия—приблизительно на 22%. Так как Англия значительно больше Бельгии, то мы можем для обеих стран вместе принять прирост в 20%, а весь прирост пролетариата в течение 13-летнего периода—в 54%.

Для того чтобы из этих различных цифр извлечь среднее для всего мирового пролетариата, нам приходится опять обратиться к абсолютным цифрам. Согласно последним переписям, численность пролетариата составляла:

в Германии	в 1907 г.	19,1	милл. самостоятельно зарабатывающих пролетариев
» Франции	» 1906 »	20,7	» »
» Бельгии	» 1910 »	1,9	» »
» Голландии	» 1909 »	1,3	» »

Относительно Англии и Соединенных Штатов данных у нас нет. Согласно общим данным относительно хозяйственной структуры этих стран мы принимаем для Соединенных Штатов то же процентное отношение, что и в Германии, а для Англии на 20% больше. Тогда мы получим:

	в Англии	в Соед. Штатах
	1911 г.	1910 г.
Население	36,1 милл. жителей	92 милл. жителей
Из них самостоятельно зарабатывающих	16,3 » »	38,1 » »
Из них пролетариев (88%)	14,3 » » (68%)	25,9 » »

Нам приходится, правда, сопоставлять переписи различных годов, но эти годы настолько близко лежат друг к другу, что мы можем рассматривать эти переписи как относящиеся более или менее к одной эпохе. Мы получаем таким образом следующие данные:

	Число самостоятельно зарабатывающих пролетариев	Прирост их числа в течение 13 лет в %/о/о	Абсолютный прирост на
Германия	19,1 милл.	34	6,5 милл.
Франция	20,7 »	13	2,7 »
Бельгия	1,9 »	54	1,0 »
Голландия	1,3 »	34	0,4 »
Англия	14,3 »	54	7,7 »
Соединенные Штаты	25,9 »	34	8,8 »
Всего	83,2 милл.	—	27,1 милл.

Это составляет прирост пролетариата во всех шести странах на 32,5%, что почти совпадает с найденным для Германии приростом.

Мы, однако, еще далеки от цели. Мы знаем теперь, или по крайней мере предполагаем, что общее число пролетариев во всех крупно-капиталистических странах в 1913 году было на 32% выше, чем в 1900 году. А их потребление, т.е. по нашему предположению их доход, возросло в той же мере или более? Чтобы определить это, нам недостаточно знать размер или же изменение их денежной заработной платы. Нам нужно установить их реальный доход, другими словами, то количество товаров, которое они в том и другом году могли закупить на свою денежную заработную плату. Для этого нам нужно прежде всего знать изменения их заработной платы в течение 13 лет и во-вторых рост цен за тот же период.

Перед нами встает, следовательно, новая утомительная и сложная задача разыскивания источников и вычислений. При этом эта работа так же, как и наши предыдущие экскурсии в область статистики, не может дать вполне точных и удовлетворительных результатов. Статистика заработной платы находится в еще гораздо более худшем состоянии, чем профессиональная статистика. Статистика товарных цен находится в несколько лучшем состоянии, но зато эта последняя статистика строится в различных странах по различным методам. У нас поэтому мало надежд получить вполне достоверные результаты.

Поэтому я считаю достаточным использовать труды компетентных исследователей в этой области. Само собою разумеется, и они страдают теми же недостатками, которые вообще проистекают из-за несовершенства статистики в этой области, но тут ничего нельзя поделать.

В 1914 году профессор фон-Тышка, который в то время был ассистентом при статистическом бюро города Лейпцига, выпустил книгу «О заработной плате и стоимости жизни в Западной Европе в XIX столетии» ¹⁾, в которой он сопоставляет все имеющиеся данные относительно Германии, Франции, Великобритании, Испании и Бельгии. Нам пришлось бы в случае, если бы мы пожелали прибегнуть к самостоятельным вычислениям, действовать по его же методу. Он устанавливает, что стоимость домашнего бюджета, составляющая, как известно, самую значительную часть расхода пролетария, за период от 1896—1900 до 1906—1912 г.г. возросла:

---

¹⁾ Вышла в 1914 г. в изд. Duncker und Humblot, в Лейпциге.

в Англии	на 11,7 ⁰ / ₀
» Германии	» 27 ⁰ / ₀
во Франции	» 4 ⁰ / ₀
в Бельгии	» 27 ⁰ / ₀

Отсюда уже ясно крупное различие в данных относительно отдельных стран. Различие, которое, впрочем, может быть объяснено и пробелами в статистике; ведь мы тут имеем дело с отрывочными и даже, можно сказать, случайными данными. Во всяком случае мы можем отсюда заключить, что покупательная сила дохода пролетария, т.-е. его реальная заработная плата, уменьшилась. Тышка вычисляет также степень этого уменьшения. Если принять покупательную силу заработной платы в 1900 году за 100, то эта покупательная сила составляла:

	в Великобритании	в Пруссии	во Франции	в Бельгии
1900 г.	100	100	100	100
1905 »	91,6	88,1	104,5	86
1910 »	92,2	82,9	106	—

Покупательная сила, следовательно, возросла лишь в одной Франции, в той стране, которая из всех крупно-капиталистических стран наименее индустриализировалась. Во всех же прочих странах мы наблюдаем уменьшение покупательной силы заработной платы, а в некоторых странах даже громадное уменьшение. Относительно степени этого уменьшения мы не можем, однако, принимая во внимание неточность цифр, сделать определенного заключения. Мы ограничимся лишь установлением того, что прирост потребления, который является следствием прироста численности пролетариата на 32%, несколько ослабляется уменьшением реальной заработной платы рабочих, хотя мы не можем установить степени этого ослабляющего влияния.

К сожалению, мы не можем также установить что-либо определенное относительно влияния безработицы на потребление. За этот период переписи безработных производились почти лишь одними профессиональными союзами, которые, понятно, могли охватить только своих собственных членов. Это были, однако, слишком незначительные цифры, чтобы из них сделать заключение относительно всего рабочего класса. Даже в конце 1913 года перепись безработных охватывала в Германии едва 2 миллиона рабочих, в Великобритании едва 1 миллион, а во Франции всего лишь около 300.000, в Бельгии и Голландии не более 70.000,

в Америке вообще не производилось переписи безработных. Поэтому у нас имеются данные о безработице в указанных шести странах лишь относительно $3\frac{1}{2}$ миллионов рабочих, в то время как число самостоятельно зарабатывающих пролетариев в этих странах достигает не менее 110 миллионов и даже без Америки не менее 75 миллионов.

В конце концов, мы приходим к тому выводу, что за период от 1900 по 1913 год производство могло возрасти приблизительно на 50%, а потребление меньше чем на 30%. При этом мы все время старались оценивать производство как можно ниже, а потребление как можно выше. Само собою разумеется, что мы при этом не склонны закрывать глаза на недостаточность наших данных, которые мы считаем необходимым все время подчеркивать. Ни одну из приведенных нами цифр не следует принимать как абсолютно достоверную. Все эти цифры могут лишь приблизительно иллюстрировать процесс развития. Однако эти цифры совершенно достаточны для доказательства того, что в каждую эпоху производство возрастало более быстро, чем потребление. А в этом все дело.

Можно было бы еще возразить, что, может быть, имущие классы потребляли значительно больше и этим компенсировали недостаток пролетарского потребления. Нужно однако иметь в виду, что мы при наших оценках приняли во внимание лишь одну часть пролетариата. Остаток населения таким образом отнюдь не состоит из одних имущих. Напротив, в этом остатке насчитывается еще значительное количество пролетариев; сюда же относится весь так называемый «миттельштанд», а также все чиновничество и свободные профессии. Потребление всех этих слоев могло, конечно, возрасти, но лишь в очень скромной степени. Остается, таким образом, лишь слой действительно богатых людей, который, однако, так незначителен ¹⁾, что даже при большом старении он не мог потребить значительную долю колоссально возросших масс товара, в особенности принимая во внимание, что этот слой за истекшие 13 лет стал еще меньше.

---

¹⁾ В моей брошюре «Введение в научный социализм» (2-е издание, Берлин, 1923 г., Э. Лауб, стр. 7) я, на основании статистики подоходного налога для Пруссии, определил численность слоя настоящих богатей, т.е. людей с доходом выше 30.500 марок в год, для 1913 г. в 0,17 или $\frac{1}{6}\%$ населения. Если сюда прибавить еще людей с доходом выше 9.500 марок, то получается только 0,83 или $\frac{1}{6}\%$, т.е. даже неполный процент всего народонаселения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Капиталистическая экспансия. — Борьба за мировой рынок.**А. Внешняя торговля мировых держав.**

Если мы путем наших вычислений и соображений с совершенной достоверностью установили тот факт, что при господстве крупного капитализма производство значительно обогнало потребление, то теперь нам остается исследовать вопрос о том, куда девались избыточные товары и каким образом отразилось их потребление на экономическом развитии и тем самым на политических отношениях данной эпохи.

«Капиталисты всегда вынуждались искать сбыта избыточных продуктов вне рамок капиталистического общества. Это имеет место и в настоящее время». Так писали мы выше, и нам остается теперь исследовать соответствует ли фактам этот вывод, сделанный из наблюдения над структурой и способами производства капиталистического хозяйства. Что, однако, означает «вне рамок капиталистического общества»? Мы видели (во второй главе), что под этим понятием скрывается весьма многое. Внутри самих капиталистических государств отношение населения к капиталистическому способу производства отнюдь неодинаково. Все мелкое и среднее сельское хозяйство и даже часть мелкой промышленности, ремесло в собственном смысле слова, еще в начале нынешнего столетия были далеки от капиталистического способа производства. Мы не имеем возможности установить статистическим методом, насколько эти отрасли хозяйства представляли собою рынок сбыта для избыточных продуктов крупного капитализма. В лучшем случае мы могли бы сделать известные заключения из перехода всех мировых торговых государств от аграрного производства к промышленному и, в особенности, из темпа этого перехода. Ибо весь этот процесс развития показывает, как капитализм вторгается в эти отсталые формы производства и, постепенно разлагая их, подчиняет их себе. Но тем самым капитализм сужает возможное поле своего собственного распространения.

Прежде всего мы обратимся к той стороне процесса капиталистического распространения, относительно которой имеются сравнительно весьма достоверные статистические данные, именно к внешней торговле. Ибо само собою разумеется, что капиталистическая экспансия в наибольшей своей части стремится пе-

решагнуть за границы отдельных государств; капитализм стремится сбыть те товары, для которых не находится платежеспособных покупателей внутри собственной страны, за границу и налагает поэтому на внешнюю торговлю совершенно иной отпечаток. В прежнее время направление внешней торговли определялось потребностями покупателей и являлось результатом известного разделения труда между отдельными странами. Каждая страна производила то, что она могла произвести наилучшим и самым дешевым способом, и приобретала путем обмена те товары, которые производили другие страны. Правда, такое разделение труда являлось лишь идеалом, который полностью никогда не был осуществлен; но все же этот идеал в прежние столетия определял все направление внешней торговли. Если, например, в средние века ганзейские купцы направлялись в отдаленные страны, то ими руководило стремление приобрести там такие товары, в которых нуждалась Германия; и они получали эти товары лишь в обмен на другие товары, которые в той или иной мере удовлетворяли потребности чужих народов. И даже кровавая колониальная эпопея ранней капиталистической эпохи, завоевательные походы какого-нибудь Пизарро или Кортеса, войны голландцев и англичан в Ост-Индии вызывались в основном стремлением добыть те богатства, которые находились в тех странах: золото и серебро, дорогие пряности и т. д.

Само собою разумеется, этот мотив не вполне устранен в настоящее время. Напротив, крупный капитализм все более и более нуждается в сырье, которое можно достать лишь в колониальных странах. Достаточно указать на хлопок. Но в настоящее время этот мотив далеко не является решающим. Главную роль в настоящее время играет скорее стремление и даже необходимость использовать продукты и избытки капитала, не находящие сбыта и применения внутри страны. Можно было бы выразить это различие одной формулой: в прежнее время внешняя торговля имела преимущественно целью удовлетворить потребности покупателей; в настоящее время основной целью внешней торговли является стремление освободить продавца от его товара, без всякого отношения к спросу страны, куда направляется экспорт. Не следует, однако, при этом забывать, что все подобные формулы никогда не применимы полностью.

За время с 1900 по 1913 год внешняя торговля мировых торговых держав сильно возросла. Правда, этот рост не может быть установлен статистикой с той ясностью, которую следовало

ожидать. Никакая статистика не может быть столь совершенной и столь достоверной, как именно статистика внешней торговли. И при всем том эти прекрасные на вид цифровые колонны, которые так ясны и так просты, представляют целый ряд всевозможных ловушек.

Прежде всего не все страны сообщают данные о количестве вывозимых товаров, а там, где эти данные приводятся, количества эти выражаются не всегда в одинаковых единицах; иногда количества выражаются в единицах веса, иногда в единицах длины (метрах) или же в литрах. Для того чтобы применить единое мерило для всех стран и для всех товаров, приходится пользоваться денежным выражением товарных масс. Но совершенно ясно, что лишь сопоставление количества и цены дает возможность составить себе полное представление о значении данного товара во внешней торговле. Недостаточно указать на то, что вывезено столько-то миллионов тонн, если в этой цифре смешаны воедино, например, железо, золото, пух и воловьш шкуры. Но точно так же недостаточно и указания на то, что вывезено товара на столько-то миллиардов марок, так как ведь один центнер золота стоит несравненно дороже, чем один центнер железа.

Однако в нашем распоряжении имеются только такие данные, и поэтому нам приходится так или иначе удовлетвориться простыми обозначениями цен. Но тут мы сталкиваемся с различными трудностями в денежном выражении. Если это денежное выражение уже не дает нам представления относительно количества товаров, обращавшихся во внешней торговле в течение одного года, то еще более хромает сравнение между различными годами. Ибо за это время могли измениться цены; так что одна и та же денежная сумма может выражать большее или меньшее количество товаров, чем раньше, не говоря уже о том, что каждая страна обозначает цены в собственной валюте, и что перечисление из одной валюты в другую никогда не может быть вполне точно, так как и курс денег меняется из года в год. Нам приходится поэтому искать способа как-нибудь справиться с этими многочисленными трудностями и источниками ошибок.

Согласно элементарным цифровым данным статистики, внешняя торговля мировых торговых держав ¹⁾ в течение последних двух десятилетий до войны возростала следующим образом:

---

¹⁾ Бельгию и Голландию при этом мы оставляем в стороне, так как эти страны являются в сущности лишь странами транзитной торговли с сравнительно незначительным собственным производством.

Ввоз (в миллионах марок), в среднем, за следующие годы:

	1896—1900	1911—1913
Германия	5.100	10.400
Великобритания	8.400 ¹⁾	12.700
Соединенные Штаты	3.100	7.000
Франция	3.400	6.600
Всего	20.000	36.700

Вывоз (в миллионах марок), в среднем, за следующие годы:

	1896—1900	1911—1913
Германия	4.100	9.050
Великобритания	5.100 ¹⁾	9.800
Соединенные Штаты	4.800	9.300
Франция	3.000	5.200
Всего	17.000	33.350

При этом перечисление валюты мы производили согласно обычному в статистике паритету: 1 фунт ст. = 20,40 мар.; 1 доллар = 4,20 мар., 1 франк = 0,80 мар.

Однако, как мы уже заметили, эти прекрасные на вид колонны цифр не говорят еще нам ничего, так как как раз в этот период цены сильно возросли. И к тому же цены возросли неравномерно в различных странах.

Индекс оптовых цен возрос, в среднем, от 1898—1900 до 1911—1913 г.г.:

в Германии	на 18,0%
» Великобритании	» 20,7%
» Соединенных Штатах	» 40,2%
во Франции	» 25,0%

Нам приходится поэтому соответственным образом преобразовать вышеуказанные денежные суммы, чтобы получить данные количества товаров. Ведь совершенно ясно, что, если мы возьмем наиболее удобный для вычисления пример—Францию, то убедимся, что вследствие вздорожания на 25% 100 марок в 1913 году представляют лишь такое же количество товаров, как 80 марок в 1900 году,—другими словами, нам приходится сократить денежные выражения внешнеторгового оборота за 1911—1913 г.г. на 20% для того, чтобы иметь возможность сравнивать их с цифрами 1896—1900 г.г. Соответственные цифры для всех четырех государств представляются тогда в следующем виде:

¹⁾ Внешняя торговля Великобритании в 1895—1899 г.г.

	Вздорожание	Приходится поэтому сократить денежное выражение на
Германия	18,0%	15,3%
Великобритания	20,7%	17,2%
Соединенные Штаты	40,2%	28,7%
Франция	25,0%	20,0%

Сокращая на эти проценты вышеприведенные абсолютные цифры внешней торговли различных государств, мы получаем следующую таблицу:

Ввоз (в миллионах марок), в среднем, за следующие годы:

	1896—1900	1911—1913
Германия	5.100	10.400 — 15,3% = 8.800
Великобритания	8.400 ¹⁾	12.700 — 17,2% = 10.500
Соединенные Штаты	3.100	7.000 — 28,7% = 4.800
Франция	3.400	6.600 — 20,0% = 5.300
Всего	20.000	29.400

Вывоз (в миллионах марок)

Германия	4.100	9.050 — 15,3% = 7.650
Великобритания	5.100 ¹⁾	9.800 — 17,2% = 8.100
Соединенные Штаты	4.800	9.400 — 28,7% = 6.600
Франция	3.000	5.200 — 20,0% = 4.200
Всего	17.000	26.550

Таким образом общий прирост ввоза четырех главных мировых торговых держав составляет 47%, а вывоз—56,5%. Другими словами, сосчитывая вместе ввоз и вывоз, можно сказать, что вся внешняя торговля четырех указанных государств составляла:

1896—1900 г.г.	37.000 миллионов марок
1911—1913 г.г.	56.000 » »

Это составляет прирост в 19.000 миллионов марок, или же 51,4%. Интересно, между прочим, отметить, что эти цифры почти целиком соответствуют росту мирового производства за тот же период, который мы в предыдущей главе оценивали приблизительно в 50%.

Эти общие цифры, однако, дают нам весьма мало. Ибо в этих цифрах заключается также и торговля, которую эти четыре мировых державы вели между собою, а также с другими капитали-

1) Внешняя торговля Великобритании в 1895—1899 г.г.

стическими странами, в то время как нас особенно интересует вопрос о том, сколько товара они вывезли в некапиталистические страны. Нам приходится поэтому заняться дальнейшим анализом этих цифр.

При этом прежде всего обнаруживается, что прирост внешней торговли в указанных четырех государствах отнюдь не являлся равномерным. Точно так же в развитии ввоза и вывоза каждой отдельной страны обнаруживается существенное различие.

Суммируя ввоз и вывоз, мы получаем следующие цифры общего оборота внешней торговли (в миллионах марок, за вычетом коэффициента вздорожания):

	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	прирост
Германия	9.200	16.500	7.300 — 79,3%
Великобритания	13.500	18.600	5.100 — 37,8%
Соединенные Штаты	7.900	11.400	3.500 — 44,3%
Франция	6.400	8.500	2.100 — 32,8%

Согласно этим данным, абсолютно наибольший оборот внешней торговли имела Великобритания, и это первое место она сохраняет в течение всего периода. Вообще порядок расстановки этих четырех государств по абсолютной величине их внешних торговых оборотов остался тем же самым, а именно: 1) Великобритания, 2) Германия, 3) Соед. Штаты и 4) Франция. Что же касается темпа прироста, то тут Великобритания переходит на третье место, Соединенные Штаты — на второе, в то время как внешняя торговля Германии возрастает в темпе почти вдвое более сильном, чем у всех остальных мировых держав. Другими словами, то преимущество, которое Великобритания имела перед Германией, чрезвычайно сильно уменьшилось, в то время как по отношению к Франции соотношение осталось тем же самым, а по отношению к Соединенным Штатам преимущество Великобритании еще возросло.

Превосходство Великобритании в общем обороте внешней торговли (в миллионах марок)

По отношению к	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.
Германии	4.300	2.100
Соединенным Штатам	5.600	7.200
Франции	7.100	7.200

Подвергнем теперь анализу ввоз и вывоз каждого государства в отдельности. Тогда мы получим, принимая во внимание коэффициент вздорожания, следующую таблицу (в миллионах марок):

	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз
	Великобритания		Германия	
Около 1900 г.	8.400	5.100	5.100	4.100
» 1913 »	10.500	8.100	8.800	7.700
Прирост	2.100	3.000	3.700	3.600
т.-е.	25%	58,8%	72,6%	86,6%
	Соединенные Штаты		Франция	
Около 1900 г.	3.100	4.800	3.400	3.000
» 1913 »	4.800	6.600	5.300	4.200
Прирост	1.700	1.800	1.900	1.200
т.-е.	54,8%	37,5%	55,9%	40%

Таким образом эти четыре мировых державы совершенно явственно распадаются на две группы, по крайней мере если принять во внимание соотношение прироста. В Германии и Великобритании вывоз возрос более сильно, чем ввоз. В Соединенных Штатах и Франции—наоборот. Правда, это относится именно только к соотношению, к процентному увеличению прироста. Абсолютный прирост для Германии и Соединенных Штатов в ввозе и вывозе почти одинаков. В Великобритании несколько более сильно возрастает вывоз, во Франции—ввоз. Мы в дальнейшем еще увидим, как необходимо принимать во внимание и то и другое, т.-е. и процентное соотношение прироста и абсолютные цифры, и к каким неправильным выводам можно прийти, если принимать во внимание только одну из этих цифр, тем более, если произвольно обращаются к той или другой цифре. В особенности этот совершенно недопустимый метод часто применялся в литературе, опубликованной во время войны.

Но продолжим наш анализ цифр внешней торговли. Может, пожалуй, показаться, что для наших целей достаточен анализ одного вывоза, так как мы ведь хотим установить, в какой мере товары, произведенные в капиталистических государствах, выбрасывались за границу. Но вывоз и ввоз каждой отдельной страны стоят между собою в органической связи, так как самая значительная часть ввоза оплачивается не деньгами, а соответственным вывозом или же наоборот. Это обнаружится с особенной ясностью при рассмотрении в дальнейшем колониальной торговли.

Поэтому особенно важно соответствие цифр ввоза и вывоза в каждой отдельной стране.

В Германии абсолютный прирост ввоза и вывоза почти одинаков, прирост в процентах в обоих случаях точно так же лишь незначительно отличается, хотя прирост вывоза несколько сильнее.

В Соединенных Штатах абсолютный прирост ввоза и вывоза точно так же одинаков. Но относительно ввоз возрос значительно сильнее, чем вывоз.

В Великобритании наблюдается значительный перевес прироста вывоза, при чем абсолютные цифры почти так же явственно показывают этот перевес, как и относительные. Ибо отношение между 2.100 и 3.000 (т.-е. абсолютный прирост ввоза и вывоза) составляет такое же процентное отношение, как между 25 и 58,8 (процентный прирост), т.-е. около 43%.

Наконец, во Франции положение представляется совершенно обратным тому, как в Великобритании. Здесь прирост ввоза и абсолютно и относительно преобладает.

Пока мы только устанавливаем все эти факты, не делая из них никаких выводов. Для того чтобы прийти к правильным окончательным выводам, нам необходимо еще знание ряда других фактов. В частности, нам необходимо знать, из каких товаров состоит ввоз и вывоз отдельных государств. Мы рассмотрим в дальнейшем, какие данные дает нам статистика в этом отношении.

Б. Мировая торговля по отдельным товарным группам.

Для наших целей достаточно подразделить товары на три группы: пищевые продукты, сырье и фабрикаты. Бросается опять-таки сейчас же в глаза некоторая произвольность всех таких подразделений. Относительно многих товаров возникает сомнение, должны ли мы отнести их к пищевым продуктам или к сырью, должны ли мы их рассматривать как полуфабрикаты, относимые нами в качестве средств производства к сырью, или же как фабрикаты. Статистики различных государств будут, понятно, часто относить те же самые товары к различным группам. К тому же иногда один и тот же род товаров отчасти служит одной цели, а отчасти другой. Достаточно указать лишь на зерно, которое в качестве корма для скота и в спиртном производстве является сырьем, в прочих же случаях должно быть отнесено к пищевым продуктам. Однако и в данном случае приходится применить правило: выше себя самого не прыгнешь. Нам

остается пользоваться этими цифрами в таком виде, какими нам их преподносит статистика.

В нижеследующих таблицах для цифр, относящихся к 1913 г.¹⁾, везде принят во внимание фактор вздорожания.

Необходимо прежде всего рассмотреть цифры для каждого государства в отдельности по отношению к ввозу и вывозу и затем уже сравнивать отдельные страны между собою.

	Германия			
	Ввоз (в миллионах марок)			
	Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	5.100	1.700 33,2%	2.300 46%	1.100 25,3%
» 1913 »	8.800	2.600 29,7%	4.900 55,1%	1.300 15,1%
Прирост	3.700	900	2.600	200
т.-е.	72,6%	53%	113%	18%

С первого же взгляда мы замечаем, что фабрикатy составяют лишь незначительную часть ввоза, и что ввоз фабрикатов в течение 13-летнего периода возрос лишь незначительно. В общей массе ввоза доля фабрикатов даже упала, именно с 20,3% до 15,1%. В громадном размере возрос ввоз сырья; этот ввоз увеличился значительно более, чем вдвое, и в 1913 году составлял более 55% всего ввоза по сравнению с 46% в 1900 году. Точно так же сильно возрос ввоз пищевых продуктов, хотя не в такой степени, как ввоз сырья. Ввоз пищевых продуктов составляет за весь период приблизительно одну треть всего ввоза.

Уже эти факты позволяют сделать вывод, что центр тяжести германского народного хозяйства все более переносится в область экспорта: Германия во все возрастающей степени получает необходимые пищевые продукты и в особенности сырье из-за границы, в то время как ввоз фабрикатов незначителен. Ввоз сырья производится, само собою разумеется, для того, чтобы переработать его в фабрикатy. Это развитие иллюстрируется следующими цифрами германского экспорта.

	Германия			
	Вывоз (в миллионах марок)			
	Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	4.100	500 12,5%	1.000 22,3%	2.600 64,3%
» 1913 »	7.700	600 9,7%	2.000 25,8%	5.000 64,5%
Прирост	3.600	100	1.000	2.400
т.-е.	86,6%	20%	100%	92%

¹⁾ Так как английские цифры относятся к 1895—1899 г.г., а цифры относительно остальных государств — к 1896—1900 г.г., то в дальнейшем мы говорим о периодах «около 1900 г.» и «около 1913 г.».

Тут мы получаем совершенно ясное подтверждение того, что мы предполагали уже по данным ввоза. Пищевые продукты в германском экспорте того периода не играют вообще сколько-нибудь заметной роли. Германия получила из-за границы в $3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ раза больше пищевых продуктов, чем вывезла туда. При этом избыток ввоза пищевых продуктов еще возрос в течение того периода. Совершенно аналогичную картину мы получаем при рассмотрении внешнеторговых оборотов с сырьем. Тут, однако, вывоз все же довольно значителен. В особенности Германия поставляла за границу много угля и кали. Но при всем том вывоз сырья составляет лишь $\frac{1}{4}$ всего германского экспорта, так что вместе с пищевыми продуктами на них приходится всего одна треть экспорта, в то время как две трети экспорта падают на долю фабрикатов. Суммируем:

	Германия			
	Ввоз (в милл. мар.)		Вывоз (в милл. мар.)	
	Пищевые прод. и сырье	Фабrikаты	Пищевые прод. и сырье	Фабrikаты
Около 1900 г. . . .	4.000 79,2%	1.100 20,3%	1.500 34,8%	2.600 64,3%
» 1913 »	7.500 84,8%	1.300 15,1%	2.600 35,5%	5.000 64,5%

Ввоз фабрикатов остался почти на том же уровне, в то время как вывоз их увеличился почти вдвое. Относительно пищевых продуктов и сырья получается почти обратное соотношение; ввоз увеличился почти вдвое, хотя и вывоз тут по вышеуказанным причинам возрос более сильно, чем ввоз фабрикатов. Таким образом Германия ввозила сырье и пищевые продукты отнюдь не только для того, как полагают большею частью буржуазные экономисты, чтобы удовлетворить потребности своего населения, но главным образом для того, чтобы создать предпосылки форсированного экспорта готовых изделий. Уже тут становится нам совершенно ясным, насколько не правильна точка зрения того буржуазного статистика, который при рассмотрении этих цифр пишет: «Прежде чем какая-либо страна начинает думать о вывозе промышленных изделий, она обычно покрывает потребности своей собственной страны». В то и дело, что германские импортеры абсолютно не думали о потребностях собственной страны, т.-е. ее населения, когда они ввозили пищевые продукты и сырье; они думали только о потребностях германской промышленности, которые в свою очередь определяются надобностями экспорта. Между прочим, мы тут имеем

опять пример того, как опасно вообще полагаться лишь на одни относительные или лишь на одни абсолютные цифры. Цифры экспорта показывают прирост вывоза сырья на 100%, а вывоза готовых изделий—всего на 92%. Тот, кто знает только эти относительные цифры, может, пожалуй, подумать, что было вывезено больше сырья, чем готовых изделий. Только сопоставляя эти относительные цифры с абсолютными, мы видим, что вывоз готовых изделий не только гораздо больше, но что он в течение 13-летнего периода возрос на гораздо большую цифру, чем весь вывоз сырья в 1913 году! Таким образом, ограничиваясь рассмотрением лишь одних относительных цифр, мы получаем совершенно неверную картину.

Перейдем теперь к аналогичному рассмотрению внешней торговли остальных трех государств.

		Великобритания					
		Ввоз (в миллионах марок)					
		Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабrikаты		
Около 1900 г.	8.400	4.000	46,5%	2.400	28,5%	2.000	24,1%
» 1913 »	10.500	4.500	42,3%	3.400	32,8%	2.600	24,5%
Прирост	2.100	500		1.000		600	
т.-е.	25%	12,5%		41,7%		30%	

Тут ввоз имеет совершенно другой вид, чем в Германии. Ввоз пищевых продуктов играет тут гораздо большую роль. Хотя доля ввоза пищевых продуктов в общем импорте несколько и уменьшилась, но все же на их долю еще в 1913 году выпадает почти половина всего ввоза, между тем ввоз сырья даже в конце 13-летнего периода достигает всего одной трети всего импорта, из которого почти четверть приходилась на ввоз готовых изделий. Хозяйственная структура Англии поэтому отнюдь не могла быть такой же, как в Германии. Ведь в Германии даже ввоз готовых изделий возрос значительно сильнее (на 30%), чем ввоз пищевых продуктов (на 12,5%). Разница сказывается также при сравнении абсолютных цифр ввоза обоих государств. Общая цифра ввоза в Германии значительно ниже, чем у Великобритании. Несмотря на это, Германия уже около 1900 года ввозила столько же сырья, как Великобритания (Германия 2.300, Великобритания 2.400 милл. марок), а в 1913 году даже гораздо больше (4.900 и 3.400 милл. марок). Зато Великобритания ввозила из-за границы не только значительно больше пищевых продуктов при значительно меньшем населении, но и вдвое больше готовых изделий.

Великобритания

Вывоз (в миллионах марок)

	Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	5.100	300 5%	600 11,4%	4.200 82,3
» 1913 »	8.100	500 6,5%	100 12,7%	6.400 78,7%
Прирост	3.000	200	400	2.200
т.-е.	58,8%	67,7%	67,7%	52,4%

В английском экспорте бросается в глаза колоссальная роль вывоза готовых изделий. Круглым счетом 80%, или $\frac{4}{5}$, экспорта приходится на готовые изделия. Вывоз пищевых продуктов и сырья, напротив, не играет почти никакой роли. Уже один абсолютный прирост вывоза готовых изделий (2.200 милл. марок) больше, чем весь вывоз сырья и пищевых продуктов вместе, который составлял в 1913 году всего лишь 1.500 миллионов марок. Таким образом, несмотря на то, что Англия ввозила такое значительное количество готовых изделий, ее экспорт еще в большей степени, чем германский, направлен преимущественно на фабрики. При суммировании тех и других цифр получается следующее:

Великобритания

Ввоз (в милл. мар.)

Вывоз (в милл. мар.)

	Пищев. прод. и сырье	Фабрикаты	Пищев. прод. и сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	6.400 75,0%	2.000 24,1%	900 16,4%	4.200 82,3%
» 1913 »	7.900 75,1%	2.600 24,5%	1.500 19,2%	6.400 78,7%

Великобритания, следовательно, менее нуждалась в заграничном сырье, чем Германия, и пользовалась для своего колоссального экспорта готовых изделий в гораздо большей степени собственным сырьем, которое она вывозила лишь в сравнительно незначительных количествах за границу. Зато Англия нуждается в сильной степени в ввозе заграничных пищевых продуктов, а также готовых изделий.

Соединенные Штаты

Ввоз (в миллионах марок)

	Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	3.100	950 31,1%	1.350 42,1%	800 26,1%
» 1913 »	4.800	1.100 23,0%	2.700 55,0%	1.000 22,0%
Прирост	1.700	150	1.350	200
т.-е.	54,8%	15,8%	100%	25%

Эти цифры должны удивить каждого, который имеет обычное представление об Америке. Соединенные Штаты все еще являют-

ся в сильной степени аграрной страной, да мы привыкли все еще рассматривать их, так сказать, как полуколонизированную страну; мы часто слышим о неиссякаемых богатствах Соединенных Штатов пищевыми продуктами и сырьем, и при этом Соединенные Штаты ввезли такое значительное количество и того и другого! За пищевые продукты каждый год уплачивается за границей круглым счетом 1 миллиард марок! Ввоз же сырья за эти 13 лет увеличился даже вдвое, так что в 1913 году было ввезено почти на 3 миллиарда марок! Более половины всего ввоза около 1913 года состояло из сырья, а одна четверть из пищевых продуктов. Конечно, цифры эти становятся значительно меньше, если отнести их к населению, которое уже в 1900 году вдвое превышало население Великобритании. Эта последняя в 1913 году имела около 45 миллионов жителей и покупала приблизительно на 4½ миллиарда марок пищевых продуктов, ввозимых из-за границы; а Соединенные Штаты расходовали ежегодно один миллиард марок на ввоз заграничных продуктов для 92 миллионов человек. Но этим, в конце концов, только сказано, что Англия гораздо более зависела от ввоза пищевых продуктов. И все же тот факт, что Соединенные Штаты со своими «неограниченными возможностями» вообще ввозили пищевые продукты и к тому же на целый миллиард марок, остается все-таки не менее удивительным. И то же самое относится также к значительному ввозу сырья. Обратимся теперь к цифрам экспорта.

		Соединенные Штаты					
		Вывоз (в миллионах марок)					
		Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты		
Около 1900 г.	4.800	2.100	42,8%	1.650	35,2%	1.000	21,2%
» 1913 »	6.600	1.300	19,7%	3.300	49,0%	2.000	30,9%
Прирост	1.800	Убыль 800		1.650		1.000	
т.-е.	27%		38%	100%		100%	

И тут приходится удивляться тому, что при значительном населении и упорной индустриальной деятельности всей страны, которая как раз в то десятилетие пережила громадный подъем (достаточно сравнить предыдущую главу относительно развития мирового производства), вывоз был столь незначителен. Великобритания с вдвое меньшим населением вывозила в 1913 году на ¼ больше, чем Соединенные Штаты. Это можно, пожалуй, объяснить тем, что Соединенные Штаты имели все же наибольшую возможность капиталистической экспансии внутри страны, гораздо

большую, чем другие страны, что, понятно, зависит от их полуколониального характера.

Прирост экспорта сырья мог быть объяснен теми же соображениями, хотя этого рода вывоз возрос также и в Великобритании и в Германии. Сравнительно незначительный вывоз готовых изделий может быть тоже объяснен полуколониальным характером страны. Но что на первый взгляд кажется совершенно непонятным, это тот факт, что вывоз пищевых продуктов как относительно, так и абсолютно на столько упал: абсолютно—на целую треть по сравнению с количеством 1900 года; относительная же доля пищевых продуктов в общем вывозе упала с 43 до 20%.

Несмотря на все это, мы не должны впадать в иллюзию, будто Соединенные Штаты не являются серьезным конкурентом на мировом рынке. Конечно, по сравнению с их колоссальным населением они, в сущности говоря, вывезли довольно мало товаров. Но даже этот незначительный вывоз был все же почти равновелик, а отчасти даже превышал вывоз стран с меньшим народонаселением, как Германия и Англия. Этот вывод иллюстрируется следующей таблицей:

Весь вывоз (в миллионах марок)		
	около 1900 г.	около 1913 г.
Великобритания	5.100	8.100
Соединенные Штаты	4.800	6.600
Германия	4.100	7.700
Франция	3.000	4.200

В качестве условия конкуренции на мировых рынках имеют значение, конечно, только абсолютные количества товара, выбираемые каждой страной.

Суммирование цифр относительно пищевых продуктов и сырья дает следующую таблицу:

Соединенные Штаты								
	Ввоз (в милл. мар.)				Вывоз (в милл. мар.)			
	Пищев. прод. и сырье		Фабrikаты		Пищев. прод. и сырье		Фабrikаты	
Около 1900 г.	2.300	73,2%	800	26,1%	3.750	78,0%	1.000	21,2%
» 1913 »	3.800	78,0%	1.000	22,0%	4.600	68,7%	2.000	30,9%

Все же можно констатировать некоторый прирост экспорта готовых изделий и притом, как мы уже видели, исключительно за счет вывоза пищевых продуктов.

Франция

Ввоз (в миллионах марок)

	Всего	Пищев. прод..	Сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	3.400	850 24,8%	2.000 59,3%	550 15,9%
» 1913 »	5.200	1.200 22,8%	3.100 57,8%	1.000 19,4%
Прирост	1.800	350	1.100	450
т.-е.	55,9%	41%	55%	81,8%

Таким образом и Франция, в противовес распространенным воззрениям, обнаруживает черты вполне развитого мирового торгового государства: особенно значительный ввоз сырья, при этом значительный ввоз пищевых продуктов, хотя, понятно, далеко не такой значительный, как Великобритания; зато ввоз фабрикатов играет значительно меньшую роль.

Франция

Вывоз (в миллионах марок)

	Всего	Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты
Около 1900 г.	3.000	550 18,5%	800 26,7%	1.650 54,8%
» 1913 »	4.200	500 12,3%	1.200 28,7%	2.500 59,0%
Прирост	1.200	Убыль 50	400	850
т.-е.	40%	10%	50%	51,5%

Как по отношению к импорту главное место занимает сырье, так в экспорте наиболее значительную роль играют фабрикаты. Параллельно с этим было вывезено еще много сырья, в то время как вывоз пищевых продуктов из все еще в сильной степени аграрной Франции незначителен и так же, как в Соединенных Штатах, даже уменьшился. В заключение этого перечисления фактов мы хотим обратить внимание еще на следующее: если какая-либо страна ввозит сырье с целью его переработки и дальнейшего вывоза в качестве фабриката, то, казалось, можно было бы думать, что цена экспортируемых фабрикатов должна была бы быть больше, чем цена импортируемого сырья. Сопоставим здесь соответственные цифры:

	Около 1900 г.		Около 1913 г.	
	Ввоз		Вывоз	
	Сырья	Фабрикатов	Сырья	Фабрикатов
Великобритания	2.400	4.200	3.400	6.400
Германия	2.300	2.600	4.900	5.000
Соединенные Штаты	1.350	1.000	2.700	2.000
Франция	2.000	1.650	3.100	2.500

Как видно отсюда, вывоз фабрикатов лишь в одной Великобритании имеет значительно большую ценность, чем соответственный ввоз сырья. В Германии это преимущество весьма незначительно. В Соединенных Штатах и Франции соотношение носит обратный характер,—вывоз фабрикатов по ценности значительно отстает от ввоза сырья.

Для большей наглядности сопоставим теперь еще раз все вышеустановленные цифры в одной таблице:

Около	Всего	(В миллионах марок)					
		Пищев. прод.	Сырье	Фабрикаты			
		Германия (ввоз)					
1900 г. . . .	5.100	1.700	33,2%	2.300	46,0%	1.100	20,3%
1913 » . . .	8.800	2.600	29,7%	4.900	55,1%	1.300	15,1%
		Германия (вывоз)					
1900 г. . . .	4.100	500	12,5%	1.000	22,3%	2.600	64,3%
1913 » . . .	7.700	600	9,7%	2.000	25,8%	5.000	64,5%
		Великобритания (ввоз)					
1900 г. . . .	8.400	4.000	46,5%	2.400	28,5%	2.000	24,1%
1913 » . . .	10.500	4.500	42,3%	3.400	32,0%	2.600	24,5%
		Великобритания (вывоз)					
1900 г. . . .	5.100	300	5,0%	600	11,4%	4.200	82,3%
1913 » . . .	5.800	500	6,5%	1.000	12,7%	6.400	78,7%
		Соединенные Штаты (ввоз)					
1900 г. . . .	3.100	950	31,1%	1.350	42,1%	800	26,1%
1913 » . . .	4.800	1.800	23,0%	2.700	55,0%	1.000	22,0%
		Соединенные Штаты (вывоз)					
1900 г. . . .	4.800	2.100	42,8%	1.650	35,2%	1.000	21,2%
1913 » . . .	6.600	1.300	19,7%	3.300	49,0%	2.000	30,9%
		Франция (ввоз)					
1900 г. . . .	3.400	850	24,8%	2.000	59,3%	550	15,9%
1913 » . . .	5.200	1.200	22,8%	3.100	57,8%	1.000	19,4%
		Франция (вывоз)					
1900 г. . . .	3.000	550	18,5%	800	26,7%	1.650	54,8%
1913 » . . .	4.200	500	12,3%	1.200	28,7%	2.500	59,0%

В. Мировая торговля по странам назначения вывоза.

Мы только теперь подходим к самой важной части нашего статистического анализа, а именно к вопросу о том, в какие страны направляется вывоз мировых торговых держав, или,

точнее, на какие страны распределяется их внешняя торговля как по ввозу, так и по вывозу. Ибо при этом рассмотрении мы не должны по вышеуказанным причинам оставлять без внимания также и цифры ввоза.

Дело идет о том, чтобы установить, какое количество из произведенных крупно-капиталистическими странами товаров вывозится в другие капиталистические же страны и сколько вывозится в некапиталистические страны. Совершенно ясно, что это будет зависеть от того признака, по которому будем разделять страны на капиталистические и некапиталистические. Тут точно так же, как и при всех определениях, границы весьма колеблются, и нам приходится иногда делать до некоторой степени произвольный вывод. Тем более, что как раз через соприкосновение с крупно-капиталистическими государствами колониальные страны сами втягиваются в поле действия капитализма, постепенно индустриализируются и тем самым мало-по-малу теряют свой некапиталистический характер. Этот процесс стал особенно ясным после мировой войны, так что в настоящее время (1925 год), в сущности говоря, каждая страна находится, по крайней мере, на некой предварительной ступени капиталистического развития. Но это развитие имело уже место и до мировой войны.

За период времени от 1900 по 1913 год, с одной стороны, имелись страны несомненно капиталистические, а с другой стороны, страны столь же несомненно некапиталистические—колонии в собственном смысле слова. Но уже в то время между обеими этими группами стран имелся целый ряд государств, которых нельзя отнести к колониям в собственном смысле и в то же время отнюдь нельзя рассматривать как капиталистические государства. Сюда относятся, например, Китай, Турция, еще в большей степени Австралия, Южная Африка и Канада. Для наших целей нам приходится эти полуколониальные страны, само собою разумеется, причислить к колониям. Ибо именно эти страны—а к ним нужно отнести также из европейских стран и балканские государства—являются главной ареной для капиталистической экспансии мировых держав.

Мы разделим все эти страны следующим образом:

К капиталистическим странам мы причисляем: Соединенные Штаты, Великобританию, Германию, Францию, Россию, Швецию, Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Швейцарию, Австрию, Венгрию, Италию, Испанию, Португалию, Японию.

К полуколониальным странам мы причисляем: Балкан-

ские страны, Южную Америку, Среднюю Америку, Турцию, Китай, Персию, Канаду, Южную Африку, Австралию.

Колониями мы, наконец, считаем следующие страны: Британскую Индию, Нидерландскую Индию, Тунис, Алжир, Египет, Бельгийское Конго, бывшие германские колонии.

Надо при этом заметить, что мы имеем достаточный цифровой материал, относящийся к периоду до 1910 года, отнюдь не по всем странам. В некоторых странах, например, в германских колониях, цифры ввоза и вывоза настолько ничтожны, что они совершенно теряют всякое значение в общей картине мировой торговли. Мы, наконец, не всегда имели возможность установить необходимые данные относительно стран ввоза и вывоза; нам пришлось в таких случаях ограничиться более отрывочными данными.

В следующих наших вычислениях мы для времени около 1913 г. опять-таки приняли во внимание фактор, вздорожания.

1. Германия

Ввоз

	Около 1900 г.	Около 1913 г.
Всего	5.100 милл. мар.	8.800 милл. мар.
Из них:		
из капиталистических стран	4.500 м. м. 88,4%	7.340 м. м. 83,4%
» полуколониальных стран	320 » » 6,2%	1.040 » » 11,8%
» колоний	280 » » 5,4%	420 » » 4,8%

Вывоз

Всего	4.100 милл. мар.	7.650 милл. мар.
Из них:		
в капиталистические страны	3.875 м. м. 94,5%	6.900 м. м. 90,6%
» полуколониальные страны	175 » » 4,3%	625 » » 8,1%
» колоний	50 » » 1,2%	100 » » 1,3%

На первый взгляд эта таблица показывает, что колониальная торговля, в частности вывоз в колонии, в то время играла для Германии весьма незначительную роль,—более 80% германского импорта и более 90% германского экспорта приходилось на другие, капиталистические, государства. Остаток, приходившийся на торговые сношения с колониями и полуколониальными странами, был довольно незначителен. Точно так же и в приросте германской внешней торговли львиная доля выпадает на обороты с капиталистическими странами. За 13 лет ввоз из капиталистических стран возрос с 4.500 до 7.340 милл. марок, т.-е. приблизительно

на 2.800 миллионов, в то время как весь ввоз из колоний и полуколоний вместе около 1913 года едва достигал 1.500 милл. марок. Вывоз в капиталистические страны за то же время возрос более чем на 3.000 милл. марок, в то время как весь вывоз в колонии в конце указанного периода едва достигал 725 милл. марок.

Эти немногие цифры достаточны уже для того, чтобы целиком опровергнуть всю болтовню о так называемом торговом соперничестве. В германофобских кругах весьма охотно приписывают Германии всю вину за мировую войну, считая, что Германия начала войну для того, чтобы вытеснить с мировых рынков своих торговых соперников. Но теперь нам уже ясно, что торговые соперники Германии—это те же самые капиталистические страны, с которыми Германия вела значительно большую торговлю, чем со всеми колониями и полуколониями всего мира. Достаточно было одного только перерыва этих колоссальных торговых оборотов с капиталистическими странами, который был неизбежно вызван войной, чтобы нанести германским интересам ущерб гораздо более существенный, чем все те выгоды, которые сулил ей благоприятный исход войны.

Эти цифры опровергают точно так же утверждение германских шовинистов, что Германия должна была при помощи большого военного флота или даже путем войны защищать свою внешнюю торговлю. Ведь торговля с Англией, с Францией, с Америкой не может быть защищена войной против этих самых государств или же при помощи флота, который в случае войны был бы направлен против них. Германские шовинисты вовсе не придерживались этой точки зрения. Их утверждение относилось исключительно к колониальной торговле. Но мы уже видели, что эта торговля по сравнению с торговлей с «вражескими» странами настолько ничтожна, что только безумие могло из-за этой торговли толкнуть Германию на войну с ее лучшими торговыми клиентами.

С этой точки зрения германская колониальная торговля все время до начала мировой войны оставалась совершенно ничтожной. Но совершенно иной становится вся картина, если рассматривать ее с нашей точки зрения. Ибо тут дело вовсе не в абсолютных величинах внешней торговли, а в ее приросте. В этом отношении цифры говорят нам, что как бы ничтожна ни была колониальная торговля, она за эти 13 лет стремительно возросла. Ввоз (считая колониальные и полуколониальные страны вместе) возрос с 600 до 1.460 милл. марок, т.е. на 140%, а вывоз—

с 225 до 725 милл. марок, т.-е. более чем на 220%. Около 1900 г. торговля с колониями и полуколониями составляла 11,6% всего ввоза и 5,5% всего вывоза: около 1913 года она возросла до 16,6% и 9,4%. Нельзя поэтому отрицать того, что торговля с некапиталистическими странами чрезвычайно сильно возросла и играет все большую и большую роль. Роль эта, понятно, ничтожна, даже увеличение этой торговли было все еще слишком незначительно, чтобы объяснить мировую войну мотивами торговой зависти. Но сама по себе эта тенденция к все увеличивающейся экспансии не подлежит никакому сомнению. Ничего в этом не может изменить и тот факт, что Германия больше вывозила из колоний товаров, чем ввозила туда, ибо нас интересует тут факт прироста сам по себе.

II. Великобритания

Ввоз

	Около 1900 г.	Около 1913 г.
Всего	8.400 милл. мар.	10.500 милл. мар.
Из них:		
из капиталистических стран	6.220 м. м. 74,1%	7.100 м. м. 68%
» полуколонийальных »	360 » » 4,3%	750 » » 7%
» колоний	1.820 » » 21,6%	2.650 » » 25%

Вывоз

	Около 1900 г.	Около 1913 г.
Всего	5.100 милл. мар.	8.100 милл. мар.
Из них:		
в капиталистические страны	3.000 м. м. 58,5%	4.440 м. м. 54,8%
» полуколонийальные страны	400 » » 8,0%	760 » » 9,4%
» колонии	1.700 » » 33,5%	2.900 » » 35,8%

Характерное различие по сравнению с Германией сейчас же бросается в глаза: торговля с колониями, в собственном смысле слова, имела для Великобритании гораздо большее значение. Она получала от них одну четверть всего своего ввоза и сбывала им около одной трети всего своего вывоза. Сюда же надо прибавить и торговые обороты с полуколонийальными странами, которые в Германии в значительной мере превышали торговлю с колониями, в собственном смысле. Несмотря на это, и для Великобритании центр тяжести все же лежал в торговле с капиталистическими странами, так что и для Великобритании имеет значение то же положение, что совершенно нелепо из-за колониальной торговли вступать в войну со странами, с которыми Англия имела гораздо

более значительные торговые обороты, чем со всеми колониями всего мира.

Но тут же следует отметить, что британская внешняя торговля по отношению к колониальным странам за эти 13 лет возросла еще больше, чем по отношению к капиталистическим странам. Прирост этот составлял (в миллионах марок):

в или из	Великобритания					
	Ввоз (в милл. мар.)			Вывоз (в милл. мар.)		
	Состояние		Прирост	Состояние		Прирост
	ок. 1900 г.	до 1913 г.		ок. 1900 г.	до 1913 г.	
Капиталист. страны (стран) .	6.200	880	14,1%	3.000	1.440	48,0%
Полуколон. » » .	360	390	108,3%	400	360	90,0%
Колонии (колоний)	1.820	830	45,6%	1.700	1.200	70,0%
Полуколон. и колон. вместе.	2.180	1.220	56,0%	2.100	1.560	74,5%

Таким образом торговля Великобритании с некапиталистическими странами не только относительно, но и абсолютно возросла сильнее, чем ее торговля с капиталистическими странами.

Относительные цифры дают следующую картину:

	Капиталистические страны	Некапиталистические страны
Прирост ввоза	14,1%	56,0%
» вывоза	48,0%	74,5%

Абсолютные цифры:

Прирост ввоза	880 милл. мар.	1.220 милл. мар.
» вывоза	1.440 » »	1.560 » »

Эти цифры доказывают, что Великобритания значительно дальше ушла по пути капиталистической экспансии, чем Германия, и что поэтому беспрепятственный доступ к колониальным и полуколониальным странам для Великобритании уже в настоящее время имеет большое значение. И притом не только беспрепятственный доступ сам по себе, но и доступ для все большего количества вывозимых товаров.

III. Соединенные Штаты

Ввоз

	Около 1900 г.		Около 1913 г.	
Всего	3.100 милл. мар.		4.800 милл. мар.	
Из них:				
из капиталист. стран	2.600 м. м.	83,7%	3.850 м. м.	80,2%
» полуколон. »	390 » »	12,6%	600 » »	12,6%
» колоний	110 » »	3,7%	350 » »	7,2%

Вывоз

Всего	4.800 милл. мар.	6.600 милл. мар.
Из них:		
в капиталист. страны	4.550 м. м. 94,9%	6.000 м. м. 97,0%
» полуколон. »	190 » » 3,9%	410 » » 6,4%
» колонии	60 » » 1,2%	190 » » 2,9%

Таким образом и Соединенные Штаты в значительной части своей внешней торговли зависели от капиталистических стран: $\frac{1}{5}$ их ввоза шло из этих стран, $\frac{9}{10}$ их вывоза направлялось в эти страны. Но и для Соединенных Штатов в течение этих 13 лет значение рынка некапиталистических стран возросло, в особенности по отношению к экспорту. Вывоз в некапиталистические страны возрос за это время с 250 до 600 милл. марок ежегодно: на него падало раньше 5,1%, а в 1913 году—9,3% всего вывоза. Следовательно, эта торговля удвоилась. Менее значительно возрос импорт Соединенных Штатов из некапиталистических стран, а именно с 16,3% до 19,8% всего ввоза, в абсолютных цифрах— с 500 до 950 миллионов марок.

IV. Франция

Ввоз

	Около 1900 г.	Около 1913 г.
Всего	3.400 милл. мар.	5.300 милл. мар.
Из них:		
из капиталист. стран	1.600 м. м. 46,6%	2.620 м. м. 49,5%
» полуколон. »	200 » » 5,8%	230 » » 4,3%
» колонии	1.600 » » 47,6%	2.450 » » 46,2%

Вывоз

Всего	3.000 милл. мар.	4.200 милл. мар.
Из них:		
в капиталист. страны	2.050 м. м. 68,2%	2.680 м. м. 63,5%
» полуколон. »	50 » » 1,2%	120 » » 2,8%
» колонии	900 » » 30,6%	1.400 » » 33,7%

Франция более половины своего ввоза получала из некапиталистических стран, и на эти же страны приходилось около трети ее вывоза. По отношению к ввозу это соотношение за эти 13 лет мало изменилось. Что касается вывоза, то тут все же следует отметить, что некапиталистические рынки около 1913 года поглотили приблизительно на 5% больше из всей суммы французского вывоза, чем в 1900 году. Абсолютный прирост, напротив как вывоза, так и ввоза был сильнее торгового оборота с капиталисти-

ческими странами. Франция, очевидно, несмотря на свои колоссальные колониальные владения, из всех четырех мировых торговых держав менее всего далеко зашла по пути капиталистической экспансии.

Если мы теперь для большей наглядности сопоставим все внешнеторговые обороты четырех мировых торговых держав с некапиталистическими странами, то получится следующая картина:

Внешняя торговля с некапиталистическими странами.

(Колонии и полуколониальные страны идут в общий счет)

	Ввоз (в милл. мар.)			Вывоз (в милл. мар.)				
	Состояние		Прирост до 1913 г.	Состояние		Прирост		
	ок. 1900 г.	ок. 1913 г.		ок. 1900 г.	ок. 1913 г.	до 1913 г.		
Великобрит. .	2.180	3.400	1.220	56,0%	2.100	3.660	1.560	74,5%
Германия . .	600	1.460	860	143,3%	225	725	500	222,2%
Соед. Штаты .	500	950	450	90,0%	250	600	350	140,0%
Франция . .	1.800	2.680	880	48,9%	950	1.520	570	60,0%
Всего	5.080	8.490	3.410	67,1%	3.525	6.505	2.980	84,5%

Тут следует еще принять во внимание следующий знаменательный факт. Во всех четырех мировых торговых державах около 1900 г. ввоз из колоний ¹⁾ и полуколониальных стран превышал вывоз в эти же страны. В Великобритании это превышение ввоза было незначительно, в трех остальных государствах оно пошло, однако, весьма существенный характер. Это соотношение изменилось в течение указанного 13-летнего периода лишь для одной Великобритании; только там в 1913 г. вывоз в колонии превышал ввоз оттуда. В остальных трех государствах, напротив, превышение ввоза стало еще больше, так как абсолютное количество ввоза увеличилось в еще большей степени, чем абсолютное количество вывоза. Вследствие этого и общий баланс колониальной торговли всех четырех государств показывает больший абсолютный прирост ввоза, чем вывоза. Около 1900 года эти государства ежегодно ввозили на 1.550 милл. марок из колоний больше, чем они ввозили туда; около 1913 г. превышение ввоза достигало даже 1.885 милл. марок ежегодно. Согласно этим данным могло бы казаться, что эти государства вели торговлю с некапиталистическими странами главным образом из-за тех товаров, которые

¹⁾ В этой главе мы будем везде в дальнейшем для краткости выражения в понятие «колонии» включать все некапиталистические страны.

они оттуда получали, а не из-за тех товаров, которые они туда вывозили.

Не следует, однако, забывать, что нет никакой возможности полностью отделить одни цифры от других. Выше уже было отмечено, что экзотические страны именно путем торговых сношений с мировыми торговыми державами втягиваются в капиталистическую хозяйственную систему. Колониальные страны используются отнюдь не только в качестве рынка для сбыта товаров, но и в качестве сферы приложения капитала, который по тем же причинам не находит себе применения внутри страны. И этот процесс в последнее время все более усиливается. Тем самым колониальные страны все дальше и дальше втягиваются в сферу капиталистической экспансии. Если бы мы, однако, пожелали установить соотношение между обоими видами колониального экспорта, то это было бы лишь возможно при точном разделении их вывоза на группы товаров. Тогда можно было бы установить, какое количество вывозимых товаров относится к колониальным продуктам и какая часть приходится на долю вновь возникших в колониях отраслей промышленности. Но такое исследование потребовало бы не только много места, не говоря уже о многолетней работе, но вообще чрезвычайно проблематично, нашли ли бы мы достаточно статистического материала для него. Поскольку, однако, ввозимые из колоний пищевые продукты и сырье составляли главную часть их экспорта, эти товары использовались все растущим промышленным производством в капиталистических странах. Во всяком случае колониальные страны во все возрастающей степени являлись рынками сбыта для мировых торговых государств, и вывоз туда относительно возрастал быстрее (на 84,5%), чем ввоз из них, который в течение 13 лет возрос всего на 67,1%. Сейчас невозможно сказать, повело ли бы это относительно более быстрое возрастание вывоза мировых торговых держав в колонии в конце концов и к абсолютному превышению экспорта в колониальные страны над импортом и когда это произошло бы. Дело в том, что весь этот процесс был прерван мировой войной.

Колониальная торговля.

Теперь нам приходится рассмотреть дело с другой стороны и попытаться установить, в каком размере отдельные мировые торговые державы участвовали во внешней торговле колониальных стран.

Сопоставим прежде всего опять интересующие нас цифры (тут мы опять делаем то же самое ограничение, что и выше, а именно, мы имеем в виду, что не относительно всех государств у нас имеются полные данные, а относительно некоторых стран у нас нет совершенно никаких данных для первых годов исследуемой эпохи. Эти пробелы не могут быть восполнены) 1).

	В в о з				В ы в о з			
	ок. 1900 г.		ок. 1913 г.		ок. 1900 г.		ок. 1913 г.	
	милл. марок	в 0/0/о ко всему ввозу	милл. марок	в 0/0/о ко всему ввозу	милл. марок	в 0/0/о ко всему вывозу	милл. марок	в 0/0/о ко всему вывозу
Балканские страны								
Великобритания	92,9	20,2	133,1	15,3	70,7	19,1	78,3	9,1
Германия	93,4	20,3	237,5	27,3	24,8	6,7	80,0	9,3
Соединенные Штаты	—	—	—	—	—	—	—	—
Франция	31,3	6,8	58,3	6,7	18,5	5,0	62,8	7,3
Всего	217,6	47,3	428,9	49,3	114,0	30,8	221,1	25,7
Южная Америка								
Великобритания	527	31	1.153,7	28,7	465,5	19	1.104	24
Германия	272	16	763,8	19,0	367,5	15	644	14
Соединенные Штаты	221	13	643,2	16,0	416,5	17	920	20
Франция	153	9	361,8	9,0	294,0	12	460	10
Всего	1.173	69	2.922,5	72,7	1.543,5	63	3.128	68
Средняя Америка								
Великобритания	111,0	15	166,4	13	90	10	158,0	10
Германия	74,0	10	128,0	10	63	7	126,4	8
Соединенные Штаты	362,6	49	691,2	54	657	73	1.121,8	71
Франция	51,8	7	89,8	7	27	3	79,0	5
Всего	599,4	81	1.075,4	84	837	93	1.485,2	94
К и т а и								
Великобритания	113,4	18,0	238,6	16,8	54,9	12,2	43,5	4,1
Германия	—	—	63,9	4,5	—	—	41,3	3,9
Соединенные Штаты	44,7	7,1	100,8	7,1	43,2	9,6	99,6	9,4
Франция	—	—	9,9	0,7	—	—	109,2	10,3
Всего	158,1	25,1	413,2	29,1	98,1	21,8	293,6	27,7

1) Надо иметь в виду, что в этой таблице все цифры рассматриваются с точки зрения колоний, ввоза в них и вывоза из них, следовательно, то, что здесь считается ввозом, является вывозом капиталистических стран и наоборот.

	В в о з				В ы в о з			
	ок. 1900 г.		ок. 1913 г.		ок. 1900 г.		ок. 1913 г.	
	милл. марок	в %/о ко всему ввозу	милл. марок	в %/о ко всему ввозу	милл. марок	в %/о ко всему вывозу	милл. марок	в %/о ко всему вывозу
Канада								
Великобритания	148,0	26,9	517,5	22,5	338,3	61,5	630,8	48,9
Германия	28,1	5,1	48,3	2,1	5,5	1,0	12,9	1,0
Соединенные Штаты	310,2	56,4	1.451,3	63,3	162,3	29,5	483,8	37,5
Франция	14,3	2,6	45,2	2,4	3,9	0,7	10,3	0,8
Всего	500,6	91,0	2.062,3	90,1	510,0	92,7	1.137,8	88,2
Австралия								
Великобритания	452,2	64,6	910,4	59,5	503,2	59,9	689,1	42,8
Германия	42,0	6,0	99,5	6,5	39,5	4,7	143,3	8,9
Соединенные Штаты	77,7	11,1	182,1	11,9	76,4	9,1	70,8	4,4
Франция	9,8	1,4	12,2	0,8	54,6	6,5	175,5	10,9
Всего	581,7	83,1	1.204,2	78,7	673,7	80,2	1.078,7	67,0
Новая Зеландия								
Великобритания	111,8	62	258	60,0	178,2	81	173,8	79,0
Германия	3,6	2	12,9	3,0	—	—	4,4	1,0
Соединенные Штаты	—	—	—	—	—	—	—	—
Франция	16,2	9	40,0	9,3	8,8	4	11,9	2,7
Всего	131,6	73	310,9	72,3	187,0	85	190,1	82,7
Персия								
Великобритания	43,2	36	61,6	28,0	8,8	11	22,1	13
Германия	1,2	1	8,8	4,0	—	—	1,7	1
Соединенные Штаты	—	—	—	—	—	—	—	—
Франция	7,2	6	5,1	2,3	4,8	6	1,7	1
Всего	51,6	43	75,5	34,3	13,6	17	25,5	15
Британская Ост-Индия								
Великобритания	663,5	67,7	1.377,8	63,2	419,8	30,2	796,8	24,9
Германия	29,4	3,0	143,9	6,6	107,0	7,7	332,6	10,4
Соединенные Штаты	18,6	1,9	67,6	3,1	83,4	6,0	242,8	7,9
Франция	13,7	1,4	32,7	1,5	87,6	6,3	201,2	6,6
Всего	725,2	74,0	1.622,0	74,4	697,8	50,2	1.573,4	49,8

	В в о з				В ы в о з			
	ок. 1900 г.		ок. 1913 г.		ок. 1900 г.		ок. 1913 г.	
	милл. марок	в %/о ко всему ввозу	милл. марок	в %/о ко всему ввозу	милл. марок	в %/о ко всему вывозу	милл. марок	в %/о ко всему вывозу
Голландская Ост-Индия								
Великобритания . .	35,6	12,7	111,2	16,6	17,9	4,7	39,6	4,3
Германия	3,4	1,2	37,5	5,6	1,9	0,5	24,8	2,7
Соединенные Штаты	5,0	1,8	12,1	1,8	44,5	11,7	46,9	5,1
Франция	2,0	0,7	4,7	0,7	9,9	2,6	26,7	2,9
Всего . .	46,0	16,4	165,5	24,7	74,2	19,5	138,0	15,0
Египет								
Великобритания . .	80,5	35	173,6	31	147,9	51	303,6	46,0
Германия	6,9	5	33,6	6	14,5	5	77,2	11,7
Соединенные Штаты	4,6	2	16,8	3	20,3	7	59,4	9,0
Франция	23,0	10	50,4	9	23,2	8	54,8	8,3
Всего . .	115,0	52	274,4	49	205,9	71	495,0	75,0
Тунис								
Великобритания . .	4,8	12,0	11,2	10,0	5,0	16,6	15,3	12,8
Германия	0,4	1,0	2,5	2,3	0,4	1,2	2,9	2,4
Соединенные Штаты	—	—	—	—	—	—	—	—
Франция	22,7	56,7	59,1	54,1	16,8	56,1	5,6	57,0
Всего . .	27,9	69,7	72,8	66,6	22,2	73,9	23,8	62,2
Алжир								
Великобритания . .	5,5	2,4	12,5	2,5	10,9	5,2	21,5	5,0
Германия	0,7	0,3	5,5	0,7	2,7	1,3	9,0	2,1
Соединенные Штаты	—	—	—	—	—	—	—	—
Франция	191,8	83,4	430,0	86,0	174,3	83,0	326,8	76,0
Всего . .	198,0	86,1	446,0	89,2	187,9	89,5	357,3	83,1
Бельгийское Конго								
Великобритания . .	2,4	14,0	4,6	11,5	0,3	1	0,4	1
Германия	1,0	6,0	2,6	6,5	—	—	0,4	1
Соединенные Штаты	—	—	—	—	—	—	—	—
Франция	0,3	2,0	1,6	4,0	—	—	—	—
Всего . .	3,7	22,0	8,8	22,0	0,3	1	0,8	2

Суммируя все эти цифры, мы получаем следующую таблицу:

Внешняя торговля некапиталистических стран с четырьмя мировыми торговыми державами (в миллионах марок):

	В в о з		В ы в о з	
	около 1900 г.	около 1913 г.	около 1900 г.	около 1913 г.
Балканские страны	217,6	428,9	114,0	221,5
Южная Америка	1.173,0	2.922,5	1.543,5	3.128,0
Средн. Америка	599,4	1.075,4	837,0	1.485,2
Китай	158,1	413,2	98,1	293,6
Канада	500,6	2.062,3	510,0	1.137,8
Австралия	581,7	1.204,2	673,7	1.078,7
Новая Зеландия	131,6	310,9	187,0	190,1
Персия	51,6	75,5	13,6	25,5
Брит. Ост-Индия	725,2	1.622,0	697,8	1.573,4
Нидерландск. Ост.-Инд.	46,0	165,5	74,2	138,0
Египет	115,0	274,4	205,9	495,0
Тунис	27,9	72,8	22,2	23,8
Алжир	198,0	446,0	187,9	357,3
Бельгийское Конго	3,7	8,8	0,3	0,8
Всего	4.529,4	11.082,4	5.165,2	10.148,7
Прирост (в кругл. цифр.).	6.600		5.000	
т.-е.	147%		96%	

Итак, все содержащиеся в нашей таблице некапиталистические страны получили от четырех мировых торговых держав:

Около 1900 г. товаров круглым счетом на 4.500 миллионов марок
 » 1913 » » » » » 11.100 » »

Те же страны поставили четырем мировым державам:

Около 1900 г. товаром круглым счетом на 5.200 миллионов марок
 » 1913 » » » » » 10.200 » »

Таким образом прирост в течение 13 лет составляет: по отношению к ввозу колониальных стран (т.-е. вывозу мировых торговых держав) круглым счетом 6.600 милл. марок—147%, по отношению к вывозу колониальных стран (т.-е. ввозу мировых торговых держав) круглым счетом 5.000 милл. марок—96%.

Все перечисленные здесь страны поставили, таким образом, в 1900 году мировым торговым державам больше чем они получили от них ¹⁾. В течение 13-летнего периода это соотношение,

¹⁾ Само собою разумеется, что эти цифры не совпадают с вышеприведенными, так как в обоих подсчетах имеется пробел и, кроме того, у нас нет уверенности в том, что в обоих случаях принимались во внимание одни и те же страны. Кроме того, тут для 1913 года не принят во внимание коэффициент вздорожания.

однако, изменилось в обратную сторону: вывоз мировых торговых держав в упомянутые колониальные страны возрос сильнее, чем ввоз оттуда, так что эти колониальные страны около 1913 года получили из капиталистических стран больше, чем эти последние от них. Этот процесс совершался, несмотря на то, что за это время колонии, как, напр., Австралия, Канада, Египет, Южная и Средняя Америка, Балканские страны, сильно индустриализировались. В общем мы можем рассматривать этот процесс как признак сильной капиталистической экспансии мировых торговых держав.

Для полноты картины мы сопоставим еще последние цифры для каждой из четырех мировых торговых держав в отдельности.

Внешняя торговля четырех мировых торговых держав с капиталистическими странами (в миллионах марок):

	В в о з		В ы в о з		В в о з		В ы в о з	
	Около	Около	Около	Около	Около	Около	Около	Около
	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.
	В е л и к о б р и т а н и я				Г е р м а н и я			
Балканские страны	70,7	78,3	92,9	133,1	24,8	80,0	93,4	237,5
Южная Америка .	465,5	1.104,0	527,0	1.153,7	367,5	644,0	272,0	763,8
Средняя Америка .	90,0	158,0	111,0	166,4	63,0	126,4	74,0	128,0
Китай	54,9	43,5	113,4	238,6	—	41,3	—	63,9
Канада	338,3	630,8	148,0	517,5	5,5	12,9	28,1	48,3
Австралия	503,2	689,1	452,2	910,4	39,4	143,3	42,0	99,5
Новая Зеландия . .	178,2	173,8	118,8	258,0	—	4,4	3,6	12,9
Персия	8,8	22,1	43,2	61,6	—	1,7	1,2	8,8
Британская Ост-Инд.	419,8	796,8	663,5	1.377,8	107,0	332,6	29,4	143,9
Нидерландская Ост-								
Индия	17,9	39,6	35,6	111,2	1,9	24,8	3,4	37,5
Египет	147,9	303,6	80,5	173,6	14,5	77,2	6,9	33,6
Тунис	5,0	15,3	4,8	11,2	0,4	2,9	0,4	2,5
Алжир	10,9	21,5	5,5	12,5	2,7	9,0	0,7	3,5
Бельгийское Конго	0,3	0,4	2,4	4,6	—	0,4	1,0	2,6
Всего .	2.311,0	4.076,8	2.398,8	5.130,2	626,8	1.500,9	556,1	1.586,3
Прирост 1).	1.800		2.700		900		1.000	
т.-е.	78%		113%		150%		179%	

1) В круглых цифрах.

	В в о з		В ы в о з		В в о з		В ы в о з	
	(в миллионах марок)							
	Около 1900 г. 1913 г.		Около 1900 г. 1913 г.		Около 1900 г. 1913 г.		Около 1900 г. 1913 г.	
	Соединенные Штаты				Ф р а н ц и я			
Балканские страны	—	—	—	—	18,5	62,8	31,3	58,3
Южная Америка .	416,5	920,0	221,0	643,2	294,0	460,0	153,0	361,8
Средняя Америка .	657,0	1.121,8	362,6	691,2	27,0	79,0	51,8	89,8
Китай	43,2	99,6	44,7	100,8	—	109,2	—	9,9
Канада	162,3	483,8	310,2	1.451,3	3,9	10,3	14,3	45,2
Австралия	76,4	70,8	77,7	182,1	54,6	175,5	9,8	12,2
Новая Зеландия . .	—	—	—	—	8,8	11,9	16,2	40,0
Персия	—	—	—	—	4,8	1,7	7,2	5,1
Британская Ост-Индия	83,4	242,8	18,6	67,6	87,6	201,2	13,7	32,7
Нидерландская Ост-Индия	44,5	46,9	5,0	12,1	9,9	26,7	2,0	4,7
Египет	20,3	59,4	4,6	16,8	23,2	54,8	23,0	50,4
Тунис	—	—	—	—	16,8	5,6	22,7	59,1
Алжир	—	—	—	—	174,3	326,8	191,8	430,0
Бельгийское Конго	—	—	—	—	—	—	0,3	1,6
Всего	1.503,6	3.045,1	1.044,4	3.165,1	723,4	1.525,5	537,1	1.200,8
Прирост	1.500		2.100		800		660	
т.е.	100%		200%		110%		122%	

Таким образом полученные нами выше общие цифры внешней торговли принятых нами во внимание некапиталистических стран распределяются на мировые торговые державы следующим образом:

Внешняя торговля четырех мировых торговых держав с некапиталистическими странами (в миллионах марок):

	В в о з				В ы в о з			
	Колониальные страны							
	1900 г.	1913 г.	Прирост в %/о/о		1900 г.	1913 г.	Прирост в %/о/о	
Великобритания . .	2.311,4	4.076,8	1.750	76	2.398,8	5.130,2	2.700	112
Германия	626,8	1.500,9	900	150	556,1	1.586,3	1.000	182
Соедин. Штаты . .	1.503,6	3.045,1	1.500	100	1.044,4	3.165,1	2.100	210
Франция	723,4	1.525,5	800	111	537,1	1.200,8	700	140
Всего	5.165,2	10.148,3	5.000	96	4.536,4	11.082,4	6.600	147

Эта последняя таблица дает нам надлежащий подход к вопросу о соперничестве мировых торговых держав на мировых рынках. Если мы сравним цифры всего внешне-

торгового оборота этих стран, то доля каждой из них составляла (в миллионах марок) ¹⁾:

	В в о з				В ы в о з			
	Ок. 1900 г.		Ок. 1913 г.		Ок. 1900 г.		Ок. 1913 г.	
Великобритания .	8.400	42,0%	10.500	35,7%	5.100	30,0%	8.100	30,5%
Германия	5.100	25,5%	8.800	30,0%	4.100	24,1%	7.700	29,0%
Соединенные Штаты	3.100	15,5%	4.800	16,3%	4.800	28,1%	6.600	24,8%
Франция	3.400	17,0%	5.300	18,0%	3.000	17,8%	4.200	15,7%
Всего .	20.000		29.400		17.000		26.600	

По отношению к экспорту, следовательно, одна только Германия увеличила свою долю в мировой торговле, хотя это увеличение и не очень значительно. Великобритания сохранила свое место, а Соединенные Штаты и Франция несколько сократили свою долю. При этом надо иметь в виду, что мы говорим здесь исключительно об относительной доле; абсолютно все мировые торговые страны увеличили свой вывоз. Что касается ввоза, то тут на-ряду с Германией также и Соединенные Штаты и Франция показывают некоторое увеличение, и только одна Великобритания обнаруживает уменьшение доли своего ввоза.

Если же мы примем во внимание внешнюю торговлю указанных четырех государств лишь с одними некапиталистическими странами, то их доля в этой торговле, согласно абсолютным цифрам, указанным выше, составляет (в миллионах марок):

	В в о з		В ы в о з	
	Ок. 1900 г.	Ок. 1913 г.	Ок. 1900 г.	Ок. 1913 г.
Великобритания	45,1%	40,6%	54,5%	46,0%
Германия	11,8%	14,8%	11,4%	14,4%
Соединенные Штаты	29,4%	29,8%	22,7%	28,8%
Франция	13,7%	14,8%	11,4%	10,8%

Тут получается несколько иная картина. Приходится прежде всего отметить довольно значительное сокращение доли Великобритании в колониальной торговле, но выигрывает от этого сокращения в первую голову не Германия, как это обычно думают, а Соединенные Штаты. Доля Германии в колониальной торговле возросла вдвое меньше, чем доля Соединенных Штатов. Это имеет гораздо более серьезное значение, чем это может показаться на первый взгляд. Мы можем сейчас же

¹⁾ Цифры 1913 г. взяты с учетом факторов вздорожания.

убедиться в том, что Англия была как раз живейшим образом заинтересована в колониальном рынке, во всяком случае более заинтересована, чем какое-либо из других государств. Достаточно сравнить следующие цифры:

	Вся торговля		Торговля с некапиталистическими странами			
	Около 1900 г.	Около 1913 г.	В % к общей сумме 1900 г.	В % к общей сумме 1913 г.		
В в о з (в миллионах марок)						
Великобритания	8.400	10.500	2.300	27,4	4.100	39,0
Германия	5.100	8.800	600	11,8	1.500	17,0
Соединенные Штаты . . .	3.100	4.800	1.500	48,4	3.000	62,5
Франция	3.400	5.300	700	20,6	1.500	28,3
Всего	20.000	29.400	5.100	25,5	10.100	34,4
В ы в о з (в миллионах марок)						
Великобритания	5.100	8.100	2.400	47,0	5.100	63,0
Германия	4.100	7.700	600	14,6	1.600	20,8
Соединенные Штаты . . .	4.800	6.600	1.000	20,8	3.200	48,5
Франция	3.000	4.200	500	16,7	1.200	28,8
Всего	17.000	26.600	4.500	26,5	11.100	41,7
В в о з и в ы в о з в м е с т е (в миллионах марок)						
Великобритания	13.500	18.600	4.700	34,8	9.200	49,5
Германия	9.200	16.500	1.200	13,0	3.100	18,8
Соединенные Штаты . . .	7.900	11.400	2.500	31,6	6.200	54,4
Франция	6.400	9.500	1.200	18,8	2.700	28,4
Всего	37.000	56.000	9.600	25,9	21.200	37,9

Эта таблица показывает прежде всего с полной ясностью, в какой сильной степени возросло значение колониальной торговли для мировой торговли вообще в течение указанного 13-летнего периода. Около 1900 года колониальная торговля составляла уже 26%, т.е. более одной четверти мировой торговли, и возросла до 1913 г. на 38%! Становится совершенно ясным, что тут речь идет не о каких-либо мелочах, а именно о той части внешней торговли, в развитии которой самым насущным образом заинтересовано каждое крупно-капиталистическое государство. Ибо ровно настолько, насколько увеличилась доля колониальной торговли, настолько уменьшилась доля торговли с капиталистическими странами. И это относится в еще большей степени к вывозу в колонию, чем к ввозу из них: около 1900 года ввоз и вывоз из колониальных стран составляли приблизительно четверть как вво-

за, так и вывоза четырех мировых торговых держав, хотя уже в то время вывоз был на 1% больше; до 1913 года ввоз возрос всего на 34,4%, а вывоз на 41,7%! Таким образом к этому моменту вывоз в колонии и полуколонийные страны составлял приблизительно уже около половины всего вывоза мировых держав! Но, как мы уже отметили, этот процесс протекал не во всех четырех указанных странах равномерно. Для Германии и в особенности для Франции колониальная торговля, правда, также имела известное значение; в особенности вывоз в колонии из этих стран значительно возрос за указанный период и составлял в 1913 году для Германии уже $\frac{1}{3}$ (20,8%), для Франции—свыше $\frac{1}{4}$ (28,8%) всего вывоза этих стран. Но для Англии и Соединенных Штатов значение колониальной торговли было несравненно больше. Вывоз Великобритании в колониальные страны уже в 1900 году составлял почти половину, а именно 47% всего вывоза ¹⁾, и до 1913 года поднялся до 63%. К этому времени, следовательно, этот вывоз превышал уже вывоз Англии в капиталистические страны. В аналогичной степени, хотя и не так заметно, возрос ввоз Великобритании из колониальных стран, именно с 27 до 39% всего ее ввоза.

Тут можно совершенно явственно ощутить, насколько Великобритания как раз была заинтересована в постоянном увеличении своих колониальных рынков, с какой завистливой ревностью она заботилась о том, чтобы как-нибудь не допустить существенного сужения еще остающейся для нее сферы влияния или, что еще хуже, полного ее устранения.

Но кто же была та страна, которая главным образом выступала в качестве соперницы, какая страна в угрожающей для Англии степени начала завоевывать колониальные рынки? Тут, как уже указано, цифры преподнесли нам некоторый сюрприз. На первом месте после Великобритании как по абсолютным цифрам колониальной торговли, так и относительно степени ее роста стоит вовсе не Германия, а Америка. Уже из вышеприведенной таблицы мы видели, что Соединенные Штаты в 1913 г., как по отношению к ввозу, так и по отношению к вывозу, захватили приблизительно 30% всей колониальной торговли. Тут же мы видим, что из всего вывоза Соединенных Штатов около этого же времени почти половина, т.-е. 48,5%, направлялась в колониальные стра-

---

¹⁾ На самом деле доля эта была еще выше, так как мы не могли здесь при-
нять во внимание все колонии. Так, нам недоставало, напр., данных по Южной
Африке,

ны, по сравнению с 21% около 1900 г. Что касается ввоза в Соединенные Штаты, то тут на долю колониальных стран приходилось даже 62,5%. Точно так же и абсолютные количества ввоза и вывоза Соединенных Штатов не слишком отставали, как показывает наша таблица, от цифр внешнеторговых оборотов Англии. А выше мы видели, что в смысле относительного прироста вывоза в колонии Великобритания, правда, была обогнана всеми другими мировыми торговыми государствами, но что все же и тут Соединенные Штаты побивают рекорд. Нижеследующая таблица показывает нам последовательность, в которой располагались мировые торговые державы относительно прироста своего экспорта в некапиталистические страны.

Относительный прирост экспорта в некапиталистические страны в 1900—1913 г.г.

Великобритания	112%
Франция	140%
Германия	182%
Соединенные Штаты	210%
<hr/>	
Все 4 страны	147%

Если мы, наконец, будем рассматривать лишь те колониальные страны, которые представляли наибольшую важность для английского вывоза, то мы получим тот же результат. Если ограничиться лишь теми колониальными странами, которые в 1913 г. воспринимали ежегодно более чем на 100 миллионов экспортируемых английских товаров, то получится следующая таблица.

Вывоз мировых торговых государств в колониальные страны, наиболее важные для английского экспорта
(в миллионах марок):

	Ежегодно ок. 1900 г.			Ок. 1913 г.		
	Великобритания	Соединен. Штаты	Германия	Великобритания	Соединен. Штаты	Германия
Британская Ост-Индия	664	19	29	1.378	68	144
Южная Америка	527	221	272	1.154	643	764
Австралия	452	78	42	910	182	100
Канада	148	310	28	517	1.451	48
Новая Зеландия	112	—	4	258	—	13
Китай	113	45	—	239	101	64
Египет	81	5	7	174	17	34
Средняя Америка	111	363	74	167	691	128
Балканские страны	93	—	93	133	—	238
Нидерландская Ост-Индия	36	5	3	111	12	38
<hr/>						
Всего	2.337	1.046	552	5.041	3.165	1.571

Прирост (в круглых цифрах) составляет, следовательно:

Для Великобритании	с 2.300 до 5.000—2.700 миллионов марок или 117%
» Соединенных Штатов	» 1.000 » 3.200—2.200 » » » 205%
» Германии	» 550 » 1.600—1.050 » » » 190%

Нельзя поэтому сомневаться в том, что как раз на тех колониальных рынках, в которых Англия была наиболее заинтересована, как раз американская конкуренция выступала все в более сильной степени, и лишь во вторую голову Англии приходилось считаться с немецкой конкуренцией. Еще явственнее это соотношение проявится, если мы суммируем только четыре первых колониальных страны, которые обозначены в последней таблице, и из которых каждая поглощала около 1913 г. более чем на 500 милл. марок ежегодно английских товаров. Эти колониальные страны играли, очевидно, в германском экспорте исключительно важную роль. Цифры показывают относительно этих первых четырех стран следующее (в миллионах марок):

Ввоз из:	Ок. 1900 г.	Ок. 1913 г.	Прирост в %/о	
Великобритании	1.791	3.959	2.200	122
Соединенных Штатов	628	2.344	1.700	270
Германии	371	1.056	700	189

Правда, среди этих колониальных стран находятся Южная Америка и Канада, которые в географическом отношении расположены особенно благоприятно для экспорта в Соединенные Штаты. Но это все же ничего не меняет в том, что до сих пор эти страны играли в экспорте Англии совершенно особую, можно сказать, даже исключительную роль, и что Великобритания вытесняется из этих стран в первую голову не Германией, а Соединенными Штатами.

Можно было бы поэтому ожидать, что знаменитая «торговая зависть», а на самом деле более или менее бессознательный страх за свою сферу влияния на мировых рынках, острее всего должна была бы проявиться не между Англией и Германией, а между Англией и Соединенными Штатами. На самом деле этого не случилось, и мы тут лишний раз видим, как неправильно истолковывать ход исторических событий во всех его деталях из одних экономических отношений ¹⁾. Экономическое развитие,

¹⁾ Ср. Юлиан Борхардт. Исторический материализм, 2-е изд., Берлин, Э. Лауб, 1922, особ. гл. 3, 4 и 5 (нем. изд.).

процесс которого мы пытались здесь изложить, приводило с неизбежностью к тяжелым конфликтам и потрясениям. Но развитие этих конфликтов, форма их проявления, в виде революций или войны, и форма самой войны, как войны между отдельными державами или всеобщей мировой бойни, а также отношение между Англией и Германией и отношение обеих этих стран к Соединенным Штатам,—все это, а также многие другие частности, как, например, ход и исход войны, зависели не только от экономического развития, но и от многих других обстоятельств, из которых в особенности следует упомянуть следующие: степень духовной зрелости пролетариата в данных странах, умелость или неумелость дипломатии и, наконец, личность отдельных военных и политических вождей.

Г. Политические последствия экономического развития.

Начало мировой войны.

Со времени заключения Версальского мира в 1919 году относительно тех событий, которые повели непосредственно к возникновению мировой войны, опубликовано такое множество документов, что в настоящее время мы имеем полное представление обо всех частностях этих событий. Мы знакомы в настоящее время почти со всеми отдельными мероприятиями дипломатии в различных странах и можем поэтому составить себе основательное суждение относительно вины или невинности каждого из этих дипломатов.

Но нас интересует тут не вопрос о вине, а вопрос о причинах войны. Это две совершенно различные вещи. Когда речь идет о причинах войны, то большинство представляет себе дело так, что необходимо найти того злодея, который заварил всю кашу. Уже в течение первых недель войны, с одной стороны, тут выступали сторонники тогдашнего германского правительства, как, например, социал-демократический депутат Шейдемана, и пытались доказать, что лишь одни дипломаты противной стороны виновны в возникновении войны. «Главная вина в теперешней войне лежит на России»,—писал Шейдеман 21 августа 1914 года в «Нью-Йоркской Народной Газете». Дело в том, что царь, который вел переговоры с германским императором, несмотря на это, одновременно вооружался не только против Австрии, но и против Германии. Тяжелая вина лежит также

на государственных людях республиканской Франции, ибо они заключили несчастный договор «о союзе во что бы то ни стало с русским абсолютизмом». Еще более серьезные обвинения выдвигает Шейдеман против Англии, разумея под этим английское правительство; Англия не была связана никаким договором, но она «завидовала экономическому развитию нашей страны» и искала поэтому лишь повода, чтобы объявить нам войну.

В противовес этим обвинениям еще в течение войны раздавались другие голоса, которые возлагали, как раз наоборот, всю вину на германских дипломатов. В этом духе написана известная книга князя Лихновского ¹⁾, которая изображает, как автор книги в качестве германского посла в Лондоне прилагал все усилия к тому, чтобы установить длительные дружественные отношения между Германией и Англией, и как все эти его усилия совершенно парализовались берлинским правительством, которое совершенно не желало никаких дружественных отношений с Англией. В конце книги Лихновский сопоставляет те отдельные мероприятия германского правительства в период от середины до конца июля 1914 года, которые имели целью помешать мирному исходу переговоров и должны были сделать войну неизбежной.

То же самое, но с большей подробностью, доказывает вышедшая в 1915 году анонимно в Швейцарии книга «J'accuse» ²⁾, при чем эта книга главным образом дает юридическую мотивировку. Подобно обвинительной речи прокурора книга эта стремится на основании официальных и иных документов показать, что германское правительство совершенно сознательно и с умыслом вызвало войну. После войны Карл Каутский опубликовал на основании архива германского министерства иностранных дел обширный материал, который должен доказать то же самое ³⁾.

Тут не место исследовать правильность и ценность всех этих доказательств. Достаточно указать на то, что желание тогдашнего германского правительства вызвать немедленно войну становится совершенно явным хотя бы из речей имперского канцлера Бетман-Гольвега, точно так же, как и из официальной гер-

---

1) «Meine Londoner Mission 1912—1914», Verlag «Neues Vaterland», Berlin.

2) «J'accuse» («Я обвиняю»). Написано немцем. Lausanne, Payot et Co, 1915; 373 стр.—на немецком языке.

3) Karl Kautsky, Wie der Weltkrieg entstand, Berlin, Paul Cassirer, 1919, 182 стр.

манской Белой книги, появившейся в августе 1914 года. Но тем самым тема эта еще далеко не исчерпана. Перед нами возникает гораздо более важный вопрос, почему же германское правительство с таким упорством желало войны? Ведь нельзя, как это делает, например, кн. Лихновский, довольствоваться тем, чтобы предположить у германских властителей особенное желание подраться, другими словами, предположить, что они, так сказать, начали войну по чистой злобе. Относительно Бетман-Гольвега это во всяком случае неверно, так как его политические противники обвиняют его как раз в чрезмерной боязливости и в отсутствии решительности. Его поведение объясняется, несомненно, какими-то дипломатическими мотивами, и именно эти мотивы нам нужно отыскать и установить.

Еще в настоящее время, пожалуй, найдется лишь очень немного людей, которые в состоянии припомнить страшные события последней июльской недели 1914 года и при этом отказаться от естественного предрасположения в пользу той или другой стороны. Но если все же попытаться это сделать, если мы попробуем с объективным спокойствием стоящего над событиями и беспристрастного историка разобраться в дипломатических документах, то мы увидим, что дипломаты каждой страны уверяли в то время: мы-то хотим предотвратить войну, но наши противники не желают этого. С какой бы осторожностью, следуя предостережению Талейрана, мы ни относились к словам дипломатов, все же из них можно вывести одно, что дипломаты ни одной страны не доверяли мирным стремлениям дипломатов другой страны. В этом-то и лежит проклятие всякого преступления. Для дипломатов язык служит для того, чтобы скрывать свои мысли. Вследствие этого ни один дипломат не верит словам другого, но пытается отыскать в них какой-то скрытый смысл. К каким роковым последствиям может повести такое настроение, напоминают нам аналогичные события в июле 1870 года.

В то время прусский король показал большую уступчивость в вопросе об испанском престолонаследии. И принц Зигмарингенский 12 июля окончательно отказался от испанского престола. Французская дипломатия, таким образом, достигла решительно всего, чего она желала. И с точки зрения обыкновенного человеческого рассудка она должна была быть весьма довольной своим успехом и могла бы почтить на лаврах. Вместо этого французский министр иностранных дел герцог де-Грамон

послал специального посланника к королю Вильгельму в Эмс для того, чтобы поставить новое совершенно бессмысленное требование и тем самым запутать опять все дело и провоцировать войну. Зачем же все это было сделано? А просто потому, что г. де-Грамон рассматривал поведение короля глазами дипломата, вместо того, чтобы радоваться его уступчивости, он удивлялся ей и видел в этой уступчивости лишь признак слабости. Он предполагал, что король желает избегнуть войны лишь в настоящий момент, так как Пруссия еще не закончила свое вооружение; король, по мнению де-Грамона, желал выиграть время для вооружения. Поэтому, рассуждал де-Грамон, для Франции как раз наступил благоприятный момент для начала войны, тем более что военный министр уверил его в том, что французская армия «готова до последней пуговицы»¹⁾.

Но положение на другой стороне было совершенно аналогично. Когда Бисмарк получил известную эмскую депешу короля, он осведомился у Мольтке, готова ли прусская армия к немедленной войне. Получив положительный ответ, он произвел над депешей знаменитую операцию и опубликовал ее вслед за тем, чем сделал войну неизбежной. Ибо, по собственному признанию Бисмарка, «положение было тогда для нас чрезвычайно благоприятно... и так как нам было совершенно ясно, что конфликт с Францией неизбежен, мы считали этот момент чрезвычайно подходящим для нашего удара»²⁾.

События в июле 1914 года развивались приблизительно аналогичным образом. Вспомним, как большинство из участвовавших в переговорах правительств, в особенности английское правительство, изо дня в день делало предложения, направленные к улажению конфликта, к созыву конференции и так далее. Но все эти предложения на другой стороне попадали к дипломатам, которые хорошо сознавали, что все эти предложения исходят от дипломатов же. Таким образом, вероятно, ни одно из этих предложений не принималось всерьез, но каждое из них рассматривалось как маневр для того, чтобы выиграть время для дальнейших вооружений.

---

1) Ср. изображение хода событий у французского историка Ш. Сеньобоса в его «Политической истории современной Европы»: «Грамон был убежден в том, что прусский король нарочно затягивает переговоры, чтобы выиграть время для подготовки войны...».

2) «Neue Freie Presse», Wien 20 Sept. 1892. Bismark, Gedanken und Erinnerungen.

Тем самым полностью объясняется и тот факт, который пацифистам, как Лихновскому и Каутскому, представляется наиболее изумительным и дает им повод к самым тяжелым обвинениям: чем больше английское правительство старалось предотвратить войну, тем более германское правительство укреплялось в своем убеждении, что война как раз в настоящий момент неудобна для его противников, так как они еще не закончили свои вооружения.

Что именно такова была точка зрения германского правительства, у нас имеются, кроме того, прямые доказательства, которые отчасти были уже опубликованы во время самой войны.

Уже в сентябре 1914 г., например, «*Konservative Monatsschrift*» опубликовала статью о мировой войне, в которой говорилось: «Как тридцатилетняя война началась не из-за богемской короны, как война 1866 года началась не из-за Шлезвиг-Гольштинии, а война 1870—1871 г.г. не из-за кандидатуры Гогенцоллернов на испанский престол, так и эта война возгорелась не из-за убийства в Сараево. Если бы несчастный Франц-Фердинанд избежал сербских бомб, он вынужден был бы все равно через несколько лет во главе своих австро-венгерских народов начать поход против востока и юга, тот поход, который в настоящее время на склоне своих лет ведет его маститый дядя. Роль, которая принадлежит кровавой драме, разыгравшейся на улицах боснийской столицы, в общей игре мировых событий заключается лишь в том, что она подобно молнии зажгла европейский пороховой погреб, который все равно раньше или позже был бы взорван медленно тлеющим пороховым шнуром. И мы рассматриваем это как глубокую этическую справедливость, что этот преждевременный взрыв нанес убийцам и их пособникам германского, романского и славянского племен несомненный ущерб, а может быть, является и началом их гибели».

Еще гораздо более ясно высказался П. Рорбах в своей опубликованной приблизительно около того же времени брошюре «Почему эта война является германской войной»: «Нападение на Германию и Австрию было условлено между французским и русским генеральными штабами, как можно предположить, на начало или на первую половину 1916 года. Мы были об этом осведомлены. По человеческому разумению у нас не было сил избежать этого нападения. Мы могли только продолжать наше вооружение, но мы этим не могли изменить того факта, что продолжающееся вооружение наших противников перевешивало чашку весов в их пользу, и что

мы не могли компенсировать этого перевеса никакими мерами с нашей стороны. Правда, французская армия имела еще ружье, которое уступало нашему, но она была накануне того, чтобы ввести в употребление автоматическое многозарядное ружье, которое, возможно, совершенно устранило бы наше преимущество. Французская артиллерия не имела еще тяжелых полевых орудий, но она могла запастись ими до 1916 г. Большая часть французских крепостей не была еще обновлена, но все эти крепости стояли накануне коренной перестройки. В России формирование громадных мирных кадров не было еще вполне проведено, но с каждым месяцем Россия все больше придвигалась к этой цели... На самом деле нам так же, как и Австро-Венгрии, приходилось выбирать не между войной и миром, а между войною сегодня или войною через год или два, которая была бы для нас бесконечно опаснее».

Мы должны сказать, что мы отнюдь не хотим высказаться тут относительно того, был ли этот взгляд правилен или неверен. Мы хотим лишь установить, что этот взгляд господствовал в консервативных кругах Германии, к которым принадлежало и правительство Бетман-Гольвега. Но прежде всего этот взгляд разделялся решающими военными факторами. Подполковник Фробениус вычисляет в своей появившейся в мае 1914 года брошюре «Des Deutschen Reiches Schicksalsstunde» ¹⁾, что, благодаря изменению русского закона о составе армии, последняя, имевшая летом 1914 года всего 1.017.000 солдат в Европе, уже к зиме того же года увеличила бы этот состав до 1.337.000 (стр. 62): таким образом русская армия в начале войны находилась в периоде переформирования, которое значительно ее ослабляло. Что касается Франции, то там дело обстояло еще хуже: «там в армии вводилась трехлетняя служба, при чем реформа эта проводилась своеобразным образом, что не могло не отразиться на положении армии в ближайшие годы. Так как служившие уже второй год и родившиеся в 1890 году солдаты решительно отказывались оставаться еще один год на военной службе, и это их нежелание выразилось уже в целом ряде резких конфликтов и даже бунтов, то военное министерство решилось отпустить этот год осенью 1913 года и вместо него призвать два новых года, а именно, родившихся в 1892 и 1893 г.г. Вследствие этого приходилось обучать одновременно два солдатских набора

---

¹⁾ Verlag Karl Curtius, Berlin W. 35.

при помощи отслуживших уже один год солдат, и это обстоятельство создавало для французской армии большие возможности вступить немедленно в войну».

Напротив, после проведения трехлетней военной службы Франция, по мнению Фробениуса, была бы совершенно готова к войне, и так как это бремя трехлетней военной службы было бы очень тяжело, то Франция, естественно, стремилась бы к скорейшему началу войны: «поэтому ближайшим последствием военных реформ Франции явилось ее стремление во всяком случае начать войну против Германии в 1915 или 1916 году» (стр. 74).

Это лишь одно из многих мнений военных людей того времени, которые все приблизительно высказывали те же взгляды, и поэтому мы не вполне понимаем, почему ввиду таких открыто высказанных уже в 1914 году мнений Каутский еще в 1919 г. с большими усилиями старается собрать доказательства того, что германское и австрийское правительства в то время действительно желали войны. Дело ведь в том, что представители этих обоих правительств совершенно определенно высказали это в своих официальных документах.

Согласно обычным представлениям, именно австрийское правительство было тем «забиякой», который заварил кашу. Именно это правительство поставило Сербии пресловутый ультиматум 23 июля 1914 года, который с большим искусством был составлен так, чтобы сделать его заведомо неприемлемым для Сербии; и когда, против всякого ожидания, сербы все-таки проявили склонность уступить, Австрия все-таки объявила им войну. Как объясняет этот факт австрийское правительство в своих официальных документах?

Обращаясь к опубликованной в августе 1914 года Красной книге австрийского правительства, мы читаем там в самом начале следующее: «С тех пор как династия Карагеоргиевичей вступила на сербский престол, Сербское королевство постоянно преследовало цель разложить путем враждебной пропаганды и революционных интриг населенные южными славянами области Австро-Венгерской монархии с тем, чтобы при благоприятном для осуществления великосербских планов мировом положении оторвать эти области от Австро-Венгрии».

Тут с неоставляющей никаких сомнений ясностью указаны действительные мотивы для поведения австрийского правительства. Это правительство рассматривало убийство наследника престола, последовавшее 28 июня 1914 года в Сараево, не в ка-

честве единичного преступления, но лишь как звено в длинной цепи политических интриг, которые, по мнению австрийских государственных людей, исходили от сербского правительства и которые имели целью оторвать значительные области от австрийского государства. Само собою разумеется, что мы здесь не желаем высказать никакого суждения о том, было ли правильно это мнение австрийского правительства. Мы желаем здесь лишь знать, по каким мотивам оно действовало, а не правильны ли были эти мотивы. Но для дальнейшего хода наших рассуждений нам отчасти необходимо знать, как австрийское правительство пришло к своему взгляду.

Конфликт между Австрией и Сербией.

Из пяти наций, населяющих в настоящее время Балканский полуостров и сбросивших между 1814 и 1912 г.г. турецкое владычество, а именно греков, албанцев, сербов, болгар и румын—сербы, если верить данным их собственного статистика, являются несомненно самыми многочисленными. Число их достигает 10 миллионов. Но из этого числа до мировой войны лишь небольшая часть, именно $3\frac{1}{2}$ миллиона, жила в самостоятельном Сербском королевстве. Черногория, также чисто сербская страна, имела всего $\frac{1}{4}$ миллиона жителей. Еще $\frac{1}{4}$ миллиона проживало в Македонии, но самая главная масса сербского народа, около 6 миллионов, жила в государствах Габсбургской монархии, а именно в Истрии, Далмации, Южной Венгрии, Кroatии, Боснии и Герцеговине. Но в то время, как в Истрии, Далмации и Венгрии сербы (около $1\frac{1}{2}$ миллиона) были смешаны с прочим населением, в Боснии и Герцеговине—опять-таки по данным сербских националистов—проживало почти чисто сербское население.

Эти данные оспариваются другой стороной, но совершенно излишне подвергать их более основательной проверке; ибо на разгоряченные националистической агитацией умы лишь весьма слабое впечатление производят арифметические операции; им, в сущности говоря, все равно, идет ли речь о десяти или о пяти миллионах. Они все-таки остаются при своей вере, которая льстит их тайным надеждам. Нетрудно установить, какая грандиозная цель представлялась сербским националистам в их мечтах. Болгария имела всего 5 миллионов жителей, Греция всего 3 миллиона, и даже самое сильное балканское государство, Румыния, все же имело менее 6 миллионов жителей. Сербская фантазия увлекалась

грандиозным планом объединить всех говорящих по-сербски обитателей Балканского полуострова и таким образом создать единое государство с 10 миллионами жителей, которое оставило бы далеко за флагом все остальные балканские государства и смогло бы играть роль солидной средней державы. Само собою разумеется, что к этим мотивам национального тщеславия присоединялись еще экономические интересы. Единая находящаяся под одним и тем же государственным управлением область, населенная 10 миллионами жителей, принадлежащих к одной национальности и говорящих на одном языке, создает, понятно, совершенно иные экономические возможности, чем маленькое государство с 3 миллионами жителей.

Надо впрочем сказать, что планы сербов не простирались столь далеко, они ограничивались пока Боснией и Герцеговиной, тем более, что обе эти провинции находились в совершенно особом положении. До конца 70-х годов обе эти области считались еще турецкими провинциями и лежали на границе между Турцией и Австро-Венгрией. В 1875 году в Герцеговине и Боснии разразилось восстание против турецкого владычества, к которому в 1876 году присоединилась и Сербия. Султану удалось было справиться с этим восстанием, но тут вмешалась Россия. После войны 1877—1878 годов Сербия была объявлена независимой. Обе провинции, однако, Босния и Герцеговина, остались под турецким владычеством, но там было введено австрийское управление. Австрийское правительство взяло на себя формально лишь задачу восстановить в обеих провинциях «именем султана» порядок. Но тут начались конфликты между Австрией и Сербией; дело в том, что сербы надеялись оторвать сразу все сербские провинции от Турции и объединить их в одно самостоятельное государство. Оккупация обеих провинций австрийской армией нанесла удар этим расчетам. 30 лет спустя, в 1908 году, австрийское правительство воспользовалось младотурецкой революцией, чтобы превратить «оккупацию» в «аннексию»,—другими словами, Босния и Герцеговина были включены в состав Австро-Венгрии. С этого времени всякое стремление оторвать обе эти провинции рассматривалось как государственная измена в отношении Австро-Венгрии, точно так же, как до 1908 года такое стремление рассматривалось как такая же государственная измена в отношении Турции.

Тот, кто знает весь ход этих событий, тот охотно поверит и австрийскому и германскому правительствам, что сербы стремились к «отрыву юго-восточных областей императорской и ко-

ролевской монархии», т.-е. Боснии и Герцеговины, и что сербские заговоры и пропаганда были направлены к этой цели. Точно так же не нуждается в особом доказательстве тот факт, что австрийское правительство всеми силами боролось против этих тенденций. Правда, это противодействие отнюдь не могло быть мотивировано соображениями высшей нравственности. Ибо если сербы стремились оторвать обе эти провинции от Австрии, то это является столь же нравственным или безнравственным, как и в свое время произведенная Австрией аннексия этих провинций от Турции. Существенными являются тут, понятно, мотивы самосохранения; ибо, во-первых, было совершенно ясно, что дело отнюдь не может ограничиться одними южными провинциями. Ведь и Кroatия и Славония точно так же рассматривались сербскими националистами как чисто сербские области, они насчитывали там почти 3 миллиона сербского населения. Если бы поэтому сербам удалось оторвать от Австро-Венгерской монархии Боснию и Герцеговину и тем самым увеличить значительно свою государственную мощь, то не подлежало никакому сомнению, что они вслед за тем обратили бы свое внимание сначала на Кroatию и Славонию, а затем, вероятно, и на Далмацию и Истрию. Само собою разумеется, что тем самым началось бы постепенное разложение Габсбургской монархии, и при этом тут вовсе не приходится говорить о какой-нибудь особенной низости или о жажде завоеваний со стороны сербов. Ведь стремление к образованию национального государства более или менее присуще всем народам. Но достаточно лишь взглянуть на географическую карту, чтобы понять, что означало бы для Австрии образование на ее южной границе единого крупного сербского государства, образованного к тому же за счет отнятых от монархии провинций.

Но еще большее значение сыграл бы этот дурной пример в дальнейшем. Но на то, что пришлось бы уступить сербам, могли бы с равным правом претендовать и другие многочисленные национальности, населяющие земли Габсбургской короны. Остановимся прежде всего на 3 миллионах румын. Почему им не должно было притти в голову присоединиться к 6 миллионам румын, населяющих соседнее самостоятельное королевство? А 9 миллионов венгерцев, а 8 миллионов чехов, а 11 миллионов немцев? Ведь каждая из этих наций имела уже в то время столько членов, сколько румыны и сербы могли бы приобрести лишь в результате осуществления своих самых грандиозных планов. Не следует при этом забывать, с какой резкостью велась национальная

борьба в самой Австрии. И эта борьба не была результатом какого-нибудь каприза, но возникла совершенно естественно из данного положения вещей. Каждая нация желает и каждая нация должна сохранять свой язык. А отсюда возникают уже все те трудности, которые так часто приписываются одной национальной сварливости. Какой язык должен употребляться на суде, в министерстве, в школе, в армии? Эти вопросы довели борьбу различных австрийских национальностей до точки кипения. Если бы сербам удалось разрешить эти вопросы путем создания собственного великосербского государства, ослабив при этом в значительной степени центральное австрийское правительство, не должно ли было бы это повлиять как разрывная бомба на всю остальную монархию? Не повлияло ли бы это в том направлении, что все остальные национальности пожелали бы аналогичным образом сделаться совершенно самостоятельными?

Но не нужно вовсе предполагать, что центральное венское правительство сопротивлялось распаду государства лишь из чистого себялюбия. Конечно, династия Габсбургов встала бы перед непосредственной опасностью потерять свое великодержавное значение и превратиться в сравнительно незначительную династию, которой бы осталось лишь владычество над 11 миллионами немцев, при чем совершенно не исключено, что это австро-немецкое государство вошло бы в состав Германской империи. Таким образом жизненные интересы династии связаны были с сохранением неприкосновенности всех областей государства. Но всякий беспристрастно мыслящий человек должен признать, что столь же сильные интересы имелись в том же направлении и у большинства жителей австрийских провинций. Мы теперь совершенно ясно видим, и это можно было с большой легкостью предсказать заранее, какую политическую роль будут играть 8 миллионов чехов или 9 миллионов венгров в Европе, если они образуют самостоятельное государство и не будут входить в состав какой-нибудь великой державы. Мы уже не говорим о 4 миллионах поляков, или о 4 миллионах русинов, которые точно так же принадлежали к составу Австрии. А что политическое положение, занимаемое великой державой, связано с несомненными экономическими преимуществами, что житель великой державы может установить свой жизненный обиход на гораздо более высшем уровне, чем обыватель среднего или мелкого государства,—это не требует никакого особого доказательства.

Таким образом беспристрастный анализ показывает нам, что

между Сербией и Австрией стояли действительно диаметрально противоположные интересы, которые никак нельзя было примирить между собою. И именно эти интересы, а вовсе не злая воля заинтересованных сторон, создавали конфликт. Но как могло произойти, что этот конфликт интересов, который все же разыгрывался «где-то там, в Турции», мог повести к такому грандиозному мировому пожару?

Мотивы германского правительства.

Германское правительство точно так же уже в августе 1914 г. с полной ясностью изложило мотивы своего поведения в опубликованной им Белой книге. Точно так же уже на первых страницах мы читаем там о «направленных против неприкосновенности Австро-Венгерской монархии стремлениях сербской политики... Конечной целью этой политики было постепенное революционизирование и в конечном счете отрыв юго-восточных областей Австро-Венгерской монархии и их объединение с Сербией».

Германское правительство, следовательно, разделяло убеждение австрийского правительства в том, что сербская политика была направлена на расчленение и ослабление Австро-Венгрии. Но почему германское правительство было так задето этим? Почему оно вмешивалось в этот конфликт? Только лишь из побуждений национальной чести, только лишь для того, чтобы не оставить без поддержки своего союзника? Ответ на эти вопросы мы точно так же находим в германской Белой книге. Тут опять имели место соображения своей собственной политики, мотивы самосохранения Германской империи, и именно эти мотивы были решающими. Белая книга говорит по этому поводу следующее: «Если бы мы позволили сербам, опирающимся на помощь России и Франции, продолжать дальше свою политику подкапывания под основы Австро-Венгерской монархии, то это означало бы постепенное распадение Австрии и подчинение всего славянства русскому скипетру... Морально ослабленная и отступающая перед напором русского панславизма Австрия не являлась бы больше для нас союзником, на которого мы могли бы опереться, а именно в таком союзнике нуждались мы ввиду все более угрожающего поведения наших восточных и западных соседей».

Германское правительство, следовательно, заботилось о том, чтобы сохранить сильного союзника, необходимого ему для тех будущих конфликтов, которые оно считало неизбежными.

Таким образом мы сделали тут еще один шаг. Какого рода были эти конфликты, ожидаемые германским правительством, и почему оно так не сомневалось в их наступлении? Но и тут опять-таки мы не должны вступать на неправильный путь. Мы знаем от Фробениуса и других, что германские военные авторитеты ожидали на основании технического состояния обоюдных вооружений, что года через два последует нападение со стороны России и Франции, но не это соображение тут важно, ибо это соображение указывает нам лишь на то, когда они ожидали этого нападения, а не почему вообще они его ожидали. Нападение являлось необходимым и неизбежным следствием вооружения, но почему происходили самые эти вооружения? Очевидно, обе стороны сознавали какое-то внутреннее противоречие интересов, которое не поддавалось какому-либо примирению. Война должна была,—по крайней мере для дипломатов и для тех людей, которые могли знать, что происходило за кулисами,—так сказать, «висеть в воздухе», как это было перед 1870 годом.

Вот именно эти скрытые, невидимые с первого взгляда противоречия интересов и должны послужить предметом нашего исследования, если мы желаем установить причины мировой войны. Откуда происходило это напряжение, которое чувствовалось между правительствами, в чем было его содержание?

Противоречие интересов в мировом масштабе между Англией и Германией существовало уже задолго до войны и проявлялось по самым различным поводам. Обычно эту противоположность интересов сводят к простому торговому соперничеству. В Германии говорят об «английской торговой зависти» и предполагают, что именно эта зависть была наиболее серьезной причиной войны. Но этому противоречит то соотношение между обеими странами на мировых рынках, на которое указывают приведенные нами цифры. Выше мы показали, что хотя в течение последних 13 лет перед войной германский вывоз относительно возрос сильнее, чем английский, но, несмотря на это, Англия отнюдь не вытеснялась этим с мировых рынков. Напротив, и английская торговля значительно возросла за это время. (Мы напомним здесь эти цифры: за вычетом вздорожания германский вывоз возрос с 1900 по 1913 г. с 4.100 до 7.700 миллионов марок, а английский с 5.100 до 8.100.)

Представим себе следующее. Из года в год английский вывоз возрастает. Это означает расцвет конъюнктуры, высокую и все возрастающую прибыль. В общем, экспорт возрос на 60%. И вот

при таком положении «англичане», т. е. большая масса английского народа, деловые люди, средний класс, рабочие должны были кому-то «завидовать»! При таких-то условиях они должны были затаить в себе желание схватить при первой возможности германскую конкуренцию за глотку! Они должны были чувствовать, что их «вытесняют» с мировых рынков, в то время как ведь их доля в мировой торговле весьма заметным образом возрастала из года в год! Англичане должны были—не говоря уже о колоссальной моральной вине—взять на себя громадный риск мировой войны лишь из-за того, что германский экспорт возрастал несколько быстрее, чем их собственный! Ибо именно на этом маленьком различии в темпе роста ведь и основана вся аргументация. Прирост германского экспорта составляет 87%, а английского—всего 60%. Можно ли себе представить, что масса английского народа действительно замечала это?

Но здесь возможно такое возражение: речь идет не обо всем экспорте, а лишь о рынках сбыта в колониальные и полуколониальные страны, а в этой области германская торговля развивалась значительно быстрее. Это возражение правильно, гораздо более правильно, чем думают сами возражающие. Борьба за колониальные рынки сбыта является действительно первопричиной мировой войны. Но, конечно, не в том смысле, как это понимают «патриоты», т. е. в смысле плоской теории о драке между двумя разносчиками Мюллером и Шульце, которые имеют свои лотки на одной и той же улице и с затаенной злобой считают клиентов, подходящих к другому лотку, пока, наконец, на сердце у них не накопится столько злобы, что они бросаются с кулаками друг на друга. Для этой замечательной теории, объясняющей вражду Англии по отношению к Германии, развитие колониальной торговли не дает никакого подтверждения.

Сопоставим просто цифры между собою. Ежегодно вывозилось в колонии и полуколониальные страны:

	Из Германии	Из Англии
	(в миллионах марок)	
Около 1900 г.	627	2.310
» 1911—1913 г.г.	1.501	4.075
Прирост, принимая во внимание более высокие цены	1.270	3.375

Конечно, если взять в руки карандаш и процентные таблицы, то можно установить, что германская колониальная торговля воз-

росла на 103%, а английская всего на 46%. Но кто же так считает? Только статистик и политик; и последний только в том случае, если он преследует определенные политические цели. Масса же обывателей, деловые люди, рабочие сознают только, что вывоз растет из года в год. В частности, англичане не имели никакого основания завидовать германской колониальной торговле, так как, несмотря на все великолепные процентные вычисления, все же английский экспорт в колонии имел громадное преимущество и не только не потерял это преимущество, а даже увеличил его! Около 1900 года это английское преимущество составляло 1.680 миллионов марок, а около 1913 г.—2.100 миллионов марок. И кроме того мы отлично знаем, что германская колониальная торговля находилась в особом положении. Германские колонии не представляли особой ценности. То, что они ввозили из товаров, шло главным образом на потребление незначительного количества белых, преимущественно чиновников. Поскольку же германский колониальный экспорт имел известную ценность, то он главным образом направлялся в английские колонии! Если бы англичане завидовали этому, то они могли бы попросту устранить этот ввоз, если же они об этом даже не думали, то именно потому, что они нуждались в германском ввозе, хотя бы ради того экспорта, который из колоний направлялся в Германию.

Действительные основы политических разногласий между Англией и Германией могут быть легко выяснены при исследовании хода политических событий, в особенности перипетий мировой политики за последнее время. Этому вопросу посвящены к тому же превосходные работы. Обратимся, например, к опубликованной в 1912 году брошюре Карла Радека 1) «Германский империализм и рабочий класс». Там мы находим (в главе «Мировое положение и противоречия германских и английских интересов») анализ всех отдельных конфликтов мировой политики, в которые вмешивалось германское правительство за последние 10 лет (до 1911 года), а именно, в Турции, в Северной Африке, в Южной Америке и в Восточной Азии. Эта «политика вмешательства во все мировые конфликты» приводила естественно к конфликтам Германии с Францией, с Россией, с Америкой и т. д., и именно эта политика и создала противоположность между Германией и Англией. Радек пишет по этому поводу (стр. 39 и сл.):

---

1) Bremen 1912. Verlag Bremener Bürgerzeitung. Перепечатан в книге: «В рядах германской революции», Мюнхен 1921, Изд. Kurt Wolff.

«Английские интересы страдают под влиянием усиления общих империалистических тенденций. До 80-х годов английская промышленность господствовала на мировых рынках, а английский флот—на всех мировых торговых путях. Правда, Англии угрожало в Азии распространение влияния России, а в Северной Африке—французский империализм, но ни один из этих противников не представлял действительной опасности для Англии. Основы русской экспансии, основы господства русской феодальной бюрократии, интересы которой составляли главную движущую силу этих устремлений русского империализма, подтачивались самим ходом социального развития: капитализм разлагал социальное спокойствие царской империи, а именно это социальное спокойствие и было основой завоевательной политики царизма. Хотя царизм иногда именно для того, чтобы потушить внутренние волнения, бросался с большей активностью в заграничные авантюры, все же эти внутренние волнения все более подтачивали тот сук, на котором он сидел. Отсутствие русского флота еще больше уменьшало эту опасность, а когда Россия занялась, наконец, постройкой большого флота, то одновременно возникла та могучая сила, которая должна была снять с Англии заботу об исходе англо-русского конфликта. Мы говорим о современной Японии. Колониальные же конфликты с Францией не представляли для Англии, ввиду слабого роста населения и медленного темпа экономического развития этой страны, большой опасности, хотя не раз тут возникали довольно серьезные недоразумения. В германском же империализме Англия нашла противника, с которым приходилось серьезно считаться. Германская промышленная экспансия угрожала английскому капиталу, так сказать, в его собственном доме, что было для него тем опаснее, что он уже перешагнул вершину своего развития и в области применения в промышленности новых научных методов уже не находился более на высоте нашей эпохи. К этому присоединялся процесс брожения в Британской мировой империи, отдельные части которой, как Южная Африка, Австралия, Канада, вступили на путь самостоятельного экономического развития, дальнейший ход которого мог представлять угрозу для английского капитала. Все эти географически разбросанные колонии могли быть привязаны к метрополии лишь путем одинаковых и значительных экономических и политических интересов. Но эти связи, понятно, ослаблялись возникновением собственной промышленности в колониях. Английская буржуазия прекрасно сознает эти тенденции, направленные к разрушению Британской мировой

империи, и она пытается найти новые формы отношений к колониям, которые могли бы устранить эту опасность. Мало-помалу пролагает себе дорогу идея таможенного объединения Британской империи, а также более тесного союза между колониями метрополии на почве общих парламентских учреждений. Сюда же относится идея об организации существующего на общие средства флота. Но все эти тенденции наталкиваются на серьезное противодействие со стороны самой же английской торговой буржуазии, которая никак не может отказаться от своего старого лозунга: «Моя мастерская—это есть мир», а также на противодействия и в самих колониях. Должны еще пройти годы кризисов и всевозможных трений, пока идея английского империализма осуществится в какой-либо реальной форме, если вообще этой идее суждено когда-либо осуществиться, что чрезвычайно сомнительно, ввиду значительных социальных и географических различий между Англией и ее колониями, и тут возникает вопрос: не воспользуется ли жадная до новых завоеваний империалистическая держава, как Германия, этим опасным переходным временем, для того, чтобы за счет английского мирового владычества или же за счет других более слабых государств завоевать себе такое положение в мире, которое могло бы впоследствии угрожать английскому могуществу? Вряд ли можно было опасаться нападения на наиболее культурные, населенные белыми английские колонии, так как ни Канада ни Австралия никогда бы не снесли чужеземного господства. Но возможность распространения германского влияния на африканские и азиатские владения Англии и других более слабых колониальных держав, как Голландия, Бельгия, Португалия, была вовсе не исключена. Но уже использование различных затруднений в Британской колониальной империи для завоевания опорных пунктов и морских баз на тех путях, на которых до сих пор господствовала почти безраздельно Англия, представляет собою уже само по себе значительную угрозу для мирового положения Англии. Во время бурской войны Германия оставалась нейтральной, она удовлетворилась векселем на африканские колонии Португалии и предоставлением ей полной свободы действий в Китае. Но в эту эпоху германский флот находился еще в зачаточном состоянии. В дальнейшем германский империализм мог стать еще значительно опаснее для английского».

Таким образом противоположность интересов Германии и Англии, вносящая такую напряженность в международные отноше-

ния и заключающая в себе непосредственную угрозу войны, была обусловлена тем фактом, что германское правительство с удивительной последовательностью и настойчивостью вмешивалось во все решительно мировые конфликты. Почему же германское правительство вело такую политику? Не могло ли оно отказаться от нее в целях сохранения мира?

Нет, оно этого не могло сделать, ибо интересы германского капитала властно требовали вмешательства во все мировые события, и именно этой цели должен был служить германский флот. По этому поводу Радек пишет следующее (стр. 34 и сл. нем. изд.):

«Германский флот».

«Германский империализм вынужден был сам создать себе свое морское сооружение. Его континентальное могущество, опиравшееся на самую сильную в Европе армию, не было достаточным для осуществления его целей, так как речь шла именно о проведении своего влияния в областях, которые никак не могли быть достигнуты сухопутным путем. Эта задача флота вытекает прямо из сущности империалистической политики и, в частности, из положения германского империализма. Пока Германия обладала лишь несколькими колониями, ей совершенно достаточно было тех крейсеров, которыми обладал маленький германский флот, возникший из старой прусской береговой обороны. Эти крейсера служили для морских демонстраций, которые должны были воочию доказать немецким молодым колониям могущество Германской империи; они могли быть также пущены в ход для оказания давления на те маленькие державы, которые позволяли себе иногда несколько непочтительно обходиться с германскими гражданами. Со времени изобретения торпед, германские морские круги считали вообще большие боевые суда совершенно ненужной роскошью. Но это настроение коренным образом изменилось, когда германское правительство и буржуазия убедили себя в том, что мир находится накануне нового раздела. Само собою разумеется, теперь береговая охрана и крейсера представляются недостаточными. Если германский империализм желает быть принятым во внимание при возможном разделе Китая или Турции, то он должен обладать средствами для того, чтобы показать другим державам, что без него наследство не может быть разделено. Германский боевой флот, состоящий из броненосцев и могущий в самых отдаленных морях подкрепить влияние германского капитала, должен был, сле-

довательно, в первую голову доставить германскому империализму влияние в совете старых империалистических держав. Тут возможны были два случая. В мирное время речь могла идти о взаимной торговле маленькими народами, в военное время дело шло уже о совместном с другими империалистическими государствами грабеже. И, наконец, имелось в виду и открытое столкновение на морях, если более старые империалистические державы попытались бы помешать завоевательным стремлениям молодого германского империализма. Эту последнюю задачу внесенный в 1899 г. законопроект о флоте выражает кратко следующим образом: «Германский боевой флот должен быть настолько силен, чтобы война с Германией даже для наиболее сильного на море противника была бы соединена с такими опасностями, которые угрожали бы всему его могуществу.

«Именно эти задачи германского флота диктовали план его организации, и эти же задачи повели Германию на тот опасный путь, избежать кот. уже было не в силах германского империализма...

«Сказанное достаточно характеризует характер германского флота: он является орудием нападения германского империализма, средством достижения его целей. Вопрос о том, против кого будет направлен этот флот, будет зависеть, понятно, уже от обстоятельств. Сегодня этот флот может помогать Турции против Англии, завтра он совместно с другими эскадрами может быть направлен против той же Турции. Германский империализм не породил, конечно, острой опасности войны, но сама его наличность, так же как и существование германского флота, создаёт опасность того, что Германия будет вмешиваться во все конфликты, из которых и может возникнуть в конце концов мировой пожар...

«Германский флот мог бы, понятно, во время войны послужить и средством обороны, но это вовсе не является той целью, для которой он был построен. Дух нападения определяет содержание и организацию всех военных сил великих держав. И ничего другого не могло получиться и у того государства, которое слишком поздно вступило в ряды империалистических держав и стремится к тому, чтобы на всех парах догнать своих противников»...

Но если само существование германского флота было настолько опасно, не было ли бы лучше совсем не строить его?

Но и эта постройка флота была необходимостью, от которой германское правительство, ввиду всего предыдущего экономи-

ческого развития, не могло никуда уйти. Это, пожалуй, самый важный пункт. Для того чтобы показать, между прочим, насколько ясно социал-демократия видела эту связь до войны, я хочу тут привести несколько цитат.

В 1908 году, т.е. за 6 лет до начала мировой войны, появилась брошюра известного Парвуса «Капиталистическое производство и пролетариат». Парвус пишет там на стр. 18:

«Борьба за внешние рынки».

«Капиталистическое перепроизводство, а также притекающая отсюда непропорциональность в развитии отдельных средств производства приводят ко все возрастающим затруднениям в сбыте товаров. В первый период капиталистического развития какой-либо страны, когда еще накопление капитала не столь значительно, это противоречие, конечно, проявляется не так остро. Оно не чувствуется с полной силой, пока промышленность имеет еще рядом с собой значительные кадры ремесленников, за счет которых она может распространяться. Капиталистическое перепроизводство обеспечивает себе сбыт, вытесняя мелких производителей. В еще большей степени капиталистическая промышленность создает себе в ту эпоху новые рынки, разрушая натуральное хозяйство в деревне и превращая крестьянина в покупателя и тем самым, правда, в продавца товаров. Самопрялка должна уступить дорогу бумажной прядильне, ручной ткач—ткацкой фабрике и т. д. Но чем более устраняются эти самостоятельные производители, и класс капиталистов видит перед собой одних только рабочих и служащих, которых он должен оплачивать из своей собственной кассы, иные социальные слои, которые, как, напр., врачи, адвокаты, литераторы, которые живут или на счет рабочих или опять-таки на счет тех же капиталистов, и наконец, государство, которое, правда, делает большие расходы, но которое те же капиталисты превращают в средство накопления капитала,— тем более класс капиталистов начинает сознавать, что все большая часть произведенных товаров не может найти себе покупателей внутри страны. Отсюда все более возрастающее стремление к завоеванию внешних рынков. Эта тенденция становится основным принципом капиталистической торговой политики и объявляется главным условием развития каждой промышленной страны.

«Но внутренние рынки отделяются от внешних не

какой-нибудь экономической чертой, а лишь политическими границами. Это ясно хотя бы из того, что всякое изменение государственных границ может превратить внешний рынок во внутренний и наоборот. Вокруг внешних рынков, которые окружают капиталистическую промышленную страну, существуют другие промышленные государства, а также страны, которые еще не так далеко зашли в своем капиталистическом развитии. В этих последних странах вторгающийся извне капитал находит еще крестьянство и тесно связанное с ним ремесло, которые могут быть им вытеснены, что ведет, конечно, к расширению капиталистического рынка. Иногда капитал находит еще в этих странах совершенно примитивные формы производства и социальной структуры, которые он может переделать на свой лад. Таким образом вместе с вторжением капитала на внешний рынок там начинается то же самое развитие, которое сужает для капитала внутренний рынок. Весь этот процесс сводится, в сущности говоря, к тому, что капитал пытается путем территориального распространения рынка уйти от создаваемого им перепроизводства. Но чем глубже и та новая страна, которую капитал пытается превратить в рынок сбыта товара, захватывается капиталистическим развитием, тем более и в ней возникает промышленное перепроизводство, которое, в свою очередь, толкает к расширению рынка. Так к одному промышленному государству присоединяется другое, и между ними возникает ожесточенная борьба за открытие новых рынков и завоевание старых. Политические же границы между отдельными товарными рынками заставляют капитал прибегать в этой борьбе к помощи государства».

Для того чтобы обеспечить себе необходимые для своего распространения пространства, капитал прибегает, следовательно, к государственной власти, т.-е. к армии и флоту. И государственная власть не может отказать ему в помощи. Таким образом экономическое развитие превращается в политику. Экспансия капитала ведет к империализму. Карл Радек описывает этот процесс следующим образом (стр. 12 и сл. нем. изд.):

«Движущие силы империализма».

«Неслыханное развитие капитализма, который во второй половине XIX столетия завоевывает в Европе одну страну за другой, превращает постепенно Северную Америку из аграрной стра-

пы в индустриальную, основывается на росте производительных сил, границы которого неизвестны. Одно техническое изобретение за другим подчиняет все новые и новые силы природы целям производства, и вооруженная таким образом капиталистическая промышленность побеждает на всех фронтах ремесло и крестьянскую промышленность. Она переводит пролетаризованного ремесленника в число своих рабов, присоединяет к нему пролетаризованного крестьянина, искореняет остатки натурального хозяйства и создает себе тем самым внутренний рынок. Капитал триумфирует. Кроме него нет более иного бога на земле, и все силы старого мира подчиняются ему. Но вскоре оказывается, что алтарь капиталистического Ваала стоит на вулкане, и что его жрецы могут в один прекрасный день взлететь на воздух. Производительные силы возрастают быстрее, чем тот рынок, который должен поглотить продукты капиталистической промышленности. А ведь только эта последняя операция превращает произведенную пролетариатом прибавочную ценность в звонкую монету, что и является в конечном счете целью капиталистических вождельний, и возвращает эту ценность в нескораемые шкафы верховных жрецов капитала. Покупательная сила рабочих, которые в поте лица трудятся за ничтожную плату, возрастает весьма слабо, так как, несмотря на всю капиталистическую болтовню, положение рабочего остается все же скверным, если не совершенно безнадежным. Чем большее место в обществе занимает рабочий класс, тем уже становятся границы расширения рынка, пока существует капитализм. Но развитие техники совершенно не считается с этими заботами капитала. Не успело еще какое-нибудь открытие быть достаточно использовано, как появляется уже другое, и горе тому капиталисту, который пользуется старым изобретением: он производит слишком дорого и продает поэтому свои товары с убытком. Колоссально возрастающие производительные силы наводняют рынок товарами, не находящими своего покупателя... Все более наблюдается тенденция производить, так сказать, на-авось, чем больше — тем лучше, так как ввиду растущей конкуренции только увеличенная база производства обеспечивает понижение издержек... Должен поэтому наступить момент, когда начинается застой. Товары не находят сбыта; цены понижаются, а кредит удорожается. Уничтожение колоссальных масс ценностей открывает дорогу для дальнейшего развития производства. Уничтоженные мелкие предприятия, не могшие перенести кризиса, бесконечные страдания рабочих, не могущих найти никакой ра-

боты и голодающих, в то время как промышленность не находит сбыта для своих товаров,—все это доказывает, что в капиталистическом обществе не люди управляют экономическим развитием, а что они сами становятся жертвой слепых сил. Страдания рабочего класса весьма мало заботят капиталистов. Сами же рабочие слишком слабы, несознательны, неорганизованы и рассматривают свои страдания как явления природы или перст божий. Но другие последствия кризиса, которые больно ударяют по капиталистическому карману, заставляют подумать о средствах против них. Капитал пытается создать организацию производства, чтобы избежать перепроизводства, а если это не удастся, то, по крайней мере, поддержать, несмотря на перепроизводство, цены на высоком уровне. Он создает объединения, которые распределяют рынки между отдельными членами, определяют цены и налагают значительные штрафы на тех фабрикантов, которые осмеливаются сбывать свои товары по более дешевым ценам, чем все остальные. Но капиталисты наталкиваются здесь на серьезные препятствия. Какой смысл имеет основание трестов и картелей, если чужой капитал благодаря все более удешевляющемуся транспорту может вторгнуться в сферу влияния этих объединений? Если иностранный капитал имеет возможность вторгнуться на внутренний рынок, тогда основание картелей и трестов было бы лишь средством обеспечения возможности такого вторжения. Поэтому капитал взывает к покровительственным пошлинам, которые должны охранить сферу его эксплуатации—по старой привычке он называет ее отечеством—от вторжения чужих товаров. Но и покровительственная таможенная политика помогает лишь на время. Техническое развитие и все большее накопление капитала толкают на экспансию, на увеличение производства. Но что же делать с продуктами этого производства? Капитал выбрасывает их по дешевым ценам, иногда без всякой прибыли, на внешний рынок. Это дает ему возможность понизить издержки производства, а высокие цены внутри страны вознаграждают его за бесприбыльный сбыт известной части производства на внешних рынках. Но и эта политика картелей не является средством на все времена. Капиталистические классы других стран могут прибегнуть к тем же самым мероприятиям. Они также в состоянии прибегнуть к высокой стене покровительственных пошлин и выбрасывать продукты производительного труда своих рабочих на внешний рынок. Приходится находить другие пути, чтобы обеспечить все возрастающему капиталу большую прибыль. Решение этой проблемы

находят в вывозе капитала. Капиталистические короли дают займы деньгами правительствам менее развитых и менее богатых стран, для того чтобы те были в состоянии организовать по примеру великих держав армии, строить железные дороги и создавать современные администрации. Россия, Балканские страны, южно-американские республики, Турция, Китай,—все эти страны черпают полными пригоршнями из карманов западно-европейского капитала. При этом они дают навязать себе условия, обеспечивающие капиталу невероятные проценты, они обязуются заказывать необходимые им для вооружения армий, для железнодорожного строительства и т. п. товары у своих кредиторов. Таким образом вывезенный капитал возвращается в виде процентов, в виде заказов на товары обратно в карманы того же европейского капитала, тем самым в колоссальных размерах увеличивая его мощь. А для защиты возникших таким образом иностранных интересов капитал обращается к государству. Он с полной уверенностью может рассчитывать на нее.

«Западно-европейские государства, которые проделывали это экономическое развитие, приобрели, однако, за это время иной облик. Вместе с капиталистическим развитием и они сами изменились. Если в прежнее время в них господствовали крупные помещики и династии, которые сами были не чем иным, как самыми крупными помещиками страны, и если эти классы прежде использовали капитал в своих целях, то в настоящее время они являются лишь слугами крупного капитала. Ибо этот капитал—настоящий господин страны. Подавляющая масса населения зависит в настоящее время не от землевладельцев, а от капитала. На принадлежащих ему фабриках работает большинство населения, от капитала зависит государство, ибо без его помощи оно не может поддержать свою машину в движении. Техническое развитие, которое из года в год совершенно преобразует средства производства, получает также решающее влияние и на развитие армии, этого важнейшего орудия господства государства. Старые орудия убийства должны также быстро сменяться новыми, улучшенными и более дорогими, как и все прочие машины, а конкуренция великих держав между собою в этой области еще гораздо острее, чем конкуренция фабрикантов. Современное вооружение требует все больших и больших издержек, а армия сама возрастает столь же быстрым темпом, как и население...

«Стоимость содержания армии и бюрократии становится все

больше и тяжелей, хотя современные государства стараются решительно все обложить налогами; несмотря на то, что они все более и более увеличивают палоговое обложение, все же им приходится прибегать к займам. Государственный долг возрастает, а вместе с ним растет и зависимость правительств от капитала, покрывающего займы. Как ни выгодны эти займы для капитала, он все же из них выжимает гораздо больше, чем простую прибыль: они дают ему власть в государстве. Как бы феодально ни было данное правительство, с каким презрением верхушки бюрократии ни взирали бы на буржуазных выскочек, они все-таки не могут обойтись без них и должны в последнем счете им подчиняться. И капитал вовсе не стесняется в использовании правительства: правительственная власть помогает ему в подавлении рабочего класса. И это же правительство считает своей важнейшей задачей охранять интересы крупного капитала перед более многочисленными, но более слабыми слоями буржуазии. Превращаясь в исполнителя воли капитала внутри страны, капиталистические государства становятся одновременно блюстителем капиталистических интересов во вне... Какие же задачи выполняют в этой области западно-европейские капиталистические государства? Эти задачи зависят от особенностей положения государства-должника и от условий, при которых совершается его закабаление иностранным капиталом. Прежде всего то государство, которое получает заем, должно считать своей священнейшей обязанностью уплачивать с величайшей аккуратностью проценты на чужой капитал, если даже при этом ему приходится пренебрегать всеми обязанностями по отношению к своим собственным подданным. Такое государство не только должно выплачивать чужому капиталу аккуратно проценты, но должно также закупать у него все необходимые товары. И если оно желает поддержать у иностранных капиталистов хорошее настроение, то оно вынуждено сбывать ему природные богатства страны за бесценок. Но не всегда правительство такого полуразвитого государства в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. Растущее налоговое обложение, эксплуатация иностранного капитала, который как зараза распространяется по всей стране и питается ее соками, приводит массы туземного населения, пребывавшего до сих пор в полном спокойствии, в брожение: оно оказывает сопротивление собственному правительству, не уплачивает налогов и восстает, наконец, с оружием в руках. Вот в этот-то момент европейский капитал и начинает бить тревогу: он

требует для своего правительства охраны своих интересов в чужой стране и оккупации последних.

«Или представим себе другую возможность. Капитал внедрился в мало развитую страну. Он дал правительству деньги на ростовщических условиях, и чувствует себя там как дома. При помощи этих денег правительству удалось увеличить свое могущество и укрепить свою позицию по отношению к населению. Оно желает использовать свое положение. Оно уже кое-чему научилось и знает, какие ростовщические проценты оно уплачивает чужим капиталистам. Для того чтобы несколько облегчить это бремя, оно начинает создавать затруднения для иностранного капитала и собирается, по примеру некоторых частных капиталистов, объявить себя банкротом, с тем чтобы получить более выгодные условия платежа. Тогда благородная душа иностранного капитала вновь начинает кипеть негодованием. Он требует от своего правительства, чтобы оно оказало давление на этих мошенников и варваров и доказало им, что цивилизация в первую очередь заключается в выполнении принятых на себя по отношению к иностранному капиталу обязательств. Возможен еще такой случай. Иностраный капитал—ведь это только общее понятие. На самом же деле все эти сделки с правительствами неразвитых стран совершаются различными национальными группами западно-европейского капитала. Германские, английские, французские капиталисты пытаются вложить свои деньги в жаждущие капитала страны, они конкурируют друг с другом и пытаются вытеснить друг друга, и каждая из этих капиталистических групп требует от своего правительства, чтобы оно использовало все свое влияние для проведения их предложений. Данное правительство может указать ищущему займа государству, какие неприятные последствия могут возникнуть из отклонения предложения данной капиталистической группы. Можно при этом указать на свои военные силы и на те услуги, которые правительство капиталистического государства может оказать будущему должнику своих подданных».

Мы желали бы привести здесь также и соображения Розы Люксембург относительно этого важного пункта. Она пишет:

«Тот капиталистический подъем, который начался во вновь конституированной Европе после периода войн 60-х—70-х годов и который достиг после ликвидации долгого периода депрессии, последовавшего за грюндерской горячкой и за крахом 1773 года,

своего кульминационного пункта в конъюнктуре 90-х годов, открыл, как известно, новый период бури и натиска для европейских государств: их экспансию на все некапиталистические страны и области мира. Уже начиная с 80-х годов чувствуется новое и очень энергичное стремление к колониальным завоеваниям. Англия захватывает Египет и создает себе в Южной Африке громадную колониальную деятельность. Франция занимает Тунис в Северной Африке и Тонкин в Восточной Азии; Италия захватывает позиции в Абиссинии, Россия завершает свои завоевания в Средней Азии и укрепляется в Манчжурии. Германия приобретает в Африке и в Тихом океане свои первые колонии, и, наконец, Соединенные Штаты точно также вступают в общий ход и, вместе с присоединением Филиппин, приобретают «сферу влияния» в Восточной Азии. Этот период лихорадочного раздела Африки и Азии, который вызвал непрерывную цепь кровавых войн, начиная с китайско-японской войны 1895 года, заканчивается знаменитым китайским походом и русско-японской войной 1904 года.

«Все эти события, которые следовали беспрерывно друг за другом, создали возможности новых конфликтов повсеместно вне Европы. Между Италией и Францией в Северной Африке, между Францией и Англией в Египте, между Англией и Россией в Центральной Азии, между Россией и Японией в Восточной Азии, между Японией и Англией в Китае, между Соединенными Штатами и Японией в Тихом океане. Одним словом, целый океан колеблющихся острых противоречий и преходящих союзов, приливы и отливы, под влиянием которых через каждые два-три года между европейскими державами готова была разразиться война, которая, однако, каждый раз оттягивалась. Для всех становилось совершенно ясным, что, во-первых, скрытая подземная война всех капиталистических государств против всех на спинах азиатских и африканских народов рано или поздно должна повести к общей потасовке, что посеянный в Африке и Азии ветер разразится когда-нибудь в Европе страшной бурей, тем более, что азиатские и африканские события отражались в Европе все растущими вооружениями. И, во-вторых, что европейская мировая война разразится тогда, когда частные и меняющиеся противоречия между отдельными капиталистическими государствами получат, наконец, ту центральную ось, то преобладающее противоречие, около кот. они временно могли бы сгруппироваться. Такое положение создалось после выступления германского империализма».

Сведем теперь в целое все те соображения, которые до сих пор высказывались. Подробно описанное нами, точно так же как Парвусом, Радеком, Люксембург и др., капиталистическое «производство» принуждало капитал к экспансии,—другими словами, к все растущему экспорту как товаров, так и ищущего приложения капитала в некапиталистические страны. Так как при этом капитал не мог считаться с потребностями этих некапиталистических стран, то применение в той или иной степени силы становилось неизбежным. Поэтому капитал и обращается к помощи государства. Поэтому средства государственного могущества, т.-е. армия и флот, должны были постоянно содержаться в состоянии постоянной боевой готовности, а поскольку этих средств еще не существовало, они должны были быть созданы, как, напр., германский флот. Дальнейшим последствием были постоянные вооружения и вмешательства каждого государства во все вопросы мировой политики, хотя бы они и не касались его непосредственно. Отсюда же возникло то международное напряжение и то противоречие между Англией и Германией, которое, в конце концов, вылилось в войну.

Поучительным при этом является то интермеццо, которое мы все могли наблюдать. Как раз в то время, когда все эти противоречия начали особенно обостряться, как раз около того времени, когда капиталистическая экспансия в Германии начала проявлять себя все более бурным образом, на престол вступил Вильгельм II. Для поверхностного наблюдателя создается тем самым впечатление, что именно Вильгельм II, вследствие своего «личного режима», создал эти противоречия. Вскоре после его вступления на престол стремление Германии к приобретению колоний начало становиться серьезным—при Бисмарке в 80-х годах все это еще казалось игрой,—а вскоре вслед за тем началась постройка боевого флота и так называемая мировая политика Германии. Эта последняя сводилась, как мы уже видели, сперва большею частью к тому, чтобы вмешиваться во все дела на всем земном шаре, если даже эти дела не имели совершенно никакого отношения к Германии. К тому же и личность Вильгельма II превосходно подходила к этой политике сования носа во все щели. Тут естественно могла бы притти в голову такая мысль: вначале молодой монарх, только что взошедший на престол, сдерживается в течение нескольких лет, но затем он налагает на германскую политику свой личный отпечаток, ведет ту политику, которая соответствует его индивидуальности. Таким образом весь ход

событий является личной заслугой или же личной виной Вильгельма.

Так в действительности и рассуждает буржуа. Но мы уже убедились в том, что направление и тенденция германской политики определялись объективными причинами, а отсюда следует, что эта политика и под другим руководством, пожалуй, чем-нибудь отличалась бы по форме, но вряд ли чем-нибудь существенным могла отличаться по своему содержанию.

Я предоставил здесь такое большое место цитатам, чтобы показать, с какой точностью социал-демократические теоретики, основываясь на исследованиях Карла Маркса и Розы Люксембург, предсказали грядущую мировую войну. И нельзя сказать, что их проповедь не нашла понимания. Практические политики в среде социал-демократической партии многому научились от них и великолепно знали, что предстояло. Читая в настоящее время их речи и воззвания, удивляешься, с какой точностью, иногда вплоть до частности, оправдались их предсказания. Так, в 1911 году по поводу Марокко Бебель сказал в германском рейхстаге буквально следующее: «И тогда последует катастрофа. Тогда по всей Европе трубы начнут играть генерал-марш, и под эту музыку 16—18 миллионов молодых мужчин, цвет всех наций, вооруженных с ног до головы самыми лучшими орудиями убийства, бросятся как враги друг на друга».

Это было сказано Бебелем за три года до начала мировой войны, до которого он, как известно, не дожил. Мы видим, какое малое значение имели отдельные действия дипломатов в июне—июле 1914 года. И даже такая подчиненная партийная инстанция, как Берлинский социал-демократический комитет, могла уже 11 декабря 1912 года писать в своем бюллетене следующее: «За маленькой Сербией стоит Россия. Если поэтому барышничество дипломатов закончится неудачей, если безумие господствующих классов развяжет руки фурии войны, то Германия, согласно уверениям г. фон-Бетман-Гольвега, встанет во всеоружии на сторону Австрии. Франция же благодаря политике союзов господствующих классов Европы обязана в случае войны помогать России, и трудно себе представить, что при всеобщей европейской войне Англия пожелает играть роль постороннего зрителя».

А центральный комитет социал-демократической партии издал в 1912 году, когда балканская война, эта прелюдия мировой бойни, уже началась, брошюру под названием «Англия и Германия». Там на странице 9 мы читаем:

«Англия и Германия».

«Мы видим, что военные события и революционные осложнения с периферии мировой политики все больше подтягиваются к европейскому центру, и мы знаем, что уже в течение ряда лет великие европейские государства находятся под все растущим давлением военной опасности. Непосредственной и наиболее глубокой причиной этой опасности является противоречие между Германией и Англией. Англия, много лет безраздельно господствовавшая на мировых рынках, является в то же время самой сильной колониальной державой. Германия догоняет со времени основания империи исполинскими шагами Англию в экономической области; германская промышленность в настоящее время не уступает никакой другой, в значительной степени благодаря высокому уровню ее науки и значительному духовному развитию ее рабочего класса, вышколенного социал-демократией и имеющего большие духовные интересы. Но в качестве самой молодой из капиталистических стран, которая в то время, когда решались судьбы мира, была политически совершенно бессильной, Германия не имеет сколько-нибудь значительных колониальных владений. В этом отношении Германию превосходят не только Англия и Франция, но и более мелкие государства, как Бельгия, Голландия, Португалия и Испания. Но мы знаем, что капитал никогда еще так не стремился к расширению своих рынков, к насильственному открытию новых областей и их присоединению, как в настоящее время.

«Это стремление определяет германскую внешнюю политику со времени падения Бисмарка. Успехи ее в этой области пока еще ничтожны, но пока что Германия лихорадочно работает над созданием того орудия, без которого нельзя вести империалистической политики. В течение сравнительно короткого промежутка времени Германия становится второй морской державой и готовится к тому, чтобы оспаривать английское первенство в этой области. Но противоречия между Германией и Англией еще более выступают на первый план в качестве господствующего во всей международной политике фактора под влиянием того обстоятельства, что ослабленная японской войной и революцией Россия на долгое время не может приниматься в расчет как великая держава, вполне стоящая на высоте в военном отношении. Но тем самым устраняется старое противоречие между Англией и Россией, которое так долго определяло всю

внешнюю политику. Пока Россия была сильна, как Германия, так и Англия должны были считаться с тем, что при каждом конфликте между ними России будет принадлежать решающее значение. В зависимости от того, на чью сторону стала бы Россия, и решился бы исход борьбы, что в свою очередь дало бы возможность России диктовать обеим сторонам условия мира. Это в настоящее время становится невозможно. Россия в своей внешней политике вынуждена использовать германо-английский конфликт и уже в силу географических условий принуждена преимущественно ориентироваться на Англию. Дело в том, что английский флот является как раз в тех областях, к которым устремляется русская экспансия, самой крупной и даже решающей силой. Вместе с Россией также и другие старые колониальные державы становятся на сторону Англии и прежде всего Франция. Старому тройственному союзу Германия, Австрия, Италия — противостоит в настоящее время тройственное соглашение — Англия, Россия, Франция.

«Россия и Англия используют персидскую революцию, для того чтобы лишить Персию независимости и разделить между собою владычество над этим государством. Австрия возвещает аннексию бывших турецких провинций, Боснии и Герцеговины. Антанты протестует, опасность войны обостряется, но военная слабость России по сравнению с колоссальными военными силами Германии и Австрии устраняет на этот раз столкновение. Этот кризис проходит, но лишь для того, чтобы смениться новым, именно конфликтом из-за Марокко. Это столкновение приводит мир почти на самый край пропасти, но оно заканчивается компромиссом, который, однако, еще обостряет противоречие между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, — и дает повод к еще большим вооружениям на суше и на море. Непосредственным последствием мароккского конфликта является грабительский поход итальянцев в Триполи. Итало-турецкая война вновь ставит на очередь восточный вопрос со всеми таящимися в нем опасностями. Ибо именно Турция является ареной, на которой сталкиваются все соперничающие великие державы. Константинополь является важнейшим стратегическим пунктом. И к захвату его одинаково стремятся англичане и русские; австрийцы желают получить Салоники, итальянцы — албанское побережье. В Азиатской Турции сталкиваются враждебные германские, английские, французские и русские интересы, а остатки Европейской Турции являются естественным объектом борьбы бал-

канских государств между собою до тех пор, пока они сами не станут добычею победоносных великих держав.

«А на Дальнем Востоке таким же очагом всевозможных кризисов является революционный Китай. Европейские и американские банки пытаются использовать финансовые затруднения этого громадного государства, чтобы обратить его в долговое рабство, что в дальнейшем может послужить поводом и к политическому вмешательству. Япония же и Россия заключают между собою соглашение относительно расширения их сферы влияния в Китае, имея в конечном счете в виду подчинить своему владычеству громадные территории в Манчжурии и Монголии.

«Таким образом война и революция становятся опять повседневными явлениями, а содержание всей буржуазной внешней политики сводится, кажется, лишь к подготовке войны, мировой войны, за мировое владычество».

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.
ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

**Происходила ли аккумуляция капитала в течение
мировой войны?**

В появившейся задолго до войны брошюре Карл Каутский писал ¹⁾: «Капиталистический способ производства, это — самое могучее средство, которое когда-либо знала история, для того чтобы развивать производительность труда. Сильнейшими пружинами этого способа производства являются конкуренция и погоня за прибылью. Конкуренция угрожает гибелью каждому предприятию, продуктивность которого ниже среднего; стремление же к прибыли заставляет все больше увеличивать эту производительность, так как каждое предприятие, работающее с производительностью выше среднего, приносит дополнительную прибыль. Но эта роль капиталистического производства, как сильнейшего стимула к развитию производительных сил, закончена. Еще в 80-х годах прошлого столетия этот способ производства достиг той границы, начиная с которой он все более и более становится препятствием для дальнейшего развития производительных сил. Понятно, это еще не означает, что он делает какое-либо дальнейшее развитие производительных сил невозможным; такой прирост все еще совершается. Но можно уже сказать, что возможен такой способ производства, при котором развитие производительных сил происходило бы быстрее,

---

¹⁾ Karl Kautsky, Sozialismus und Kolonialpolitik, Berlin, Vorwärtsbuchhandlung, 1907, стр. 34—35.

чем при капиталистическом способе производства, так как последний в целях собственного самосохранения вынуждается ставить все большие затруднения на пути развития производительности труда».

Тут Каутский говорит пока лишь следующее: при господстве капитализма, правда, еще и в настоящее время (1907 г.) производительные силы возрастают, но при социалистическом способе производства они возрастали бы еще быстрее. В этом смысле капитализм препятствует дальнейшему хозяйственному прогрессу, мир в экономическом отношении созрел уже для социалистического производства ¹⁾. И это относится уже к 80-м годам. Частные интересы капиталистов заставляют их затруднять дальнейшее развитие, для того чтобы искусственно поддерживать существование капитализма.

В качестве того препятствия, которое мешает капитализму развивать далее производительные силы, Каутский называет именно тот момент, на который мы указывали в этой книге, примыкая к Карлу Марксу и Розе Люксембург. Этот момент заключается в удержании потребления рабочих масс на низком уровне и вследствие этого в невозможности сбыть с каждым годом все более возрастающие товарные массы.

Каутский считает главным препятствием, которое создает капитализм для дальнейшего роста производительных сил, ограничение конкуренции, так как именно конкуренция являлась главной пружиной подъема производства. Конкуренция, как известно, ограничивается монополиями, покровительственными пошлинами, картелями и трестами. А с другой стороны, наблюдается искусственное расширение сбыта вследствие расточительных расходов на вооружение и насильственного открытия колониальных рынков.

Это само по себе верно, но тут все-таки следовало бы заметить, что хотя введение монополии, высоких пошлин, картелей, трестов и т. д. и преследовало цель уменьшения производства, но на самом деле, как мы уже видели, было достигнуто прямо противоположное: все эти меры явились могучим средством для развития производительных сил и роста производства.

Для нас в этом замечании Каутского важно то, что в течение

---

¹⁾ Странно, что тот же Каутский и руководимая им социал-демократия в 1918 году, когда дело шло о том, чтобы превратить теорию в практику, внезапно пенили, что мир далеко еще не созрел для социализма.

всей эпохи до начала мировой войны производство все увеличивалось. Каутский сам говорит лишь об относительном его уменьшении: при социалистическом хозяйстве оно бы развивалось бы быстрее, но все же и при капиталистическом способе производства оно несомненно возрастало.

Этому развитию был нанесен внезапный и решительный удар с момента начала войны.

В сущности говоря, это должно было бы само собою подразумеваться, и в настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что в течение войны производство сильно пало. Несмотря на это, мы все же должны остановиться на этом пункте, хотя бы уже потому, что во время войны это часто оспаривалось. В то время буржуазия каждой страны была заинтересована в том, чтобы поддерживать в народных массах военный энтузиазм, и с этой целью, между прочим, массам рассказывалось, что война не только не является губителем ценностей, но, как раз наоборот, производит новые ценности, и что человечество от войны становится не беднее, а богаче. Само собою разумеется, что вскоре нашлась «наука», которая в интересах господствующих классов поддерживала это утверждение и «доказывала» его правильность. Не следует впрочем думать, что это утверждалось недобросовестно. Буржуазная политическая экономия, а в особенности вульгарная ее разновидность, не желает вовсе видеть того, что является наиболее характерным признаком капиталистического общества, именно классового противоречия между капиталом и трудом. На это противоречие она упорно закрывает глаза. Вследствие этого она постоянно смешивает частные интересы с интересами всего общества. Частные же лица, действительно, за время войны разбогатели, в то время как все общество обеднело. Как только, однако, вульгарный экономист увидел, что известное количество собственников капитала разбогатело, как он сразу понял, что «хозяйство» процветает, и «народное благосостояние» растет.

Но факт уменьшения производства с начала войны является для нас важным также и с той точки зрения, что тем самым прекращается возможность накопления. Во время войны поэтому аккумуляция прекратилась.

Что война разрушает ценности, это поистине нельзя рассматривать как какое-нибудь новое открытие. Уже старый Монтекули сказал, что для ведения войны нужны, во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги. Если бы война

являлась капиталистическим предприятием в том смысле, что она приносила бы ведущим войну больше, чем она им обходится, тогда военные издержки рассматривались бы не иначе, чем какой-либо другой вложенный в предприятие капитал. Самый элементарный анализ действительных событий, происходивших во время войны, может это подтвердить. Мы собственными глазами видели, что война потребляет бесконечное количество различных продуктов, ничего за них не платя, что она уничтожает средства производства, не производя никаких других замен, и, наконец, что она оторвала от производства массу рабочих сил и уничтожила многие из них. После всего сказанного совершенно ясно, что война стоила больше, чем она принесла; или, вернее, война только стоила и ровно ничего не принесла. Мы, конечно, говорим здесь обо всем обществе в целом. Фантом того, что война приносит какую-нибудь выгоду, т.е. приносит больше того, что она стоит, мог возникнуть только вследствие смешения народного хозяйства с частным хозяйством. Как представляются вещи вульгарному экономисту, показывает, например, следующая статья под названием «Война и капитал», появившаяся 5 августа 1916 года в «Berliner Volkszeitung»¹⁾:

«Отчет в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» о развитии германского народного хозяйства во время войны... пытался дать картину изумительного развития германской хозяйственной жизни во время войны. На самом деле, хозяйственная жизнь во время войны развивалась совершенно иначе, чем мы обычно раньше себе это представляли.

«Вообще говоря, до войны мы думали, что момент начала европейской или мировой войны будет сигналом для всеобщей катастрофы всей современной хозяйственной жизни. Это думали не только социалисты, для радикального крыла которых катастрофа капитализма при начале войны являлась догмой, но этого же мнения придерживались и самые широкие круги. Война как смертельный враг капитализма — это положение было всеми принято.

«И вот разразилась война. Непосредственно до ее начала самое ожидание войны набрасывало уже тяжелую тень на весь мир. На биржах разразилась невероятная паника. Курсы ценных

---

¹⁾ Ирония истории пожелала, чтобы эта статья была написана г. Марксом, к счастью, не Карлом, но каким-то Эрихом. Впрочем все равно нет никакой возможности смешать этих обоих Марксов.

бумаг упали необыкновенно низко, увлекая за собою в бездну крупные состояния. А в соседнем зале на товарной бирже, где шла торговля хлебом и иными товарами, цены внезапно вскочили на необыкновенную высоту, и тут за одну ночь наживались миллионы. И не только на одних товарных биржах, но повсеместно цены внезапно поднялись. Торговцы и фабриканты не знали, куда деться от покупателей, которых обуял неистовый товарный голод. А когда война действительно началась, тогда со всех углов и концов появились покупатели с безграничными средствами, разные министерства и интендантское ведомство, бесперывно повышая цены.

«Эта дикая оргия спроса на всевозможные товары создала состояния из ничего, сделала маленькие состояния большими, а большие — колоссальными. И чем больше продолжалась война, тем более углублялся этот процесс. Правда, военные подряды не давались более так беспорядочно, как это было вначале, но за то они стали гораздо значительнее. Все больше становились количества поставляемых товаров, и если заработок в течение времени становился относительно меньше, то за то возрастала его абсолютная величина.

«Таким образом война не только не свелась к разрушению частного капитала, но, наоборот, она в неимоверной степени укрепила его. Значительная часть промышленности живет военными подрядами и извлекает из них громадную прибыль. А все остальные отрасли промышленности, поскольку они не прекратили свою деятельность из-за отсутствия сырья, сбывают все свои фабрикаты ускоренным темпом и с хорошей прибылью. Промышленность не ищет больше покупателей; тот, кто в настоящее время имеет товары, на того спрос сам набрасывается. И заодно уже тут сбываются старые запасы, которые года лежали на складах. Теперь потребляется решительно все; счастливый фабрикант разгружает свои склады и оборачивает свой капитал непрерывно и с выгодой для себя. Что же касается нейтральных стран, которые в обычное время не желали ничего иметь с нами общего, то они теперь охотно приобретают наш товар; на лейпцигской весенней ярмарке наблюдался громадный приток иностранных покупателей.

«Что войны относятся к основным факторам образования капитала,—это положение давно уже с полной ясностью установлено было профессором В. Зомбартом, воззрения которого, вообще говоря, часто подвергаются критике. В своей книге «Война

и капитализм» Зомбарт показал, как современные армии и современные войны с их массовыми потребностями в сильной степени способствовали образованию современных крупных предприятий в промышленности и торговле.

«Эта же война, потребности которой совершенно оставляют в тени потребности всех предыдущих войн, в самой сильной степени содействовала накоплению капитала. Прибыли промышленности настолько велики, что один близко стоящий к крупной промышленности писатель обмолвился смелым словом о «вкусе к войне», который иногда возникает в промышленных кругах. Во всяком случае, мощь капитала как в Германии, так и в других промышленных странах значительно возрастает.

«Это развитие имеет, понятно, и свои теневые стороны, хотя бы уже потому, что в то время как частные богатства возрастают, в государственном хозяйстве наблюдается обратный процесс. Государство, долги которого возрастают, в противоположность многим из своих подданных, становится все беднее...

«С другой стороны, нельзя отрицать и того, что это блестящее развитие капитала в одном и к тому же чрезвычайно важном отношении следует приветствовать. То громадное бремя, которое нам придется нести после войны, только в том случае будет вообще переносимо, если хозяйственная жизнь вообще будет протекать более оживленно,—другими словами, если из возросших оборотов капитала, который значительно увеличился за время войны, возникнут новые значительные доходы и состояния. Только в этом случае можно будет извлечь из народного хозяйства то количество налогов, в котором государство будет нуждаться после войны. Ибо во всяком случае надо будет избежать налогового обложения предметов первой необходимости...».

Те несколько строк, в которых обогащение капиталиста противопоставляется обеднению государства, заставляет нас почти подозревать, что наш добрый д-р Эрих Маркс великолепно понимает суть вещей, и что мы совершаем по отношению к нему великую несправедливость, называя его вульгарным экономистом. Но этот светлый проблеск сознания под конец совершенно гаснет. Если г. д-р Маркс воображает, что бремя войны и послевоенного времени сможет быть возложено на возникший таким образом капитал, то, очевидно, он ничего не понимает в том, что он за несколько строк до того сам излагал, а именно; что возникший таким образом капитал отнюдь не создан вновь,

а просто перешел из кармана одних в карманы других, и что, следовательно, после этой передвижки капитала количество ценностей осталось тем же, что и раньше. Он употребляет даже понятие «накопление капитала» и утверждает, что война «в сильнейшей степени содействовала» этому накоплению. Да, это совершенно верно; в сильнейшей степени война содействовала тому, что реальные ценности отнимались от среднего сословия и рабочих и передавались капиталистам, в особенности крупным капиталистам. Но хотя слово «аккумуляция» само по себе не означает ничего иного, как «накопление капитала», все же этот род накопления капитала по существу отличается от аккумуляции. Эта последняя может только в том случае протекать нормально и считаться здоровой, если потребление длительно меньше, чем производство.

«Reinisch-Westfalische Zeitung», газета, непосредственно выражающая интересы крупных промышленников, пишет приблизительно в то же время ¹⁾: «Истекший операционный год, второй после начала мировой войны, во всем своем объеме находился под влиянием мировой войны, определяющей как сбыт, так и производство. Военные поставки определяют производственную программу всех железодельных предприятий, и эти поставки, как видно из цифр, оказались довольно выгодными и доставили предприятию громадные барыши, налагающие свой отпечаток на весь истекший год. Почти на всех заводах за немногими исключениями достигнуты рекордные прибыли, которые превышают прошлогодние вдвое, а часто и втрое. Эти значительные прибыли были употреблены не только на выплату увеличенных дивидендов, но и на увеличение списываний и особых резервных капиталов, другими словами, они были употреблены на внутреннее укрепление предприятий. Тем самым можно предполагать, что в результате войны будет наблюдаться значительное оздоровление финансового положения, а также большое накопление ликвидных капиталов в нашей железодельной индустрии. Таким образом наша железодельная промышленность встретится с предстоящими ей после войны проблемами во всеоружии и сможет выдержать ту внешнюю конкуренцию, с которой ей придется встретиться после войны».

Мы видим, что юрган крупных капиталистов понимает под

---

¹⁾ Мы берем эту цитату из социал-демократической газеты «Bergische Arbeiterstimme» в Золингене, от 28 ноября 1916 года.

теми задачами, которые выпадут на долю промышленности после войны, нечто совершенно иное, чем мелкобуржуазный журналист д-р Маркс. Для этих крупных капиталистов вопрос вовсе не в уплате налогов, а в расширении производства и успешной конкуренции с иностранной промышленностью. Но из этого все-таки следует, что этот орган в еще большей степени, чем наш журналист, принимал это частное обогащение капиталистов за настоящую аккумуляцию.

Но в ту же ошибку впадали не только газеты, ее разделяла и буржуазная наука. Рихард Кальвер писал ¹⁾: «Германское хозяйство не только сберегло те денежные суммы, которые оно в мирное время истратило бы на ввоз (I), но оно получило от военных поставок такие доходы, которые оставили далеко за собой цифры экспорта... Война питала все сельскохозяйственные и промышленные предприятия в такой степени, в какой мы считали бы это невозможным до войны. Ведение современной войны требует таких расходов, которые предполагают наличие большого и работоспособного производственного аппарата».

Те два миллиарда,—продолжает далее Кальвер,—которые ежемесячно расходовались на войну, непосредственно или окольным путем попадают германской промышленности. Суммы, которыми оплачиваются военные поставки, быстро утекают во всевозможные каналы, отчасти в качестве заработной платы, отчасти в качестве платы за сырье или же в виде процента или прибыли. «Эта доля капитала в доходе от военных поставок довольно высока. При вывозе капитал далеко не зарабатывает столько, как при военных поставках. Поэтому образование капитала происходит в таких размерах, каких мы никогда не знали в мирное время».

Тут все время речь идет об «образовании капитала», и все время забывается, что дело шло вовсе не о создании нового капитала, т.-е. не о настоящей аккумуляции—об этом не могло быть речи, пока потребление было больше производства,—а об обогащении одной части общества за счет другой или же за счет всего общества в целом. Даже такие наблюдатели, которые, вообще говоря, обладают весьма здоровой способностью суждения и ни в каком случае не могут быть зачислены в вульгарные экономисты, не избегали этой ошибки. Так, в том же сентябре

---

¹⁾ В своем журнале «Das Wirtschaftsleben im Krieg» («Хозяйственная жизнь во время войны»), сентябрь 1915 г., стр. 2—3.

месяце 1915 года стоящий на большой научной высоте финансовый журнал «Bank» ¹⁾ пишет: «Германское народное хозяйство так великолепно приспособилось к условиям войны на три фронта, что большая часть живет исключительно для войны и войною... Чем быстрее становится тот темп, который требуется государством от военной промышленности, к чем более энергичному ходу производства оно ее побуждает, тем скорее накопленные прибыли возвращаются в государственную кассу в виде займов».

Но вся бессмыслица этого взгляда ярче всего проявляется в популярной в то время поговорке: «Деньги остаются в стране». Тот факт, что Германия во время войны могла покупать лишь мало заграничных товаров, народным массам пытались представить в качестве особенного преимущества. И мы должны с большой горечью заметить, что и так называемые «выдающиеся ученые»—политико-экономы—принимали участие в этом обмане. Господин Шумахер, наследовавший от Адольфа Вагнера кафедру политической экономии в Берлинском университете, издал в 1915 году книгу ²⁾, в которой он договаривается буквально до следующего: «Мы насильственным образом приведены в состояние «изолированного государства», и это положение, понятно, поставило нас в области продовольственного снабжения перед весьма трудными задачами; но это же самое положение делает нас в финансовом положении непобедимыми, ибо почти все, чем мы располагаем в финансовой области, остается в стране. Этот финансовый поток переходит только из одной руки в другую, главным же образом от государства к частным лицам. Если война стоит нам ежемесячно около одного миллиарда марок, то в течение 4½ месяцев вся сумма первого военного займа опять возвращается в сферу народного хозяйства. Вся эта сумма в главной своей части опять находится в нашем распоряжении. Таким образом все те же самые средства могут быть в определенные короткие промежутки времени извлекаемы государством для удовлетворения его потребностей. Нужно только следить за тем, чтобы этот оборот совершался с обычной своей скоростью и законченностью. В этом случае война может питать самое себя в течение почти неограниченного времени».

К счастью, честь германской науки была спасена другим

---

¹⁾ «Die Bank», September, 1915, стр. 870.

²⁾ Schumacher, Deutschlands Stellung in der Wirtschaft. Berlin, Teubner, 1915, стр. 126—127.

берлинским профессором, проф. Ястровым, который следующим образом насмехается над этой «мудростью» вульгарного экономиста ¹⁾: «Если поверить тем, которые в течение всей войны убеждали нас в том, что мы, в отличие от Англии с ее американскими военными заказами, находимся в гораздо лучшем положении, так как деньги остаются у нас в стране, а государство получает свои займы от плательщиков налогов, возвращая их потом им же в виде платы за военные поставки, и снова получает те же деньги в форме нового займа,—если поверить всему этому то мы, конечно, за войну ничего не потеряли. И совершенно непонятно, почему при таком способе финансирования мы не могли бы вести войну бесконечное количество лет при помощи одного странствующего взад и вперед миллиарда. Но тогда представляется совершенно непонятным, почему не все ведущие войну государства поступают точно так же. Поговорка о том, что «деньги остаются в стране», обнаруживает такой низкий уровень экономического мышления, что ее следовало бы опровергнуть только известным анекдотом о штралауских рыбаках, который заслуживает приблизительно столь же серьезного отношения. Вот этот анекдот: два берлинских приятеля, отправившиеся с самыми широкими планами на рыбную ловлю в Штралау, рассуждают по дороге о том, что, в сущности говоря, совсем необязательно платить за каждый стакан пива содержанию трактира так дорого. Вместо того они покупают боченок пива и дают друг другу слово, что каждый из них как только он выпьет стакан, добросовестно уплатит другому 10 пфенигов. Каждый выпивает из боченка 20 кружек и платит каждый раз своему приятелю 10 пфенигов. Сколько денег было в кассе в конце этой операции? Тот факт, что эти 10 пфенигов все время странствовали от одного приятеля к другому, это является весьма несущественным, самым же существенным является то обстоятельство, что в начале всей операции боченок был полон, а к концу ее совершенно пуст. Точно так же тот факт, что в нашем военном хозяйстве 5 миллиардов все время странствовали между государственной казной и военными поставщиками (для простоты представим себе всю Германию в качестве одного военного поставщика), вовсе не является существенным. Зато существенным является то обстоятельство, что мы уничтожили

---

¹⁾ В очень интересной книге: «Gut und Blut für Vaterland» (состояние и жизнь за отечество»), Berlin, Георг Реймер, 1917, стр. 209—213.

такое-то количество гранат, что изношены миллионы солдатских шинелей, что погибло такое-то количество судов и т. д. Но это все еще не суть всей этой проблемы; ибо если народ после войны не нуждается в гранатах, солдатских шинелях, судах и т. д., то потеря всех этих предметов не оказала бы никакого влияния на его хозяйственную жизнь. Мы должны не только видеть за деньгами те вещи, за которые мы даем деньги, но следует и за вещами видеть тот источник, которому мы обязаны самым существованием вещей, а этим источником является— и это альфа и омега политической экономии—хозяйственный труд. В течение трех лет войны труд германского народа не только должен был выполнять ту задачу, которую он обычно выполняет, он не только должен был питать, одевать и снабжать всем необходимым 66 миллионов населения, но, кроме того, он должен был изготавливать еще пушки и гранаты, ружья и патроны, военные суда и торпеды, аэропланы и бомбы и т. д., и т. д. Представим себе, что германский народ с теми же самыми силами должен был выполнять двойную работу, и невозможность этого представления становится уже совершенно ясной. Но ведь дело в том, что для этой работы мы вовсе не располагали какими-нибудь силами, так как от 4 до 8 миллионов мужчин, находящихся большею частью в самом работоспособном возрасте, другими словами, отборная часть всего народа, вообще было оторвано от производительной деятельности. Мало, следовательно, вероятно, что германский народ за эти три года войны действительно выполнил возложенную на него двойную работу. Тут, очевидно, опущен еще какой-то значительный фактор, который должен быть принят во внимание.

«Этот фактор сейчас же станет нам понятным, как только мы вспомним, что определенные работы совершенно прекратились во время войны. Поскольку речь идет о работах, направленных на непосредственное удовлетворение потребностей, постольку их роль в общем плане народного хозяйства не могла быть весьма значительной. Понятно, некоторая часть рабочей силы была сбережена тем, что были закрыты увеселительные заведения, что отпали различные празднества; известную роль тут играло и уменьшение спроса на роскошь в пище, одежде и т. д. Но самая значительная часть труда была сбережена совершенно в другой области.

«В то время как мы напрягали все наши силы для того, чтобы справиться с возложенной на нас двойной работой, мы отсрочи-

вали всякую работу, которую можно было отложить. Уже в настоящее время каждый по своему собственному домашнему хозяйству может заметить, что за эти три года ничего не приобреталось нового, что вообще избегались всякие издержки, которые не вызывались самой насущной необходимостью. Если частные лица не приобретали мебели и домашней утвари, одежды и обуви, белья и т. д., то это означает следующее: народное хозяйство в целом получало в свое распоряжение тот труд, который в обычное время был бы употреблен на удовлетворение этих потребностей, и вот именно этот труд и можно было использовать для выполнения новой задачи. Самый значительный пример этого рода, это—постройка или, лучше сказать, прекращение всякого строительства, новых жилищ: строительная промышленность совершенно прекращается. То, что относится к новым приобретениям, часто в еще более сильной степени относится к ремонту, поправкам всякого рода. Эти поправки или починки не производились отчасти по тем же самым причинам, отчасти же потому, что для починок еще труднее было раздобыть рабочие силы, чем для создания новых товаров, которые все могли от времени до времени производиться на запас во время отдыха. Те же «сбережения», которые частные лица делали в своем домашнем быту, аналогичным образом делались и промышленностью и ремеслом в своих предприятиях. Щипцы и меха кузнеца, колодки и шила сапожника, рубанки и токарные станки столяра, пилы и козлы плотника,—все эти инструменты могут, конечно, держаться неопределенно долгое время, но все же от времени до времени их приходится обновлять. Вот все эти «обновки» откладывались на возможно долгий срок. В самых крупных размерах это наблюдается на фабриках и заводах. Тут «обходились» машинами, пока это было возможно. Чем меньше было произведено ремонта в 1914 году, тем скорее изнашивались машины, которые и так уже устарели, в следующем году. И если в конце концов самый нужный ремонт все-таки производился, то и тут дело оставалось в пределах действительно крайней необходимости. На железных дорогах заботились, понятно, о том, чтобы сохранить безопасность транспорта. Нечего опасаться того, что было что-нибудь упущено для поддержания шпал и рельс, колес и осей в таком состоянии, которое исключало бы опасность для жизни и здоровья пассажиров. Но зато мы замечаем, что в пассажирских вагонах сидения стали хуже; товарные вагоны, которые в обычное время были бы забракованы, остаются в ходу. Даже закрывают глаза на недочеты в менее важных

частях локомотивов, поскольку это не угрожает безопасности. Затем совершенно отказываются от проведения новых подъездных путей и подсобных веток всякого рода, которые, «в сущности говоря», требуются транспортом; в больших городах на электрических трамваях мы испытывали толчки, наглядно доказывавшие нам, что в течение долгого времени уже не производилось основательного ремонта вагонов и рельс; на наших в обычное время столь аккуратно содержимых шоссе замечаются рытвины. Вот все это вместе взятое и показывает нам, что в течение войны было «сбережено» много труда. При этом не всякое упущение бросается в глаза. Всякий видит, что плуг согнут, что бороне недостает зубьев, потому что деревенский кузнец на войне; всякий понимает, что трудно справиться с молотилкой или с локомотивом, когда нет слесаря, но что поле истощено, потому что оно не получило соответственного удобрения, это знает лишь настоящий специалист. Постоянное обновление рабочего аппарата составляет для любого народа гораздо более значительную часть всего его труда, чем это обычно думают. Откладывание, то-есть невыполнение всех этих работ, в значительной степени объясняет нам эту загадку, каким это образом народ был в состоянии на-ряду с своей обычной работой выполнять еще громадный труд обороны страны». Нужно, впрочем, к чести германской науки сказать, что кроме проф. Ястрова нашлись еще другие, которые не стеснялись обнаружить настоящее положение дел. Не кто иной как д-р Гельферих, этот реакционнейший из всех политиков, 20 августа 1915 года, будучи министром финансов Германской империи, сказал буквально следующее: «Богатство, которому мы обязаны нашим успехом, состоит прежде всего в живой рабочей силе нашего народа, который трудится на войне и для войны. Война пожирает не наш основной денежный капитал, а ту сумму военных припасов и пищевых продуктов, которую наш народ создает, слава богу, на собственной земле напряжением всей своей энергии. Мы пользуемся при этом деньгами, но не истребляем их. Деньги играют тут аналогичную роль, как железные дороги, при помощи которых мы подвозим нашим войскам все необходимые им для жизни и борьбы припасы. Точно так же, как железнодорожные вагоны катятся к фронтам переполненными с тем, чтобы затем вернуться пустыми внутрь страны, точно так же деньги текут из наших касс при оплате военных расходов с тем, чтобы вернуться опять при подписке на военные займы. Хорошо организованная и правильно функционирующая денежная финансовая система так же

необходима для ведения войны, как работоспособные железные дороги. Но и самая лучшая железнодорожная система не может ничем помочь, если нечего перевозить, и самая лучшая денежная система отказывается служить, если народный труд перестает создавать то, что необходимо для жизни и для ведения войны».

После этих прекрасных рассуждений нам кажется совершенно излишним прибавлять хоть одно слово для того, чтобы доказать то, что и само по себе ясно, как день, а именно, что во время войны потребление больше производства, и что поэтому во время войны не происходит накопления. Это подтверждается и тем фактом, что в конце войны как само производство, так и так называемое народное богатство во всех странах было значительно меньше, чем в начале ее. Так, напр., в 18 важнейших странах производства в 1913 году было добыто около 1.200 миллионов тонн каменного угля, а в 1919 году всего лишь 1.000 миллионов тонн; чугуна было произведено (в 9 странах) в 1913 г. около 75 миллионов тонн, а в 1919 г. всего 50 миллионов тонн. Тут произошло уменьшение производства каменного угля на 16,7% и чугуна на 33,3%.

Но этот факт имеет для нашего анализа гораздо большее значение, чем это кажется на первый взгляд.

Согласно нашим рассуждениям война является не чем-то случайным, внезапно врывающимся в хорошо организованную хозяйственную систему по причинам, лежащим за пределами этой системы. По нашему мнению война явилась неизбежным результатом именно этой хозяйственной системы. То, что производство постоянно обгоняло потребление, как мы это раньше подробно показали, именно и привело хозяйственную систему к катастрофе. Бесперывно стремящееся вперед производство внезапно сменило колоссальное катастрофическое расточение, которое пожрало не только весь излишек, но и значительно больше этого излишка. Если бы люди, которые управляли этой хозяйственной системой, сознательно следовали советам Мальтуса (см. выше, глава 3-я), то они и тогда не могли бы поступить более преступно.

Другими словами, именно аккумуляция была тем фактором, который гнал капиталистическую хозяйственную систему к катастрофе. Весь этот процесс разыгрался, как мы помним, следующим образом: товарные массы и ищущие нового применения массы прибавочной стоимости возросли в такой степени, что они ни в каком случае не могли быть в той или иной форме

сбыты или вложены. А отсюда и проистекают все те трудности, которые в конце концов привели к войне.

Если продумать все это до конца, то никак нельзя чисто логически уйти от того вывода, что восстановление производства на капиталистических основах невозможно. Приведем доказательство:

Если бы капитал должен был восстановить весь ущерб, нанесенный хозяйству войною, для того чтобы продолжать производить так же, как и до войны, то первым условием тут является то, чтобы предприятия вновь стали приносить доход. Это следует из природы капиталистической хозяйственной системы, как мы ее изложили в начале книги. Это никем и не оспаривается,—напротив, повсеместно в течение всех семи лет, которые прошли с конца войны, мы наблюдаем самые серьезные усилия, направленные к тому, чтобы восстановить доходность предприятий. Это альфа и омега всей капиталистической работы по восстановлению хозяйства. В сознании капиталиста это отражается в такой форме, что у него нет никакого личного интереса как в самом предприятии, так и в работе по восстановлению, если он не получает при этом «соответственной прибыли». Но мы уже видели, что тут, кроме того, налицо еще чрезвычайно важная объективная причина. Если прибыль недостаточно велика, то не может происходить и накопления.

Для того чтобы предприятие, а тем более вся совокупность предприятия приносила доход, заработная плата должна удерживаться на соответственно низком уровне. Потребление народных масс, а в известной степени и потребление самих капиталистов, должно быть ограничено. Другими словами, старая игра начинается сначала. Производство опять будет обгонять потребление.

Это подтверждается нам опытом каждого дня. Единственный рецепт, который представители капиталистической хозяйственной системы могут предложить для исцеления всех бедствий нашего времени, гласит следующее: больше работать, меньше потреблять. Но мы уже видели, что именно диспропорциональность между производством и потреблением уже в 1914 году привела к катастрофе. Можно было бы однако думать, что пройдет еще много времени, пока произведенные войной опустошения не будут ликвидированы, и что лишь с этого момента окончательной ликвидации последствий войны производство опять начнет обгонять потребление. Это был бы, конечно, самый благо-

приятный случай. Прошло бы некоторое время, пока потери войны не были бы восстановлены; затем опять прошло бы некоторое время, пока производство не начало бы обгонять потребление в такой степени, чтобы это вновь стало невыносимо.

В лучшем случае, таким образом, сохранение капиталистической системы обещает нам периодическое повторение ужасных катастроф, напоминающих по своим размерам мировую войну. Но этот наиболее благоприятный случай не может вовсе иметь места, ибо, во-первых, опыт прошлого ¹⁾ учит нас, что капитализм, поскольку он вообще функционирует, развивает после каждой катастрофы производительные силы во все более ускоренном темпе, так что новая катастрофа наступает всегда быстрее и принимает большие размеры. Затем уже во время войны, а еще в большей степени после ее окончания, капитал вынужден был сократить потребление народных масс еще в большей степени, чем производство.

Средствами к этому служили дороговизна, бумажные деньги и инфляция. Без этого капитал не мог бы существовать. В этом и заключается существенная разница между мировой войной и прежними кризисами. Обыкновенный кризис в старой форме создавал, по крайней мере на некоторое время, некоторое равновесие. Проходил все же известный срок, пока производство не начинало опять обгонять потребление. В настоящее время об этом не может быть и речи. Уже в течение войны и еще в большей степени в послевоенное время потребление народных масс настолько сократилось, что, несмотря на сокращение производства, последнее все-таки превосходило потребление. Пока продолжалась война, к этому, правда, присоединялось расточение товаров для военного потребления, и только это расточение давало общему потреблению превосходство над производством, но это явление прекратилось, конечно, вместе с войной.

Из этого следует, что, как только капиталу удастся начать по всей линии хозяйствовать по старому—ибо именно об этом и идет речь—чтобы сделать опять всю совокупность предприятий доходной, так как отдельные предприятия всегда приносили доход,—мы опять будем стоять непосредственно перед катастрофой.

Есть только одно средство для того, чтобы избежать этой опасности. Это средство заключается в том, чтобы не на-

---

¹⁾ Ср. выше главу о кризисах в первой половине XIX столетия.

коплять, но как только капитал перестает накапливать, он не может больше хозяйствовать, не может более производить и не может существовать.

Этот вывод навязывается сам собою логически из всего предыдущего анализа. Но мы в дальнейшем еще исследуем вопрос о том, насколько этот вывод подтверждается послевоенным развитием.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Восстановление производства.

Следующий вопрос заключается в том, удалось ли и в какой степени, начиная с конца войны и до конца 1924 года,—в настоящее время (весной 1925 года) в нашем распоряжении не имеется более позднего статистического материала,—восстановить производство в старых размерах. Мы прежде всего обратимся опять к цифрам.

Мировое производство чугуна до и после войны
(в миллионах тонн).

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Германия	15,6	17,6	19,3	5,7	6,4	7,5	9,4	4,7	4,6
Австро-Венгрия ¹⁾	(2,2)	(2,4)	(2,4)	(0,6)	(1,6)	(1,5)	?	?	?
Франция	4,5	4,9	5,2	2,4	3,4	3,4	5,1	5,4	7,7
Бельгия	2,0	2,3	2,5	0,3	1,1	0,9	1,6	2,2	2,6
Люксембург . .	2,0	2,0	2,5	0,5	0,7	1,0	1,7	1,4	2,2
Великобритания .	9,7	8,9	10,4	7,5	8,2	2,7	5,0	7,6	7,4
Швеция	0,6	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,3	0,5
Канада	0,8	0,9	1,0	0,8	1,0	0,6	0,4	0,9	0,3
Соединенные Шта- ты	27,0	30,2	31,5	31,5	37,5	17,0	27,5	41,0	—
Всего (без Ав- стрии)	62,2	67,5	73,1	49,2	58,8	33,4	51,0	63,5	56,9

Так как нам не удалось установить для Австро-Венгрии, а также для тех государств, на которые она распалась, более или

¹⁾ Или те государства, на которые Австрия распалась.

менее достоверные цифры для 1922—1924 г.г., то нам пришлось отказаться от учета этих стран и за предыдущие годы. Мы привели также годы 1911 и 1912, чтобы дать возможность вычислить также среднюю цифру довоенного производства. Но наше сравнение будет основываться не на этой средней, а на цифрах 1913 года. Ведь нас интересует в данном случае аккумуляция. Другими словами, мы можем считать капитализм здоровым лишь в том случае, если ему удастся довести производство до высшей до сих пор достигнутой цифры, превзойти эту цифру и в дальнейшем поддерживать производство на все более высоком уровне.

Мировое производство каменного угля развивалось следующим образом:

Мировое производство каменного угля до и после войны

(в миллионах тонн)

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Великобритания	276,3	264,6	292,0	235,5	233,2	165,9	253,6	280,4	274,9
Германия . . .	160,7	174,9	190,1	116,7	131,4	136,2	119,2	62,2	118,8
Саарская область	—	—	—	—	—	—	11,2	9,2	14,0
Франция . . .	39,2	41,1	40,1	21,9	25,3	29,0	31,1	37,7	44,0
Россия	28,5	22,4	28,7	7,7	7,8	8,5	11,1	13,4	15,4
Польша	—	—	—	6,0	6,4	7,6	24	36,1	31,7
Бельгия	23,1	23,0	22,8	18,5	22,6	21,8	21,2	22,9	23,4
Австро-Венгрия	15,7	17,1	17,8	12,4	14,2	12,6	12,7	12,3	14,3
Испания	3,7	3,8	4,0	5,7	5,4	5,0	4,4	6,0	6,0
Голландия . . .	1,5	1,7	1,9	3,4	3,9	3,9	4,6	5,5	5,9
Европа . .	548,7	548,6	597,4	427,9	449,9	392,5	493,1	485,7	548,4
Соединенные									
Штаты	450,3	484,9	517,1	502,5	597,2	451,2	424,5	581,4	505,8
Канада	10,3	12,2	13,2	12,4	15,1	13,7	10,6	12,0	8,9
Чили	1,2	1,3	1,3	1,5	1,1	1,3	1,0	1,2	1,5
Америка .	461,8	498,4	531,6	516,4	613,4	466,2	436,1	594,6	516,2
Япония	17,6	19,7	21,4	31,3	29,2	26,2	25,0	26,4	27,1
Британская Индия	12,9	14,9	16,5	23,0	18,3	19,6	19,3	19,1	20,6
Китай	10,0	10,0	13,2	17,0	17,0	17,0	21,3	18,3	18,6
Азия . . .	40,5	44,6	51,1	73,3	64,5	62,8	65,6	63,8	66,3
Южная Африка	6,3	6,8	8,0	8,5	9,0	10,4	8,8	19,8	11,2
Австралия . . .	10,1	12,2	13,5	10,7	12,8	13,0	14,5	14,5	18,5
Весь мир .	1.067,4	1.110,6	1.201,6	1.034,8	1.150,2	944,9	1.018,1	1.178,4	1.160,6

По новейшим данным развитие представляется в следующих цифрах, лишь мало отличающихся от предыдущих:

Мировое производство каменного угля
(в миллионах тонн)

	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Европа	604,7	502,0	486,5	549,0
Америка	533,3	437,8	596,4	518,4
Азия	55,3	70,6	68,5	70,7
Африка	8,2	9,4	11,4	11,9
Австралия	14,5	14,3	17,3	18,5

Сюда же относится и производство бурого угля:

(в миллионах тонн)

Германия	87,2	137,2	118,2	124,4
Австро-Венгрия	} 37,2	—	—	—
Австрия		3,0	2,7	2,8
Чехо-Словакия		19,2	16,3	20,4
Венгрия		5,6	6,9	5,7
Югославия		3,6	4,0	4,0
Весь мир	127,1	177,1	157,3	165,4

Переводя бурый уголь на каменный уголь, считая одну тепловую единицу бурого угля за $\frac{2}{9}$ каменного угля, получаем следующую общую сумму тепловой силы (в миллионах тонн) каменного угля:

	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Каменный уголь	1.216,1	1.034,0	1.180,1	1.168,5
Бурый уголь	28,2	39,4	35,0	36,7
Всего	1.244,3	1.073,4	1.215,0	1.205,2
	100%	86,3%	97,7%	96,9%

Мировое производство пшеницы и ржи до и после войны
(в миллионах тонн)

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Пшеница	76,1	73,9	76,9	79,4	92,7	82,6
Рожь	17,1	10,0	15,1	15,4	23,3	18,0

Мировое производство шерсти
(в миллионах тонн)

	1913 г.	1921 г.	1922 г.
	1,4	1,2	1,2

Мировой урожай хлопка
(в миллионах тонн)

	1913 г.	1918 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
	5,5	4,8	5,1	4,9	3,8	4,3

Как мы уже знаем из предыдущего изложения, не все эти цифры имеют одинаковую достоверность, что после войны усугубляется еще некоторыми новыми моментами. Даже статистика производства угля и чугуна не является такой несомненной, как она считалась до войны. Уже неоднократное передвижение границ государств делает собирание и подсчет затруднительными. Как легко тут может случиться, что одна цифра подсчитывается два раза, а другая совсем выпадает! Все же эти цифры являются наиболее достоверными, в то время как для сельского хозяйства и, в частности, для сбора шерсти и хлопка имеют место все те причины, которые затрудняли точную статистику еще до войны. К тому же сюда присоединяются еще новые источники ошибок. Мы поэтому будем рассматривать эти последние цифры только как иллюстрации и будем основывать наши соображения исключительно на данных об угле и чугуне, что само по себе совершенно допустимо, так как именно оба эти основных вида сырья входят во всякое производство и дают поэтому достаточную картину всего его развития.

Нельзя отрицать, что в производстве обоих этих основных видов сырья, начиная с 1919 года, замечается подъем, при чем производство угля достигает вновь уровня 1913 года, так как маленькая разница в 40.000.000 тонн, при общем производстве в 1.200 миллионов тонн, не может быть принята во внимание. Что касается чугуна, то тут производство значительно отстает от 1913 года. Кроме того, тут бросается сейчас же в глаза, что за последний год произошло вновь сокращение производства: в 1924 году было произведено значительно менее, чем в 1923 г. В последнем году обнаруживается и некоторое сокращение производства угля; но это сокращение настолько ничтожно, что оно, пожалуй, могло произойти и от неточного подсчета. То же самое явление нужно отметить и относительно пшеницы и ржи, хотя в сельском хозяйстве нельзя вообще делать выводов из данных одного года, так как тут многое зависит просто от погоды. Поэтому о производительности сельского хозяйства можно судить лишь на основании ряда урожаев.

Остановимся пока на том, что за период времени от 1919 по 1924 год производство вновь значительно возросло, при чем 1923 г. может рассматриваться до некоторой степени как кульминационный пункт, так как в 1924 году наступает некоторое сокращение производства.

Кроме того, можно установить, что четыре крупнейших про-

мысленных мировых державы сохранили в производстве обоих основных видов сырья приблизительно то же самое место, какое они занимали до войны. Было произведено:

	Чугуна			Каменного угля		
	(в миллионах тонн)			(в миллионах тонн)		
	1913 г.	1919 г.	1924 г.	1913 г.	1919 г.	1924 г.
Великобритания . . .	10,4	7,5	7,4	292,0	233,5	274,9
Германия	19,3	5,7	4,6	190,1	116,7	118,8
Соединенные Штаты	31,5	31,5	31,6	40,1	21,9	44,0
Франция	5,2	2,4	7,7	517,1	502,5	505,8
Всего . .	66,4	47,1	51,3	1.039,3	876,6	943,5
Из всего мирового						
производства в . .	73,1	49,2	56,9	1.202	1.037	1.160
%/%	91%	96%	90%	87%	88%	81%

Если вообще находились люди, которые ожидали, что в результате войны производительные силы той или другой великой державы оказались совершенно парализованными и снятыми со счетов мирового хозяйства, то им приходится разочароваться. Германия, конечно, во многом сократила свое производство, но все же она попрежнему принадлежит к великим хозяйственным державам; несмотря на потерю многих важных производящих сырье областей, германское производство чугуна все еще почти вдвое больше, чем производство следующего по величине производства государства (Бельгии), в то время как германское производство каменного угля более чем в $3\frac{1}{2}$ раза больше, чем соответственное производство Польши.

Подобно производству, и мировая торговля пережила после войны период восстановления и значительно окрепла за последние шесть лет.

Индекс оптовых цен (1913 г. = 100) составлял в:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Великобритания . .	307	197	159	158	166
Соединенные Штаты	226	147	144	148	150
Франция	509	345	327	419	486
Бельгия	400	400	367	519	559
Голландия	292	182	160	147	156
Италия	624	578	563	569	597
Швейцария	200	190	168	179	170
Канада	246	182	166	164	165
Япония	258	201	196	205	204
Австралия	228	175	162	183	170

Для того чтобы не затруднять читателя обилием цифр, мы в следующей таблице приводим данные, исчисленные в золотых марках, согласно индексу оптовых цен в различных странах и согласно известному паритету:

фунт. ст. = 20,40 золотых марок	1 лира = 0,80 золотых марок
1 доллар = 4,20 » »	1 голл. флор. = 1,70 » »
1 франк = 0,80 » »	1 нена = 2,10 » »

Международная торговля до и после мировой войны
(в миллиардах золотых марок, по ценам 1913 года) 1):

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
В в о з						
Великобритания	15,7	12,2	12,2	12,2	14,3	16,3
Германия	10,8	3,9	5,8	6,3	4,8	7,0
Соединенные Штаты	7,6	10,1	7,1	8,8	10,5	10,1
Франция	6,7	7,6	4,9	5,8	6,1	6,4
Итого	40,8	33,8	30,0	33,1	35,7	39,8
Бельгия	4,7	2,6	2,0	2,2	1,8	2,6
Голландия	6,0	1,9	2,0	2,2	2,4	2,6
Италия	2,9	3,4	2,0	2,2	2,4	2,5
Швейцария	1,5	1,7	1,0	0,9	1,0	1,2
Канада	2,5	2,1	1,7	2,1	2,5	1,7
Япония	1,3	1,9	1,7	1,9	2,1	2,5
Австралия	1,4	0,8	1,2	1,2	1,0	1,2
Всего ввоза	61,1	48,2	42,0	45,8	48,9	54,1
В ы в о з						
Великобритания	13,0	10,2	9,6	10,2	12,2	10,2
Германия	10,1	3,7	3,0	6,2	5,4	5,2
Соединенные Штаты	10,4	15,1	12,6	10,9	11,8	12,6
Франция	5,5	4,2	4,6	5,0	5,6	6,6
Итого	39,0	33,2	29,8	32,3	35,0	34,6
Бельгия	3,0	1,8	1,4	1,5	1,3	1,9
Голландия	5,2	1,0	0,9	1,4	1,5	2,9
Италия	2,0	1,5	1,1	1,4	1,5	1,8
Швейцария	1,1	1,4	0,9	0,9	0,8	0,8
Канада	1,8	2,1	1,7	2,1	2,5	2,5
Япония	1,3	1,5	1,3	1,7	1,5	1,7
Австралия	1,5	0,8	1,2	1,2	1,0	1,2
Всего вывоза	54,9	43,3	38,3	45,5	45,1	47,4

1) В немецкой рукописи имеется еще одна таблица, исчисляющая те же цифры ввоза и вывоза за те же годы в национальных валютах. Ввиду явного несоответствия указанных в этой таблице валют с выводами в результате перевода на золотые марки, приводимыми в помещенной в тексте таблице, мы сочли целесообразным первую таблицу выпустить. Прим. ред.

Из этой таблицы можно видеть, что как ввоз, так и вывоз всех 11 государств с 1919 года довольно значительно возрос, а именно—ввоз на 12,5%, а вывоз на 9,3% по сравнению с 1919 годом; но в то же время ввоз на 11,5%, а вывоз на 12,5% ниже уровня 1913 года. Не следует, однако, забывать, что из этих цифр мы непосредственно не можем сделать никакого вывода, ибо в эти данные включена также и та внешняя торговля, которая производилась капиталистическими государствами между собою. Но именно тут передвижка границ должна была создавать значительные источники ошибок. То, что в настоящее время вывозится из Германии в Эльзас-Лотарингию, в Польскую Верхнюю Силезию, в Данциг и обратно, в настоящее время считается внешней торговлей, но не считалось таковой в 1913 году. То же самое относится к Франции, Италии, Бельгии и т. д. Вполне возможно поэтому, что по этой причине цифры внешней торговли несколько разрослись и тем самым не дают верного представления об изменениях, происшедших с 1913 года. Для того чтобы получить вполне точные данные, следовало бы установить цифры ввоза и вывоза уступленных территорий до и после войны. Далее следовало бы для каждой страны и в том числе для уступленных территорий и для каждого отдельного года установить и сравнить между собою ввоз и вывоз по товарным группам и, наконец, по странам ввоза и вывоза. Это все можно было бы сделать, хотя установление этих данных для уступленных территорий весьма затруднительно, и тут нельзя было бы достигнуть вполне точных цифр. Но тут потребовалось бы затратить очень много кропотливого труда и производить эти вычисления, вероятно, в течение нескольких лет, что совершенно невозможно для нас. Эта задача предоставляется будущим исследователям. Мы должны ограничиться тем, что, несмотря на все эти пробелы, можно вывести из приведенных нами выше цифр.

Прежде всего можно установить с большой вероятностью и даже уверенностью, что все внешнеторговые обороты во всем мире в 1924 году значительно отстают от оборотов 1913 года, в гораздо большей степени, чем это можно заключить из вышеприведенных цифр. Дело в том, что после войны многое оказалось внешней торговлей, что до войны было торговлей внутренней. Но остается в силе тот факт, что внешняя торговля возросла за послевоенный период, ибо по крайней мере после 1922 года территориальные границы были те же, что и в 1924 году. И кроме того, мы можем установить, что общая структура мировых рынков, по

сравнению с довоенным временем, не изменилась ни в чем существенном.

Как это было изложено нами в предыдущих главах, на мировых рынках господствовали преимущественно четыре мировых торговых державы. Ограничиваясь сравнением с теми 11 государствами, на которые было указано в предыдущей таблице, можно установить для 1913 года следующие взаимоотношения:

	Всего	Откуда приходится на 4 миров. торг. державы	в %/о
Ввоз	61,1	40,8 миллиарда марок	67
Вывоз	54,9	39,0 » »	71
Всего	116,0	79,8 миллиарда марок	69
Соответственные цифры для 1924 года:			
Ввоз	54,1	39,8 миллиарда марок	73,5
Вывоз	47,4	34,6 » »	73,0
Всего	101,5	74,4 миллиарда марок	73,3

Таким образом доля этих четырех великих держав возросла во всех отношениях как в ввозе, так и в вывозе и во всей внешней торговле. Несмотря на все имевшие место события, не появилось никакой новой силы, которая могла бы отставать у старых мировых держав, или у какой-либо из них, занимаемое ими на мировых рынках место. Мы видим, что, с одной стороны, Франция, которая в отношении ввоза стоит на последнем месте, а, с другой стороны, Германия, которая такое же последнее место занимает по отношению к вывозу, все же играют на мировых рынках значительно более крупную роль, чем следующее по величине торговых оборотов государство—Голландия. Единственно, что изменилось вследствие войны, это—доля отдельных мировых торговых держав в общем мировом торговом обороте.

Доля отдельных мировых держав в мировой торговле до и после войны

	В в о з				В ы в о з			
	1913 г.		1924 г.		1913 г.		1924 г.	
	Миллиардов марок	%	Миллиардов марок	%	Миллиардов марок	%	Миллиардов марок	%
Великобритания	15,7	25,8	16,3	30,1	13,0	23,7	10,2	21,5
Германия	10,8	17,7	7,0	12,9	10,1	18,4	5,2	11,0
Соединенные Штаты	7,6	12,5	10,1	18,7	10,4	18,9	12,6	26,0
Франция	6,7	11,0	6,4	11,8	5,5	10,0	6,6	13,9
Всего	40,8	67,0	39,8	37,5	39,0	71,0	34,6	73,0
Мировая торговля	161,1	100,0	54,1	100,0	54,9	100,0	47,4	100,0

	Ввоз и вывоз вместе			
	1913 г.		1924 г.	
	Миллиардов марок	%	Миллиардов марок	%
Великобритания	28,7	28,8	26,5	26,1
Германия	20,9	18,0	12,2	12,0
Соединенные Штаты . .	18,0	15,6	22,7	22,4
Франция	12,2	10,6	13,0	12,8
Всего	79,8	69,0	74,4	73,3
Мировая торговля .	116,0	100,0	101,5	100,0

До войны на первом месте стояла Англия, а на втором—Германия. Англия сохранила свое первенство только по отношению к ввозу, а по отношению к вывозу ей пришлось уступить место Соединенным Штатам. Германия в ввозе отошла на третье, а в вывозе—на четвертое место.

Это перемещение между четырьмя великими державами является единственной существенной переменной, происшедшей в международной торговле после войны. Правда, мы не можем полностью оценить значение этого факта, пока мы не знаем, как сложилось положение дел на колониальных рынках, но два вывода мы все же можем сделать уже и теперь.

Во-первых, в структуре мировой торговли ничего существенного не изменилось. Выше мы пытались подробно доказать, что мировая война возникла вследствие стремления отдельных великих держав расширить свои рынки в колониях и полуколониальных странах. Теперь мы видим, что после войны положение осталось приблизительно тем же самым. Положение настолько сходно с довоенным, что даже Германия отнюдь не вытеснена с арены конкуренции, но лишь отодвинута на последнее место. «Дела идут обычным порядком». Эта английская поговорка, столь популярная в первые недели войны, оказывается совершенно применимой к послевоенному времени. Что это означает,—это само собою разумеется после всего вышесказанного. Поскольку капитализм был вообще в состоянии восстановить производство, он совершал это путем дальнейшего применения тех же методов, которые привели к всемирной войне. Соотношение между главными конкурентами на мировых рынках, правда, несколько изменилось, но даже тот конкурент, который в настоящее время является наиболее слабым, т.-е. Германия, еще достаточно силен, чтобы принимать участие в соперничестве. Что же будет дальше? Мировые рынки не увеличились за время войны,—напротив, по соображениям, которых

мы еще не развили—дело идет о дальнейшем прогрессе индустриализации колоний,—эти рынки скорее сузились, а конкуренты остались те же самые. Каждый из них продолжает хозяйничать по старому капиталистическому методу; ему приходится, следовательно, если дела идут как следует, из года в год увеличивать свое производство, искусственно поддерживать на низком уровне потребление своих народных масс и вывозить излишки производства за границу. Совершенно ясно, что это рано или поздно должно повести к новой катастрофе. Это совершенно неизбежный вывод из всего предыдущего, и было бы нелепо закрывать на это глаза. Тот, кто желает восстановления капитализма, тот идет к новой катастрофе.

Такая катастрофа вовсе не обязательно должна свестись к новой мировой войне, но так как, не желая фантазировать, мы придерживаемся исторических примеров, мы пока не можем представить себе этой катастрофы в иной форме. В случае, однако, если бы эта вторая мировая война стала фактом, у нас имеется некоторый материал для того, чтобы сделать кое-какие выводы. Тем самым мы подходим ко второму из упомянутых выше выводов.

Изменение в месте, занимаемом великими торговыми державами в международной торговле, произошло, как мы видели, преимущественно в пользу Соединенных Штатов. Это станет еще яснее, если мы ограничимся одним экспортом, который для борьбы за мировой рынок имеет наиболее существенное значение. Если мы еще раз проанализируем последнюю таблицу, то мы констатируем следующее:

	В ы в о з			
	В миллиардах марок		В %/о/о ко всему вывозу 11 государств	
	1913 г.	1924 г.	1913 г.	1924 г.
Великобритания	13,0	10,2	23,7	21,5
Соединенные Штаты	10,4	12,6	18,9	26,6
Германия	10,1	5,2	18,4	11,0
Франция	5,5	6,6	10,0	13,9
	39,0	34,6	71,0	73,0

Отсюда совершенно ясно, что главная выгода от мировой войны выпала на долю Соединенных Штатов. Они не только вытеснили Англию с первого места в мировом вывозе, но и в абсолютном отношении весьма значительно увеличили свой вывоз. Кроме того, возрос лишь французский вывоз, в то время как Англия потеряла не только относительно, но и абсолютно.

	Выиграли		Потеряли	
	в миллиардах марок		в миллиардах марок	
Соединенные Штаты	2,2 на 10,4	21,1%	Великобритания	2,8 на 13,0 21,5%
Франция	1,1 » 5,5	20,0%	Германия	4,9 » 10,1 48,5%

Соединенные Штаты и Франция выиграли вместе 3,3 миллиарда марок, Англия одна потеряла 2,8 миллиарда марок. Другими словами, война велась преимущественно между Англией и Германией, но выиграли от нее преимущественно Соединенные Штаты.

Если мы вспомним те соображения, которые мы развивали в 7-й главе, а именно, что до мировой войны самым опасным конкурентом Англии на мировых рынках являлась вовсе не Германия, а Соединенные Штаты, если мы примем во внимание, что этот опаснейший конкурент Англии получил от войны громадные выгоды и энергично завоевывает все новые и новые области на мировых рынках, то, как нам кажется, нельзя уклониться от вывода, что в случае дальнейшего развития капитализма противоречие интересов между Англией и Америкой рано или поздно должно будет проявиться, и что следующая мировая война должна будет возгореться именно между этими обеими державами. Поскольку учение марксизма правильно, я не понимаю, как можно уклониться от этого вывода: восстановление капитализма, если оно удастся, должно неизбежно привести к мировой войне между Англией и Соединенными Штатами.

Этот вывод тем более навязывается нам, что мы уже слышим раскаты грома приближающейся грозы. Мы попытаемся здесь показать это на примере все более обостряющейся борьбы за нефть.

Из всех отраслей человеческого хозяйства, нефтяная промышленность первая достигла известной мировой организации. Именно в этой области наблюдается усиленное образование трестов, картелей и всевозможных объединений, совершенно не считающихся с государственными границами и имеющих целью планомерно организовать мировое снабжение. «Организация нефтяной индустрии и торговли—это несомненно высшая форма мировой организации какой-либо отрасли промышленности, организации, направленной на снабжение всего мира одним товаром»,—так писал проф. Лифман в 1909 году во втором издании своей книги «Картели и тресты», стр. 169. Действительно, в то время нефтяные капиталисты Австрии, Германии, России, Франции, Голландии, Англии и Америки создали единый трест, обнимавший весь земной шар. Этот трест пытался организовать и регулировать

производство и торговлю нефтью во всех странах. А все, что оставалось еще вне этого треста, то пытались организовать тем же способом другие менее крупные компании. Не является, конечно, случайностью, что именно производство нефти имеет такое громадное преимущество в области международной организации, которое, впрочем, вообще присуще всем отраслям производства, организованным на крупных капиталистических началах. В конечном счете это преимущество объясняется естественными особенностями нефтяной промышленности. На эту тему написана прекрасная, появившаяся недавно в печати брошюра доктора С. Ессена¹⁾. Из этой брошюры мы узнаем, что нефть, добыча которой в больших размерах началась лишь около 50 лет тому назад, по мнению ученых, будет скоро истощена. Предполагается, что через 30 лет с небольшим все имеющиеся на земном шаре запасы нефти будут исчерпаны. Правда, к таким пророчествам нельзя относиться слишком серьезно. Ведь никто не знает, что сможет произойти через 30 лет. В этом отношении промышленность пережила уже величайшие сюрпризы, напр., если бы кто-либо 150 лет тому назад предсказал колоссальный расцвет железной промышленности, то ученые того времени с полным правом заявили бы, что это предсказание является фантастической утопией, которая никогда не может осуществиться; ибо для того, чтобы при помощи обычного употреблявшегося в то время дровяного топлива произвести плавление того количества руды, которое в настоящее время плавится в наших доменных печах, Германии ежегодно пришлось бы сжигать больше дров, чем могут поставить все ее леса вместе взятые²⁾. Кто мог бы в то время предположить, что мы научимся употреблять в таких громадных размерах каменный уголь в виде топлива! Но и помимо этого пророчества, надо иметь в виду, что каждый источник нефти чрезвычайно быстро истощается. Как установлено в настоящее время, каждая нефтяная скважина дает в каждом следующем году на 40% меньше нефти, чем в предыдущем году, так что каждая такая скважина может в лучшем случае действовать в течение десяти лет. Для каждой же такой скважины требуется в среднем капитал в 10.000 фунт. стерлингов. Этот капитал подлежит амортизации в 8—10 лет. Для частного капитала это означает необходимость весьма высоких цен,

---

1) «Мировые интересы английской нефтяной промышленности», Берлин, 1923 г.

2) Н. Г. Нейманн, Die Gemischten Werke im Deutschen Grossesengewerbe, Berlin, Cotta, 1904, S. 4.

и отсюда уже вытекает сильная склонность к тому, чтобы устранить конкуренцию путем образования трестов. Но этим еще далеко не все сказано. Существуют и различнейшие причины, благодаря которым увеличивается риск капиталиста, вкладывающего свои деньги в нефтяное производство.

Прежде всего, невозможно точно отграничить подземные запасы нефти. Капиталист может приобрести концессию на известную площадь земной поверхности, но никто не знает, не выйдут ли подземные нефтяные источники за пределы этой площади. Ежели это, как это часто бывает, действительно имеет место, то какой-либо конкурент может производить бурение в районе того же источника, и первому промышленнику не остается ничего другого, как в бешеном темпе стараться добыть из своей скважины как можно больше нефти. При этом фонтаны нефти действуют чрезвычайно неравномерно. Каждый день промышленник может ожидать того, что фонтан может дать больше нефти, чем он может захватить в имеющиеся у него цистерны. Таким образом потеряны были уже многие миллионы тонн нефти. А с другой стороны, может случиться так, что чрезвычайно богатый источник внезапно перестает давать нефть или заливается водой. Для того чтобы обеспечить себя против всех этих случайностей, нефтяной промышленник должен обладать как можно большим количеством нефтяных площадей, и к тому же, по возможности, в различных частях света. Лишь тогда он может рассчитывать на то, что в случае истощения одного какого-либо источника, он сможет получить компенсацию в другом месте. От этого происходит и постоянная тенденция нефтяного капитала переселяться с места на место. «Бывало, — пишет д-р Эссен, — что фирмы, которые были первоначально основаны для эксплуатации румынской нефти, должны были перенести свою деятельность в Южную Америку». Само собою понятно, какие тут необходимы громадные капиталы.

Затем надо принять во внимание и трудности транспорта. Первая часть транспорта от нефтяного фонтана к баку производится путем труб, которые уже по техническим соображениям не могут быть отделены от производства. Эти трубы принадлежат, таким образом, к общим производственным сооружениям и увеличивают тем самым вложенный капитал и связанный со всяким вложением капитала риск. Затем нефть должна быть из цистерны нагружена на пароход и отправлена в далекий порт. Эти нефтеводы не могут быть использованы ни для какого другого транс-

порта, а следовательно, они не могут получить обратного фрахта и зачастую должны долгие месяцы оставаться в бездействии, так как или фонтаны не дают достаточно нефти, или же по прибытии в порт назначения они не имеют возможности разгрузиться, чтобы не понизить цен. Существуют, кроме того, два совершенно различных рода перевозящих нефть пароходов, один—для перевозки сырой нефти, а другой—для перевозки бензина, и оба эти рода транспорта отнюдь не могут заменять друг друга. Ни один капиталист не может заниматься таким пароходством на собственный страх, так как риск был бы слишком велик. Вследствие этого нефтяному промышленнику приходится взять также и транспорт на себя, что также увеличивает его капитал и риск. Нефтеочистительные заводы также зависят в своем производстве от разных неправильностей, так что и очистка нефти тоже обычно принимается на себя тем же капиталистом, который добывает сырую нефть. И то же относится и к оптовой торговле. При нерегулярности в поставках, оптовик может рассчитывать на постоянный и правильный оборот лишь в том случае, если в его распоряжении находятся различные источники нефти в самых различных частях земного шара. А это точно также лучше всего достигается тем, если как производство, так и торговля планомерно сотрудничают в самом широком масштабе.

Другими словами, производство и снабжение нефтью может лишь в том случае производиться на рациональных началах, если все четыре различные части всего производства в совокупности, т.-е. добыча в узком смысле, очистка, транспорт и торговля, объединяются в одних руках. В этом-то и лежит основная причина широкого международного трестирования нефтяного производства. Д-р Эссен совершенно прав, когда он говорит: «Тем самым проявляется основная тенденция нефтяной промышленности, заключающаяся во все более тесном международном объединении, имеющем целью создать мировую монополию для общей пользы всего человечества».

Но в том факте, что эта мировая монополия организуется на частно-капиталистических началах, лежит известная опасность.

За первые 30 лет своего существования нефтяная промышленность играла важную роль лишь в одних Соединенных Штатах.

В 1870 году была основана «Standard Oil Company of Ohio», которая в 1882 году превратилась в «Standard Oil Trust». Этот трест подпал тотчас же общим законам капиталистического хозяйства, требующим непрерывного увеличения производства. Ежегодно

капитал его возрастал, в среднем, на 50%. Таким образом трест этот был принужден искать себе сферу применения вне своей страны, правда, в первую голову преимущественно в целях увеличения сбыта. Первоначально его энергия была направлена на то, чтобы подчинить своему господству южно-американские рынки. Кроме Америки, более или менее значительное производство имелось тогда лишь в России. Там господствовали группы Нобеля и Ротшильда, которые вступили в соглашение с Стандартом Ойль, так что американский трест нигде не наталкивался на равносильную конкуренцию. Когда при живейшем участии германского капитала расцвела румынская нефтяная промышленность, она точно также подпала американскому влиянию. «Европейский нефтяной союз в Бремене» («Europäische Petroleum Union zu Bremen») был общим предприятием, объединяющим европейских, голландско-индусских и американских капиталистов. Стандарт Ойль проник также и в Англию. Британская Нефтяная компания («Petroleum Company») 1906 года была основана им. Повсеместно на мировых рынках преобладала американская нефть.

Между тем в Англии поняли громадное политическое и военное значение нефти для ближайшего будущего. Уже в 90-х годах Англия налагает на американскую нефть таможенные пошлины и субсидирует с этого же времени «Burmah Oil Company», в то время самую большую нефтяную фирму. В 1907 году произошло объединение (фузия) между английским и голландским нефтяным капиталом. В 1909 году Бурма Ойль К^о приобрела концессии в Персии, при чем была основана англо-персидская нефтяная компания, первоначально с основным капиталом в 5 миллионов фунтов стерлингов (в настоящее время 20 миллионов фунтов стерлингов). С 1914 года участие английского правительства в этой компании составляет 50% основного капитала. С того времени английское правительство планомерно стремится к тому, чтобы организовать во всех частях света нефтяные станции для своих военных судов, подобно тому как раньше организовывались угольные станции. Внимание английского правительства было в этом отношении направлено на Персию, где находились большие запасы нефти. Именно в Персии Англия думала найти необходимые количества нефти, при чем добыча нефти в Персии совершенно не зависела бы от политики какого-либо другого капиталистического государства, и в то же время оттуда можно было организовать с наибольшей безопасностью транспорт во все пункты земного шара, не заходя при этом в Средиземное море. Кроме

того, Персия принадлежит к тем странам, которые наиболее отдалены от Соединенных Штатов.

Все это происходило еще до мировой войны. После войны все германские нефтяные площади в Румынии и Месопотамии перешли к Англии, и немедленно же, еще в 1918 году, английское правительство запретило продажу акций Англо-Персидской нефтяной компании и слившегося с ней с 1907 года голландского концерна Шелль («Shell Konzern»). Английское правительство само скупило эти акции и, кроме того, обеспечило за собою 75% нефтяного производства в Моссуле, точно так же, как право преимущественной покупки на все вновь открывающиеся нефтяные источники в Нидерландской Индии.

Таким образом английский и голландский нефтяные капиталы объединены в гораздо большей степени, чем американский, находясь к тому же под прямым влиянием английского правительства. По данным Эссена, уже в конце 1920 года концерн Англо-Персидской нефтяной компании объединял 77 отдельных обществ с номинальным капиталом в 120 миллионов фунт. ст.; сюда же надо присоединить и голландский концерн «Royal Dutch Shell» с 50 фирмами, так что весь объединенный здесь нефтяной капитал доходит до 300 миллионов фунт. ст. Кроме того, в оба концерна путем персональной унии, т.-е. путем занятия мест в дирекции и в наблюдательных советах, вошло еще 177 компаний с общим капиталом в 266 миллионов фунт. ст. Правда, на-ряду с этим имеется еще 174 независимых нефтяных компании, которые, однако, все вместе обладают капиталом всего в 52 миллиона фунт. ст. Эти последние общества поставляют всего 5% ежегодного мирового нефтяного оборота. В Америке же маленькие независимые предприятия дают все еще около 40% производства. Тут, между прочим, следует заметить, что большие компании давали в среднем от 30 до 50% дивиденда, в то время как маленькие компании как в Англии, так и в Америке отчасти работали в убыток или во всяком случае давали лишь незначительный дивиденд.

На практике в настоящее время единственным конкурентом является английская и американская нефтяная промышленность. Это надо понимать в двояком смысле: с одной стороны,—с точки зрения сбыта на мировых рынках, а с другой стороны,—в смысле обеспечения собственной страны с военной точки зрения. Опыт последнего десятилетия показывает, насколько опасна подобная конкуренция. «В 1921 году Англия истратила на различные сооружения для сохранения нефти

в наивозможно большем количестве пунктов земного шара 1½ миллиона фунт. ст., и все это делалось в целях снабжения английского военного флота. Азиатская нефтяная К^о («Asiatic Petroleum Company»), общество-дочь концерна Ройяль-Детч, располагалась в конце 1920 года уже 80 нефтяными станциями во всех более значительных портах мира и организовала еще 20 таких станций. В Рангуне, в местонахождении Бурма Ойл К^о, было построено 10 нефтяных баков со вместимостью 12.000 тонн». Разве это не тот же язык, который нам, к сожалению, так хорошо знаком из истории военных вооружений последних десятилетий перед мировой войной? Далее: начиная с 1911 года, англичане старались планомерно обеспечить себе нефтяные площади во всех частях света: «Английские пионеры были разсланы во все концы света в поисках нефти и нефтяных концессий. Деятельность этих пионеров после войны приняла еще более систематический характер. Весь земной шар разделен на районы. Министерство торговли посылает сведущих коммерсантов, которые обследуют различные рынки с точки зрения их потребностей и емкости». Эта планомерная деятельность принесла определенные результаты: «До войны в распоряжении Англии было более 20% всех известных нефтяных площадей, а после войны—уже более 60%».

Как не вспомнить при этом те разговоры, которыми в свое время пытались возбудить нас к войне, рассказывая о том, как немцы приобрели во всех областях преимущества перед Англией, и как англичане, завидуя нам и будучи не в состоянии справиться с немцами, решили обратиться к насилию! Разве между Англией и Америкой не устанавливаются совершенно такие же отношения? Пройдет еще немного времени, и теми же аргументами будут возбуждать американцев против англичан и наоборот! Между обоими государствами уже несколько раз начинались трения из-за нефти. Мы читаем у Ессена (стр. 49 и сл.): «Ввиду такого значительного расширения английской нефтяной индустрии неудивительно, что Соед. Штаты обеспокоены вопросом о том, насколько обеспечено в будущем их нефтяное снабжение... Американцы считают, что то тесное соглашение, которое было заключено 24 апреля 1920 года в Сан-Ремо между английскими и французскими нефтяными промышленниками, самым серьезным образом угрожает американским нефтяным интересам. И когда год спустя голландцам удалось обеспечить за Ройяль-Детч нефтяную площадь на Яве (Джамби), несмотря на энергичные протесты и тревожные ноты Соединенных Штатов, казалось уже,

что политическое положение серьезно обострилось. Соединенные Штаты выставили принцип открытых дверей, который на практике совершенно отрицается британской нефтяной политикой. Английский посол должен был заявить в Вашингтоне, что Англия не собирается обеспечить за собою мировую нефтяную монополию. В свою очередь, английская контр-атака, выразившаяся в нотах по поводу мексиканской нефти, носила настолько резкий характер, что американцы вынуждены были отвергнуть эти ноты». Правда, на этот раз удалось еще восстановить между обеими странами «нефтяной мир» (Ессен употребляет именно это характерное слово). Но это, понятно, очень мало значит, так как причина взаимного недовольствия не устранена, и само это недовольство рано или поздно должно вспыхнуть ярким пламенем. Совершенно бессмысленно закрывать глаза на эту опасность. Мы совершенно ясно видим тут возникновение одного из факторов будущей второй мировой войны. И все это из-за продукта, который по всей своей природе как бы создан для того, чтобы стать предметом общественного хозяйства. Только из-за неспособности частного капитала к такому общественному хозяйству и возникают эти противоположности интересов. Только поэтому нам угрожает опасность, что эта противоположность интересов выльется еще раз в форму кровавой бойни.

Но это только один пример того, как противоположность капиталистических интересов привела уже к дипломатическим осложнениям между Англией и Соединенными Штатами. Но нет никаких оснований сомневаться в том, что такие же осложнения будут возникать и при разных других случаях, и таким образом, мало-помалу создастся то раздраженное политическое настроение, то общее напряжение между мировыми державами, которое в 1914 году разразилось мировой войной.

Но если дело пойдет так далеко, то нам навязывается еще несколько совершенно ясных выводов. В первой мировой войне Германия, так сказать, одна против целого мира. Со всеми своими союзниками Германия могла в начале войны выставить приблизительно лишь половину того количества солдат, которое выставили ее противники. К тому же между союзниками и Германией находились чехи, мадьяры, кроаты, поляки и т. д., которые наверняка сражались за Германию без особенного воодушевления. Когда же Италия перешла в лагерь врагов Германии, то тогда соотношение сил стало еще неблагоприятнее. И, наконец, германской дипломатии удалось-таки доставить английскому капиталу

помощь его опаснейшего конкурента, именно Соединенных Штатов, так что к концу войны соотношение между обоими враждебными лагерями было приблизительно как 1 к 3 $\frac{1}{2}$. И несмотря на это, Германия в течение 4 $\frac{1}{4}$ лет оказывала сопротивление! Чего же нам следует ожидать, когда столкнутся два таких равнодостоинных противника, как Англия и Соединенные Штаты! Соперники эти равнодостоинны как по своим силам, так и по своим резервным ресурсам, по хитрости своей дипломатии, которая всячески будет затруднять попытки противника переманить на свою сторону другие страны, как Франция, Япония и т. д. Сколько лет кровопролития и ужаса предстоит нам в этом случае!

Глава десятая.

Средства капиталистического восстановления.

А. Концентрация капитала.

Мы уже видели, что с конца мировой войны и по крайней мере до 1923 года происходило увеличение производства. Если же мы обратимся к вопросу относительно тех средств, при помощи которых капиталу удалось достичь этого успеха, то мы прежде всего должны отметить давно испытанный метод концентрации капитала. По этому вопросу мы сперва приведем следующие данные, заимствуемые нами из статьи д-ра А. Галази ¹⁾.

Галази исходит из того, что за время войны во всех более значительных странах было частично организовано принудительное хозяйство, которое заставило предпринимателей объединиться «отчасти для того, чтобы совместно выступать перед государством, отчасти же для выполнения определенных работ (распределения между собою заказов, проведения военно-хозяйственных мероприятий и т. п.). Так, например, в Англии в течение войны каждая отрасль промышленности, каждая отрасль торговли организовала собственное представительство интересов, даже в тех областях, где раньше ничего подобного не существовало. Точно также и во Франции к этому времени относится усиленная организация предпринимательских объединений». Помимо этого, военные заказы повсеместно содействовали искус-

¹⁾ «Die neuen Tendenzen der Production nach dem Kriege» — статья в журнале: «Die Internationale Gewerkschaftsbewegung», Amsterdam, 1924, №№ 3 и 4.

ственному развитию тяжелой индустрии, «также и в тех странах, где для этого отсутствовали естественные предпосылки, как, например, в Италии, которая, не имея ни угля ни железа, в течение войны создала, однако, громадную тяжелую индустрию. В Соединенных же Штатах война привела к колоссальному расширению добычи угля и железной и стальной промышленности, а также чрезвычайно повысила производительность всех предприятий». Этот процесс продолжался и после войны. Галази пишет по этому поводу следующее: «Английская тяжелая промышленность, которая до войны еще не была концентрирована, проделала за это время колоссальный процесс концентрации, и к тому же—что составляет совершенное новшество для английского промышленного развития—концентрация эта носила не только горизонтальный, но одновременно и вертикальный ¹⁾ характер. За последние годы в Англии объединилось значительное количество крупнейших предприятий, начиная от угольных копей и кончая последней обработкой железа. В Скандинавии картелирование и трестирование тяжелой промышленности произошло точно также лишь после войны. В Соединенных Штатах, где уже прежде господствовал могучий стальной трест «United States Steel Corporation», объединились четыре до сих пор независимых крупнейших стальных компании и образовали один колоссальный трест, так называемый Вифлеемский, с акционерным капиталом в 400 миллионов долларов... Точно также и дальнейшее трестирование угольных и медных копей сделало большие успехи. Французская тяжелая промышленность проделала после войны гигантское развитие, основывающееся в первую голову на присоединении Эльзас-Лотарингии. Германские предприятия в Эльзас-Лотарингии были разделены между пятью мощными группами тяжелой промышленности. В Германии наблюдалась еще более глубокая концентрация тяжелой индустрии; там в настоящее время десять громадных концернов господствуют над всей тяжелой промышленностью. Французская и германская тяжелая промышленность, в особенности же французская фирма Шнейдер-Крезе и германская фирма Стиссеса, с большим успехом занималась скупкой тяжелых промышленных предприятий в других европейских странах, а именно, пер-

---

1) Горизонтальный характер — соединение однородных стадий производства; вертикальный — соединение различных стадий производства, следов., комбинированные предприятия.

вая фирма—в Чехо-Словакии и Польше, а Стиннес—в Австрии, Венгрии и на Балканах. В Италии концентрация тяжелой промышленности была уже проведена в крупном масштабе во время войны. Высокая степень концентрации континентальной тяжелой индустрии прокладывает дорогу плану гигантского европейского, а следовательно, международного железного и стального треста, такого треста, который как по запасам сырья, так и по производительности превосходил бы самые крупные американские тресты.

«Концентрация банковского капитала тоже далеко ушла вперед за время войны. В Англии этот капитал в настоящее время сконцентрирован в пяти больших группах... Нефтяной капитал открывает совершенно новую главу в истории промышленного развития».

Мы заимствуем из брошюры Рубинштейна ¹⁾ следующие данные о концентрации капитала после войны: «В Германии концерн Стиннеса, согласно неполному списку в «Unternehmer Taschenbuch», в 1922 году объединял 308 фабрик, 260 угольных копей, 65 железных копей, 140 транспортных предприятий, 285 электрических станций, 160 банков и торговых компаний и 120 иных предприятий, а всего 1.358 предприятий, не считая поместий».

Всеобщая компания электричества, кроме различнейших электрических фабрикатов, занимается еще производством паровых машин, турбин, автомобилей, аэропланов, железнодорожного материала, пишущих машин, арифмометров, локомотивов, вагонов, стекла, фаянса и т. д. В 1923 году этой компании принадлежали 1.838 предприятий в различных отраслях промышленности, горного дела, транспорта, банковского и торгового дела и сельского хозяйства, с общим капиталом в 15 миллиардов марок. Другие германские концерны, как Ганцель, Тиссен, Клекнер, Крупп, Вольф, Гапак и т. д., хотя и не столь громадны, но по существу мало чем отличаются от уже названных гигантских концернов. К тому же все эти концерны связаны между собою бесчисленными нитями, так что в настоящее время уже вполне явственно можно наблюдать постепенное образование одного единственного гигантского треста, охватывающего всю Германию.

В Англии так же, как и везде, крупные предприниматели

---

¹⁾ M. Rubinstein. Die Konzentration des Kapitals und die Aufgaben der Arbeiterklasse. Изд. К. С^о, I 1924.

воспользовались своими военными барышами для скупки акций различных акционерных компаний и перешли, таким образом, точно также к вертикальной концентрации. Трест Балдвина обладает угольными и железными копиями, предприятиями для производства как полуфабрикатов, так и готовых изделий, а кроме того, различнейшими торговыми и транспортными предприятиями, цементными фабриками, кирпичными заводами, химическими предприятиями и т. д. Рубинштейн, кроме того, называет еще следующие английские тресты: Виккерс, Армстронг, производящие на-ряду с пушками и аэропланами также и бумагу и фаянс, концерн Нобеля, бр. Левер, которые начали с мыла и глицерина и затем стали скупать банки, пароходы, машиностроительные заводы, копи, строительные предприятия, нефтеочистительные заводы, фабрики для производства бумаги, удобрительных веществ и пр., так что в 1921 году их трест объединял 140 различных компаний. Кроме того, надо отметить еще Британский синдикат для производства красок, а затем уже упомянутую концентрацию всего банковского дела в пяти крупнейших банках. «5—6 громадных концернов господствуют в настоящее время в английской промышленности».

Во Франции тенденции концентрации не так явственны, но и там наблюдается громадное распространение трестов тяжелой промышленности. Шнейдер-Крезо приобрел после войны банки и нефтяные источники, монополии на телеграфное и телефонное сообщение, торговые предприятия и т. п. «Comité des Forges», это—не трест, а более или менее свободное объединение около 100 предпринимательских синдикатов, обнимающих 7.000 фирм металлообрабатывающей и электрической промышленности и горного дела. Но это объединение мало-по-малу становится более тесным, и за последние годы эта организация попала под руководство небольшой группы крупнейших предпринимателей, в особенности группы де-Венделя. Такие же тенденции капиталистического развития, и в особенности вертикальной концентрации, наблюдаются в Чехо-Словакии, Австрии, Скандинавии, Балканских странах и т. д.

В Соединенных Штатах Рубинштейн называет прежде всего, понятно, Стальной трест, который наложил свою руку на железную руду в области Верхних озер, а также на железнодорожные и паровозные линии, угольные копи, доки и т. д.; затем гигантский нефтяной трест Стандарт Ойл К^о. Он обладает теперь, кроме нефтяных источников, еще 700.000 нефтяных вышек, тыся-

чами цистерн, сотнями океанских пароходов, гигантскими складами, доками и т. д. и переходит сейчас к тому, чтобы распространить свое влияние на производство газа и электричества. С этой целью он проникает в медный концерн «Анаконда», объединяется с Цементным трестом, с копаниями по добыче цинка и свинца, а также с водными станциями и с телефонными и телеграфными предприятиями; затем следует Мясной трест, объединяющий 500 крупных предприятий пищевой промышленности, а также производство мыла, удобрения и т. д. Затем железные дороги, банки, угольные копи, цементные и кирпичные заводы, элеваторы и т. д.; Автомобильный трест, занимающий в настоящее время 50.000 рабочих, и который по примеру прочих трестов объединяется с химическими заводами, заводами по производству динамита, пороха и т. д. На-ряду с этим развивает свою деятельность Форд, который точно также стремится приобрести в собственность все те предприятия, которые необходимы для производства автомобилей,—между прочим, железные дороги и паровозные линии. И все это является лишь небольшим образчиком американского трестирования.

И, наконец, в Японии мы наблюдаем ту же картину вертикального трестирования. Рубинштейн называет четыре крупных концерна, которые совершенно так же, как и в странах более старого капитализма, объединяют всевозможнейшие предприятия: банки, горное дело, верфи, металлообрабатывающую промышленность, электрические фабрики, торговые предприятия, страховые общества, сахарные заводы, пивоварни, предприятия по обработке дерева и для производства удобрения, паровозные линии и т. д. На-ряду с этими крупными трестами, имеется еще ряд более мелких вертикальных трестов, при чем замечается также взаимное проникновение одних трестов в другие.

Крупную роль, впрочем, во всех странах играет также и трестирование «общественного мнения», т. е. скупка газет теми же крупными концернами. В Соединенных Штатах уже около 17.000 ежедневных газет и иных изданий находятся под диктатурой трестов. В Англии пресловутый лорд Нортклиф в 1922 г. обладал 75 газетами и журналами, а также бумажными фабриками и типографиями. В настоящее время его нет в живых, но его брат, не менее известный лорд Розермир, продолжает начатое дело в том же духе, объединяясь с другими газетными капиталистами и продолжая скупать «общественное мнение».

В Германии Стиннес начал в последние годы скупать газеты,

типографии, бумажные фабрики и т. д. Незадолго до его смерти ему, как говорят, принадлежало 138 газет. Франция еще несколько отстала в этом отношении, но и там начинается тот же процесс; так, например, известный владелец парфюмерных фабрик Коти скупил в Париже ряд распространенных ежедневных газет, в том числе «Фигаро».

Ввиду важности предмета, мы считаем нужным привести относительно процесса капиталистической концентрации, в особенности в Германии за послевоенный период, соображения еще некоторых других авторов. Профессор Бекман ¹⁾ считает важнейшей движущей силой концентрации германской тяжелой индустрии потерю Эльзас-Лотарингии. Во Франции, наоборот, как мы только что видели, приобретение Эльзас-Лотарингии послужило как раз толчком к концентрации. Это показывает, насколько поверхностны все эти «объяснения». Для них достаточно найти какой-нибудь внешний повод, при чем не обращают никакого внимания на то, что тот же самый повод сегодня оказывает одно действие, а завтра совершенно противоположное. Если бы они обратили на это внимание, то они бы поняли, что все эти внешние поводы являются лишь проявлением глубоко скрытых причин, но они вовсе не желают этого понимать и предпочитают закрывать глаза на неудобные для них факты.

Профессор Бекман пишет: «В 1871 году Лотарингия не имела никакой промышленности; в 1913 году Лотарингия производила 7 миллионов тонн чугуна, т.-е. половину всего германского производства, в ней находились 40% германских доменных печей и сталелитейных заводов, 30% германских сталепрокатных заводов, $\frac{3}{4}$ германского экспорта чугуна шло из Лотарингии». Затем последовало отторжение Лотарингии, и тем самым Лотарингия и Рурская область были оторваны друг от друга, в то время как обе эти области в действительности представляли собой «цельный индустриальный район, к тому же систематически организованный». Приблизительно до 1900 года лотарингская руда перевозилась в Рурскую область и подвергалась там дальнейшей обработке. За это время главную роль начало играть отопление коксом, и, следовательно, стало экономнее перевозить кокс к руде. «С этих пор рурский кокс перевозится в Лотарингию, где с его помощью на вновь возникающих чугунно-плавильных

---

¹⁾ F. Boeckmann. Der Zusammenschluss in der Westdeutschen Grossindustrie, Koeln, Oscar Müller, 1922, S. 20.

заводах подвергается обработке лотарингская железная руда («Minette»). Таким образом оба района также взаимно проникали друг друга: «Доменные печи, сталелитейные и сталепрокатные заводы строятся в Лотарингии; в Рурской области на-ряду с некоторыми более старыми сооружениями остается лишь то производство, которое занято конечной стадией обработки железа, т.-е. машиностроение и т. п. Заводы переносят свои новые сооружения в Лотарингию, в то время как более старые заводы остаются пока в Руре. Этот процесс перемещения еще не был вполне закончен, но в основе организационная структура обеих областей была полностью проведена, и получилось разделение труда в крупнейшем масштабе. Рурская область поставляла кокс, а Лотарингия посылала обратно в Рур чугун или сталь, которые подвергались дальнейшей обработке в Рурской области».

Это сотрудничество прекратилось вследствие французской аннексии Лотарингии. «В настоящее время немецкие предприятия тяжелой промышленности заключены в Рурской области, т.-е. они превратились в туловище без ног и головы, которому недостает начальных стадий производства, т.-е. доменных печей, сталелитейных заводов и т. д. Рурская область сама по себе нежизнеспособна. Поэтому отдельные заводы объединяются между собою для того, чтобы сделать возможным какое-либо хозяйствование. В этом цель концерна Клекнера, который после потери своих лотарингских заводов объединяется со сталелитейным заводом Гарпера, а также с иными предприятиями этого же рода. И кроме того, сооружает новый сталелитейный завод в Дюссельдорфе. По этой же самой причине объединяются и Гросс-Гельзенкирхен и Дейтч-Люксембург (Кирдорф и Стиннес). То объединение интересов, позвоночным хребтом которого является Крупп, в 1922 году находится еще в процессе образования...»

Бекман останавливается еще в дальнейшем подробно на примере концерна Клекнера, «Рейн—Эльба Унион», заводов Штумма и др. и заключает свои соображения так: «Смысл всех этих новых крупных концернов в западно-германской горной промышленности заключается в лучшем использовании и взаимном дополнении тех клочков индустрии, которые остались в Рурской области».

Это объединение различных производств в настоящее время совершается преимущественно на тех же основаниях, что и до войны, т.-е. путем планомерного разделения труда. Бекман пишет: «Для того чтобы поднять производительность труда, однород-

ные предприятия объединяются в большие группы, устанавливают общие типы и предоставляют каждому заводу производство одного какого-нибудь специального сорта, который затем выбрасывают на рынок целыми массами. Вся отрасль производства превращается в единый производственный организм, каждое звено которого имеет строго ограниченную область действий. Этим способом создается горизонтальное объединение однородных предприятий. Смысл горизонтального объединения заключается, в общем, в производственной программе, которая определяет специальную область каждого предприятия».

Этот способ объединения уже проведен наиболее последовательным образом в производстве цинка, на пивоваренных заводах, в крупной химической и автомобильной промышленности.

Господин профессор не замечает, конечно, что тот процесс, который он изображает и славословит, является не чем иным, как одним из этапов на пути к коммунистическому хозяйству. Ему в голову не приходит мысль, что если планомерное, хотя бы и частичное, объединение нескольких предприятий и отдельных отраслей производства в такой сильной степени увеличивает производительность труда, то насколько более значительны были бы выгоды, если бы это планомерное объединение было распространено на всю промышленность, на всю нацию, на все цивилизованное человечество. Но ведь это и есть цель коммунизма, заключающаяся в том, чтобы поднять производство на наибольшую высоту, обеспечить хлеб для всех, устранить причины войны и поднять человечество на такую высоту, на которой оно, освободившись от материальных забот о куске хлеба, только и сможет начать борьбу за настоящую культуру. Господин профессор не подозревает, что, изображая следующими словами выгоды объединения, он, в сущности говоря, восхваляет коммунизм: «При таком разделении труда производительность его возрастает в различных направлениях: новые способы производства, требующие новых сооружений, организуются общими силами, — другими словами, сберегается как капитал, так и труд. Все патенты и изобретения свободно обращаются внутри объединения, при чем для этого не требуется никаких специальных соглашений или компенсаций ¹⁾, так что каждый новый сберегающий труд метод сейчас же становится достоянием всех предприятий.

---

¹⁾ Как бранят коммунистов за то, что они хотят ввести безвозмездные услуги! Ведь в коммунистическом обществе каждая услуга становится достоянием всех.

Лаборатории для опытов устраиваются совместно. Точно также отпадают непроизводительные издержки, которые неизбежны при сбыте одних и тех же фабрикатов несколькими производителями, и, наконец, каждое отдельное предприятие путем специализации и разделения труда достигает высшей степени производительности».

Вот еще один пример того, как сам крупный капитал на практике доказывает, что экономический прогресс требует коммунистических методов. Нам остается только убедиться в том, что на известной стадии интересы капитала делают невозможным дальнейший прогресс в этой области. Бекман сам в дальнейшем говорит об этом в своей брошюре: его буржуазная совесть требует от него сломить копьё в пользу поддержания класса предпринимателей как в смысле количественном, так и в качественном ¹⁾. Тогда сам собою навязывается вывод, что в интересах всего общества и в интересах прогресса эти частные интересы капитала должны быть преодолены и тем самым доказана необходимость коммунистической политики.

Приводимые Бекманом факты во всех частностях подтверждаются изданной правлением Германского союза металлистов работой: «Концерны в металлообрабатывающей промышленности» ²⁾. Эта работа представляет собою, в сущности говоря, подробное описание существующих в германской металлообрабатывающей промышленности крупных предприятий и их объединения в картели, тресты и концерны. Громадное увеличение концентрации капитала после войны эта книга объясняет, кроме потери Лотарингии, еще и другими причинами, в том числе и желанием поднять колоссально упавшее после войны производство, а также облегчить сбыт и кредитные операции. Большую роль играли тут также громадные суммы, полученные владельцами отошедших к Франции лотарингских заводов от германского правительства. Эти суммы нужно было, ввиду прогрессирующего обесценения как германской марки, так и французского франка, как можно скорее вложить в какое-нибудь предприятие. Гуго Стиннес в своей известной речи в но-

---

¹⁾ Не лишне заметить, что коммунизм, конечно, и не думает о том, чтобы устранить хозяйственные функции предпринимателя, как организатора предприятия, но предприниматель, как и всякий другой человек, должен работать для всего общества, а не в своих частных интересах, которые часто наносят этому обществу прямой вред.

²⁾ Вышла в издании A. Schleicke und C^o, Struttgart, 1923, 352 S.

ябре 1922 года высказал следующую, несколько странную мысль: «При недостатке денег промышленность более склонна к вертикальному объединению, а при обилии денег — к горизонтальному объединению». При этом он, конечно, имел в виду те громадные денежные суммы, которые явились результатом правительственного вознаграждения промышленникам. Ближайшим следствием этого явилось важное видоизменение структуры германской тяжелой промышленности. До этого времени в этой промышленности преобладали смешанные предприятия, которые пытались объединить в одних руках, по возможности полностью, все производство какого-нибудь продукта, начиная с первоначального сырья, как уголь и железо, вплоть до совершенно отделанного фабриката, как, например, железнодорожного вагона. В этой области и в постоянном соперничестве друг с другом и выросли концерны Стинеса и Кирдорфа. Теперь эти концерны стремятся объединиться друг с другом, и отсюда получают новые образования, которые отказываются от включения некоторых первоначальных стадий производства, но взамен этого все более разрастаются вширь и рядом с собой почти уже не оставляют места для более мелких предприятий, хотя бы и в области производства специальных готовых изделий¹⁾.

Само собою разумеется, что сильный рост концентрации капитала и производства после войны не мог обойтись без трений.

Мы лучше всего уясним себе существо этих трений, если остановимся на новейшем развитии Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Напомним вкратце его развитие. До войны в 1913 году в Германии, в общем, было добыто всего 191,5 милл. тонн каменного угля, из которых 101,6 милл. тонн, т.-е. 53%, или

---

¹⁾ Мы считаем полезным указать здесь на один пробел в книге «Концерны в металлообрабатывающей промышленности», в общем прекрасно составленной. Совершенно правильно книга подчеркивает, что этот переворот в промышленности представляет громадную важность и для рабочего движения. Полное изменение структуры крупной промышленности, которая в своем развитии не останавливается ни на один день и все время непрерывно втягивает в себя всевозможные менее крупные, мелкие и даже самые ничтожные предприятия, ставит, конечно, и перед рабочим движением совершенно новые задачи; но на этом эта обстоятельная книга почему-то обрывается, что тем более прискорбно, что мы имеем дело с изданием правления крупнейшего немецкого профессионального союза. Но большим шагом вперед является уже то обстоятельство, что авторы книги доходят до вывода, что в таких всеобъемлющих концернах, обнимающих различнейшие предприятия, фабрично-заводские комитеты должны объединяться для общей деятельности, и что вообще профессиональные союзы в их прежнем виде (организованные лишь по

более чем половина добычи, приходилось на Рейнско-Вестфальский синдикат. В производстве кокса и угольных брикетов его доля была еще больше, именно, 66,78%. Но внутри синдиката уже в то время несколько крупных фирм пользовались громадным влиянием. В общем, в то время к синдикату принадлежали 62 предприятия. Из этих предприятий 12 были очень крупных размеров, которые сумели овладеть наибольшей долей производства. В синдикате, например, участвовало 33 средних и более мелких предприятия, которые вместе участвовали в производстве всего на 15,3 милл. тонн каменного угля (речь идет тут не о действительном производстве, а о так называемой «квоте участия», т.-е. о том количестве угля, которое данное предприятие могло произвести ежегодно). Напротив, самое крупное предприятие, «Гельзенкирхенер Бергбау», производило одно почти 10 миллионов тонн; следующее за ним, Гарпенер—почти 8 милл. тонн, так что оба эти предприятия вместе производили больше, чем все вышеупомянутые предприятия, вместе взятые. Участие в производстве всех 12 крупнейших предприятий достигало 47,6 милл. тонн ежегодно. Вообще синдикат весьма содействовал объединению в крупные предприятия. Число его членов постоянно падало, в то время как производство возрастало. Каждое отдельное предприятие становилось, следовательно, больше. Этот процесс вполне явственно обнаруживается из следующей таблицы:

	Число членов синдиката	Общее производство	В среднем, приходится на 1 члена
1898 г.	96	33.500.000 тонн	349.000 тонн
1904 »	84	53.800.000 »	641.000 »
1914 »	62	88.600.000 »	1.429.000 »

профессиональному принципу) недостаточны, и что они должны уступить место производственным союзам. Но даже и эта мысль только намечается в самом конце и не развивается дальше. Впрочем, дальнейшее развитие этой мысли возможно было бы только в том случае, если бы авторы отказались от старой догмы, что профессиональные союзы должны заниматься исключительно непосредственным улучшением экономического положения рабочих, и что все прочее их совершенно не касается. Составители книг должны были бы понять, что длительное улучшение экономического положения рабочих теснейшим образом связано с развитием самой крупной промышленности, которая, как это показано выше совершенно определенно, идет по пути социализации. Поэтому все силы рабочего движения и в особенности профессиональных союзов должны быть направлены на усиление этого развития и в конечном счете на экспроприацию капитала. В лице фабрично-заводских комитетов уже имеется налицо орган, который в этом смысле имеет уже совершенно иные задачи, чем чисто профессиональные (в старом смысле этого слова),

Приблизительно одинаково, в сущности говоря, было положение в железоделательной промышленности. Синдикат по выработке чугуна, основанный лишь в 1911 году, к началу войны охватывал почти все производство. Синдикат насчитывал 37 членов, которые, в общем, выбрасывали на рынок 3—4 миллиона тонн ¹⁾. Из этого количества около 2 миллионов тонн, т.-е. значительно больше чем половина, производилось 11 предприятиями. Основанный в 1904 году Стальной синдикат насчитывал вначале всего 31 члена, а к началу войны—всего только 25; в то же время производство так называемых продуктов А (производство которых, в отличие от продуктов Б, было целиком монополизировано синдикатом) возросло с 4,4 до 6,5 миллиона тонн. Рост отдельных предприятий ясно отражается в этих цифрах; среднее производство каждого члена синдиката возросло со 142.000 тонн до 258.000 тонн. Но совершенно так же, как и в других синдикатах, тут имелись 12 предприятий, которые производили 4,7 миллиона тонн,— другими словами, эти 12 предприятий, т.-е. менее половины членов синдиката, давали почти 74% производства.

В том же направлении шло развитие химической, текстильной и других отраслей промышленности. В 1913 году в Германии было зарегистрировано 600 картелей. Другой процесс развивался в калийной промышленности, как мы упоминали в одной из предыдущих глав, где вследствие вмешательства государственной власти число предприятий возрастало скорее, чем производство.

Таково было положение к началу мировой войны. В последующие годы концентрация капитала значительно ускорилась. К чему это привело, об этом дают некоторое понятие заключенные в 1922 году новые синдикатские договоры. Правда, нам приходится принимать здесь во внимание лишь так называемые цифры участия, так как точные данные о производстве имеются не для всех предприятий. В Рейнско-Вестфальском угольном синдикате 10 крупнейших предприятий давали половину, если не больше, всего производства. Каждое из этих предприятий в настоящее время представляет крупный концерн, не занимающийся только добычей угля, но одновременно играющий важную роль в железной и стальной промышленности, а также в тех отраслях

---

¹⁾ Это составляло всего $\frac{1}{4}$ производства. Остальные $\frac{3}{4}$ были потреблены самими предприятиями. Ср. М. Нахисон, Мировое хозяйство до и после войны, т. I, стр. 130.

производства, которые занимаются дальнейшей обработкой железа. В 1914 году это не было еще общим правилом. На те же самые концерны в синдикате по выработке чугуна приходилось около 60% участия, а в Стальном синдикате почти 66%. Если сюда еще прибавить оба концерна Борзига и Всеобщую компанию электричества (АЭГ), не обладающие собственными угольными копями, то эти 12 концернов охватывают около 72% всего немецкого производства железа и стали. Если же принять во внимание только Рейнланд и Вестфалию, то в этом районе на концерны приходилось 82% стального производства и 94% доменных печей. В это усиленное развитие концентрации капитала вторгается к концу 1923 года кажущийся диссонанс. Во всех значительных синдикатах начались конфликты, которые затрудняют их дальнейшее существование и, во всяком случае, возобновление синдикатских договоров по истечении срока.

Договор Рейнско-Вестфальского угольного синдиката истек 31 декабря 1923 г. Уже в начале декабря начались переговоры о возобновлении договора, но при этом часть членов предъявила много специальных требований, которыми и обусловила свое дальнейшее пребывание в синдикате, так что в течение долгого времени можно было сомневаться, удастся ли вообще притти к соглашению. В это время вмешалось правительство и особым декретом принудительно предписало продолжение синдикатского договора до 15 января 1924 г., так как в конце декабря все еще переговоры не привели ни к какому результату. С большими усилиями удалось, наконец, 5 января 1924 г. сговориться относительно нового договора, который однако значительно менее стеснителен, чем старый. Сперва срок этого договора ограничивался лишь одним годом, именно до 31 декабря 1924 г., и при некоторых обстоятельствах от него можно было отказаться еще и раньше. Затем в синдикат входили не все прежние члены. Хотя уменьшение участвующего в синдикате производства составляет всего 2½%, и к тому же это уменьшение зависит от отпада предприятий, частью или целиком отошедших к Франции, все же так называемые аутсейдеры (т.-е. стоящие вне синдиката предприятия) тем самым несколько усилились, и наконец—и это самое важное—вступающие в синдикат предприятия значительно менее связали себя договором, чем раньше. Это ослабление договорной связанности зашло так далеко, что пришлось даже отказаться от наименования «синдиката», и новое объединение было названо «Объединение для распределения и продажи рурского угля». И

это вполне правильно, так как под синдикатом мы понимаем такое объединение, которое берет на себя всю продажу производства своих членов, так что отдельные предприятия не приходят более в прямое соприкосновение с покупателями, а продают все свое производство одному лишь синдикату. Но об этом при новом договоре не может быть и речи, так как в настоящее время членам предоставляется право самостоятельной продажи или вообще использования значительного количества произведенного угля. Сюда, напр., относится то количество угля, которое в качестве так называемых репарационных поставок поставляется во Францию, Бельгию, Италию, Люксембург и т. д.; кроме того, тот уголь, который потребляется служащими и рабочими самых предприятий, и, наконец, тот уголь, который непосредственно потребляется самим предприятием. И тут надо сказать, что границы этого понятия, т.-е. собственного потребления, обозначены чрезвычайно хорошо. Под «собственным потреблением» понималось не только то количество угля, которое действительно сжигалось в собственном производстве, но также и тот уголь, который потреблялся в каком-либо предприятии, которое само по себе и не было членом синдиката, но состояло в тех или иных отношениях с входящим в синдикат предприятием, будь то так называемая общность интересов или иная какая-либо форма взаимного участия. В этом случае от 30 до 50% потребления этого предприятия засчитывались как собственное потребление членов синдиката. Кроме того, сюда присоединялась продажа в целый ряд заграничных районов, а именно в Голландию и за океан. Все эти значительные количества угля отныне не сбывались через синдикат, а могли непосредственно продаваться отдельными членами. Такое объединение вряд ли еще может быть названо синдикатом, хотя большая часть членов добровольно передала продажу за границу в руки «объединения».

Этот процесс означает, понятно, значительное ослабление той внутренней связи, которая до сих пор воплощалась в Рейнско-Вестфальском угольном синдикате. Но означал ли этот процесс также и ослабление концентрации капитала? Ни в каком случае! При ближайшем рассмотрении мы можем установить как раз обратное. Ведь кто были те предприятия, которые ставили условия, ослаблявшие синдикат? Какие предприятия предпочитали лучше отказаться вообще от какого-либо объединения, чем от расширения своей самостоятельности? Ведь это были именно те крупные и крупнейшие фирмы, из которых каждая представляла гигантский

концерн, т.-е. громадную концентрацию капитала, гораздо более тесную, чем какой-либо синдикат. Первые затруднения в связи с продлением синдикатского договора возникли уже в ноябре 1923 года вследствие выступления концерна Стиннеса и Клекнера. Концерн Стиннеса является в настоящее время самым большим трестом в Германии, а концерн Клекнера по своему объему стоит на третьем или четвертом месте. Сперва оба эти концерна делали вид, что они вообще предпочитали бы обойтись без всякого объединения и получить полную свободу при производстве и продаже своего угля. Экономическая пресса, не исключая и буржуазной, с самого начала совершенно правильно поняла смысл этого выступления и его значение: дело шло об усилении положения крупных концернов внутри синдиката. Менее крупные предприятия, в особенности так называемые «чистые предприятия», которые заняты исключительно добычей угля, вынуждены были присоединиться к одному из концернов. Таким образом тот процесс, который на первый взгляд казался ослаблением капиталистической концентрации, на самом деле означал его усиление и ускорение.

Еще с большей ясностью та же тенденция проявляется в развитии калийной промышленности. Эта последняя промышленность, как уже указано выше, с 1910 года объединена имперским законом в принудительный синдикат. С начала 1924 года в калийном синдикате начались большие разногласия. В 1923 г. сбыт кали сильно уменьшился, а именно на 40% по сравнению с 1922 годом. Следует в особенности отметить, что преимущественно германское сельское хозяйство уменьшило свое потребление этого важного удобрительного продукта, в то время как сбыт за границу не уменьшился (следует, между прочим, заметить, что тем самым опровергается утверждение, что уменьшение сбыта явилось следствием конкуренции эльзасских предприятий). Общественное мнение узнало об этом конфликте в следующей форме: часть членов калийного синдиката утверждала, что цены являются слишком высокими и должны быть значительно снижены. Это такой аргумент, против которого ничего нельзя сказать. Каждый, конечно, ожидает, что при понижении цен будет сбываться больше кали. Но тут на сцену выступает другая группа калийных предприятий и заявляет, что все это лишь один блеф с целью уничтожения более мелких предприятий, т.-е. что дело идет о том, чтобы ускорить концентрацию капитала, с тем чтобы затем опять поднять цены. И при ближайшем рассмотрении оказывается,

что как будто и против этого аргумента ничего нельзя возразить.

Требование относительно понижения цен на кали исходило от концерна Винтершалль. Это, несомненно, самый крупный концерн калийной индустрии, который в начале 1924 года охватывал 40% всего производства. Ему, следовательно, недоставало лишь немного, чтобы захватить большинство в калийном синдикате. Но он все еще не имел этого большинства, и его противники обвиняли его в том, что он стремится к тому, чтобы путем понижения цен сделать невозможным существование средних и мелких предприятий, которые обладают меньшим капиталом, и издержки производства которых относительно более высоки. Когда эти предприятия не смогут более выдержать конкуренции, Винтершалль скупит их акции и, получив таким образом большинство в синдикате, вновь подымет цены.

Намерения концерна Винтершалль тут, вероятно, правильно обрисованы, хотя само собою, разумеется, сам концерн и оспаривает это. Противники Винтершалля далее заявляли,—и тут они несомненно были правы,—что прекращение производства на целом ряде средних и мелких заводов повлечет за собою величайшую нужду для значительного количества рабочих, которые лишатся куска хлеба. В этом случае много рабочих поселков стали бы перед катастрофой. Сам концерн Винтершалль наполовину признался в своих планах, заявив, что закрытые предприятия, т.-е. конечно их владельцы и акционеры, в течение ряда лет получают известную долю в прибылях других заводов. Как бы то ни было, Винтершалль шаг за шагом провел свой план. Сперва были понижены цены на все сорта кали, наиболее необходимые для сельского хозяйства (приблизительно на 20%), а затем синдикат предоставил покупателям очень выгодный кредит не менее чем на 8 месяцев, что означало новое понижение цен приблизительно на 10%. Развитие, таким образом, шло именно по тому пути, который был желателен Винтершаллю: ослабление мелких предприятий и, следовательно, переход всего влияния в синдикате в руки одного или нескольких трестов.

Аналогичные сведения имеются и относительно других крупных синдикатов: так, напр., относительно синдиката по выработке чугуна, стального синдиката, железодельного синдиката и т. д.; даже в синдикате по выработке бензола и в объединении по продаже аммиака крупные концерны пытались оперировать аналогичным образом: «Frankfurter Zeitung» (от 27 января 1924 г.) характеризует этот процесс совершенно правильно следующим об-

разом: картели и тресты находятся между собою, в сущности говоря, в прямом противоречии. Куда ни глянешь, можно заметить, что именно жажда власти самых крупных концернов разрушает картельное объединение. Картели, возникшие когда-то в качестве связи между крупно-капиталистическими предприятиями, давно уже превратились лишь в жалкую попытку охраны интересов нового крупно-капиталистического «среднего сословия». Пройдет еще немного времени, и эта форма объединения будет принадлежать прошлому. Процесс развития уже перешагнул за эту форму, будущее принадлежит трестам,—другими словами, подчинению всей хозяйственной жизни кучке гигантских капиталистов.

В общем, следовательно, мы должны констатировать значительное ускорение концентрации капитала после войны.

Тот, кто знает эти основные тенденции капитализма, подробно изображенные в этой книге, тот ни одной минуты не будет сомневаться в том, что только что описанная концентрация капитала не остановится перед государственными границами. Ведь уже до войны можно было констатировать тенденции к международному объединению в этой области. На нас производит поэтому странное впечатление, когда мы встречаем в журнале профессиональных союзов обращенный к капиталистам призыв объединяться в международном масштабе. В издающемся в Иене «Gewerkschaftsarchiv» мы встречаем статью Карла Мейера (Штуттгарт) под названием «Упадок европейского народного хозяйства». Автор чрезвычайно обеспокоен тем, что индустриализация колоний за время мировой войны сделала громадные успехи. Тут он с самого же начала допускает ту же ошибку, что принимает этот процесс лишь как последствие мировой войны. Он пишет: «В военные годы мы наблюдали изменение в международном товарообороте. В тех странах, которые раньше снабжались в Европе готовыми изделиями, развилась собственная промышленность, и этот процесс продолжается еще полным ходом и в настоящее время». Уже эти несколько строк доказывают, что автор ничего не понимает в природе капитализма, что, впрочем, обнаруживается и в том, что он распределяет страны по их географическому положению, так что Соединенные Штаты попадают в одну группу с Индией, Кубой и Египтом, вместо того чтобы стоять рядом с великими капиталистическими державами. Нетрудно себе представить, какие результаты получаются при столь нелепой группировке! Автор не имеет также понятия о том, что индустриализация колоний началась еще задолго до войны. Цитируем хотя бы следующие

данные, приводимые А. Лансбургом в статье в журнале «Bank» (февраль 1924 г.): «В 1921 году Великобритания вывезла, напр., машин на 16 миллионов фунт. ст. (из этой суммы текстильных машин на 5 миллионов фунт. ст.); 12 лет спустя тот же вывоз составлял уже 34 миллиона фунт. ст. (из этой суммы на 8 миллионов фунт. ст. было вывезено текстильных машин), а в 1923 году приблизительно вывезено было машин на 45 миллионов фунт. ст. Приблизительно столь же велик и прошлогодний экспорт машин из Соединенных Штатов (около 200 миллионов долларов), при чем тут приняты во внимание лишь такие машины, которые непосредственно входят в процесс производства,—следовательно, здесь опущены как сельскохозяйственные машины, так и железнодорожный материал».

Таким образом, уже в 1901 году старокапиталистические страны вывозили в колонии вместо готовых изделий значительные количества машин, несомненно с тою целью, чтобы создать там промышленность. И этот процесс расширялся из года в год уже до войны. Кроме того, те же страны вывозили в колонии и необходимый капитал. Лансбург продолжает дальше так: «Вместе с машинами промышленные страны поставляют своим молодым конкурентам и необходимые для производства вспомогательные средства. На всем земном шаре капитал занимается добычей угля и нефти, превращает водные силы в электрические и снабжает те области, которым недостает собственного сырья или топлива, из своих угольных складов, которые целесообразно разбросаны по всему свету».

Следовательно то, что Мейер рассматривает как последствие войны, имело уже место в течение десятилетий до войны, и вытекающая отсюда опасность, угрожающая капитализму, не является какой-то особенной опасностью для «Европы», а в равной степени и для американского, а при дальнейшем развитии даже и для японского капитала, в совершенно равной степени как и для европейского. Кстати, что это такое, в сущности говоря, «Европа»? Тут автор впадает во вторую ошибку, а именно он приравнивает интересы европейских капиталистов к интересам европейского пролетариата. При такой логике нечего удивляться и тому выводу, к которому он приходит. Он вычисляет, что вплоть до 1922 года вывоз европейских стран по сравнению с 1913 годом падал, в то время как вывоз внеевропейских стран в то же время возрос ¹⁾.

¹⁾ Впрочем, мне представляется, что и самый метод его вычисления неправилен. Мейер перечисляет денежное выражение экспорта на золотые марки, прибе-

Если вместо «внеевропейских» и «европейских» стран мы подставим капиталистические и некапиталистические страны, тогда, конечно, цифры изменятся, и возможно, что, имея в виду наблюдающийся в настоящее время рост американской внешней торговли, Мейер не усмотрел бы более опасности, но факты от этого мало меняются. Факт тот, что колонии и полукOLONиальные страны все более втягиваются в поток капиталистического развития, все более индустриализуются и тем самым перестают быть рынками сбыта для старых капиталистических стран. Напротив, эти страны превращаются в конкурентов старых капиталистических государств, затрудняя при этом снабжение этих последних сырьем, а в конечном счете, может быть, и лишая их совершенно этого сырья. В нашей книге мы пытались дать изложение протекающих отсюда для капитализма опасностей. Но Мейер видит только одну опасность для того, что он называет «Европой», и он заключает свою статью патетическим призывом: «Та гегемония, которой обладала Европа на мировых рынках до войны, сильно поколеблена. Грозящая Европе судьба могла бы быть еще избегнута лишь путем тесного объединения всех европейских народных хозяйств при полном устранении взаимной конкуренции». Кто не вспомнит при этом невольню столь же патетический жест Вильгельма II, с которым он во время войны взывал к народам Европы, убеждая их охранять свое «священнейшее достояние»! Но тот же призыв на страницах органа, выражающего интересы современного рабочего движения, звучит чрезвычайно странно! Ведь на практике этот призыв означает не что иное, как приглашение капиталистов всех европейских стран образовать единый международный гигантский трест, который затем приступил бы к «удешевлению производства» обычными капиталистическими методами, т.-е. путем массового расчета рабочих и служащих и понижения заработной платы для всех остальных. Понятно, опасность, о которой говорит Мейер, этим способом, конечно, не могла бы быть длительно устра-

---

гая при этом к «соответственным валютным курсам того времени». Много же труда пришлось ему при этом употребить, чтобы сначала вычислить для каждого года и для каждой страны средний валютный курс, а затем вычислить и денежную сумму экспорта. Но на чем основываются его валютные вычисления? Вероятно, он, следуя общему обыкновению, положил в основу доллар, забыв при этом, что ценность самого доллара за это время изменялась, так что все получаемые результаты должны быть неизбежно неверны. В предыдущих главах мы перечислили все данные об экспорте за каждый год и для каждой страны на цены 1913 года и затем множили эти цифры на коэффициент по обычному паритету золотой марки.

нена—все содержание нашей книги доказывает это—но она могла бы быть, вероятно, несколько отдалена. «Европа», т.е. европейский капитализм, опять получила бы некоторую отсрочку,—понятно, опять за счет европейских пролетариев, которые были бы им ввергнуты в еще более ужасную нищету. Но этих последствий автор названной статьи, очевидно, не сознает.

Но помимо всего прочего, крайне наивно звучит этот совет капиталистам Европы делать то, чем они уже давно занимаются и к тому же задолго до войны. Мы уже в предыдущих главах подробно указывали на зачатки международной концентрации капитала до войны. Для наглядности мы здесь еще раз повторим это, следуя описанию международной концентрации международного капитала, данному Лифманом в его уже несколько раз цитированной нами книге «Картели и тресты».

В целях конкуренции с американской и русской нефтью, снабжавшей до сих пор полностью западно-европейские страны, «Deutsche Bank» вместе с одним венским банком основал в 1898 году в Румынии крупное предприятие, так наз. «Steana Romana». Для сбыта румынской нефти «Deutsche Bank» вместе с «Steana Romana» основал по одному акционерному обществу в Германии, Англии, Дании, Голландии и Швейцарии. Вскоре к ним присоединились и крупные русские нефтепромышленники, при чем в Германии и Англии созданы были общие компании для продажи нефти. В 1906 году было признано более выгодным объединить английский и германское общества, из которых каждое обросло уже сетью подсобных компаний, в одну общую европейскую компанию. Это гигантское объединение имело целью борьбу против знаменитого американского треста Стандарт Ойл К^о, охватывающего около 90% американского нефтяного производства. Но дело не дошло до борьбы. Уже в 1907 г. заключено было соглашение с американцами, и таким образом нефтяные капиталисты Австрии, Германии, Голландии, России, Америки и Франции объединились в один охватывающий весь земной шар трест, организующий и регулирующий во всех странах производство и сбыт нефти. То, что еще оставалось вне этого треста, было захвачено другими, менее крупными компаниями, организованными аналогичным же образом. Организация нефтяной промышленности и нефтяной торговли—это несомненно высший пункт, достигнутый в мировой организации какой-либо отрасли промышленности или в мировом же снабжении каким-либо предметом потребления.

Таково, следовательно, было положение дел уже в 1908 году.

Мы видим, что добрый совет, обращенный к «европейским капиталистам», проводить концентрацию капитала в международном масштабе в январе 1925 года звучит несколько запоздало, в особенности после того громадного прогресса, который достигнут в этом отношении с конца мировой войны. В уже цитированной нами книге Германского союза металлистов «Концерны в металлообрабатывающей промышленности» заграничным связям германских концернов посвящена отдельная глава. Там можно видеть, как заграничные предприятия и «участия» АЭГ охватывают почти все страны от Баку до Буэнос-Айреса. Но то же самое относится и к Стиннесу и другим германским концернам. Все эти концерны большею частью участвуют в одних и тех же иностранных предприятиях, в чем также сказываются их взаимное проникновение и общность интересов. Рубинштейн утверждает даже, что некоторые международные капиталистические организации, как, напр., основанный в 1911 г. международный стальной синдикат и международный динамитный трест, не прекращали своей деятельности и во время войны, и что динамитный трест поставлял военный материал обеим воюющим сторонам. Утверждают, что на тайном заседании в Швейцарии в 1916 году «враги» весьма добродушно распределяли между собою дивиденды. Но,—продолжает Рубинштейн,—все эти объединения кажутся детской игрой по сравнению с тем процессом интернационализации, который совершается после войны. Концерн Стиннеса в настоящее время совершенно интернационален. Он чувствует себя за границей так же хорошо, как и в германском отечестве. Стиннес скупил сотни всевозможнейших предприятий во всех частях света от Скандинавии до Южной Америки, от Нидерландской Индии до Соединенных Штатов. То же самое относится, как мы уже сказали, и к АЭГ и к другим германским концернам. Общая сумма заграничных вложений германских капиталистов в 1923 году достигает 240 миллионов фунтов стерлингов (около 5 миллиардов золотых марок). Французский тяжелый индустриальный концерн Шнейдер-Крезо пролагает себе планомерно дорогу на восток. Он скупил акции заводов Шкода в Пильзене и Праге, приобрел угольные копи в польской Верхней Силезии, а также в Венгрии, Югославии, Румынии и т. д. Вместе с английским концерном Викакса Шнейдер организовал уже «польское общество для поставки военных материалов», не говоря уже о том, что Шнейдер участвует во многих предприятиях вместе с немецкими трестами. Таким образом европейский тяжелый индустриальный трест является делом ближайшего будущего.

Международные связи капитала распространяются, кроме тяжелой промышленности, еще и на другие области. В области химической промышленности французское «Общество для производства красильных веществ и химических продуктов» заключило с германским анилиновым концерном тот пресловутый договор, согласно которому в распоряжение французов переходят немецкие патенты по изготовлению азотных соединений, что дает французам возможность забрать в свои руки производство взрывчатых веществ в будущую войну. Подобно немцам и французам, итальянцы, австрийцы, англичане, швейцарцы, голландцы и т. д. и т. д. прилагают все усилия к тому, чтобы принять участие в международных объединениях, и усилия их не остаются безуспешными. То же самое относится и к американцам, аргентинцам и австралийцам. Во все области производства проникает это международное объединение. Наряду с железом, сталью и углем международное объединение охватывает краски и химические продукты, мясо и иные пищевые продукты, медь, нефть, спички и т. д. и т. д. И давно уже кажется, что все эти различные объединения стремятся соединиться между собою. По сведениям Рубинштейна, уже произошло объединение на две группы, с одной стороны, АЭГ, Отто Вольф, Крупп, Бозель и т. д., с другой стороны,—Стиннес, Морган, Шнейдер и др. Само собою разумеется, что завязывание связи между этими обеими гигантскими группами является лишь вопросом времени, и что нарождается всеобъемлющий мировой трест, охватывающий все страны и все отрасли производства.

Б. Поддержание потребления на низком уровне.

Мы должны помнить одно: колоссальная концентрация капитала за военные и послевоенные годы не могла вплоть до конца 1924 г. достичь большего, чем приблизительно тех же цифр производства, которые достигнуты были уже в 1913 году. Даже Соединенные Штаты, которые находятся в наиболее благоприятном положении (производство чугуна в Соединенных Штатах в 1913 году достигало 31,5, в 1924 г.—31,6 миллионов тонн, производство каменного угля в 1913 г.—517, в 1924 г.—506 миллионов тонн) не обнаруживают аккумуляции капитала в собственном смысле слова, ибо существо этой аккумуляции ведь состоит в том, чтобы постоянно повышать производство сверх достигнутого уже уровня. Уже из этого факта мы должны с чисто теоретической

точки зрения заключить, что другой основной фактор образования капиталистической прибыли, а именно понижение потребления, должен был в то же время играть значительную роль. В самом деле, именно это стремление к понижению потребления и составляет настоящий смысл того громадного повышения цен, которое наблюдалось во всех странах с начала войны. Яснее всего этот процесс протекал в Германии. Мы знаем, что пока капитализм оставался здоровым, он, конечно, не упускал возможности повысить прибыль за счет вздорожания товара. Но как общее правило это не практиковалось. Обычным путем к повышению прибыли было, как мы это показали в первой части этой книги, беспрерывное увеличение производства. Этот процесс, как безусловно доказывают наши данные, прекратился с начала войны. И тем самым отпало важнейшее средство нормального увеличения прибыли. Но это далеко не означает, что тем самым прекратилась взаимная конкуренция капиталистов между собою. Напротив, эта конкуренция стала еще ожесточеннее вследствие уменьшения объема производства. Капитал стал перед проблемой извлечь из уменьшенного производства такую же или даже еще большую массу прибыли. Но это было возможно только путем понижения доли рабочих в продукте труда, и это совершалось путем роста цен, и в этом-то и смысл дороговизны.

Не то что капиталисты сознавали эту связь,—они лишь стремились к использованию конъюнктуры. Но нас интересует не то, чего они хотели и что они предполагали, а лишь то, что в конечном счете получилось в результате их действий. А этот результат не подлежит никаким сомнениям. Возьмем какой-нибудь период, для которого случайно у нас имеются удобные цифры для подсчета, напр., начало декабря 1922 г. В то время товары в Берлине стоили, в среднем, в 1.000 раз больше, чем до войны: фунт масла—1.600 марок, центнер угля—900 марок и т. д. Может быть для простого человеческого рассудка было бы проще всего избавить себя от этого жонглирования с гигантскими цифрами. Ведь отношение товарных цен между собою осталось приблизительно то же самое, за один фунт масла можно было получить приблизительно $1\frac{3}{4}$ центнера угля. Почему же нельзя было просто вычеркнуть три последних нуля, как это было в действительности позднее и сделано с девятью нулями биллионов, и обозначать настоящие цены, т.-е. 1 марка 60 пфенигов, 90 пфенигов и т. д.?

В то время рабочие получали в Берлине в неделю 12.000 и

13.000 марок, и это звучало гордо. Капитал хвастался «высокой» заработной платой. Если бы вычеркнуть последние три нуля, то стало бы ясно, что еженедельная заработная плата составляла лишь 12—13 марок. Представим себе только, что капитал попытался бы непосредственно путем уменьшения денежной заработной платы снизить заработок с 36—40 марок на 12—13 марок в неделю! Это во всяком случае не могло бы удасться. Но тот же процесс совершался с большой легкостью окольным путем, путем вздорожания товара, а действие оставалось то же: рабочий в начале декабря 1922 г. получал из продуктов своего труда лишь треть того, что приходилось на его долю в 1913 году, остальные две трети оставались у капиталиста и увеличивали его прибыль.

Нашей ближайшей задачей поэтому является определение реального соотношения заработной платы и товарных цен, и тем самым объема действительного понижения потребления рабочего класса в важнейших странах. Так как со времени войны наряду со статистикой цен была повсеместно введена и статистика заработной платы, то это не должно было представлять особых трудностей. К сожалению, это не так. Статистика заработной платы, так же как и статистика цен во всех капиталистических странах, обрабатывается, скажем, весьма «осторожно». Поэтому получаются, так же как и до войны, далеко не полные результаты. Но попытаемся все же извлечь из этих цифр все, что только возможно.

При этом, понятно, речь идет вовсе не о том,—а это, пожалуй, только и интересует капиталистического политика,—возросла ли реальная заработная плата с конца войны. Нас более всего интересует соотношение между потреблением пролетарских классов, которое мы высчитываем из их дохода, и производством. Дело тут, следовательно, не только в том, возросла ли денежная заработная плата на столько же или менее или более, чем на товары первой необходимости, но также и в том, какое абсолютное количество товара рабочий мог покупать за свою денежную заработную плату. А этот вопрос почти всегда обходится в повседневных рассуждениях.

Для этой цели нам придется установить прежде всего размер заработной платы, а затем стоимость жизни в течение последних шести лет. Тогда мы увидим, какие можно сделать из этого выводы.

Какие же данные находим мы по этому вопросу в статистике?

а. Развитие заработной платы.

В дальнейшем мы ограничиваемся доходами женатых обученных рабочих мужского пола в Германии, включая так называемую социальную прибавку, т.-е. прибавку на жену и двух детей. Т.-е. мы ограничиваемся высшим размером уплачиваемой вообще заработной платы, правда, лишь для так называемого обычного рабочего времени, которое в Германии до войны составляло 53, 54 часа, а после войны—48 часов в неделю. Весьма возможно, что действительный заработок рабочего был несколько больше, если принять во внимание оплату сверхурочных часов, но так как количество действительно оплаченной сверхурочной работы вряд ли может быть точно установлено, то включение этих цифр значительно затормозило бы и затруднило бы наш подсчет. С другой стороны, то увеличение дохода, а следовательно, и общего потребления, которое является следствием оплаты сверхурочной работы,—другими словами, то преуменьшение действительного потребления, которое мы этим допускаем,—во всяком случае гораздо менее значительно, чем то преувеличение действительного потребления, которое получается в результате того, что мы учитываем лишь наилучше оплачиваемую группу рабочих. Таким образом, в конце концов, действительно потребление будет все же меньше нашего подсчета. Исправление допущенных нами ошибок могло бы, следовательно, только усилить доказательность наших расчетов.

Таблицы дают средние еженедельные заработные платы во всех главных районах данной промышленности. Цифры частью округлены.

Германия.

Еженедельная заработная плата

	1913 г.		1920 г.		1922 г.		1924 г.	
	Марок	%	Марок	%	Марок	%	Марок	%
Горнорабочие	31,92	100	279,06	874	18.000	56.400	43,38	136
Металлисты	36,07	»	191,00	530	15.400	42.800	35,04	97
Текстильные рабочие	22,70	»	153,00	680	14.200	61.700	26,88	118
Строительные »	35,10	»	172,80	495	15.600	44.400	41,06	117
Химические »	31,00	»	178,00	574	16.800	54.200	32,64	105
В среднем	31,36	100	194,57	630	16.000	52.000	35,80	115

Все эти вычисления, конечно, не могут претендовать на математическую точность, но они все же приблизительно правильны. Официальная статистика приходит к очень скорбным результатам. Она определяет среднюю еженедельную заработную плату в девяти профессиях, а именно—у горнорабочих, строительных рабочих, деревообделочных, металлистов, текстильщиков, химиков, железнодорожников, печатников и рабочих в бумажном производстве, включая социальные прибавки на жену и двух детей,— в декабре 1924 г. для обученных рабочих в 36,52 марки, а для необученных—27,69 марки. По сравнению с 1913 г. это составляет для обученных приблизительно 114%, а для необученных приблизительно 126%. Мы поэтому вряд ли особенно ошибемся, если в круглых цифрах примем увеличение заработной платы всего германского рабочего класса с 1913 г. по декабрь 1924 г. в 20%.

Полезно указать здесь, насколько неправильно при таких вычислениях принимать во внимание лишь одни абсолютные или же, наоборот, одни относительные цифры. Мы уже указывали, что в повседневном обсуждении речь почти исключительно идет об относительных цифрах. Исходят, напр., из того, что горнорабочие в 1924 году получали заработную плату, которая на 36% выше, чем в 1913 году; затем подвергают замене относительные изменения стоимости жизни за тот же период, а отсюда уже делают вывод о том, улучшилось ли положение горнорабочих, ухудшилось ли или осталось без изменения. Поскольку цифры здесь верны, понятно, ничего нельзя было возразить против этого метода, и все же он дает совершенно искаженное представление о положении вещей. Мы замечаем, напр., тут, что заработная плата необученных в 1924 г. была на 126%, а обученных на 114—115% выше, чем в 1913 г. Невольно возникает представление, что положение необученных лучше, чем положение обученных рабочих. И действительно, предпринимательская пресса систематически поддерживает это представление и основывает на этом свое предложение поставить заработную плату в более прямую зависимость от качества труда, что, конечно, означает необходимость снижения заработной платы необученных рабочих. В действительности же необученные рабочие, заработная плата которых относительно более возросла, получали гораздо меньше, чем обученные рабочие. Таким образом анализ одних относительных цифр приводит к ложным выводам.

Англия.

Еженедельная заработная плата

	4 августа 1914 г.			31 декабря 1920 г.			31 декабря 1924 г.		
	Шиллин- гов	Пен- сов	%	Шиллин- гов	Пен- сов	%	Шиллин- гов	Пен- сов	%
Каменщики	40	7	100	100	10	248	73	4	181
Столяры	39	9	»	100	6	252	74	8	188
Маляры	36	3	»	99	3	274	72	1	199
Монтеры	38	11	»	89	2	229	56	6	145
Судостроительные рабочие .	41	4	»	91	3	221	55	7	135
Подручные слесаря	22	10	»	70	8	309	40	2	176
В среднем	36	7	100	91	11	250	62	4	170

Франция.

Тут нужно заметить, что статистика труда, которая нигде не отличается особой достоверностью, во Франции находится в особо жалком состоянии. Мы впоследствии увидим, что относительно безработицы во Франции вообще не имеется сколько-нибудь пригодных данных. Что касается заработной платы, то тут имеются достаточные данные лишь для горнорабочих. Средняя поденная заработная плата взрослого забойщика под землей составляла:

1913 г.	1921 г.	1924 г.
5,96 франка — 100%	20,49 франка — 344%	24,64 франка — 413%

Во Франции, начиная с 1896 года, регулярно каждые пять лет производится исследование заработной платы. Но это исследование состоит лишь в опросе промышленных судов или мэров, а когда в 1923 году на конференции в Женеве было высказано пожелание об организации ежегодных статистических исследований заработной платы, то Франция весьма охотно последовала этому предложению, но только как! Министр труда Годар циркуляром от 1 декабря 1924 года предложил промышленным судам сообщить центральному статистическому ведомству размер обычной в их районе заработной платы в каждой значительной отрасли труда. Там же, где промышленные суды не дали сведений, или где они вообще не существовали, там опрашивали союзы предпринимателей или просто отдельных «экспертов». На основании этих примитивных методов, которые отнюдь не становятся лучше, оттого что официальный отчет самым наивным образом ссылается

на то, что прежние исследования немногим отличались от теперешних, были установлены следующие цифры.

Средняя поденная заработная плата в 38 профессиях по всем городам с населением свыше 10.000 жителей, за исключением Парижа:

1911 г.	1921 г.	окт. 1924 г.
4,61 франка — 100%	18,92 франка — 410%	22 франка — 477%

Было бы, в сущности говоря, недопустимо определить общую среднюю для обоих этих рядов цифр, полученных столь различным способом. Но мы все же это сделаем, так как в противном случае мы вообще не получим какой-либо пригодной цифры. И тогда для конца 1924 года мы получим среднее повышение заработной платы французского рабочего на 445% (1913 г.—100%).

Соединенные Штаты Северной Америки.

В штате Нью-Йорк средняя еженедельная заработная плата взрослых мужчин в крупных отраслях промышленности, с числом рабочих в общем около полумиллиона, составляет:

1914 г.	1921 г.	1924 г.
12,48 доллара — 100%	26,56 доллара — 213%	30,87 доллара — 247%

На всем пространстве Соединенных Штатов средняя еженедельная заработная плата взрослых обученных рабочих составляла (в долларах):

	Бумагопрядение	Ткацкое производство	Сапожн. производство
1913 г.	8,07 100%	7,33 100%	19,21 100%
1920 »	24,08 300%	22,12 300%	38,53 200%
1922 »	13,59 170%	15,83 216%	33,97 177%
1924 »	19,63 245%	16,94 231%	35,30 184%

	Производство мужской одежды	Железная и стальная промышленность ¹⁾
1913 г.	13,47 100%	24,07 100%
1920 »	21,08 157%	— —
1922 »	31,91 237%	39,52 165%
1924 »	33,52 249%	49,23 205%

¹⁾ Мы брали здесь опять-таки исключительно высокооплачиваемые группы рабочих.

Так как тут статистика охватывала гораздо большие области труда, чем во Франции, то мы с большим правом можем взять здесь среднюю из последних пяти цифр и получим тогда в результате, что заработная плата взрослых мужских обученных рабочих в Соединенных Штатах возросла с довоенного времени по декабрь 1924 г. со 100 до 227%. Сравнивая это с приведенными выше 247% в штате Нью-Йорк, мы думаем, что наша средняя представляет некоторую вероятность.

б. Стоимость жизненных средств.

Как мы уже указывали, цифры стоимости жизни нам необходимы с двоякой точки зрения: во-первых, для того, чтобы сравнить, изменяются ли они в том же направлении и в том же темпе, как и заработные платы; а во-вторых, для того, чтобы вычислить, сколько товаров рабочий может закупить на свою заработную плату. Только оба эти фактора вместе—принимая в особенности во внимание недостаточность данных—позволяют сделать вывод относительно развития реальной заработной платы. Для первой цели материал дают индексы, а для второй—абсолютные цены. Чтобы, однако, не дать этой работе стать безбрежной, мы ограничимся лишь цифрами в декабре 1924 года, так что хотя нам и не придется наблюдать ход развития из года в год, но все же мы можем установить результат этого развития в конце 1924 года.

Индексы. Если принять довоенные цены за 100, то стоимость жизни в декабре 1924 г., согласно данным официальной статистики, составляла:

В Германии	123
в Англии	180
во Франции	428
в Соединенных Штатах	123

Основываясь пока на этих цифрах, мы можем установить следующее. Согласно тем данным, которые мы привели выше, и которые точно также основаны на официальной статистике, средняя заработная плата за тот же период времени возросла (1913 г. = 100):

В Германии	до 120
в Англии	» 170
во Франции	» 445
в Соединенных Штатах	» 227

Сопоставляя эти данные, мы получаем следующие таблицы:

	Повышение стоимости жизни	Повышение заработной платы
В Германии	на 23 ⁰ / ₁₀₀	20 ⁰ / ₁₀₀
в Англии	» 80 ⁰ / ₁₀₀	70 ⁰ / ₁₀₀
во Франции	» 328 ⁰ / ₁₀₀	345 ⁰ / ₁₀₀
в Соединенных Штатах	» 73 ⁰ / ₁₀₀	127 ⁰ / ₁₀₀

Таким образом можно отметить заметное ухудшение уровня жизни лишь в Англии; во Франции и в Германии уровень жизни остался приблизительно одинаковым, а в Соединенных Штатах он даже как будто значительно улучшился.

Но тут надо принять во внимание еще некоторые моменты. Прежде всего мы приняли во внимание только заработные платы только взрослых рабочих мужчин и к тому же, главным образом, обученных. Это, понятно, несколько не отражается на относительном повышении, которое мы здесь только имеем в виду. Мы знаем уже, что как раз те заработные платы, которые до войны были особенно низки, т.е. заработные платы необученных рабочих и женщин, относительно возросли в наиболее сильной степени, несмотря на то, что в абсолютном отношении они все еще значительно ниже заработной платы обученных рабочих мужчин. Если бы мы включили эти заработные платы, то отсюда получилось бы не уменьшение, а скорее увеличение относительного возрастания. Нам придется в весьма сильной степени учесть этот момент, когда дело будет идти об абсолютной величине потребления.

Здесь же, где мы пока занимаемся лишь относительным увеличением или уменьшением потребления по отношению к 1913 году, нас больше всего занимает вопрос, можем ли мы и в какой степени полагаться на данные официальной статистики. Относительно Германии мы достоверно знаем, что эти данные неправильны. В ноябре 1924 г. это было официально подтверждено, и с тех пор, начиная с февраля 1925 года, метод построения индекса изменился. Кроме того, всякий живущий в Германии чувствует на собственном опыте, что жизнь вздорожала гораздо более чем на 23⁰/₁₀₀ по сравнению с 1913 годом. Но как велико это вздорожание? Если считаться с тем, что мы видим ежедневно на рынке и в магазинах, то можно было бы, пожалуй, подумать, что в декабре 1924 года все стоило почти в три раза больше, чем до войны, и что, следовательно, жизнь вздо-

рожала не на 230%, а приблизительно на 200%. Но само собою разумеется, нельзя строить на основании таких общих и определенных впечатлений какие-нибудь научные выводы. Тут открывается весьма полезная арена деятельности для рабочих организаций различных стран, которые могли бы путем собственных добросовестных исследований исправить ошибки и пробелы официальной статистики и точно установить факты, во-первых, относительно действительного размера денежной заработной платы и ее относительного подъема по сравнению с 1913 годом и, во-вторых, относительно действительного уровня цен на предметы первой необходимости. Пока же по этому поводу не остается сказать ничего другого, как то, что нужно пользоваться данными официальной статистики с большой осторожностью.

Абсолютные цены. В Германии метод статистического установления стоимости жизни подвергался неоднократно важным изменениям: в последний раз—в феврале 1925 г. Подсчеты эти относятся к рабочей семье, состоящей из 5 человек, т.е. мужа, жены, мальчика 14, девочки 7 лет и одного полуторагодовалого ребенка. Первоначально, т.е. начиная с февраля 1920 г., когда впервые было предпринято это исследование, оно распространялось только на расходы по пище, квартире, отоплению и освещению, при чем все эти расходы для довоенного времени определялись в 22,56 марки в неделю. Но тем самым уже начинаются ошибки; ибо прежде всего перечень этих расходов не дает достаточно представления о действительной стоимости жизни, ибо, кроме тех четырех групп расходов, имеются еще другие, столь же необходимые расходы; а во-вторых, и самая исходная цифра в 22,56 марки в неделю неправильна. В настоящее время эта цифра изменена. В 1922 году прибавлены были еще расходы на одежду, но и этого было недостаточно, и лишь в ноябре 1924 г. стало ясно, что необходимо пересмотреть все вычисление. Начиная с февраля 1925 года в рубрики: продовольствие, отопление, освещение и одежда были введены другие количества и качества продуктов, и, кроме того, прибавлены рубрики: сообщение и прочие расходы. Но и этого, конечно, недостаточно. «Прочие расходы» охватывают только заботы о чистоте тела и образовательные потребности. Отсутствуют, следовательно, например, все еще такие группы расходов, как предметы роскоши, удовольствия, не говоря уже о том, что совершенно исключены из подсчета налоги и различные расходы социального рода—«из методологических соображений по

техническим трудностям». Но как раз эти расходы в современной Германии гораздо значительнее, чем до войны ¹⁾.

Но с нашей точки зрения особенно неприятно то, что при этом случае были пересмотрены и вновь установлены довоенные цены. Следовательно, вышеприведенная исходная цифра в 22,56 марки в неделю отброшена, и в то же время нам до сих пор не удалось в каком-либо официальном источнике найти ясные указания о том, какая же цифра взята в настоящее время за исходную. Таким образом мы и в настоящее время, когда, казалось, все должно было совершенно упроститься, вновь вынуждены искать обходных путей, которые не дают нам совершенно точных результатов, а лишь приблизительные оценки.

Нам приходится пока волей-неволей исходить из цифры 22,56 марки в неделю. Столько составляли—по старому, теперь уже официально признанному неверным, исчислению—до войны минимальные издержки состоящей из пяти человек рабочей семьи. При чем речь идет об издержках только на пищу, отопление, освещение и квартиру, в среднем, для всей Германской империи.

30 декабря 1924 года та же цифра, в среднем, составляла 26,40 марки ²⁾. Спрашивается, сколько мы должны еще прибавить к этой цифре, чтобы получить общую сумму стоимости жизни? Судя по данным на февраль 1925 года ³⁾, расходы на пищу, квартиру, отопление и освещение составляют вместе 80,7% всей принятой во внимание стоимости жизни. Мы должны, следовательно, прибавить к 26,40 марки прежде всего 19,3%, т.-е. приблизительно четвертую часть этой суммы, тогда получается круглым счетом 33 марки. Но тут недостает еще расходов на налоги и социальных издержек. Один подоходный налог в декабре 1924 года для состоящей из 5 человек семьи достигал 6% заработной платы. Мы поэтому можем со спокойной совестью прибавить еще 10%, так что в результате получится круглая цифра в 36 марок как абсолютная стоимость еженедельного прожиточного минимума немецкой рабочей семьи в декабре 1924 г. При этом не нужно закрывать глаза на то, что этот подсчет чрезвычайно умерен, ибо мы еще не ввели тех высших сортов и тех увеличенных количеств

1) «Wirtschaft und Statistik» (журнал) 1925 г., № 5, S. 100.

2) «Reichs-arbeitsblatt» 1925, № 9/10, S. 156.

3) «Wirtschaft und Statistik», 1925, № 5, S. 160.

товаров, а следовательно, и более высоких цен, которые учитываются уже новым индексом с февраля 1925 года. Если бы мы положили в основу эти признанные уже официальной статистикой цифры, то мы получили бы значительно большую сумму, чем 26,40, и соответственно с этим увеличились бы и все прочие вычисленные нами цифры. Поэтому вполне достоверно то, что вычисленный нами на основании официальных данных прожиточный еженедельный минимум в 36 марок (в декабре 1924 г.) скорее слишком низок, чем слишком высок.

Мы видели, что та же официальная статистика определяет среднюю заработную плату германского рабочего за то же время в 36,50 марки для обученного и в 27,70 марки для необученного. Если мы извлечем среднюю из этих двух цифр, то мы получим опять-таки слишком благоприятные результаты, ибо на самом деле имеется гораздо больше необученных, чем обученных рабочих. Но даже эта средняя составляет всего 32 марки. Другими словами, хотя наше исчисление по многим причинам представляет положение вещей в более благоприятном свете, чем оно есть на самом деле (в действительности дороговизна была выше, а заработная плата ниже), все же и по этим данным германские рабочие в декабре 1924 года не были в состоянии доставить себе за свою заработную плату вычисленный нами прожиточный минимум. При этом, конечно, тут все время идет речь о тех рабочих, заработная плата которых не уменьшалась вследствие болезни или безработицы, а с другой стороны, дело идет лишь о прожиточном минимуме, т.-е. о таких расходах, которые едва-едва достаточны для того чтобы поддержать существование, без всякого намека на какой-либо уют или хотя бы на самую скромную роскошь.

Но можем ли мы считать эти официальные цифры вообще верными? У нас имеются важные основания, чтобы отнестись к ним с некоторым подозрением. «Rote Fahne», берлинский орган коммунистической партии, вычисляет прожиточный минимум в Берлине для состоящей из четырех человек рабочей семьи (муж, жена, мальчик 13 и девочка 11 лет) в течение последней декабрьской недели 1924 года в 67,31 марки. Это такое колоссальное противоречие с официальной цифрой, что нам во всяком случае приходится в этом разобраться.

Берлинский прожиточный минимум довольно близко подходит к среднему имперскому минимуму. Официальная цифра для Берлина, согласно нашему методу вычисления, 30 декабря 1924 г.

составляла $26,80 + 25\%_0 - 10\%_0 = 36,85$ марки. Мы можем поэтому с полным основанием сравнивать данные официальной статистики для имперского прожиточного минимума с данными «Rote Fahne» для Берлина ¹⁾.

Мы прежде всего можем установить, что по отношению к пищевым продуктам «Rote Fahne» вводит зачастую более дорогие сорта, чем официальная статистика. Так, например, потребности рабочей семьи на 4 недели составляют ²⁾:

	По «Rote Fahne»	По официальной статистике
Мясо, колбаса, рыба	20,0	7,0 кг.
Хлеб и мука	42,5	51,0 »
Картофель	28,4	70,0 »
Маргарин и свиное сало	2,0	4,5 »
Масло	5,2	—
Овощи	9,2	15,0 »
Сахар	3,2	3,5 »

Затем важное противоречие существует и по отношению к издержкам на одежду. Так, официальная статистика уже по новому улучшенному методу определяет годовое потребление одежды для пяти лиц, включая полуторгодового ребенка, следующим образом: 1 мужской костюм, 1 костюм для мальчика, 1 платье для девочки, 1 женская юбка, 2 блузы. Это—все, не считая рубаш, чулок и сапог. В старом подсчете (для декабря 1924 г.) было принято во внимание еще меньше частей одежды. Напротив, «Rote Fahne» вычисляет следующее годовое потребление для четырех лиц: 1 мужской костюм, 1 костюм для мальчика, 1 женское платье, 1 платье для девочки, затем для каждого из четырех лиц каждые два года 1 пальто, каждые 3 года одна шляпа, затем фуражки, перчатки и починка одежды. Все эти предметы, а также постельное белье и полотенца отсутствуют совершенно в официальной статистике. Таким образом ясно, на-

¹⁾ Вот еще один пример недостоверности официальной статистики. Центральное статистическое управление определяет вздорожание жизни в Берлине на 30 декабря 1924 г. по сравнению с 1913 г. в 6,6%, а Берлинское статистическое бюро — в 40,1%!!

²⁾ Эти данные взяты из «Wirtschaft und Statistik» 1925 г., № 5, стр. 161 (конечно, тут взят старый подсчет, который лежит в основе вычислений для декабря 1924 года) и из «Rote Fahne» от 11 сентября 1924 г. К сожалению, «Rote Fahne» в дальнейшем опубликовывала только общие суммы издержек, а не цены товаров по отдельным группам.

сколько последняя отстает от действительности. Зато по отношению к отоплению и освещению официальная статистика более щедра. Она считает 4 центнера угольных брикетов и 55 куб. метров газа, а «Rote Fahne» — всего 3 центнера угля и 20 куб. метров газа. Наконец, «Rote Fahne» включает в свой подсчет еще следующие статьи расхода, точно также совершенно отсутствующие в официальной статистике: табак, пиво, воскресная прогулка, театр, налог на заработную плату, больничная касса, взносы на страхование, на партию, на профессиональный союз и погребальную кассу. В нашу задачу, конечно, не входит заниматься исследованием того, не включила ли «Rote Fahne» в свои подсчеты некоторые расходы, которые можно было бы считать излишними. Очевидно, «Rote Fahne» с полным правом, как мне кажется, включала в свой подсчет больше издержек, чем это необходимо для непосредственного поддержания жизни. Но для целей нашего теперешнего исследования это совершенно безразлично. Уже то, что мы узнали относительно одежды и белья, достаточно для того, чтобы признать, что официальная статистика учитывает в своем подсчете не только слишком мало издержек, но изумительно мало: она не учитывает ни расходов на пальто, ни расходов на шляпы, перчатки, постельное белье и полотенца. Пусть поэтому кто-либо сочтет, пожалуй, подсчеты «Rote Fahne» преувеличенными, пусть из этих подсчетов будет исключена хотя бы половина, и все же в результате окажется, что реальный прожиточный минимум стоит в Германии гораздо больше, чем это допускает официальная статистика.

С другой стороны, заработные платы в официальной статистике определяются далеко не слишком высоко. Согласно нашим довольно широким вычислениям, заработная плата достигает, в среднем, 32 марок в неделю. Но имеются многочисленные указания на то, что она, в действительности, значительно ниже. Вот несколько примеров:

«Rote Fahne» (от 25 февраля 1925 г.): рабочий на стеклянном заводе Штралау, отец четырех детей, получает за 53½ часа работы 25,68 марки. Газета «Welt am Abend» (Берлин, от 30 января 1925 г.): сверлильщик (обученный металлист) за 48 часов работы получает 20,64 марки, по сдельному тарифу — 27,28 марки. Этот рабочий рассказывает о своих товарищах, имеющих несколько человек детей и получающих всего 16—20 марок в неделю. «Rote Fahne» (от 27 января 1925 г.): анкета реакционной «Berliner Borsenzeitung», произведенная среди 40.000 рабочих, установила, что едва

58% из них получают больше 23 марок в неделю. «Berliner Morgenpost» (реакционная газета, от 11 марта 1925 г.) устанавливает, что женатые железнодорожные рабочие в Берлине получают от 23,16 до 26,37 марки. «Rote Fahne» (от 20 марта 1925 года) устанавливает, что переписчик в «Morgenpost» получает 27 марок в неделю. Согласно официальному журналу «Wirtschaft und Statistik» (1925 г., № 4, стр. 132), необученные железнодорожники получают 28,08 марки в неделю. Низшие железнодорожные чиновники получают в низшей группе максимальный оклад в 109 марок в месяц (24,20 марки в неделю) и даже в четвертой группе всего 147,50 марки в месяц (32,80 марки в неделю). Между этими обеими группами расположены другие с соответственным заработком.

Такие отдельные примеры, которых можно было бы привести сколько угодно, сами по себе, правда, имеют небольшое значение. Поскольку они касаются отдельных лиц, можно всегда считать эти данные случайными или исключительными. Я считал необходимым, однако, привести их для того, чтобы подтвердить полученные нами результаты, основанные на обширных исследованиях. Во всяком случае, эти отдельные примеры подтверждают, что наша оценка средней еженедельной заработной платы в Германии в 32 марки отнюдь не представляется высокой, и что, следовательно, заработки германского пролетариата далеко не достаточны для поддержания даже прожиточного минимума.

Если бы мы теперь попытались произвести соответственные вычисления для других государств, то нам пришлось бы, к присорбью, увидеть, что это невозможно. Ни в одном из этих трех государств, т.-е. в Англии, Франции и Соединенных Штатах, официальная статистика не опубликовывала до сих пор абсолютных цен стоимости жизни! Совершенно невероятный, почти не постижимый факт! Мы из месяца в месяц имеем индексы стоимости жизни, мы знаем, что, например, в декабре 1924 г. стоимость жизни в Соединенных Штатах была на 73%, а в Англии на 80% больше, чем до войны, но сколько же составляла эта стоимость жизни до войны, какова та основа, на которой построено все это вычисление,—об этом мы так-таки ничего не узнаем ¹⁾. Это по-

---

¹⁾ Так как мы себе даже и во сне не представляли ничего подобного, то мы около недели с лишком употребили на то, чтобы отыскать эти цифры. Мы спрашивались в Центральном статистическом управлении в Берлине и вели переговоры с известными статистиками, но нигде ничего не добились. Не оставалось ничего другого, как обратиться в статистические ведомства указанных стран; но мы от-

казывает, на какое внутреннее противодействие наталкивается вообще вся статистика труда, и как мало желают полностью выяснять условия жизни рабочего 1).

Мы, следовательно, опять-таки вынуждены искать иных путей для дополнения пробелов официальной статистики. Для Франции мы находим некоторые данные в уже цитированной нами однажды книге фон-Тышка, «Заработные платы и стоимость жизни в Западной Европе в XIX столетии» 2).

Тышка вычисляет в 1900 году бюджет рабочей семьи, состоящей из 4 лиц, принимая во внимание только пищу, отопление и освещение, на основании различных методов 3), в 993, 943, 913 и 903 франка. Следуя нашему правилу в сомнительных случаях придерживаться тех данных, которые наименее соответствуют нашим тенденциям, нам приходится в данном случае взять низшую сумму в 903 франка. Ибо чем ниже стоимость жизни, тем больше представляется по отношению к ней заработная плата, выражающая потребление рабочего населения. Соответственно этому мы принимаем в качестве минимума 900 франков ежегодно 4).

Но тут приняты во внимание лишь издержки на пищу, отопление и освещение. Согласно данным германской статистики 5), эти издержки составляют 61,30/0 всего бюджета, при чем налоги,

---

казались от этого, потому что прежде всего пришлось бы ожидать ответа, по крайней мере, несколько недель, а, во-вторых, мы были убеждены в том, что эти цифры, очевидно, сознательно не публикуются, и что, понятно, они не были бы сообщены и нам.

1) Это относится, конечно, и к Германии. Я уже указал на то, что в новом индексе (с февраля 1925 года) довоенные цены изменены, так что прежняя цифра в 22,56 марки в неделю не имеет более значения. Но какая цифра заменяет ее, это точно также не публикуется.

2) V. T u s z k a, Löhne und Lebens kosten in West-Europa im 19 Jahrhundert. Verlag Duncker und Humboldt, Leipzig 1914.

3) Во-первых, для каждой отдельной семьи; во-вторых, в среднем, для 800 семейств; в-третьих, согласно так называемому физиологическому бюджету. В некоторых случаях принимаются цены парижского городского управления, а в других — цены одного закупочного кооператива.

4) Согласно использованной ниже (для Англии и Америки) анкеты английского министерства торговли, издержки французского рабочего только на одну пищу составляли в 1905 году 18,50 марки в неделю, т.-е. 962 марки (не франков!) в год. Это уже значительно большая сумма, но это объясняется тем, что из 5.605 исследованных рабочих семейств около 70% получало 30 марок, а 34% даже больше 40 марок в неделю. Мы поэтому остановимся лучше на более низкой цифре.

5) Журнал «Wirtschaft und Statistik», 1925, № 5, S. 160.

взносы в больничную кассу и т. д. вообще не принимаются во внимание. Относится ли это также к Франции, мы не знаем. Но так как у нас нет других данных, то мы принимаем этот расчет, прибавляем к тем 900 франкам еще 570 франков и определяем общий годовой бюджет в 1900 году в 1.470 франков. Мы не делаем никакой прибавки на налоги и прочие расходы, для того чтобы быть уверенным в том, что неизбежные при такой оценке ошибки не искажают общей суммы.

Это относится к Парижу. В настоящее время ¹⁾ цены в Париже ниже, чем средние цены по всей Франции (прожиточный индекс за последнюю четверть 1924 года достигал для всей Франции 428, а для Парижа—всего 394). Поэтому мы, в сущности говоря, должны были бы к тем 1.470 франкам прибавить еще кое-что, для того чтобы получить общую французскую среднюю. Но сколько нужно прибавить? Так как мы этого не знаем, то мы опускаем вообще эту операцию, тем более, что тут опять-таки уменьшается опасность преувеличения в смысле нашей тенденции. Остается еще установить, насколько изменилась стоимость жизни во Франции с 1900 по 1913 год. Согласно приведенным уже выше (глава 6-я Б., стр. 147) данным фон-Тышка, стоимость домашнего бюджета во Франции в среднем за 1906—1912 годы была на 4% выше, чем за 1896—1900 г.г. Так как это весьма незначительный прирост, так что мы тут опять избегаем опасности преувеличения, то мы и ограничимся этими данными и будем поэтому оценивать среднюю стоимость жизни во Франции до войны в 1.530 франков в год или 29,40 франка в неделю.

За последнюю четверть 1924 года эта цифра возросла в Париже в 3,77 раза. Но так как, как мы только что видели, дороговизна в Париже значительно ниже, чем в остальной Франции, то мы не считаем преувеличением вместо того принять четырехкратное вздорожание, и таким образом мы приходим к сумме в 6.120 франков (118 франков в неделю) в качестве годового бюджета в декабре 1924 года.

Теперь обратимся к заработной плате. Для горнорабочих заработная плата равняется 148 франкам в неделю, а, в среднем, для 38 профессий—132 франка в неделю. Принимая во внимание неточность и недостаточность всех этих вычислений и в особенности считаясь с нашими стараниями как можно больше преуменьшить стоимость жизни, придется признать, что французский рабо-

---

¹⁾ Речь идет о 1924 г. *Прим. ред.*

чий, в общем, вряд ли был в состоянии при своей заработной плате справиться со всеми необходимыми издержками.

Англия. Немногие положительные данные, найденные нами для Англии и Соединенных Штатов, взяты из одной еще более старой брошюры профессора Тышка ¹⁾, который, в свою очередь, использовал большое исследование английского торгового министерства 1905 г. (оно опубликовано в 5 больших томах в 1908—1911 г.г.).

Согласно этому исследованию, английский рабочий в 1905 г. получал, в среднем, 36 шиллингов 10 пенсов в неделю (в 1924 г.—36 шиллингов 7 пенсов в неделю,—другими словами, почти то же самое). Расходы на продовольствие составляли, в среднем, 22,6 пенса, т.-е. 22,83 марки в неделю. За неимением других данных, я принимаю, что продовольствие, точно так же, как и в Германии, составляло 54,8% всего бюджета. Весь недельный бюджет определялся, следовательно, в 41,66 марки.

С 1905 по 1913 год цены, несомненно, возросли. В другой своей книге ²⁾ Тышка определяет рост домашнего бюджета в Англии следующим образом:

Среднее за 1896—1900 г.г.	100,0%
» » 1901—1905 »	106,6%
» » 1906—1912 »	111,7%

Поэтому нельзя считать преувеличением, если мы примем увеличение цен с 1905 по 1913 год в 5%. Прибавляя этот процент вздорожания к 41,66 марки, мы получаем 43,74 марки.

Это и было бы той цифрой, на которую мы должны были бы накинуть 80%, чтобы получить стоимость бюджета английского рабочего в декабре 1924 года. Мы получаем в качестве этой стоимости 78,75 марки в неделю круглым счетом.

Выше мы установили в качестве средней заработной платы английского рабочего 62 шиллинга 4 пенса, что равняется 63,56 марки в неделю. Из этого следует, что и заработок английского рабочего значительно отстает от вздорожания жизни.

Соединенные Штаты. Средние расходы американской рабочей семьи составляли в 1905 году ³⁾ 617 долларов в год

1) «Die Lebenshaltung der arbeitenden Klassen in den bedeutenden Industriestaaten» Jena, Gustav Fischer, 1912.

2) «Löhne und Lebenskosten in West-Europa». S. 274.

3) Согласно исследованию английского министерства торговли; Тышка, Die Lebenshaltung der arbeitenden Klassen in den bedeutenden Industriestaaten, стр. 60.

или 11,87 доллара, т.е. 49,85 марки, в неделю. Насколько стоимость жизни вздорожала до 1913 года, об этом у нас не имеется данных. Но так как за этот период цены в Соединенных Штатах возросли сильнее, чем где бы то ни было ¹⁾, то нам придется прибавить по крайней мере 10%, и тогда получится для 1913 года 55 марок в неделю. Накидывая на эту цифру 73%, мы получаем для декабря 1924 года сумму в 95 марок в качестве стоимости американского недельного бюджета.

Средняя же заработная плата для тех категорий труда, относительно которых мы имеем данные для всей территории Соединенных Штатов, составляет 25,75 доллара, т.е. 108 марок, так что в Соединенных Штатах рабочий, поскольку он, конечно, не был безработным или больным, в общем мог покрыть при помощи своей заработной платы с некоторым трудом свой бюджет.

в. Безработица.

Все вышеприведенные данные относятся, однако, только к таким рабочим, которые заняты целый год. Но само собою разумеется, не все рабочие настолько счастливы, чтобы иметь работу круглый год. Потребление широких народных масс суживается еще более вследствие безработицы, сокращения количества рабочих часов и болезней. К сожалению, нет никакой возможности хотя бы приблизительно установить при современном состоянии статистики размер всех этих факторов. Мы вынуждены ограничиться приведенным для наглядности несколькими цифр о безработице в Германии и Англии. Дело в том, что для Франции и Сосд. Штатов у нас не имеется сколько-нибудь достаточных данных о безработице. А что касается сокращения потребления пролетариата вследствие болезней,—другими словами, сколько рабочих болеет в течение года, сколько они потеряли вследствие этого рабочих часов и заработной платы (тут приходится, по-пятно, принять во внимание и получаемые ими пособия на болезнь)—то относительно этого вообще не имеется никаких сколько-нибудь солидных статистических данных.

---

¹⁾ Тут мы должны вспомнить громадное вздорожание товара в оптовой торговле в Америке—на 40,2%, в Англии всего на 20,7%. Исходя из среднего уровня цен 1890—1899 года, общий оптовый индекс возрос с 1905 по 1910 г. с 116 до 132. См. Эйленбург. Die Preissteigerung des letzten Jahrzehntes. Лейпциг, Тейбнер, 1912, стр. 94.

Германия. Относительно Германии у нас имеются два различных ряда цифр, которые мы здесь и приводим для 5 месяцев 1924—1925 г.г., для того чтобы избежать тех случайностей, которые могли бы получиться, если взять цифры одного какого-либо месяца.

а) Безработные члены профессиональных союзов

	Число профессиональных союзов, сообщающих данные	Общее число членов	Из них безработных	В %/о/о
1924 г. октябрь	40	3.430.000	277.500	8,4
» » ноябрь	40	3.460.000	251.200	7,3
» » декабрь	39	3.485.000	282.600	8,1
1925 » январь	40	3.525.000	284.000	8,1
» » февраль	40	3.595.000	264.300	7,3

Это составляет, в среднем, за 5 месяцев 274.000 безработных, или 7,8%, из 3.500.000 членов профессиональных союзов. Согласно данным германского правительства (в меморандуме, представленном комиссии Дауэса в феврале 1924 г.), в Германии насчитывалось в то время около 16 миллионов пролетариев. Предположим, что это число за это время не увеличилось. Тогда отчеты профессиональных союзов охватывают лишь $\frac{5}{23}$ германского рабочего класса. Следовательно, число 274.000 должно быть разделено на $\frac{5}{23}$, и тогда мы получим приблизительно $1\frac{1}{4}$ миллиона безработных для всей Германии. Но здесь недостает еще так называемых рабочих, работающих сокращенное рабочее время.

б) Сокращение количества рабочих часов

(по данным профессиональных союзов)

	Число профессиональных союзов, дающих сведения	Общее число членов	Число рабочих, занятых неполное рабочее время	В %/о/о
1924 г. октябрь	35	2.925.000	355.700	12,2
» » ноябрь	35	2.960.000	222.400	7,5
» » декабрь	34	3.000.000	193.300	6,5
1925 » январь	34	3.000.000	166.500	5,5
» » февраль	35	3.100.000	163.300	5,3

Тут подсчет охватывает всего лишь 3 миллиона рабочих, т. е. всего $\frac{10}{53}$ германского пролетариата. В среднем, за 5 месяцев это дает 220.200 работающих неполное время рабочих, или 7,4%. Сокращение количества рабочих часов—это не что иное, как скрытая безработица. Для того чтобы получить пригодные для наших целей данные, лучше всего было бы разделить общее

число потерянных недельных рабочих часов на 48 и рассматривать полученную таким образом цифру как число полных безработных. Но, к сожалению, мы не имеем сведений о количестве потерянных рабочих часов. Относительно распространения сокращения рабочего времени, мы имеем лишь следующую таблицу.

Еженедельное рабочее время, составляющее нормально 48 часов, было сокращено:

	На 1—8 часов	На 9—16 часов	На 17—24 часа	Более чем на 24 часа
февраль 1925 г.	42,8 ⁰ / ₀	26,0 ⁰ / ₀	22,4 ⁰ / ₀	8,8 ⁰ / ₀
январь » »	41,2 ⁰ / ₀	28,4 ⁰ / ₀	19,3 ⁰ / ₀	11,1 ⁰ / ₀
декабрь 1924 г.	35,9 ⁰ / ₀	25,4 ⁰ / ₀	24,6 ⁰ / ₀	14,1 ⁰ / ₀
ноябрь » »	34,8 ⁰ / ₀	24,5 ⁰ / ₀	27,0 ⁰ / ₀	13,7 ⁰ / ₀
октябрь » »	27,9 ⁰ / ₀	29,8 ⁰ / ₀	29,8 ⁰ / ₀	12,5 ⁰ / ₀
в среднем	36,5 ⁰ / ₀	26,8 ⁰ / ₀	24,6 ⁰ / ₀	12,0 ⁰ / ₀

Процентные числа относятся к общему количеству работающих неполное время рабочих. Мы видим, что обе средние колонны вместе охватывают 51,4%, т.-е. около половины. Эти рабочие потеряли значительное количество рабочего времени, а следовательно и заработной платы, от 9 до 24 часов, т.-е. до половины рабочей недели. Мы будем рассматривать этих рабочих как полубезработных. Рядом с ними стоят 36,5% потерявших меньше рабочего времени, но зато надо принять во внимание и те 12%, рабочее время которых сократилось более чем на половину. Мы думаем поэтому, что имеем право, в общем, приравнивать двух неполно работающих одному безработному. Это, в среднем, даст за 5 месяцев 110.000 безработных, и эту цифру мы должны разделить на $\frac{10}{53}$, тогда получается 580.000, которые нужно прибавить к полученным выше 1.250.000 тысячам, что в результате дает 1.800.000 безработных во всей Германии.

в) Получающие пособие безработные

Их число составляло:

15 октября 1924 г.	472.100	15 января 1925 г.	586.700
15 ноября » »	426.400	15 февраля » »	575.200
15 декабря » »	458.100	15 марта » »	514.900

Здесь мы также берем среднюю за 5 месяцев (октябрь—февраль). Эта средняя составляет 503.700.

Это и является единственной совершенно достоверной цифрой. Она указывает количество тех рабочих, которые в указанное вре-

мя получали пособие. Но такое пособие получают в Германии, однако, далеко не все безработные. Официальный орган «Reichsarbeitsblatt» говорит по этому поводу следующее ¹⁾: «Эти цифры дают лишь количество тех полных безработных, которые получают пособие из общественных средств (так наз. Hauptunterstützungsempfänger»), но эта цифра не охватывает членов их семейств. Точно также эти цифры отнюдь не дают представления обо всем количестве безработных, так как получение пособия законом связано с известными условиями и, кроме того, ограничено сроком».

Другими словами, в действительности имеется больше безработных, чем лиц, получающих пособие. Какова же эта разница? В мае 1924 года в Берлине было около 91.000 безработных, но всего лишь 27.000 получали пособие. Тут, следовательно, количество безработных в $3\frac{1}{3}$ раза превышает количество получающих пособие. Мы не знаем, имеет ли место это соотношение также и во всей империи, и является ли оно вообще нормальным. Если мы примем его за нормальное, тогда вышеприведенной цифре в полмиллиона получающих пособие будет соответствовать общее количество безработных приблизительно в 1,7 миллиона, при чем сюда еще нужно будет прибавить работающих неполное время, так как эти последние во всяком случае не получают пособия. Выше мы приравняли этих неполно работающих к 600.000 безработных. Тогда общая цифра безработных для всей Германии составляет около 2,3 миллиона безработных. Во всяком случае, действительное количество безработных в Германии лежит между 1,8 и 2,3 миллиона безработных. Это означает, что около $\frac{1}{3}$ части германских рабочих должны еще больше ограничивать свое потребление вследствие безработицы, чем это вынуждается размерами заработной платы.

В Англии подсчет безработных охватывает гораздо большие массы населения. В Великобритании и северной Ирландии в 1924 году на основании законов о страховании около 11,5 миллиона человек было застраховано от безработицы. Это составляет настолько значительную часть пролетариата, что мы можем без всякого сомнения принять эти данные как характеризующие общее положение пролетариата. Из числа застрахованных были безработными:

---

¹⁾ За 1925 г. № 13, стр. 209.

В сентябре 1924 г.	около	1.240.000	10,8%	застрахованных
» октябре	»	1.278.000	11,1%	»
» ноябре	»	1.271.000	11,0%	»
» декабре	»	1.260.000	10,9%	»
» январе 1925	»	1.320.000	11,5%	»
в среднем	»	1.274.000	11,0%	»

Выше (гл. 6-я) мы считали, что в 1911 году в Великобритании и Ирландии из общего населения 45,2 миллиона самостоятельно зарабатывающих насчитывалось 20,1 миллиона (44,6%), из коих 16,3 миллиона было пролетариев. До 1921 года общее население возросло до 47,2 миллиона, ежегодный прирост, следовательно, составлял всего 200.000. Но так как в этот промежуток времени входили и годы войны, то в настоящее время можно считать прирост несколько более значительным, и мы можем определить все население в 1924 году в 48,2 миллиона. Принимая во внимание усиливающуюся индустриализацию Англии, следует предположить, что доля пролетариата в общем населении относительно еще возросла. Но если даже мы для осторожности примем то же процентное отношение, что и в 1911 году, т.е. 36%, то мы получим количество самостоятельно зарабатывающих пролетариев в 17.350.000. Из этого числа перепись безработных охватила 11,5 миллиона, следовательно, более половины. В результате получалось, что безработные составляют 11,6%. Но если мы, доводя нашу осторожность до крайности, будем считать для конца 1924 года всего лишь 10% безработных по отношению ко всему пролетариату, то и в этом случае мы получим колоссальную цифру в 1.735.000 безработных, при чем тут еще не приняты во внимание рабочие, работающие неполное время. Таким образом положение в Англии было еще хуже, чем в Германии.

Мы не можем далее продолжать эти вычисления, так как, как мы уже указывали, у нас нехватает данных. Но принимая во внимание заведомое обеднение «миттельштанда» во всех странах, можно считать доказанным, что ограничение потребления было еще гораздо сильнее, чем это можно заключить из сравнения заработных плат со стоимостью жизни.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

ВЫВОДЫ.

Глава одиннадцатая.

Происходила ли аккумуляция капитала со времени войны.

Сопоставляя выводы наших последних глав, можно сказать, что, благодаря совершенно неслыханной концентрации капитала и столь же неслыханному обеднению широких народных масс, как миттельштанда, так и пролетариата, удалось не то что восстановить хозяйство, но, так сказать, помешать его дальнейшему распаду.

Здесь не мешает прибавить, что действительное увеличение производства наблюдается с конца войны лишь в Соединенных Штатах. Таким образом, оказывается, что достигнутое с таким трудом восстановление хозяйства на довоенном уровне представляется с точки зрения мирового хозяйства фиктивным. Достаточно сравнить следующие цифры:

Производство каменного угля в важнейших странах
(среднее месячное производство в миллионах тонн)

	1913 г.	1924 г.	Декабрь 1924 г.	Январь 1925 г.
Германия	11,7	9,9	11,2	11,9
Франция	3,7	3,8	3,9	4,2
Бельгия	11,9	2,0	2,0	2,1
Великобритания . .	24,3	22,9	22,5	23,4
Польша	3,4	2,6	2,8	2,8
Итого	45,0	41,2	42,4	44,4
Соединенные Штаты	43,1	42,2	46,7	53,8
Всего	88,1	83,4	89,1	98,2

В европейских странах, таким образом, рост производства приостановился, и только в Америке производство возросло.

Для железоделательной промышленности гораздо труднее установить цифры, так как уже в течение ряда лет в Германии не опубликовывают официальных данных по этому поводу. Германия до войны давала около $\frac{1}{4}$ всего мирового производства чугуна, но в настоящее время не подлежит никакому сомнению, что германское производство чугуна и стали значительно меньше, чем до войны. Для преследуемой нами в настоящий момент цели нам достаточно тех данных, которые мы приводим в двух следующих таблицах:

Мировое производство чугуна (без Германии)

(среднее ежемесячное производство в тысячах тонн)

	1913 г.	1924 г.	Январь 1925 г.	Февраль 1925 г.
Англия	869	620	584	543
Франция	756	638	669	635
Бельгия	207	234	250	246
Люксембург	212	181	197	177
Итого	2.044	1.673	1.700	1.601
Соединенные Штаты	2.622	2.634	3.424	3.266
Всего	4.666	4.307	5.124	4.867

В Бельгии относительный прирост довольно значителен, и это, понятно, имеет значение для этой маленькой страны. Но для всего мирового производства эти 40.000 тонн не играют никакой роли. Производство же всех остальных европейских стран еще значительно отстает от уровня 1913 года; действительный прирост производства наблюдается только в Соединенных Штатах, и то только начиная с января 1925 года. Трудно сейчас определить, представляет ли этот прирост собою нечто длительное, или он объясняется особыми причинами, которые вскоре могут отпасть (то же самое, впрочем, относится и к американской добыче угля).

Мировое производство стали (без Германии)

(среднее ежемесячное производство в тысячах тонн)

	1913 г.	1924 г.	Январь 1925 г.	Февраль 1925 г.
Англия	649	697	615	657
Франция	581	576	608	569
Бельгия	205	238	246	240
Люксембург	99	157	171	157
Итого	1.534	1.668	1.640	1.623
Соединенные Штаты	2.650	3.103	4.247	3.809
Всего	4.184	4.771	5.887	5.423

Здесь, кроме Бельгии, наблюдается отрадный прирост производства в маленьком Люксембурге. Но обе эти страны вместе дают всего прирост едва в 95.000 тонн. В Англии и Франции едва-едва достигнуто производство 1913 года. Реальный же прирост, который дает нам ложное представление об общем увеличении мирового производства, ограничивается опять-таки одними Соединенными Штатами. Правда, тут, в отличие от производства чугуна, этот прирост носит длительный характер. Таким образом, мы можем, в общем, сказать, что капиталистическое восстановление, поскольку оно вообще может считаться удавшимся, представляет собою специфически американское явление, ибо не подлежит никакому сомнению, что те процессы, которые благодаря неслыханной концентрации капитала и ограничению производства привели, в конце концов, едва-едва к достижению старого уровня производства,—и то не во всех странах,—не означают действительной аккумуляции капитала. Настоящее накопление представляется в совершенно другом виде. Достаточно тут вспомнить предыдущие главы этой книги, где мы описывали, как вслед за прежними хозяйственными кризисами, всякий раз, как только производство справлялось с самым тяжелым периодом кризиса, немедленно же наступало увеличение производства, которое в короткий срок поднимало хозяйство на более высокий уровень, чем тот, на котором оно стояло до кризиса. В настоящее же время не представляет никакого сомнения, что все наблюдающиеся громадные усилия капитализма в лучшем случае достигают лишь приостановки дальнейшего падения производительных сил. Не следует обманывать себя отдельными выходящими из ряда вон явлениями. В Германии, напр., ряд крупных капиталистов несомненно стал значительно богаче и сильнее, чем раньше; они расширили свои заводы, снабдили их машинами новейшей конструкции и подняли тем самым производительность своих предприятий. Но тем самым отнюдь не сказано, что произошло повышение производительности всего германского хозяйства в целом. Напротив, даже и буржуазные ученые не сомневаются в том, что все эти мероприятия, и то не всегда, достигли лишь замедления дальнейшего обеднения. Я остановлюсь здесь на следующих, уже цитированных нами раньше авторах.

Бекман 1): «Ненадорванная энергия германского предпринимателя создает много нового и накладывает на физиономию гер-

1) «Zusammenschluss in der West-Deutschen Grossindustrie», 1922, S. 9 ff.

манского народного хозяйства, так сказать, новую печать. Но как бы это ни бросалось в глаза, все же мы не должны обманывать себя относительно границ этого подъема хозяйственной производительности... Все эти новые формы создаются лишь для того, чтобы вновь использовать лишенный почвы капитал; для того, чтобы помешать замиранию производства, чтобы не дать уже существующим заводским сооружениям обесцениться. Самая сумма капитала, количества производства отнюдь не увеличивается, и, несмотря на все объединения, мы не видим никаких новых сооружений».

Гехт 1): «Почти все теперешние крупные концерны организуются для того, чтобы использовать в экономическом отношении уже существующий капитал и готовые сооружения, обладающие весьма высокой степенью производительности. Рейнские концерны почти без исключения возмещают потерю лотарингских заводов посредством концентрации и объединения старых предприятий. Один Август Тиссен реорганизовал свой концерн путем создания новых угольных копей, доменных печей и иных заводов. Процесс концентрации промышленности в послевоенные годы имеет принципиально совершенно иной смысл, чем тот же процесс до войны. До войны те же рейнские концерны расширяли сферу своего влияния, главным образом, путем новых сооружений и расширения старых. Тем самым они вкладывали в промышленность новый капитал, расширяли производство и подымали уровень народного благосостояния. Теперешний же процесс концентрации старается лишь сохранить остатки старого богатства и в лучшем случае стремится к лучшему их использованию. То объединительное движение в промышленности, которое наблюдалось в послереволюционный период, несмотря на свои гигантские размеры, является не чем иным, как проявлением хозяйственного обеднения. В то время как в мирное время в Германии ежегодно заново углублялось, в среднем, около 8 угольных шахт, с 1914 года в Рурской области вообще были сооружены две новых (двойных) шахты».

Правда, в последнее время раздаются голоса, указывающие на то, что наблюдается также и «объективная аккумуляция», если можно так выразиться,—другими словами, что заводские сооружения расширились, и сами заводы работают с большей производительностью. Так, напр., в цитированной уже статье Галази

---

1) «Organisationsformen der Deutschen Rostoffindustrie», 1924, S. 115

мы читаем следующее ¹⁾: «Производительный аппарат в настоящее время во всяком случае больше, чем до войны. Уже в течение самой войны он повсеместно подвергался расширению. Что касается Америки и нейтральных государств, то это само собою разумеется, так как эти страны, наряду с удовлетворением собственных потребностей в прежних размерах, превратились, кроме того, еще в военных поставщиков. Но даже в воюющих государствах производство было расширено, хотя новые заводы сооружались, главным образом, для военных целей ²⁾. Подъем конъюнктуры, наступивший немедленно после войны, точно также повлек за собою крупнейшее расширение производственных сооружений. Ведь самое существо высокой конъюнктуры заставляет капиталиста чрезмерно расширять свои предприятия... В Германии и во Франции наблюдались еще особые явления, повлекшие за собою расширение производственного аппарата. В Германии, где высокая конъюнктура вследствие обесценения валюты продолжалась вплоть до 1923 года, капитал «спасался» путем бегства в так называемые «реальные ценности». При этом он употребил свои колоссальные доходы, а также пресловутые даровые государственные кредиты отчасти на расширение заводских сооружений. Во Франции же поводом к расширению производства послужило восстановление разрушенных областей; построенные там новые заводы, как общее правило, восстанавливались в более крупном масштабе, чем до войны».

Мы уже в примечании указали на то, что все это является не результатом какого-либо хотя бы частичного статистического исследования. Такое исследование, впрочем, было бы вряд ли возможно произвести во всех отраслях производства даже одной какой-либо страны в те беспокойные годы военного и послевоенного периода. Во всяком случае, такого исследования в действительности и не было произведено. Речь идет тут, следова-

1) «Die neuen Tendenzen der Production nach dem Kriege». («Internationale Gewerkschaftsbewegung», Amsterdam 1924, S. 375).

2) Здесь очень легко оказаться жертвой оптического обмана. Во время войны везде наблюдалась реорганизация производства, а также возведение новых сооружений для военных целей. Но при этом забывалось, что одновременно весь производственный аппарат, служивший для иных, не военных целей, все более и более сокращался. Весь вопрос в том, возрос ли производственный аппарат в течение войны, если принять во внимание оба эти явления. Вот это-то во всяком случае нигде не было доказано, и вряд ли возможно как-либо статистически учесть это явление. Мнение Галази также очевидно основано лишь на субъективных впечатлениях.

тельно, идет об обобщении таких процессов, которые случайно попали в поле зрения данного автора. Как бы правильны ни были эти наблюдения, такие обобщения никогда не могут претендовать на полную достоверность, не говоря уже о том, что у нас есть свои причины сомневаться в них. Дело в том, что и Галази не оспаривает,—что было бы, впрочем, и совершенно невозможно ввиду объективно установленных фактов,—что в течение шести послевоенных годов производство даже не достигло старого уровня. Но как бы это было возможно, если бы производственный аппарат в общем был «гораздо больше», чем до войны? Галази пытается дать такое объяснение: «Если производственный аппарат в Европе в настоящее время больше, чем до войны, то, спрашивается, улучшился ли он? Под этим следует понимать как машинное оборудование предприятий, так и методы самого производства и лучшую организацию последнего по сравнению с довоенным временем. Но на этот вопрос нельзя дать общий ответ. Прежде всего наблюдавшаяся после войны громадная концентрация производства не означала во всех случаях улучшения машинного оборудования, не говоря уже об улучшении производственных методов. Весьма вероятно, что процесс трестирования в некоторых странах, в особенности же в Соединенных Штатах и Германии, далеко перешагнул границы наилучшего использования заводских сооружений».

«Согласно данным Американского комитета по исследованию промышленности, колоссальные тресты обычно становятся консервативными, они более не так подвижны, как другие крупные предприятия, а управление и объединение этих громадных трестов становится все труднее и труднее. Что же касается возникших в Германии во время инфляции трестов, то эти тресты, можно сказать, являются лишь отчасти организованными единицами. В период обесценения валюты очень часто предприятия просто скупались без всякого планомерного организационного строительства. Такого рода предприятия объединяются лишь в лице своего владельца. Можно даже прямо установить, что период инфляции в Германии был весьма мало благоприятен для технического улучшения предприятий. Правда, целый ряд предприятий был расширен, был построен ряд новых заводов, но наряду с этим технические и организационные улучшения как-то упускались из виду. До тех пор пока товары, благодаря обесценению денег и малым издержкам производства, беспрепятственно сбывались, у предпринимателя не было стимула поддерживать свои предприя-

тия на высоком уровне технического развития или даже подымать этот уровень. Напротив, в Англии процесс концентрации, бывший зачастую лишь отголоском германского валютного демпинга, шел рука об руку с техническим улучшением производства. А во Франции, где восстановление народного хозяйства влекло за собою сооружение совершенно новых предприятий, технический аппарат, несомненно, улучшался, так как новые заводы снабжались самыми современными машинами».

Эта аргументация подкупает своей простотой; к сожалению, она почти совершенно опровергает самое себя теми исключениями, которые допускаются для Англии и Франции. Ведь как раз в Англии и Франции, в противоположность Соединенным Штатам, мы констатировали приостановку или даже регресс производства. И вот оказывается, что как раз в этих странах производственный аппарат улучшился, в то время как в Соединенных Штатах с их «консервативными колоссальными трестами» он, якобы, остался на прежнем уровне! Но и помимо этого, вся аргументация Галази не выдерживает более глубокой критики. Но раньше чем мы остановимся на этой аргументации, мы обратимся еще к соображениям Рубинштейна по тому же поводу ¹⁾: «На основании имеющихся у нас данных (в том числе на основании богатого материала буржуазной политической экономии) мы можем достаточно определенно утверждать, что, в общем и целом, процесс концентрации в послевоенное время в важнейших странах Европы не является фактором развития производительных сил. Вертикальные концерны Англии и Германии могли бы, несомненно, чрезвычайно подвинуть вперед и удешевить производство, например, путем устранения посреднической торговли; но они этого не делают, они предпочитают ограничивать производство и использовать свою монополию для повышения цен, а иногда даже для достижения чисто спекулятивной прибыли. Современные концерны в общем не носят характера планомерного и систематического объединения различных отраслей производства, они не пытаются внести в производственные и хозяйственные процессы хотя бы отчасти ту «капиталистическую планомерность», о которой так много говорят. В большинстве случаев эти концерны созданы со спекулятивной целью, они являются ядовитыми грибами, вырастающими на развалинах, оставленных мировой вой-

¹⁾ М. Рубинштейн, Концентрация капитала и задачи рабочего класса, изд. Красного Интернационала профессиональных союзов 1924 г., стр. 38.

ной. Мы можем на многочисленных примерах доказать, что концерны и предпринимательские объединения систематически сужают производство с целью поддержания цен на высоком уровне. Сознательное сужение производства применялось очень часто уже и до войны отдельными капиталистами и их картелями... Но никогда еще это сужение не производилось в таких размерах и с такой планомерностью, как в послевоенный период».

В доказательство этого положения Рубинштейн приводит следующие примеры: «Согласно одному английскому правительственному отчету о трестах, предпринимательские объединения определенно ограничивают сферу производства каждой отдельной, входящей в объединение фирмы. И если предприятие перешагнет эти границы, то на него налагается штраф; штрафы эти вносятся входящей в объединение фирмы. И если предприятие перешагнет определенность которых отстает от общей нормы. Другими словами, тут выдается премия за техническую и производственную отсталость».

«В статье солидного буржуазного еженедельника «Экономист» указывается на то, что число тех комбинированных предприятий, которые пытались заняться типизированием, нормализированием и т. д. технического производственного процесса, весьма незначительно. Далее «Экономист» говорит: «При концентрации совершенно не думают о тех технических преимуществах, которые из нее проистекают. Главная цель, которая тут преследуется, это устранение опасной конкуренции и обеспечение определенной прибыли. Раз достигнуто монопольное положение, тресты отнюдь не понижают цены,—напротив, они сужают производство, поддерживая тем самым цены на старом уровне, с тем чтобы обеспечить достаточную прибыль и для менее производительных предприятий. Таким образом в результате концентрации зачастую сохраняются такие концерны, которые, вообще говоря, не могли бы существовать».

«Еще более решительно выражается изданный бюро по исследованию рабочего вопроса (Labour Research Department) справочник: «Высокий уровень цен привел к понижению потребления внутри страны и за границей и тем самым повлек за собой ограничение производства и рост безработицы. Но это сужение производства было чрезвычайно тщательно продумано и организовано, и оно имело целью удержание цен на высоком уровне и тем самым обеспечение прибыли даже и при незначительном обороте. И это движение поддерживалось правительством».

Рубинштейн излагает затем подробно этот процесс сознательного ограничения производства в следующих отраслях: хлопчатобумажное производство и производство сырого хлопка (в Англии и Египте), производство стекла, электрических ламп, каучука, сахара, джута, шерсти, чая, зерновых хлебов, скота, железа, угля, меди и т. д., и заключает этот обзор следующими словами: «Капиталистические объединения повсеместно преследуют одну цель, а именно сужение производства и обеспечение высокой прибыли при незначительном обороте. Им нет никакого дела до технических усовершенствований, если последние не гарантируют им немедленной же сверхприбыли... Стиннес, лихорадочно скупавший в Германии и за границей множество предприятий, не создал ни одной новой отрасли производства, не соорудил ни одной новой угольной копи и не расширил сколько-нибудь значительно сферу германского народного хозяйства... Мы можем с полной определенностью заявить, что концентрация капитала сводится к концентрации и накоплению уже существующих ценностей в немногих руках. Тут не создается ничего нового».

Подводя теперь итоги всему материалу, сообщенному Галази и Рубинштейном, мы должны различать два пункта: поскольку «не создается ничего нового», поскольку концентрация состоит лишь в скупке уже существующих предприятий, постольку, понятно, не может быть и речи о какой-либо действительной аккумуляции. Ведь производственный аппарат тут совершенно не увеличивается. Но Галази утверждает, что производственный аппарат в настоящее время больше, чем до войны. Тот факт, что этот производственный аппарат фактически производит меньше, чем до войны, он объясняет злой волей предпринимателей: предприниматели, правда, расширили производственный аппарат, но не улучшили его технически, и, кроме того, они сознательно сузили производство.

Это утверждение Галази в первой своей части внушает глубокое недоверие. Совершенно невероятно, чтобы предприниматель, сооружающий новый завод или хотя бы расширяющий старое предприятие, снабжал его устаревшими машинами. Это несомненно повело бы к удорожанию производства по сравнению с производственными издержками конкурентов, что в свою очередь непосредственно угрожало бы данному предприятию гибелью.

Поскольку вообще наблюдалось действительное расширение

производственного аппарата, постольку мы должны предположить, что это расширение влекло за собою оборудование самыми современными машинами. Обратное утверждение должно было бы быть доказано для каждого отдельного случая.

Что же касается второго утверждения Галази, а именно, что предприниматели сознательно сокращали производство, то этому утверждению, напротив, можно доверять без всяких дальнейших доказательств. Ведь предприниматели тут следуют лишь той традиции, которая была им присуща в течение ряда десятилетий до войны. Но вспоминая историю этих прошлых десятилетий, мы сейчас же наталкиваемся на лежащее в основе всего этого вопроса противоречие. Нам достаточно тут вспомнить лишь историю Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Все время, начиная с первого соглашения о ценах при организации всех картелей, синдикатов, трестов и т. д., предприниматели имели в виду ограничить производство, и, несмотря на все эти намерения, все время получался совершенно противоположный результат. Мы видели также, почему это происходило. Производство имеет свои собственные законы, которые совершенно не считаются с намерениями людей. Раз существует увеличенный производственный аппарат, то он соответственно и производит больше, чем раньше, а уже дело капиталиста сбывать это увеличенное производство ¹⁾. Частичное сокращение производства наносит такой большой ущерб отдельному капиталисту, что он предпочитает вместо этого взорвать свой картель или синдикат. Ограничение производства,—пожалуйста, но пусть этим занимаются другие предприниматели.

Вот почему я предполагаю, что в основе рассуждений Галази лежит оптический обман. Часть предпринимателей, несомненно, расширила свой производственный аппарат, и соответственно с этим эти предприниматели и производят больше. Но принимая во внимание, что результат всего производства не только в Германии, но и на всем земном шаре стал меньше, я объясняю это не сознательным ограничением производства, а тем, что весь

---

¹⁾ Р. Гильфердинг, Финансовый капитал. Вена, 1910 г., гл. 17, стр. 327: «С технической точки зрения нерационально и поэтому неэкономно увеличивать производство стали путем сооружения небольшого сталелитейного завода. Техника определяет тут степень увеличения производства, не считаясь с тем, насколько эта степень соответствует потребностям потребления. Увеличение производства тяжелой промышленности при полном использовании наличных производительных сил... возможно лишь в крупном масштабе, скачками», Изд.7. М.: URSS, 2011.

производительный аппарат во всем мире сократился по сравнению с довоенным временем, т.-е., другими словами, что не совершалось никакой действительной аккумуляции.

Глава двенадцатая.

Конец капиталистической аккумуляции. — Проблема наших дней.

Обозревая в целом всю картину, развернувшуюся перед нами в этой книге, мы спрашиваем себя: что же, собственно говоря, произошло? Само собою разумеется—и мы говорили об этом не раз, что человечество, для того чтобы вообще иметь возможность существования, должно непрерывно расширять производство, а для этого необходимо непрерывное накопление ¹⁾. Здесь мы употребляем слово аккумуляция (накопление) в его собственном смысле, без капиталистического привкуса,—другими словами, мы имеем в виду рост средств производства в целях увеличения производительности труда.

Уже в течение столетий задача увеличения производства и тем самым задача накопления выпадала на долю капитала.

Но капитал может накапливать лишь в капиталистических формах. Значение этого положения настолько подробно развито в первой части этой книги (согласно учению Розы Люксембург), что нам здесь достаточно просто сослаться на это. На основании этих рассуждений, а также соображений, приведенных в следующих главах, мы установили, что капиталистическая аккумуляция неизбежно приводит к диспропорции между производством и потреблением, отрывает одно от другого, несмотря на то, что, в сущности говоря, потребление теснейшим образом связано с производством и наоборот.

Эта диспропорция начинается уже с самого момента возникновения капиталистического способа производства. С этого момента производство начинает уже возрастать скорее, чем потребление. Но первоначально—и это продолжалось целые столетия—диспропорция эта не имела большого значения. При мало развитом капитализме потребление незначительно отставало от

---

¹⁾ Прогресс цивилизации и культуры основан на том, что потребление каждого отдельного человека, по крайней мере, от одного поколения к другому, непрерывно возрастает. Кроме того, возрастает и численность населения вообще.

производства и тем самым не могло повести к большим затруднениям. Но вместе с ростом капитализма разница в росте производства и потребления шаг за шагом все более увеличивалась, и в XIX столетии, в период крупного капитализма, эта диспропорция превращается в зияющую пропасть между производством и потреблением.

Существо капиталистического накопления требует ограничения производства. Само собою разумеется, что речь идет тут лишь об относительном ограничении. Потребление само по себе может возрастать, но так как масса произведенных товаров возрастает еще скорее, то даже и увеличенное потребление все более и более оказывается не в состоянии справиться с этой массой.

Этот отрыв производства от потребления в XIX веке имеет последствием расширение влияния капитала за пределы непосредственно подчиненного ему народного хозяйства на некапиталистические сферы, — расширение, которое точно также началось уже при самом рождении капитализма. Эта экспансия становится основой всей капиталистической политики — сперва мировой политики, а затем, в отраженном порядке, и внутренней политики капиталистических государств. Отсюда возникает, как общее явление, и империализм, под которым мы понимаем поддержку капиталистической экспансии посредством «бронированного кулака».

Эта империалистическая экспансия привела, как мы уже описывали, шаг за шагом к враждебному столкновению мировых держав между собою, т. е. к мировой войне и тем самым к катастрофе всего производственного процесса.

Тут опять-таки сказывается верность одного из важных положений марксизма. В 1914 году капитализм достиг той степени своего развития, при которой он не мог более справиться с колоссальными производительными силами, вызванными им самим к жизни и непрерывно растущими. Капитализм не умел предоставить потребителям неизмеримо возросшие массы товаров, и, несмотря на это, он в то же время не мог помешать тому, что эти товарные массы продолжали непрерывно возрастать. В этом-то и заключается прямая экономическая причина мировой войны.

Но почему же капитализм потерял владычество над производительными силами? Ответ на этот вопрос, к нашему величайшему удовлетворению, является подтверждением одного пророчества, которое высказано было марксистами много лет тому назад, — про-

рочества, вытекающего из изучения всего хода исторического развития.

Нам приходится здесь опять процитировать вышедшую в 1907 году брошюру Каутского «Социализм и колониальная политика» (стр. 35): «Уже в 80-х годах прошлого столетия капиталистический способ производства достиг той границы, за пределами которой он все более становится препятствием для дальнейшего развития производительных сил... Стимулы конкуренции и прибыли, правда, остаются прежними, но производство все более наталкивается на узкие рамки рынка. Капиталистический способ производства в громадной степени повышает производительность труда, но одновременно этот же способ производства ограничивает потребление рабочих, создающих все эти богатства, и сводит это потребление к минимуму. Тем самым производится все растущий излишек товаров для личного потребления, который должен быть продан где-то вне пределов рабочего класса. Рынок сбыта создается тут прежде всего уничтожением примитивной деревенской домашней промышленности и ремесла, сперва в собственной стране, а затем и в других странах. Но этот способ расширения рынка действует гораздо медленнее, чем расширение самого производства. Это последнее время от времени наталкивается на препятствия. В 80-х годах XIX столетия казалось уже, что производство в состоянии немедленно обогнать любое расширение рынка, и что, таким образом, пришел конец дальнейшего расширения капиталистического способа производства, и тем самым этот способ производства находится накануне своей гибели. Казалось, что постоянное и значительное расширение рынка товаров для личного потребления и притом в такой степени, которая могла бы идти нога в ногу с повышением производительности труда, возможно лишь при столь же значительном и постоянном расширении потребления пролетариата. Тогда казалось, что тут речь идет больше не об удовлетворении требований, предъявляемых в интересах рабочего класса, а о таком требовании, выполнение которого совершенно необходимо для самого продолжения производства».

Класс капиталистов, однако, — продолжает Каутский, — нашел еще ряд окольных путей для продолжения своего господства. «Все эти пути сводились, однако, к тому, чтобы, с одной стороны, сократить производительность труда, а с другой стороны, еще более увеличить расточение продуктов этого труда».

Все это не совсем верно. Во всяком случае, Каутский в своем революционном одушевлении сильно просчитался в сроках. Мы в настоящее время прекрасно знаем, и мы показали это в предыдущих главах, что в 80-х годах прошлого столетия капитализм далеко еще не достиг той границы, за пределами которой он не мог далее развивать производительные силы. Этой границы он достиг лишь 30 лет спустя, а именно, летом 1914 года. Поэтому ошибочно также рассматривать принятые в то время капитализмом меры—Каутский имеет при этом в виду, главным образом, картелирование и трестирование—как «обходные пути», к которым капитализм прибег, так сказать, с отчаяния. Напротив, это были именно самые нормальные пути расширения крупного капитализма до мировых размеров. И точно также поэтому неправильно утверждение, что эти меры состояли в ограничении «производительности». Напротив, производительность, благодаря трестированию, в громадной степени возросла. Но может быть, мы имеем тут дело с простой опiskeй, и Каутский хочет говорить здесь о «производстве», а это понятие, конечно, означает нечто совершенно другое, чем производительность. Но во всяком случае мы видели, что хотя ограничение производства и лежало в намерениях капиталистов, но это намерение вовсе не было достигнуто.

Но это все, понятно, только мелочи. Важно то, что Каутский, несмотря на то, что он ошибался в сроке, все же совершенно ясно предвидел, что капитализм натолкнется, благодаря невозможности предоставить потреблению неизмерно возросшие результаты производства, на такие границы, которые помешают дальнейшему развитию производительных сил. А эта невозможность, в свою очередь, обусловлена ограничением потребления рабочих масс. Но уже много-много раньше Каутский по смыслу высказал то же самое. В 1892 году была впервые опубликована его книга «Эрфуртская программа». Там в главе «Хроническое перепроизводство» мы можем прочесть следующее: «Капиталистическое производство не может остановиться на каком-либо определенном уровне; непрерывное расширение этого производства, а также непрерывное расширение рынков его сбыта являются для него вопросом жизни. Всякая остановка означает тут смерть. В то время как когда-то ремесленники и крестьяне какой-нибудь страны из года в год производили то же самое количество товаров, и производство, как общее правило, возрастало вместе с населением, капиталистический способ производства с

самого начала означает непрерывный рост производства. Каждая приостановка этого роста означает болезнь всего общественного порядка... Наряду с временными стимулами к расширению производства, обусловленными временными же расширениями рынка, мы наблюдаем постоянное стремление к расширению производства, которое вытекает из самих условий производства. Это стремление отнюдь не является следствием расширения рынков сбыта, а, напротив, обуславливает постоянное расширение этих последних».

«Но уже за последние два десятилетия это расширение рынков как будто не двигается с места. То-есть, конечно, оно все же совершается еще, но, в то время как производство обнаруживает тенденцию расширяться все быстрее и быстрее, расширения рынков все более и более замедляется».

Тут следует описание того, как капитализм расширяет свои рынки сбыта на весь земной шар, и как вследствие этого «земной шар становится все меньше», и как, кроме этого, рынки в отдаленных странах приобретают «все более другой вид»:

«Вторжение товаров крупной капиталистической промышленности убивает туземную мелкую промышленность повсеместно, а не только в одной Европе, и превращает ремесленников и крестьян в пролетариев. А этот процесс влечет за собою на каждом рынке сбыта капиталистической промышленности два важных последствия. Покупательные силы населения уменьшаются, что в свою очередь противодействует расширению сбыта на данном рынке. Но, кроме того,—и это еще гораздо более важно,—там, благодаря возникновению пролетариата, закладываются основы для введения капиталистического способа производства. Европейская крупная промышленность роет тут свою собственную могилу. Начиная с определенного момента развития, каждое дальнейшее расширение рынка означает для этой промышленности и возникновение нового конкурента. Крупная промышленность Соединенных Штатов, существующая лишь одно поколение (не следует забывать, что это написано в 1892 году.—Ю.Б.), собирается не только сбросить с себя всякую зависимость от европейской промышленности, но и захватить для себя в свою полную собственность все американские рынки; еще более молодая русская промышленность начинает снабжать промышленными товарами те необъятные области, которыми обладает Россия в Европе и в Азии; Ост-Индия, Китай, Япония, Австралия превращаются в промышленные государства, которые рано или

поздно в промышленном отношении будут сами себя удовлетворять; одним словом, недалеко уже, кажется, то время, когда рынки сбыта европейской промышленности не только не будут более расширяться,—начнут сужаться. А это означает не что иное, как банкротство всего капиталистического общества.

«Уже с некоторого времени расширение рынков происходит слишком медленно с точки зрения потребностей капиталистического производства; это последнее встречает все большие затруднения. Для него становится все более невозможным полностью развивать свои производительные силы...

«Вследствие этого возрастает количество тех средств производства, которые не могут быть в достаточной степени или вообще не могут быть использованы,—масса тех богатств, которые теряются совершенно даром; возрастает количество той рабочей силы, которой нечего делать. Сюда относятся не только массы безработных..., но также и все те бесчисленные и все увеличивающиеся в числе паразиты, кишашие в порах общества. Эти элементы, не могущие заниматься производительной деятельностью, стараются поддержать свое несчастное существование путем всевозможных, большею частью совершенно излишних, но порою весьма утомительных занятий. Мы говорим о мелких торговцах, трактирщиках, агентах, посредниках всякого рода; но сюда же относится и необъятная масса всевозможного рода и оттенка lumpenпролетариев, фигляров высшего и низшего полета, преступников, профессиональных проституток вместе с сутенерами и иными присосавшимися к проституции паразитами; сюда же надо прибавить бесчисленное количество лиц, находящихся в личном услужении у имущих классов; наконец, сюда же относится и громадная масса солдат: постоянное возрастание армий за последние 20 лет (т.-е. с 1871 года) было бы вряд ли возможно без длительного перепроизводства, позволяющего промышленности отказаться от такого значительного количества рабочих сил.

«Капиталистическое общество начинает задыхаться в собственном избытке; оно становится все менее способным к тому, чтобы выдержать полное развитие тех производительных сил, которые оно само создало...».

Прямо изумительно, как верно Каутский в эпоху своей революционной молодости предсказал ход событий. Яснее, чем это сделано было им в 1892 году, нельзя высказать следующую мысль: капиталистическая аккумуляция неизбежно ведет к тому, что производство возрастает быстрее, чем потребление. Рынки сбыта

должны поэтому беспрерывно расширяться. Но такое расширение возможно лишь до известного предела. Но как только этот предел достигнут и даже раньше, как только расширение рынка начинает замедляться, капитал не может более справиться с производительными силами, они перерастают его, и капиталистическая хозяйственная система должна рушиться.

В сроках, как мы уже сказали, Каутский ошибся. Как всякий честный и воодушевленный революционер, он считал, что развитие зашло гораздо далее, и что гибель господствующей системы гораздо ближе, чем это было на самом деле. Но то, что ход событий в течение тех 20 лет, которые последовали за появлением его книги, действительно соответствовал его предсказанию,—это доказывает, на основании экономических фактов, вся наша книга. И таким образом мы можем установить следующий роковой круг развития, из которого не в состоянии вырваться капиталистическая хозяйственная система.

Накопление в простом смысле этого слова, т.е. в смысле увеличения средств производства, необходимо для каждой хозяйственной системы.

Капитализм может накапливать только в капиталистических формах. Когда капиталистическое накопление становится невозможным, не может существовать далее капитализм.

Капиталистическое накопление совершается путем поддержания потребления широких масс на низком уровне.

Такое ограничение массового потребления влечет за собою диспропорцию между производством и потреблением, а эта диспропорция приводит в свою очередь к гибели капитализма—тем путем, который подробно был описан в этой книге и который в кратких и ясных выражениях обрисован был еще Каутским.

Как только капитализм собирается с силами и начинает опять восстанавливать разрушенное хозяйство, он немедленно вынуждается ограничивать массовое потребление, как это в действительности и происходит, начиная с 1913 года.

Но именно вследствие этого ограничения потребления, капитализм уже в 1914 году достиг того предела, за которым производительные силы начали перерастать его и дальнейшее накопление становилось невозможным.

С того времени, правда, многое подверглось разрушению на войне. Поэтому можно себе представить, что известное наполнение уже существующих рынков товарами путем капиталисти-

ческих методов было само по себе возможно, правда, опять-таки путем усиленного ограничения потребления масс.

Но раз дело зашло так далеко, то капитализм наталкивается на два непреодолимых препятствия: во-первых, прекращается возможность расширения рынков, а во-вторых, каким-то образом в определенный момент отпадает и возможность дальнейшего понижения уровня жизни народных масс.

Но тем самым отпадает и возможность капиталистического накопления, а следовательно, становится невозможным и дальнейшее существование самого капитализма.

Таким образом наш окончательный вывод гласит: путем беспрерывного капиталистического накопления, включающего в себя ограничение массового потребления, капитал дошел до того состояния, когда он не может больше накапливать.

Тот, кто дал себе труд следить за моими рассуждениями, для того, как нам кажется, должно было стать ясным, в чем заключается действительная проблема наших дней, где должен быть приложен рычаг наших усилий, для того чтобы восстановить народное хозяйство и обеспечить человечеству возможность дальнейшего развития и даже просто существования. Совершенно ясно, что решение этой проблемы заключается в устранении этой злополучной диспропорции между производством и потреблением. Другими словами, все дело в том, чтобы привести производство и потребление в соответствие друг с другом.

После всего того, что было сказано на эту тему, мы можем, кажется, как нечто само собою разумеющееся, утверждать, что это соответствие не может быть достигнуто ограничением производства, ибо такое сокращение, во-первых, совершенно невозможно, как показывает опыт, начиная с 1850 года: рост производства подчиняется своим собственным неумолимым законам; а во-вторых, если бы даже это было возможно, то такое сокращение означало бы неслыханное несчастье для всего человечества: для одних—голодную смерть, а для других—возвращение вспять на много столетий назад. Нет, решение вопроса может заключаться в увеличении потребления. И, кажется, той же точки зрения придерживается и все общественное мнение. Правда, раздаются и голоса, высказывающиеся за сокращение производства, и даже такие, которые советуют ограничить потребление. Но все эти

меры мыслятся лишь как нечто временное, как средство борьбы против острого кризиса. Для нас же дело идет о том, чтобы уничтожить это зло с корнем. И тут, как нам кажется, царит единоедушие в том смысле, что вопрос в конечном счете должен быть разрешен путем повышения потребления. Но зато относительно тех мер, которые должны быть приняты для достижения этой цели, мнения весьма расходятся.

Германские капиталисты, например, желают для достижения этой цели уменьшить заработную плату! Это вовсе не шутка. Они утверждают, что тем самым товары удешевятся, так что, в конце концов, рабочие смогут на уменьшенную заработную плату купить больше товара, чем раньше за более высокую.

Дискутировать здесь по этому поводу не входит в наши намерения. Тот, кто следил до сих пор за ходом наших мыслей, не нуждается в такой дискуссии.

Германские социал-демократы, напротив, считают необходимым для достижения той же цели, т.-е. для увеличения потребления, повысить заработную плату. Они даже стараются привлечь на свою сторону капиталистов, при чем они доказывают, что вследствие повышения заработной платы возрастет покупательная сила широких народных масс, а тем самым увеличится сбыт внутри страны, начнется расцвет народного хозяйства, а вследствие всего этого и капиталисты начнут получать большую прибыль. Я укажу, например, на следующее рассуждение Е. Прагера в «Betriebsraete-Zeitschrift des Deutschen Metallarbeiterverbandes» ¹⁾: «До войны национальный доход Германии лишь отчасти повышался посредством внешней торговли и невидимого экспорта. Гораздо большее значение имели развитие внутреннего рынка, увеличение производительности труда населения и подъем общего уровня жизни. Все ежегодное промышленное производство Германии в довоенное время оценивалось приблизительно в 19 миллиардов марок, и из этой суммы всего около 5 миллиардов марок сбывалось за границу».

Прагер цитирует затем нескольких буржуазных авторов, которые подтверждают это мнение, и между прочим одного владельца крупного розничного магазина: «Массовое производство требует и массового покупателя. Наши рабочие не могут покупать и платить за наши товары, если они не будут хорошо оплачиваться».

---

¹⁾ За февраль и март 1925 г.

Затем Прагер высказывает свое собственное мнение в следующих словах:

«Подъем заработной платы является предпосылкой для подъема потребления... Мы приходим к выводу, что германское хозяйство сможет выполнить стоящие перед ним громадные задачи лишь в том случае, если оно сумеет найти себе опору преимущественно в удовлетворении потребностей трудящихся и потребляющих народных масс».

Мы, кажется, не ошибемся, если будем рассматривать рассуждения Прагера как защитительную речь по адресу капиталистов: капиталисты должны были бы в собственных интересах повысить заработную плату, для того чтобы тем самым обеспечить существование капиталистического хозяйства. Но при этом Прагер, к сожалению, забывает самое главное, а именно, что он предлагает капиталистам нечто такое, чего они никак не могут сделать, если бы они даже весьма стремились к этому. Капитализм не может накапливать иначе, чем путем ограничения потребления пролетариев. Это доказывает наша книга от своей первой до последней строчки; это же доказывают и многочисленные цитаты из Каутского и других авторов. Капитализм, следовательно, и не может вовсе заботиться о расширении потребления пролетариата. Весьма возможно и даже вероятно, что капиталисты лично не сознают этой связи. Весьма возможно, и мы считаем это даже вероятным, что капиталисты вполне честно предлагают сократить заработную плату, руководствуясь при этом не какими-либо эгоистическими мотивами, а исключительно чувством ответственности за дальнейшее существование народного хозяйства. Но все это совершенно не изменяет того факта, что они на практике не могут не стараться удерживать заработную плату на таком низком уровне, что потребление рабочих масс неизбежно отстает от производства. И мы действительно видели, что капиталисты на практике на самом деле так и поступали,—как после войны, так и до нее и во время нее. Без этого капиталистическое хозяйство и не может существовать, и против этого стремления не помогут никакие обращения к доброму сердцу или разуму капиталистов. Капиталисты с своей точки зрения рассуждают правильно. Такое обращение к капиталистам по самому существу своему утопично и может явиться лишь в результате совершенного незнания самой сути капиталистической хозяйственной системы. Восстановление хозяйства на капиталистических основаниях и обеспечение дальнейшего существования капитализма,

с одной стороны, и увеличение потребления рабочих масс, с другой,—это две такие противоположности, которые ни в каком случае не могут быть объединены, и к которым поэтому нельзя одновременно стремиться.

А отсюда вытекает и наш последний вывод. Конечно, Прагер прав, когда он требует, чтобы хозяйство «опиралось на потребности трудящихся и потребляющих народных масс». Но он не должен при этом забывать, что капиталистическое хозяйство вовсе не в состоянии этого сделать. То, чего требует Прагер, сводится, в сущности говоря, к тому, чтобы сделать производство зависимым от потребностей общества. Но ведь это как раз и является прямой противоположностью того, что составляет содержание капиталистического хозяйства и, как мы уже видели, отвечает его внутренней природе. Для того чтобы поставить производство в зависимость от потребностей общества, для этого необходимо освободить его от всех лежащих вне его соображений и прежде всего соображений, вытекающих из частной собственности и стремления к прибыли. Но для этого необходимо организовать планомерное хозяйство, направленное исключительно к удовлетворению общественной потребности, т.-е., другими словами, организовать коммунистическое общество.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение: Наша тема	3
<i>Отдел первый.</i>	
ОСНОВНОЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ.	
Глава I. Расширение производства—неотвратимая необходимость для капиталистического хозяйства	9
Глава II. В капиталистическом хозяйстве потребление не может идти нога в ногу с расширением производства	18
<i>Отдел второй.</i>	
КАК НОВЕЙШИЙ КАПИТАЛИЗМ ПОРОДИЛ МИРОВУЮ ВОЙНУ.	
Глава III. Обзор хозяйственного развития до середины XIX века	26
Глава IV. Обзор хозяйственного развития во второй половине XIX века	68
Глава V. Потребление в XIX веке	122
Глава VI. Производство и потребление в XIX веке до начала мировой войны	133
Глава VII. Капиталистическая экспансия.—Борьба за мировой рынок	169
<i>Отдел третий.</i>	
ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.	
Глава VIII. Происходила ли аккумуляция капитала в течение мировой войны	236
<i>Отдел четвертый.</i>	
ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	
Глава IX. Восстановление производства	253
Глава X. Средства капиталистического восстановления	271
<i>Отдел пятый.</i>	
ВЫВОДЫ.	
Глава XI. Происходила ли аккумуляция капитала со времени войны	315
Глава XII. Конец капиталистической аккумуляции.—Проблема наших дней	325

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Серия «Размышляя о марксизме»

- ✓ Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения.
  - ✓ Ленин В. И. Государство и революция.
  - ✓ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.
  - ✓ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.
  - ✓ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.
  - ✓ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад: Кризис в нашей партии.
  - ✓ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.
  - ✓ Энгельс Ф., Каутский К., Лафарг П. и др. Исторический материализм.
  - ✓ Люксембург Р. Введение в политическую экономию.
  - ✓ Люксембург Р. Социальная реформа или революция?
-
- ✓ Шахнович Р. М. Инфляция и антиинфляционная политика в переходной экономике.
  - ✓ Дожохадзе В. Д. Финансовые аспекты обеспечения стабильности транснациональных корпораций.
  - ✓ Иванус А. И. Гармоничное управление инновационной экономикой в условиях неопределенности.
  - ✓ Телемтаев М. М. От разрозненных идей и знаний к целостной системе: Комплектка: От теории к осуществлению.
  - ✓ Клядина Т. В. О проведении IPO на примере компаний, разместивших акции на бирже РТС за период с 01.01.1995 по 01.01.2010.
  - ✓ Осипов Г. В. Социология.
  - ✓ Осипов Г. В. (ред.) Рабочая книга социолога.
  - ✓ Гидденс Э. Социология.
  - ✓ Веблен Т. Теория праздного класса.
  - ✓ Ролз Дж. Теория справедливости.
  - ✓ Хайтун С. Д. Номенклатура против России: Эволюционный тупик.
  - ✓ Хайтун С. Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции.
  - ✓ Платонова И. Н., Наговицин А. Г., Коротченя В. М. Перестройка мировой валютной системы и позиция России.

Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:
URSS@URSS.ru
<http://URSS.ru>

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
 «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, (495) 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладомской» (м. Бауманская, ул. Ладомская, 8, стр. 1. Тел. (495) 267-0302)
 «Санкт-Петербургский Дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
 «Нижний бум» (г. Киев, книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «АкадеМнига»). Тел. +38 (067) 273-5010)
 Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валена, 12. Тел. (343) 253-5010)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

URSS

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- ✓ *Маркс К. Капитал: Квинтэссенция ВСЕХ ТОМОВ «Капитала».*
- ✓ *Маркс К. К критике политической экономии.*
- ✓ *Емельянов Ю. С., Хачатурян А. А. Человеческий капитал в модернизации России.*
- ✓ *Лексин В. Н. Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи: Опыт системной диагностики.*
- ✓ *Амосов А. И. У России есть шанс до 2017 года: Что дальше — начало развития или конец цивилизации?*
- ✓ *Челелева Т. В. (ред.) Экономическая теория: Полный курс.*
- ✓ *Розанова Н. М. Введение в современную экономику: Популярно о фирме, банке, применении экономических знаний и многом другом.*
- ✓ *Раквашвили А. А. Человек, государство и демократия.*
- ✓ *Малинецкий Г. Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее.*
- ✓ *Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост.*
- ✓ *Николаева О. Е., Шишкова Т. В. Международные стандарты финансовой отчетности.*
- ✓ *Николаева О. Е., Шишкова Т. В. Классический управленческий учет.*
- ✓ *Николаева О. Е., Алексеева О. В. Стратегический управленческий учет.*
- ✓ *Рудольф К., Хачатурян А. А. Малый бизнес: Как не ошибиться в выборе пути.*
- ✓ *Мадера А. Г. Моделирование и принятие решений в менеджменте.*
- ✓ *Шуклов Л. В. Финансовый менеджмент в условиях кризиса: Опыт компаний малого и среднего бизнеса.*
- ✓ *Шуклов Л. В. Постановка международного учета (МСФО): Алгоритм действий.*
- ✓ *Попков Ю. С. Математическая демоэкономика: Макросистемный подход.*
- ✓ *Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества.*
- ✓ *Андрейчиков А. В., Андрейчикова О. Н. Системный анализ и синтез стратегических решений в инноватике. В 3 кн.*
 Кн. 1. Основы стратегического инновационного менеджмента и маркетинга.
 Кн. 2. Математические, эвристические и интеллектуальные методы системного анализа и синтеза инноваций.
 Кн. 3. Модели многокритериального анализа деятельности инновационных организаций.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724–25–45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
 литература

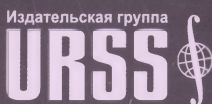
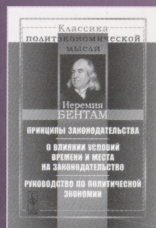
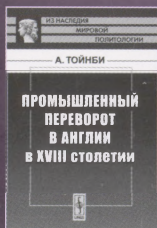
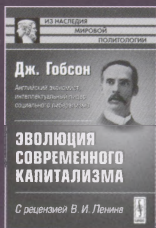
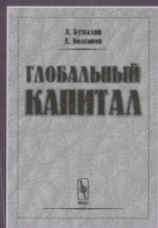
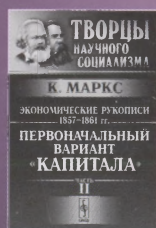
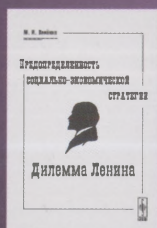
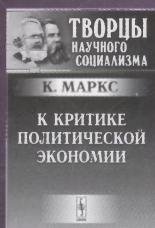
Юлиан БОРХАРДТ

(1868–1932)

Немецкий социал-демократ, историк, экономист и публицист. Родился в Пруссии, в городе Бромберге (ныне Быдгощ, Польша). После окончания школы работал продавцом, библио-текарем, учителем; одновременно учился в университете. С 1890-х гг. работал в различных газетах и журналах социалистической направленности. С 1900 по 1906 гг. — редактор социал-демократических органов «Народный листок» и «Народная газета». В 1911–1913 гг. — депутат прусской палаты представителей. В 1913–1916 и 1918–1921 гг. — редактор левого социал-демократического журнала «Лучи света». Во время Первой мировой войны примыкал к Циммервальдской левой группе — международной группе революционных социалистов, сформировавшейся по инициативе В. И. Ленина на совещании левых социалистов — делегатов Циммервальдской международной социалистической конференции (1915). После войны перешел на социал-демократические позиции, а затем отошел от политической деятельности.

Юлиан Борхардт — яркий представитель такого направления в мировой исторической мысли, как социал-демократическая историография. Методологической основой этого направления является материалистическое понимание истории, рассматривающее хозяйственное развитие как основу материального и духовного развития личности, общества и государства. С этих позиций была написана его «Экономическая история Германии» и другие работы по экономической истории. Широкую известность Ю. Борхардту принес выход в свет общедоступного издания «Капитала» К. Маркса, три тома которого были сведены им в сравнительно небольшой объем. Книга пользовалась такой популярностью, что в течение трех лет после своего появления в Германии в тяжелые послевоенные годы она успешно выдержала четыре издания.

Наше издательство предлагает следующие книги:

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>